

1
(73)

ISSN 2073-6118

ФИЛОСОФИЯ ХОЗЯЙСТВА

АЛЬМАНАХ
ЦЕНТРА ОБЩЕСТВЕННЫХ НАУК И
ЭКОНОМИЧЕСКОГО ФАКУЛЬТЕТА МГУ

«...С самого начала нам надо признать, что кризис, приведший Россию к порабощению, унижению, мученичеству и вымиранию, был в основе своей не просто политический и не только хозяйственный, а духовный. Трудности хозяйственные и политические могут возникнуть, накопиться и обрушиться на каждое государство... Но каждому народу даются духовные силы именно для того, чтобы преодолевать эти трудности и творчески справляться с ними, не впадая в разложение и отдавая себя на соблазн и растерение силам зла...».

И.А. Ильин

* * *

«Россия — особенная страна, не похожая ни на какую страну мира. Русская национальная мысль питалась чувством богоизбранности и богоугодности России... Но осуществление мировых задач России не может быть предоставлено произволу стихийных сил истории. Необходимы творческие усилия национального разума и национальной воли... Для нас самих Россия остается загадкой».

Н.А. Бердяев

* * *

«Все наши реформы — продукт порыва: начинаем горячо и бросаем, ничего не доведя до конца. Так идет жизнь и история всего государства, народа, общества и частных лиц. Порыв — и лень.

Вся беда наша, что мы способны, хотя и к тяжкому, но только порывистому труду, а не к труду регулярному и систематическому...».

У нас есть, конечно, честные люди, не воры. Но вся их роль в жизни общественной, государственной и частной — пассивная, страдательная, замкнутая, невлиятельная...».

Н.Н. Минх

ФИЛОСОФИЯ ХОЗЯЙСТВА

2011

В НОМЕРЕ:

САМОУТВЕРЖДЕНИЕ РОССИИ
ФИЛОСОФИЯ ХОЗЯЙСТВА
АКТУАЛЬНАЯ СОЦИОЛОГИЯ

№1 (73)

МЕНЕДЖМЕНТ
РЕЦЕНЗИИ И ОТКЛИКИ
НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

ISSN 2073-6118

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
им. М.В. ЛОМОНОСОВА

ФИЛОСОФИЯ ХОЗЯЙСТВА

**АЛЬМАНАХ
ЦЕНТРА ОБЩЕСТВЕННЫХ НАУК И
ЭКОНОМИЧЕСКОГО ФАКУЛЬТЕТА МГУ**

ПЕРИОДИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ

ЯНВАРЬ
ФЕВРАЛЬ **N1 (73)**

МОСКВА 2011

Философия хозяйства. Альманах Центра общественных наук и
экономического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова.
2011. № 1. — 304 с.

Главный редактор Ю.М. Осипов

Редакционно-издательский совет:

д.э.н., проф. А.И. Агеев; д.э.н., проф. У.Ж. Алиев (Казахстан);
д.х.н., проф. Л.А. Асланов; д.э.н., проф. А.Ю. Архипов (Ростов-на-Дону);
д.э.н., проф. В.Д. Базилевич (Украина); д.и.н., проф. И.В. Бестужев-Лада;
д.э.н., проф. И.Р. Бугаян (Ростов-на-Дону); к.э.н. К.А. Зимарин;
д.ф.н., проф. Ф.И. Гиренок; д.э.н., проф. М.М. Гузев (Волжский);
д-р, проф. В. Драшкович (Черногория); д.э.н., проф. Л.Н. Дробышевская (Краснодар);
д.ф.н., проф. В.В. Ильин (Украина);
к.э.н., в.н.с. Е.С. Зотова, первый заместитель гл. редактора;
д.э.н., проф. О.В. Иншаков (Волгоград); д.э.н., проф. В.Я. Иохин;
д.х.н., проф. С.Г. Кара-Мурза; д.ф.н., проф. Д.С. Клементьев;
д.э.н., проф. С.Г. Ковалев (Санкт-Петербург); д.э.н., проф. В.П. Колесов;
д.э.н., проф. В.И. Корняков (Ярославль); д.ф.н., проф. В.А. Кутырёв (Нижний Новгород);
д.э.н., проф. П.С. Лемешенко (Белоруссия); д.э.н., проф. С.П. Макаров;
д.э.н., проф. А.З. Новак (Польша); д.э.н., проф. Ю.М. Осипов, председатель совета;
д.э.н., проф. А.А. Пороховский; д.э.н., проф. В.Т. Пуляев (Санкт-Петербург);
д.э.н., проф. В.Т. Рязанов (Санкт-Петербург); д.э.н., проф. В.С. Сизов (Киров);
к.и.н. И.П. Смирнов; к.э.н., проф. В.М. Сологубов (Екатеринбург);
к.т.н., проф. Е.А. Субботин (Екатеринбург); д.ф.н., проф. Л.А. Тутов;
д.э.н., проф. А.С. Филипенко (Украина); д.э.н., проф. В.В. Чекмарёв (Кострома);
д.э.н., проф. В. Шмидт (Германия); д.ф.н., проф. Н.Б. Шулевский, заместитель гл. редактора;
д.э.н., проф. Ю.В. Яковец; д.э.н., проф. Ю.В. Якутин

Научный редактор — *Е.С. Зотова*

Редактор — *Т.Г. Трубицына*

Художник — *Е.Ю. Осипова*

Оригинал-макет — *П.Г. Полунина*

Компьютерная верстка — *П.Г. Полунина, С.С. Нина*

Распространение — *И.А. Ольховая*

Научно-организационная работа — *А.А. Антропов, К.В. Молчанов, С.С. Нина,
С.Ю. Синельников, Т.С. Сухина*

**Издается с участием Академии философии хозяйства
и Философско-экономического ученого собрания**

**Издано при содействии Казахстанского представительства
Центра общественных наук при МГУ в университете «Туран — Астана»**

Выходит 6 раз в год

Адрес редакции: 119992, Москва, Ленинские горы, МГУ, III учебный корпус,
экономический факультет, к. 331, тел. (495)939-4183

e-mail: <eszotova@mail.ru>

skype: <philosophy_of_economy>

http://www.econ.msu.ru/cd/311/, http://www.css.msu.ru

Учредитель ООО «Инвестиционная компания “БАРРЕЛЬ”»

тел. (495)710-2939

ISSN 2073-6118

© «Философия хозяйства», 2011 г.

Содержание

<i>Ю.М. Осипов</i>	
Год тринадцатый: год М.В. Ломоносова и год С.Н. Булгакова	7
Раздел I	
Самоутверждение России	
<i>В.Т. Рязанов</i>	
Циклы модернизации в России: реформы и контрреформы	21
<i>С.Ю. Глазьев</i>	
Стратегии опережающего развития российской экономики	31
<i>С.Г. Кара-Мурза</i>	
Аномия России — заслон модернизации	37
<i>А.И. Субетто</i>	
Самоутверждение России в XXI веке как лидера в ноосферном прорыве человечества	41
<i>С.В. Бирюков</i>	
Россия: менеджмент развития как ответ на современные вызовы	53
<i>А.Ю. Архипов</i>	
Императивы, направления развития посткризисной экономики России	62
<i>И.А. Горюнов</i>	
Россия: от мегапроекта к мегакорпорации?	68
<i>Н.А. Шапиро</i>	
Территория России как рыночное пространство (или идеальная модель рынка для политики модернизации)	85
<i>П.С. Лемещенко</i>	
Россия — Белоруссия: риторика отношений и реальные тенденции будущего развития	91
<i>Хан Сеонг-Чин</i>	
Республика Корея — Российская Федерация: перспективы экономического сотрудничества	104
Раздел II	
Философия хозяйства	
<i>Н.Б. Шулевский</i>	
Мегансторическая трансформация России	115
<i>В.А. Ушанков</i>	
Наука о хозяйстве и философия хозяйства	129
<i>С.А. Строев</i>	
Либерализм: судьба «победителя»	137
<i>В.К. Королев</i>	
Феноменология в «Философии хозяйства» С.Н. Булгакова	148
<i>Р.Е. Соколов</i>	
Идейные концепции современной канонической философии хозяйства	157
<i>Л.Р. Батукова</i>	
Концепция модернизации: выявление системно-генетической основы как приоритетного объекта управления развитием	165
<i>Д.В. Полежаев</i>	
Трудовая установка русского менталитета: опыт социально-философского осмысления	171

Раздел III	
Актуальная социология	
<i>А.Л. Андреев</i>	
Парадигма модернизации в российской ментальности	183
<i>И.Ю. Фомичев</i>	
Этика поведенческого радикализма	202
<i>Н.В. Литвак</i>	
Кризис социологических концепций информационного общества в сфере социально-экономических отношений	206
Раздел IV	
Менеджмент	
<i>В.С. Сизов</i>	
О принципах нового менеджмента.....	221
<i>А.А. Резванов</i>	
Неформальные практики в российском малом бизнесе	229
<i>М.А. Вахтина</i>	
Роль морально-ассоциативного механизма в обеспечении доверия между экономическими субъектами.....	240
Раздел V	
Рецензии и отклики	
<i>С.В. Панченко</i>	
Вечные ценности — главные смыслы.....	253
<i>Г.В. Задорожный</i>	
Женщина и женственность как актуальное основание целостного воспроизводства и самоутверждения человеческого социума	260
<i>И.И. Джадан</i>	
Кто сделает философию для России?.....	269
<i>Л.П. Шиповская, В.А. Ковтун</i>	
Разгадана ли тайна искусства?.....	276
<i>В.П. Казарин</i>	
Неактуальный Самокиш (послесловие к юбилею).....	278
<i>И.И. Рудяк</i>	
Север как гарант композиции: Россия и Север после Вернадского — в эпоху Александра Субетто ...	281
Научная жизнь	
Памяти В.Г. Белолипецкого	285
Выход через кризис (интервью Ю.М. Осипова газете «Завтра»)	286
Международная научная междисциплинарная конференция «Самоутверждение России: социум, экономика, политика», 8—10 декабря 2010 г. (обзор выступлений)	288
Наши авторы	300

Contents

<i>Yu.M. Osipov</i>	
The Thirteenth Year: Year of M.V. Lomonosov and Year of S.N. Bulgakov.....	7
Part I	
Self-Affirmation of Russia	
<i>V.T. Ryazanov</i>	
Modernization Cycles in Russia: Reforms and Contreforms	21
<i>S.Yu. Glazjev</i>	
Priority Development Strategies of Russian Economy	31
<i>S.G. Kara-Murza</i>	
Anomie of Russia — Modernization Firewall	37
<i>A.I. Subetto</i>	
Russia's Self-Identification as Leader in Humanity's Noospheric Break in the XXI Century	41
<i>S.V. Birukov</i>	
Russia: Development Management as the Answer to Calls of Modernity	53
<i>A.Yu. Arhipov</i>	
Imperatives, Development Directions of Post-Crisis Russia's Economy.....	62
<i>I.A. Gorunov</i>	
Russia from Megapriject to Megacorporation?	68
<i>N.A. Shapiro</i>	
Territory of Russia as a Market Place (or Ideal Model of Market for Policy Modernization).....	85
<i>P.S. Lemeschenko</i>	
Russia — Belarus: Relations Rhetoric and Real Trends of Future Development	91
<i>Hahn Seong-Chin</i>	
Republic of Korea — Russian Federation: Perspectives of Economic Cooperation.....	104
Part II	
Philosophy of Economy	
<i>N.B. Shulevsky</i>	
Metahistoric Transformation of Russia.....	115
<i>V.A. Ushankov</i>	
Economic Science and Philosophy of Economy	129
<i>S.A. Stroeve</i>	
Liberalism: the «Winner's» Destiny	137
<i>V.K. Korolev</i>	
Phenomenology of «Philosophy of Economy» by S.N. Bulgakov.....	148
<i>R.Ye. Sokolov</i>	
Ideological Concepts of Modern Canonic Philosophy of Economy.....	157
<i>L.R. Batukova</i>	
Modernization Concept: Exposure of System-Genetic Basis as Priority Object of Development Management	165
<i>D.V. Polejaev</i>	
Labor Set-In of Russian Mentality: Experience of Social-Philosophic Apprehension	171

Part III	
Actual Sociology	
<i>A.L. Andreev</i>	
The Paradigm of Modernization in Russian Mentality	183
<i>I.Yu. Fomichev</i>	
Ethics of Behaviour Radicalism.....	202
<i>N.V. Litvak</i>	
Crisis of Sociological Conceptions of Informational Society in the Sphere of Social-Economic Relations.....	206
Part IV	
Management	
<i>V.S. Sizov</i>	
About Foundations of New Management	221
<i>A.A. Rezvanov</i>	
Informal Practices in Russian Small Businesses	229
<i>M.A. Vahtina</i>	
Role of Moral-Associational Mechanism in Insuring Confidence between Economic Subjects	240
Part V	
Reviews and Responses	
<i>S.V. Panchenko</i>	
Timeless Values — Central Meanings.....	253
<i>G.V. Zadorojny</i>	
Feminine and Femininity as an Up-To-Date Ground for Cohesive Reproduction and self-Esteemation of Human Socium	260
<i>I.I. Dzhadan</i>	
Who Will Do Philosophy for Russia?	269
<i>L.P. Shipovskaya, V.A. Kovtun</i>	
Whether the Secret of Art Is Solved?.....	276
<i>V.P. Kazarin</i>	
Irrelevant Samokish (Afterword for the Anniversary)	278
<i>I.I. Rudyak</i>	
North as Guarantor of Composition: Russian and North after Vernadsky — in Epoch of Aleksander Subetto	281
Scientific Life	
In Memoriam of V.G. Belolipezky	285
Exit through the Crisis (Yu.M. Osipov's Interview to the «Zavtra» Newspaper)	286
International Scientific Interdisciplinary Conference «Self-Affirmation of Russia: Socium, Economy, Politics», 8—10 December 2010 (Review of Reports)	288
Our Authors	300

Ю.М. ОСИПОВ

**Год тринадцатый: год М.В. Ломоносова и год
С.Н. Булгакова**

Аннотация. Рассматривается онтологическая значимость, гносеологические возможности и непреходящая роль философии хозяйства в осмыслении человека как хозяйственного феномена в его творческом движении от природы к неприроде, к иному миру.

Ключевые слова: философия, философия хозяйства, экономизм, экономическая теория, мировоззрение, метафизика, Московский университет, М.В. Ломоносов, С.Н. Булгаков.

Abstract. The ontological importance, gnoseological possibilities and enduring role of philosophy of economy in judgement of the person as economic phenomenon in its creative movement from nature to unnature, to other world are considered.

Keywords: philosophy, philosophy of economy, economism, economic theory, worldview, metaphysics, Moscow State University, M.V. Lomonosov, S.N. Bulgakov.

2011 г. — тринадцатый год издания журнала, но это и год всероссийского празднования 300-летия М.В. Ломоносова и, скажем так, локально-корпоративного отмечаия 140-летия С.Н. Булгакова.

М.В. Ломоносов — титан, он наше все, будучи сам, по меткому выражению А.С. Пушкина, университетом, он основал через посредство графа И.И. Шувалова Московский университет и все, можно сказать, российские университеты (традиционные). Будучи сам академией, он отличился во многих естественных и гуманитарных направлениях, среди которых нам, гуманитариям, особенно дороги языкознание, история и экономика, но с удовлетворением мы отмечаем и тот факт, что Ломоносов был философом хозяйства, как раз и И.Т. Посошкова, тоже философа хозяйства, на щит поднявшим.

Не то С.Н. Булгаков, который тоже по-своему велик, очень даже велик, но в титаны русские не годится — не то время, не те заходы, да и заслуг перед официальной наукой, можно сказать, никаких. С Ломоносовым связан романтический подъем науки, философии, слова, когда все вокруг раскрывалось и пело, а с Булгаковым, как и со всеми ему подобными, связан был уже совсем не романтический, а более всего драматический кризис — как раз науки, философии, слова, когда

многое, слишком многое подвергалось сомнению и отчаянно ныло — какой уж тут «титановский» статус, хорошо хоть живым остался, из страны промыслительно изгнанный!

Мы отпразднуем юбилей М.В. Ломоносова, посвятив ему ноябрьскую конференцию «*Историческая поступь великоросса — М.В. Ломоносов*», отпразднуем достойно и радостно, отдавая великое должное великому соотечественнику, но мы отметим и неюбилей С.Н. Булгакова, ибо философия хозяйства, которой Булгаков стал основателем, — тоже наше все, с которым мы не только не расстаемся, но которое еще и приумножаем. Вот почему в июне месяце пройдет другая конференция, уже булгаковская — «*Философско-хозяйственное осмысление современной и исторической реальности*», на которой, надо надеяться, пройдет емкий разговор о Булгакове и ему подобных, о философии хозяйства, о современности.

Нет, мы не булгаковисты и не булгаковеды, хотя понемногу и то, и другое, мы больше сами по себе, ибо нам есть о чем думать и... чем думать, а раз так, то есть возможность свою философию хозяйства делать, что, кажется, у нас неплохо получается.

Кто-то нас принимает, кто-то поддерживает, кто-то всего лишь любопытствует, а кто-то и работает вместе с нами, осознавая важность и нужность философско-хозяйственного подхода, чуя его гносеологические и проективные возможности. Это не значит, что у философии хозяйства нет противников, они, естественно, есть и их немало — непонимающих, невоспринимающих, отвергающих. Это и понятно: философия хозяйства способна гулять за пределами науки, но при этом и не в поле обычной философии, ибо она ничем заранее не ограничена, не предопределена, как та же наука и научная философия, опять же не столь безответственна, как какая-нибудь вольная экстравагантная философия — философия ради философии, ибо у философии хозяйства есть хоть и не строгий и не рамочный, но онтологически очень уж ответственный предмет — хозяйство, с которым любые субъективистско-игровые шуточки априорно плохи.

Обычно считается, что философия хозяйства есть офилософствование экономической науки, теоретической экономии, даже и политической экономии, но это не так, даже совсем не так, ибо философия хозяйства есть вытягивание философии — специфической философии! — из самого хозяйства, а хозяйство при этом вовсе не экономика, а все в целостности жизнеотправление человека-человечества, ничего из явно или неявно наличествующего и в мире человеческом не исключаящего, в том числе идеального, духовного, метафизического, трансцендентного.

И ежели идеальное с горем пополам еще признается институциональной наукой — как же ей совсем уж без идей, этих продуктов высокоорганизованной-де материи, когда наука сплошь идейна, как, собственно, и идеальна, — то такие чудо-вещи, как дух, метафизика, трансценденция, не только официальной наукой не признаются, но и всячески из ноосферы изгоняются вместе с признающей их философией, не говоря уже о религии.

А ведь научная философия не только не вся философия, но и, строго говоря, не совсем философия, ибо это философия по поводу и в рамках того, что враждебно собственно философии, как раз разворачивающейся там, где кончается собственно наука, где нарастает неопределенность и является неизвестность, где на место оформленного нечто приходит бесформенное ничто. Да, можно и нужно философствовать в пределах наукосферы, касаясь, кстати, все того же неопределенного и неизвестного, но можно и нужно выходить за пределы наукосферы, пытаясь освоить то, чего не может освоить никакая наука.

Наука, если быть последовательным, — знание о физике мира, включая человека и общество, вынужденно не пренебрегающее на своей периферии тем, что находится за пределами физической картины. Философия — знание о мире, включая человека и общество, когда физика есть лишь часть мира, причем не решающая, а мир есть целостность, содержащая в себе наряду с физикой и что-то значительное от нефизики, а потому философия это знание о мире как мире физики и нефизики, причем нефизика, или метафизика, оказывается для философии в приоритете, в отличие от науки, поклоняющейся физике мира.

Дух, а не одна лишь материя, метафизика, а не одна лишь физика, трансцендентность, а не одна лишь имманентность.

Дух, метафизика, трансценденция — это то, чего нет, но что... есть, это то, что не может исследоваться, отображаться, моделироваться, но что может присутствовать, открываться, давать о себе знать, влиять.

Потаенная, криптогенная, конспирологическая часть-сфера мира, однако не настолько закрытая и неявленная, чтобы ее не заметить, пройти мимо, ничего о ней не сказать, никак не обозначить, наконец, не осознать и совсем не понять.

Разве слово это физика, а символ, а понятие, а смысл, а язык, а категориальный аппарат, а любой текст? То, что слово может быть о физике мира и обусловлено работой артикулярного аппарата, не значит, что само по себе слово есть что-то физическое. Слово — не от физики мира, а от его метафизики. И все сознание человека, и вся психея, и вся ноосфера. Иное дело, что это все метафизическое связано с физикой мира, ею обусловлено, но само-то по себе это никакая не физика. Как и вообще любая физическая форма, как и любой физический фе-

номен, как и любое физическое событие. Да, это все те или иные явления, становления и превращения материи, но почему именно эти — по смыслу, по замыслу, по пред-ставлению, по пред-положению и т. д.? И выходит, что за всем этим материально-вещественно-физическим стоит что-то непременно духовно-идеально-метафизическое! И, разумеется, трансцендентное, ибо все это откуда-то... из ничто!

Удивительно, но чистые ученые ничего такого не видят, не замечают, все это раздраженно отрицают, хотя сплошь и рядом, причем непременно и постоянно, путаются в своих строгих-де определениях, законченных-де понятиях, конечных-де истинах, ибо невольно соприкасаются на деле и в реалиях своих размышлений с... метафизикой мира, с тайной мира, с трансцендентностью мира. Особенно в этом преуспела гуманитарная физика, имеющая дело... э-э... разве с физикой? да ничего подобного... прямо с метафизикой, ибо что в человеке — как в человеке, а не в животном — физического, что? а вот метафизического в человеке, как и в обществе, в культуре, в цивилизации, в государстве, в нации, хоть отбавляй — там сплошная метафизика, там дух, идеальность, эфемерность, субстанциальность, наконец, трансцендентность! Разве не так?

Хозяйство. Вот, вроде бы материальный процесс: предметы труда, ресурсы труда, уловимая энергия, явленный труд, орудия труда, продукты труда, материальные блага, и вообще... что тут говорить, когда и так все ясно! Однако все здесь не так просто, как это представляет себе теоретическая экономия. Уже труд, даже физический, не говоря об умственном, — что-то само по себе невидимое и лишь человеком подразумеваемое. Манипуляции рук и ног, не говоря уже о чем-то происходящем в голове, — вовсе не сам по себе труд. Труд — не более чем понятие, принятое в один прекрасный момент человеком для своего практического и размыслительного удобства. Затрата энергии? Ну и что: ведь затрата энергии не сам по себе труд? Выходит, что никакого труда вообще нет? Почему же, он есть, но как... метафизическое нечто, оно же и ничто, которое представлено не само по себе, а через понятие, слово, знак, шифр — вот и все! Пользоваться понятием можно и нужно, что человек и делает без всякой философии и политической экономии, но вот улавливать и замерять труд не стоит — его для этого просто нет, он тут не более, чем умственная фикция. Отсюда хозяйство вроде бы материальный процесс, но... даже в своей сугубой материальности он какой-то... не совсем материальный. А ведь мы не затронули еще всего воистину метафизического: сознания, мыслей, языка, понятий, суждений, замыслов, творчества, проектов, отношений, поведений, настроений, морали, культуры, образования, права,

политики, суда... о-о!.. чего только нет в хозяйстве — в этом целостном жизнеотправлении, из сугубо метафизического, совсем и не материального, придуманного, измышленного, черт знает откуда берущегося.

Хозяйство — сфера прежде всего сознания, идеального, духовного, умного, безумного, глупого, а потом уже материального; хозяйство — сначала и контекстно — метафизика, а потом уже физика бытия; хозяйство всегда и прежде всего отношение с ничто, а потом уже с нечем, причем всегда и прежде всего виртуальное, а потом уже реальное; хозяйство — творение реального из ирреального, из несуществующего, из задуманного, из воображенного, это постоянное превращение возможности в действительность, как и вытягивание возможности из действительности; хозяйство — поиск возможного из невозможного, превращение ничто в нечто, как, собственно, и нечто в ничто; хозяйство — это постоянное рождение реальности, непрерывное возникновение бытия из и среди небытия, преодоление бездного ничто; хозяйство — реализация жизни, ее воспроизведение, но и ее производство; хозяйство — творение мира, бытия, человека, социума, сознания, интеллекта, поведения, однако и безумия тоже, и смерти, и небытия.

Еще более метафизична экономика, в онтологии которой ничего, кроме цифр и счета, вообще ничего нет, если, конечно, не принять за экономику угрюмые помещения, в которых сидят экономисты, и бездушные счетные устройства, которыми экономисты виртуозно пользуются. Деньги, цены, капиталы, инвестиции, кредиты, любые расходы и доходы — не более чем особой функции и особого признания цифры, числа, величины, составляющие и представляющие особого рода идеальную (эфирную) субстанцию — стоимость, размещающуюся в сознании, в головах людей, в ноосфере, и реализующуюся в ходе непрерывного экономического счета-расчета, проделываемого все тем же сознанием — как индивидуальными сознаниями (личными и коллективными), так и общественным сознанием, или ноосферой. Никакой экономики вне сознания нет и быть не может, как, собственно, и того же рынка, а ежели привлечь объективность, то собственно экономическая объективность рождается все тем же сознанием, считающимся со своими же собственными установками, воспринимаемыми им как объективные (те же решения и оценки, влияющие на другие решения и оценки), а внешняя относительно сознания объективность на то и внешняя, чтобы не быть собственно экономической, а лишь иметь в сознании соответствующее в экономических расчетах отражение.

Экономика — принадлежащее сфере сознания и ею реализуемое великое, сверхсложное и в чем-то непременно трансцендентное (кон-

спиративное) счетно-решающее устройство, не только удивительнейшим образом обслуживающее хозяйство, становящееся экономизированным, но и им управляющее и над ним доминирующее.

Особенность этого поразительного устройства состоит в том, что в нем можно активно участвовать, что и делают мириады физических и юридических лиц — экономических агентов, но ни смоделировать его полностью, ни заменить его никакой внешней машиной невозможно, а потому всякая математика в нем — его внутренняя математика, которую лучше бы назвать метаматематикой по ее принадлежности к сфере метафизики, что означает, что любая внешняя математика может иметь только относительное и локальное значение.

На действие и течение экономики можно влиять, даже кое в чем его направлять, экономике можно и мешать, но взять под полный субъективный контроль нельзя, ибо экономика — механизм социальный, мирозданческий, метафизический и трансцендентный.

Экономика — большая и темная игра, в которой есть кое-какие правила, но в которой хватает и произвола, а потому экономика не моделируется даже как игра, хотя и частично, локально и временно она строится, ежели на то находится субъективная воля, способная такое строительство обеспечить.

Экономика — игра-перевертыш: сегодня одно, завтра другое, и нет в экономике ничего уверенно стабильного, как нет в ней никакой абсолютно-постоянной величины.

Хоть экономика и механизм, но это не только не механический механизм, но даже и не механизменный механизм — экономику легче представить себе в виде стабильно-нестабильного эфира, или поля, или облака, а лучше всего, наверное, моря-океана: то штиль, то рябь, то легкая волна, то волнение, то шторм, а то и... цунами.

Главный продукт экономики — экономические решения (оценки и величины), которые производятся экономическими субъектами таким образом, что эти решения выглядят как бы самопроизвольными, в которых субъективный произвол сочетается с объективным насилием (от другого произвола или от обстоятельств). Самопроизвольность здесь не столько в свободе, сколько в самоволии, и ежели в экономике реализуется какая-то гармония решений (оценок и величин), то это гармония в дисгармонии и через нее, а также гармония вынужденной целостности, имеющей как воспроизводственную обусловленность, так и к самой себе тяготение, что обеспечивается прежде всего воспроизводством — на микро- и макроуровнях — абстрактной, но и конкретно выраженной по экономическому полю, субстанции — стоимости.

Экономика — идеальный и совершенно пустой в материальном плане механизм, это механизм мысли, но не вещей как таковых; тут не

вещь на мысль, а мысль на вещь — в аспекте оценок и величин. Сами по себе вещи (блага, товары) никакого отношения к экономике не имеют, но обретают его, лишь погружаясь в экономический процесс, в экономическую субстанцию, в экономику.

Никакие вещи сами по себе не создают экономики, это экономика, создаваемая людьми, делает вещи экономическими. Экономика — мир отношений, но отношений, возникающих только в момент появления экономики, в ходе ее реализации. Не так отношения делают экономику, как экономика производит необходимые ей отношения.

Тогда что же такое экономика? Экономика это прежде всего сознательное, субъектное и субъективное намерение, интенция, воля; что-то поначалу надхозяйственное и надреальностное, суперструктурное и надстроечное, идеальное и виртуальное; экономика есть по сути... ничто, вещь в себе, сжатая возможность, сингулярное энергоинформационное ядро, способное вдруг превращаться в нечто, обрести реальность, развертываться в реальный мир — мир оценок и величин, овладевать реальностью.

Экономика принимает от экономических агентов любые, но не какие угодно решения; она терпима к проявлениям субъективной воли, даже к произволу, но она не терпима к недопущению собственного волеизъявления, своего произвола; невозможно знать меру экономики, но зато хорошо чувствуется допущенное в связи с нею безмерие. Экономика — мера и царство мер, но никакой априорной и внешней меры для экономики нет. Вне-экономический поиск такой меры (или мер), как ее (их) априорное утверждение — великое заблуждение самонадеянной науки и некоторой хозяйственной практики. Экономика — сама себе мера, как и сама себе причина и сама себе суть.

Таковой, в общем-то, является и философия хозяйства, но не в плане отрыва от реальности, с которой философия хозяйства просто не может порвать, а в плане страховочного обособления от наработанного умственного контекста — что научного, что философического. У философии хозяйства свой источник знания, свое видение и ведение объекта своего гносеологического и проективного внимания.

Человек для философии хозяйства, как и коллектив, и общество, и страна, и государство, и все человечество, — хозяйствующий субъект, занятый своим жизнеотправлением, а последнее предполагает, согласно философии хозяйства, реализацию всей субъектной жизни, ее организацию и устройство — во всех направлениях, точках и параметрах. Хозяйствующий субъект — создатель жизни, творец жизнеотправления, производитель бытия, а потому и реализатор человека, общества, их производитель, а потому и ради них самих предприниматель: духовный, идеальный, сознаниевый, культурный, цивилизационный, ма-

териальный, технический, производственный, потребительский, силовой, милитарный. Предприниматель — личный для себя и общественный — для всех. Он всегда практический философ хозяйства, не чуждый ни соответствующих умозрений и размышлений, ни оценок, ни умственных заключений. Он всегда проектант и в чем-то непременно философический — абстрактно-обобщительный, концептуально-прогностический, аналитически-вообразительный.

Хоть и родилась философия хозяйства как специфическая отрасль академического знания в университетской среде начала XX в., но как действовавшая реальность она была всегда, ибо какое может быть целостное жизнеотправительное хозяйствование без философско-хозяйственных раздумий, проектов и реализаций? Как представить, к примеру, без и вне философско-хозяйственных фантазий и интенций какого-нибудь древнеафинского Перикла или древнеримского Юлия Цезаря, как и того же новомировского Наполеона Бонапарта или совсем недавнего Иосифа Сталина? Да никак! Все они и им подобные жизнеустроители человечества и земных пространств были безусловными философами хозяйства, скажем так — концептуально-практическими.

Мир человеческий — мир хозяйственный, состоящий из разнообразных хозяйствующих субъектов, друг с другом так или иначе связанных, находящихся в той или иной взаимозависимости — как равноположенной, равноценной и равноправной, так и субординационной, доминантно-подчиненной, иерархической. Связи между субъектами бывают как свободными, так и принудительными. И здесь важно отметить особую роль управляющих хозяйственных субъектов, субъектов-организаторов сообществ и пространств, учредителей и реализаторов социальных систем — как сетевых, так и пирамидальных — центровых субъектов.

Обычно говорят о субъектах-производителях и субъектах-потребителях, ну еще о субъектах-посредниках, почему-то не уделяя внимания субъектам, в функцию которых входит организация социопро пространств, что то же самое, топологическая организация, а это так называемые высшие субъекты: от вождей племен до вождей народов, включая всех возможных властителей с их явными и неявными, личными и коллективными пособниками. С удовольствием говорят, к примеру, о предпринимателях, бизнесменах, банкирах, но отчего-то забывают о президентах, правительствах, министерствах, академиях, университетах, театрах, газетах, телевидении, больницах, судах, тюрьмах, а ведь это куда более или же не менее важные для обеспечения жизнедеятельности человеческих сообществ субъекты, чем непосред-

ственные участники непосредственно производительных процессов, которые почему-то только хозяйственными и считаются.

Организация, формирование и изменение сознания и ноосферы — значительно более значимые хозяйственные деяния, чем собственно производство потребительных благ, учет и использование ресурсов, обеспечение физического воспроизводства тел и организмов.

А что такое любой хозяйствующий субъект, разве это лишь умо-заключительный аппарат и счетно-решающее устройство? А где же тогда дух, душа, психея, сознание, идеи, мораль, архетипы, а главное — тайна каждого из них? Человек — микромир, сравнимый и соотносимый с макромиром, это тоже мироздание — сложное, неопределенное, трансцендентное. А народы — что это, разве лишь этнические (родо-словные) скопища людей или все-таки насыщенные всем и вся идеальным, информационным, событийным, традиционным, метафизическим мезомиры? Все понимают, что Китай — не США, а США — не Китай, что у них разные метафизические физиономии, принципы организации и поведения, исторические пути, соответственно, и сознания, и ноосферы, а потому и хозяйства, социумы, культуры, цивилизации, политики, даже экономизмы разные, что означает, что и философии и философии хозяйства разные, а экономическая наука все старается вогнать их в общий экономический квадрант: деньги, цены, инвестиции, кредиты. США и Китай — принципиально разные миры с неодинаковой метафизикой, несовпадающей трансценденцией и расходящимися судьбами, по-разному корреспондирующими с судьбой планетарного мира, — и никогда США и Китай не то что не сольются, но даже и не сойдутся вместе на одной дороге в эсхатологическое будущее.

Философия хозяйства исходит из наличного человеческого мира, окормляемого высшими силами и устраиваемого силами низшими, мира разнообразного и имеющего разные исторические потенции, хотя и реализующего некий общий ход, составленный из трансцендентной суммы многоходовок и путей, идущий от природы к неприроде, от природы к искусству, от почвы к полету, от Земли к космосу, от имманентности к трансцендентности, от физики к метафизике, от человека к постчеловеку («лучистому человечеству»). Что из этого выйдет, никто из земных не знает, хотя и предполагает, прозревая и фантазируя, но само по себе пересотворение мира, которым хозяйственно и творчески занимается человек, перекрывает ныне все хозяйственно-творческие заботы человека, ибо одно дело — производство человека от человека в данном ему мире и совсем другое — производство какого-то человекоподобного существа и менее всего не от собственно человека и более всего в переделанном человеком мире.

Искусственный, он же и технико-математический мир, надежно, окончательно и навсегда поселившийся в среде человеческого мира по воле самого человека, непременно сделает свое промыслительное дело, вытеснив собственно человека сначала на периферию, а затем и вовсе за пределы возникшего по воле человека мира, расчеловечит человека и произведет на свой искусственный свет новое человекообразное существо, этому новому миру вполне, видно, и адекватное.

Так это будет или не так, никто, конечно, по полной не знает, но не заметить уже сейчас исполнения гигантского трансчеловеческого (трансгрессивного) проекта нельзя: нынешний передовой человек-транснационал, поглощенный английским языком, компьютером и интернет-сетью, — уже действующий прообраз будущего «человекообраза» — некий протопостчеловек (что-то вроде киборга), существующий не только вне почвы и над нею, не только вне истории и над нею, не только вне планеты и над нею, но и вне... человека, мало того — и вне уже... самого себя!

«Ты взвешен и найден легким. Ты лучист и ты... никто, более того — ты... ничто!»

Вот, собственно, и вся эсхатология, обязанная возрожденческо-просвещенческой телеологии, питаемой оголтелым экономизмом и безумным трансформизмом.

Можно ли замедлить, остановить, переориентировать? Нет! И невозможно, и ненужно. Все предупреждения давно уже высказаны: никто ни к чему ни малейшим образом не прислушивается! И с этой намеренной глухотой приходится считаться!

Философия хозяйства, которая легко расшифровывается как «любовь — мудрость — хозяйство», остается... с самою собою, со своей Софией, ибо не находит отклика у зарвавшегося человека-творца, что не означает никакой трагедии в стане философии хозяйства, ибо она явилась, она есть, она видит и говорит, ни от чего не уклоняясь, ничего не скрывая и ни перед каким авторитетом из землян не склоняясь. Судьба философии хозяйства — не судьба знания, верного или неверного, это судьба самого сознания человеческого, ибо философия хозяйства — не так знание, как... сознание, а сознание не вычитаешь, не купишь, не утаишь, а главное — не изобразишь, а потому человек мыслящий либо доходит до философии хозяйства и в нее входит, либо, увы, остается без оной — весьма довольный и почти счастливый!

Ломоносов гнал вперед науку и образование, и правильно делал. Но он не учел, да и не мог учесть, что есть онаученное сознание — во всей своей красе и некрасе тоже, и он не мог предположить пришествие какого-нибудь киборга, но мы-то, вслед за тем же Булгаковым, кое-что уже видим: искусственный интеллект, управляемый геном,

чтение мысли на расстоянии и безречевая их трансляция, чипы, клонирование, незаметные суггестивные технологии, скрытое управление людьми, креативное моделирование поведения, да мало ли еще чего, что достигается и обретается наукой с техникой в ходе своего наступления уже прямо на... человека, на его физику и... метафизику, его сознание и ноосферу, на всю его... самость.

Год 2011 — год тринадцатый для журнала «Философия хозяйства». Но это и год зачинателя научно-технического прогресса в России М.В. Ломоносова, этого особого рода мощного и эффективного хозяйствующего субъекта, оптимистического и зачарованного, стихийного и действенного философа хозяйства, как и год С.Н. Булгакова — этого критического оценщика научно-технического прогресса, а если и хозяйствующего субъекта, то грустно-теневого, неявного, почти что и невидимого, не громкого и не взрывного, но зато уже полноценного и полноправного философа хозяйства, конечно же, умозрительного, не операционально-функционального, не смогшего даже курса полнокровного прочитать в университете основанном Ломоносовым, ибо противоречил, не соглашался, отрицал, что и закончилось приходом в священство и уходом из Московского университета, а потом и изгнанием из России.

Вот тут какая получается мѣбиусная «загогулина» — совершенно и мистическая: от Ломоносова, которого мы искренне и радостно чтим и приветствуем, до Булгакова (о. Сергия), которым мы столь же искренне, но уже негромко и сочувственно восхищаемся — имел же человек столько понимания и мужества, что сказал, не убоился и не отступил, хоть, как и Ломоносов, всего задуманного исполнить так и не смог.

Что ж, 2011 г. — год особый: сначала в июне С.Н. Булгаков — под тихий перезвон родных колокольцев, а потом — в ноябре — М.В. Ломоносов — под громкие звуки великоросских победных фанфар!

Да будет!

**САМОУТВЕРЖДЕНИЕ
РОССИИ**

В.Т. РЯЗАНОВ

Циклы модернизации в России: реформы и контрреформы

Аннотация. В статье исследуются экономические реформы модернизационного типа в России. Нынешняя волна модернизации может рассматриваться как пятая. Анализируются факторы, действующие на протяжении всего цикла модернизации и обуславливающие причины неудач в осуществлении экономических реформ и провал либерального модернизационного проекта в России.

Ключевые слова: модернизация, Россия, реформы, контрреформы, циклы, развитие.

Abstract. In this article author explores economic reforms of modernizational type in Russia. Current wave of modernization can be considered as fifth one. Author analyses factors, which act during the whole cycle of modernization and which determine the reasons of defeats in implementing economic reforms and failure of liberal modernization project in Russia.

Keywords: modernization, Russia, reforms, contra-reforms, cycles, development.

Тема модернизации экономики возникла как реакция на масштабный экономический кризис 2008—2009 гг. В России она наиболее выразительно была представлена в программной статье президента РФ Д.А. Медведева «Россия, вперед!» (сентябрь 2009 г.). В ней, в частности, констатировалось: «Двадцать лет бурных преобразований так и не избавили нашу страну от унижительной сырьевой зависимости». Их результатом стали «неэффективная экономика, полусоветская социальная сфера, неокрепшая демократия, негативные демографические тенденции, нестабильный Кавказ». Позднее в Послании Федеральному Собранию (2009) модернизация определялась как способ «выживания нашей страны в современном мире». При этом само выдвижение программы модернизации в качестве содержательного объяснения целей экономического развития страны в будущем, видимо, связано с желанием найти некий аналог термину «реформы», но который продолжал бы саму реформационную линию и одновременно указывал на ее новые возможные ориентиры.

Интересно то, что президент США Б. Обама в послании конгрессу (январь 2011 г.) также провозгласил курс на модернизацию экономики и на развитие инноваций. По словам Обамы, иного пути у современ-

ной Америки — «энергозависимой, с устаревающей инфраструктурой — быть не может».

Провал либерального «модернизационного проекта» в РФ, произошедший в 1990-е гг., и его инерционное продолжение в экономике в начале нового века не должны снимать саму потребность в формулировании средне- и долгосрочных целей развития, отталкиваясь от предполагаемых параметров выстраиваемой экономической модели. Сам по себе такой подход оправдан. Тем не менее его терминологическая и содержательная трактовка вызывает ряд вопросов и требует более точной расшифровки.

Первый вопрос, который возникает, связан с использованием самого термина «модернизация». Будучи заимствованным, в современном русском языке он представлен в двух основных значениях, характеризуя «улучшение и совершенствование» чего-либо или выступая как «осовременивание», т. е. как способ встраивания в «современность», становясь, тем самым, символом новаторства и отказа от старого в хозяйствовании, в искусстве, архитектуре и т. п.

Второе, что следует особо подчеркнуть, — то, что в содержательном плане термин «модернизация» уже давно освоен в качестве ключевого в развитии соответствующего научного направления. Речь идет о теории модернизации, которая активно разрабатывалась на Западе во второй половине XX в. Если коротко, то ее суть сводится к обоснованию перехода от «традиционного» типа общества (преимущественно аграрного) к «современному» (индустриальному). Поэтому данная теория предназначалась для развивающихся стран, получивших политическую независимость и стоявших перед выбором капиталистического или социалистического пути развития. Вполне понятно, что процесс «осовременивания» трактовался в координатах перехода к западно-капиталистической модели экономики и общества, рассматриваемой как универсальная.

Из теории модернизации закономерно следует, что для периферийных стран, находящихся вне ареала западной цивилизации, наилучшие возможности обеспечивает воспроизведение уже отработанных схем и моделей общественно-экономического развития, хотя при этом не отрицается важность учета национальной специфики. Тем самым идеологический смысл данной теории понятен — в противоположность пессимистическим теориям развития в духе «заката Европы (Запада)» она предлагала другим странам оптимистический сценарий. Именно на этой теоретической основе отработывались теории «догоняющего или запаздывающего развития», нацеленные на разработку практических рекомендаций в области стратегии общественно-экономического развития для стран, решающих задачи форсированного преодоления бед-

ности и вхождения в процветающую зону мирового хозяйства. Следовательно, в своем первоначальном значении парадигма «модернизация» представляла собой аналог политики «вестернизации» с использованием стратегии «догоняющего развития», опирающейся на механизм воспроизведения (заимствования) существующих западных форм экономического и политического устройства.

Опыт «догоняющей модернизации», полученный на примере многих стран, показал ее принципиальную неспособность обеспечить благоприятные условия развития и конкурентные позиции в мировом хозяйстве в странах незападного цивилизационного ареала. Войти в «современность» оказалось делом непростым. Правда, можно обнаружить и отдельные примеры достаточно успешных модернизационных реформ, если под успехом понимать не просто утверждение рыночно-капиталистического типа индустриального хозяйства, но и преодоление экономического отставания, и вхождение в зону наиболее развитых стран мира. Речь идет прежде всего о странах Восточной Азии — Японии, Южной Корее, Тайване. В настоящее время приблизительно по такому же маршруту продвигается КНР. По-видимому, вполне закономерно, что ареал относительно успешных модернизационных проектов связан с одним и тем же регионом в мировом хозяйстве. В этом случае важно принимать во внимание — наряду с другими факторами — уникальную способность народов, их заселяющих, к творческому копированию как технико-технологических новаций, так и хозяйственных нововведений, при этом не разрушая свое цивилизационное пространство. (Стоит напомнить, что ранним девизом, с которого стартовало «японское экономическое чудо», был лозунг: «Делать тоже, но лучше».) Одновременно заметим, что достигнутые в недавнем прошлом впечатляющие успехи этих стран, особенно Японии, уже в начале нового века обернулись устойчивым застоєм («потерянным десятилетием»). Не исключено, что в нем присутствует запоздалое следствие прошлого выбора.

Таков определенный международный контекст выдвигаемой на современном этапе идеи модернизации российской экономики. Возникает вопрос, что, собственно, сегодня в России понимается под своеобразной реанимацией старой теоретической конструкции с далеко не лучшими результатами, полученными при проведении реформ в большинстве стран незападного мира?

Если это еще одна попытка завершения либерального модернизационного проекта в нашей стране, пусть и с учетом определенной корректировки и с отказом от оголтелого отторжения отечественного опыта хозяйствования, то даже в случае «мягкой либерализации» ее, скорее всего, ждет такой же результат, как и прошлым. Если под вы-

двигаемой ныне модернизацией понимается другой стратегический замысел, то тогда важны его новые ориентиры. Пока о нем можно судить только по постановке достаточно общих и в целом бесспорных задач. Кто сегодня будет спорить о необходимости ухода от рентно-сырьевой модели экономического развития и о важности придания инновационности российской экономике? Потребность их решения очевидна. Важнее и значительно сложнее то, как эти задачи предполагается реализовывать. Во всяком случае, ясно, что только технократическими решениями, наподобие создания изолированных «зон инновационности», даже при щедрой их финансовой подпитке, не обойтись. Так же как не решить поставленные задачи, если понимать модернизацию как «улучшение и совершенствование» созданной экономической модели и проводимой политики. Можно ли их усовершенствовать? Здесь требуется иной подход, ориентированный на изменение самих принципов проведения экономической реформы.

Кстати, обращаясь к «теории модернизации», о которой уже шла речь, обратим внимание на ее существенную трансформацию, произошедшую под влиянием приобретенного опыта. Ее можно рассматривать в контексте отказа от «догоняющей модернизации» в пользу «*органичной модернизации*», или «*модернизации на собственной основе*». В таком обновленном варианте она предполагает встраивание преобразовательной деятельности в сложившие общественно-хозяйственные структуры, не разрушая их органическую целостность, приспособление к поведенческим нормам, историческим традициям, национальной культуре и т. п. Такой вариант национально ориентированной модернизации дает реальный шанс на успех. На него и следовало бы ориентировать модернизационную стратегию развития экономики России в посткризисный период.

Такой разворот в преобразовательной деятельности еще более оправдан при обращении к историческому опыту реформирования в нашей стране. Дело в том, что процесс модернизации в России активно начался в XVIII в., если иметь в виду политические преобразования при Петре I, и он продолжился в следующем столетии, переместившись в сферу экономики¹. Не случайно многие зарубежные и отечественные исследователи относят Россию к первой в мире развивающейся

---

¹ Попутно отметим, что в 2011 г. исполняется 150 лет Крестьянской реформы в России. 19 февраля (3 марта) 1861 г. Александр II подписал Манифест об отмене крепостного права, который позднее был оглашен в Прощеное воскресенье в Успенском соборе Кремля и в других соборах. Это реформа стала поворотным пунктом в общественно-экономическом развитии России.

стране, которая начала модернизационные по своей природе реформы (см.: [1]).

Тем самым экономические реформы модернизационного типа в России вступили в третий век. Нынешняя волна модернизации может рассматриваться как пятая, а ее начало пришлось на середину 1980-х гг. Это свидетельствует о действии одного и того же постоянно воспроизводимого и глубинного социально-экономического механизма, который обусловлен целым комплексом ограничителей, факторов и условий развития (географическая среда и пространство, климат, изобилие ресурсов, геополитические условия, менталитет, традиции и т. д.).

В качестве примера выделим действие всего лишь одного фактора: огромности пространства страны. Его влияние связано с тем, что сама логика перехода к интенсивным факторам развития, которые как раз и закладывают объективное основание для утверждения рыночно-капиталистических отношений, определяется исчерпанностью факторов экстенсивного развития. В России же вплоть до сегодняшнего дня роль экстенсивных факторов и потребность в освоение огромного пространства остаются объективными факторами, ограничивающими возможность не только капитализации, но и даже маркетизации этого пространства.

Столь длительный период проведения постоянно возобновляемых экономических реформ дает повод трактовать социально-экономическую модернизацию в России как *гиперцикл*. То, что в нашей стране преобразовательная деятельность носит пульсирующий характер, возобновляясь с очередной сменой исторических декораций, в настоящее время приобретает новое качество. Ведь нынешнее бытие «современности» фактически утратило свойство устойчивости и четких своих параметров длительного действия, требуя перманентного обновления. «Общество модерна», переходящее в «постмодерн» — это не какое-то идеальное устоявшееся качество. Оно прибывает в процессе непрерывного изменения (реформирования), выступая как «никогда не завершающееся, вечная погоня за чем-то новым и бесконечное обновление самих себя по мере дальнейшего движения» [2].

Можно считать, что сегодня весь мир оказался в ситуации модернизации, особенно в связи с необходимостью преодоления последствий глубокого кризиса глобализации. Формированием такого глобального контекста «перманентной модернизации» не исчерпывается его специфика в России. Для истории ее общественно-экономического развития принципиальнее другое обстоятельство, связанное с ярко выраженной двухтактной природой модернизационного процесса в виде чередования фаз реформ (15—20 лет) и фаз контрреформ (15—20

лет). Такое свойство инверсии указывает на то, что в российской экономике раз за разом активизируется модернизационный процесс, но попасть и закрепиться в «современности» ей не удается. Так же как не получается и создать устойчивый и самовоспроизводимый тип хозяйственного устройства. Экономика и общество России продолжают находиться в положении «исторического дрейфа» — поиска адекватной и работоспособной системы хозяйства.

В чем причины незавершенности рыночных преобразований российской экономики? Почему экономические реформы в России не просто исчерпывали себя, уходя в небытие, но и сменялись обратными волнами? Что ждет нынешнюю волну реформ?

Сформировалось два полюса в объяснении смены реформ контрреформами: либерально-западный и национально-почвеннический. В первом случае контрреформы определяются как отказ от «правильного (т. е. западного) пути развития» с выходом на неоптимальную траекторию общественно-экономического развития, в частности, из-за господства автократии и неудачи с созданием среднего класса. Отсюда вывод: для успеха реформы необходимо отказаться от «непохожести» и обеспечить окончательный слом исторически сложившегося цивилизационного устройства страны.

Вряд ли с такой трактовкой контрреформ и самого модернизационного процесса можно согласиться². Сам уже более чем двухвековой период неудачных попыток слома российской цивилизации заставляет усомниться в ее обоснованности. Поэтому контрреформы следует рассматривать как свойство *самозащиты* системы, которая так реагирует на саму стратегию реформирования, противоречащую всей совокупности условий хозяйствования России. Это означает, что они выступают не как «антиреформы», а как потребность в выработке альтернативного пути осуществления преобразовательной деятельности. Если такой механизм самозащиты не срабатывает, то реформы могут завершаться антимодернизационным взрывом (революцией) или установлением репрессивно-диктаторского режима для силового продавливания навязываемого обществу курса реформ. Международный опыт и отечественный опыт дают примеры как одного, так и другого варианта.

Если контрреформы выступают способом самозащиты общественно-экономической системы, то в таком случае причины их наступления связаны с выбранной политикой реформирования и ее осуществлением, а также с определенными типологическими характеристиками самих реформаторов как проводников модернизации. Иначе говоря, такие причины в первую очередь находятся внутри реформ, хотя этим

---

² Более подробно о реформах и контрреформах в России см.: [3, гл. 1, 2].

и не отвергается важная роль внешнего воздействия на их проведения, которое по многим причинам не отличалось особым благоприятствованием³.

Можно выделить определенный набор факторов, который действовал на протяжении всего гиперцикла модернизации, обуславливая общие причины неудач в осуществлении экономических реформ. К ним относятся:

- несопряженность либерального курса реформ с авторитарно-бюрократическими методами его осуществления;
- недостаточная «технологичность» реформы (с точки зрения начального механизма запуска, последовательности этапов, темпов, конечных и промежуточных этапов и т. п.);
- преобладающее значение в обосновании необходимости реформы внешних вызовов (опасности экономического отставания, ухудшение геополитического положения и т. п.);
- особенность менталитета российских реформаторов, связанная с их чрезмерной идеологичностью и неспособностью к поиску компромиссных решений, и одновременно со свойственной им особой нацеленностью на борьбу за власть и доминирование в политической жизни;
- сужающаяся социальная база проведения реформ, что становилось закономерной реакцией большинства населения на ухудшающиеся условия жизни и растущее социальное расслоение по мере углубления реформ;
- недооценка предшествующего опыта экономического реформирования, что приводило к утрате преемственности в проводимой политике и т. д.

В итоге предлагаемые реформы не разрешали старые противоречия и одновременно рождали новые. Реформы запутывались в противоречиях, теряя свой стимулирующий потенциал и привлекательность в глазах общества.

Насколько недостатки такого плана в реформационном процессе характерны для современного этапа?

Как представляется, в значительной мере они присутствуют и в проводимой политике на данном этапе. Отсутствие должного взаимопонимания и коалиции правительства как главного проводника модернизации и общества, которое пытаются компенсировать усилением

---

³ Нужно трезво понимать, что развитым капиталистическим странам мира от России требуется две вещи: доступ к ее природным (сегодня и интеллектуальным) ресурсам и доступ к емкому внутреннему рынку для поставок своей готовой продукции.

административно-бюрократического давления при игнорировании общественного мнения, ориентация на заимствованные формы собственности и хозяйствования, нормы и правила, абсолютизация рыночных параметров экономики и многое другое — все это накапливает взрывоопасный пакет социального недовольства в обществе, порождая новые конфликты, противоречия и области напряженности по всему пространству страны. Такой сформировавшийся социально-политический фон в обществе не может благоприятствовать решению сложных и масштабных задач переустройства экономики. Он вполне закономерно формирует традиционный для нашей истории потенциал смены реформаторской волны волной контрреформаторской с альтернативным экономическим курсом.

Что необходимо сделать для улучшения социально-политического климата в стране в интересах реализации стратегического разворота экономики России от рентно-сырьевой модели хозяйства, уязвимой к внешним угрозам и малоэффективной для успешного социально-экономического развития страны?

При ответе на поставленный вопрос, естественно, нельзя ограничиться каким-то одним универсальным рецептом. Застойность и глубина поражения экономического организма России требуют всеобъемлющего и основательного анализа по самым разным направлениям. Ограничимся только одной проблемой, касающейся самого обозначения стратегического приоритета в развитии экономики страны. Ранее уже отмечались недостатки в его определении в терминах «модернизационного проекта». К сказанному добавим еще одно существенное обстоятельство.

Речь идет о том, что, строго говоря, свой модернизационный проект Россия осуществила еще в составе СССР. Если обратиться к теории модернизации, то ее главными целями является следующая триада: урбанизация населения, индустриализация экономики и секуляризация общества⁴. Эти три задачи в достаточном объеме были решены уже в процессе социалистических преобразований в СССР. Можно дискутировать о том, насколько они оказались успешными и какие могли быть альтернативные пути. Но это уже другой вопрос.

---

⁴ В Новой Британской энциклопедии «модернизация» определяется как «трансформация в цивилизацию экономического типа посредством индустриализации; политические и социальные изменения — через формирование светского общества (секуляризацию)». В качестве инструментов модернизационной политики рассматриваются индустриализация в промышленности, культурная революция, урбанизация и т. п. [4, 216].

Для подтверждения данного вывода приведем всего несколько цифр, сравнивая наивысшую точку развития дореволюционной России (1913) с наивысшей точкой советской экономики (1987). Так, доля городского населения России в 1913 г. не превышала 18%, в 1987 г. она достигла почти 80%. Удельный вес промышленного производства в национальном доходе в 1913 г. составляла около 29%, а сельского хозяйства — 54%. В конце 1980-х гг. доля этих двух отраслей определялась значениями в 44 и 21% соответственно. В 1987 г. СССР по индексу развития человеческого потенциала (0,920) занимал 26-е место из 130 стран мира, относясь к группе стран с высоким его уровнем. В результате проводимых реформ данный индекс в РФ снизился в 2005 г. до 0,797 (65-е место в мире). И этот его уровень уже для стран средней развитости.

О какой модернизации экономики в обозначенных ее координатах можно говорить применительно к России как современной цели преобразований? Ведь уже зрелое советское обществу подошло к такому состоянию развития индустриализма, который по многим важнейшим характеристикам, имея свою социалистическую специфику, тем не менее, вполне соответствовал западным стандартам. Характерно, что в период существования СССР проблема его взаимодействия с западно-капиталистическим миром зарубежными советологами трактовалась в контексте «теории конвергенции», имея в виду наступающий процесс сближения двух систем.

Правда, появляется неожиданный аргумент в пользу реактуализации темы модернизации в современной России. Последние двадцать лет реформ привели к плачевному результату: оказалось разрушенным созданное ранее многоотраслевое хозяйство, функционирующее как единый воспроизводственный контур, и произошла деиндустриализация экономики. Получается так, что тема модернизации вновь приобретает свой определенный резон, но в контексте реиндустриализации страны.

Данное обстоятельство, с другой стороны, лишь подкрепляет идею о том, что в содержательном отношении стратегический приоритет в развитии экономики России более точно можно обозначить выдвижением программы проведения «*новой индустриализации*», или «*реиндустриализации*». Такая постановка объясняется следующими обстоятельствами. Во-первых, в стране разрушен главный индустриальный каркас современного хозяйственного устройства страны под видом слома плановой экономики. Без его восстановления на новой основе вряд ли возможно серьезно рассчитывать на укрепление экономических позиций России в мировой экономике. Нельзя рассчитывать на создание инновационной экономики, ориентированной на производст-

во новых технологий как на автономный процесс, который может успешно осуществляться вне собственной аграрно-индустриальной сферы реализации и в расчете на внешние рынки.

Во-вторых, этим делается акцент на собственный исторический опыт и память народа в решении масштабных задач социально-хозяйственного переустройства. По крайней мере, следует трезво оценивать возможности формирования либеральной модели экономики с главными акцентами на рыночные инструменты и продолжение приватизации. Основной риск для страны сегодня связан не с усилением роли государства, а напротив, с его ослаблением. Борьба с коррупцией и бюрократизмом, бесспорно, необходимо, но не путем «приватизации» и «маркетизации» государства. Системные риски, связанные с природными и техногенными катастрофами, перманентными террористическими угрозами и разгулом криминала, лишь получают дополнительное усиление по мере свертывания государственной деятельности и ослабления институтов государства.

В-третьих, курс на новую индустриализацию дает возможность вместо политики финансиализации экономики возродить идею «созидательного труда» как по-настоящему главного рычага устойчивого развития и благополучия общества.

В-четвертых, становится возможным реализовать курс на построение сбалансированной и гармоничной экономики, способной себя содержать и кормить, защищать и двигать вперед.

В конечном счете курс на «новую индустриализацию» следует оценивать в контексте отказа от «догоняющей модернизации» и встраивания преобразовательной деятельности в сложившиеся общественно-хозяйственные структуры, поведенческие нормы и социокультурные традиции, не разрушая их органической целостности.

Литература

1. *Shanin T.* Russia as a «Developing Society». L., 1985.
2. *Бауман З.* Действовать в условиях неопределенности // Русский журнал. 2010. 24 февр. // www.russ.ru/pole/Dejstvovat-v-usloviyah-neopredelennosti.
3. *Рязанов В.Т.* Экономическое развитие России. Реформы и российское хозяйство в XIX—XX вв. СПб., 1998.
4. The New Encyclopedia Britannica. Vol. 8.

С.Ю. ГЛАЗЬЕВ

Стратегии опережающего развития российской экономики

Аннотация. В статье ставится вопрос о стратегии опережающего развития российской экономики, а также исследуются проблемы развития в России нового технологического уклада.

Ключевые слова: опережающее развитие, модернизация, технологический уклад, экономика, Россия.

Abstract. In this article author raises a question about the priority development strategy in Russian economy as well as analyses the problems of development of new technological mode in Russia.

Keywords: priority development, modernization, technological mode, economy, Russia.

Совсем недавно в нашей стране был колоссальный профицит бюджета, и в федеральной системе управления бытовало мнение, согласно которому тратить деньги некуда, нет проектов, нет очевидных направлений для инвестиций. И сотни миллиардов долларов уходили в финансовую пирамиду ипотечных бумаг. Затем они обесценились, сейчас же частично возвращены с небольшой номинальной прибылью. Таким образом, момент, когда можно было сделать структурный маневр в экономике и воспользоваться переходной ситуацией между двумя длинными кондратьевскими волнами, был безвозвратно упущен.

Сейчас завершается эта переходная ситуация, и страны, которые своевременно создали технологические заделы для плавного перехода на очередную длинную волну экономического развития, демонстрируют высокие устойчивые темпы экономического роста. При этом кризис практически не затронул Китай, экономика которого развивается с темпом 7—8% в год, и Индию, которая правильно выстраивает приоритеты. Китай, обладая системами стратегического планирования, сумел не только заместить падение внешнего спроса на расширение внутреннего, но и самое главное — правильно выбрать приоритеты долгосрочной политики развития, продолжая успешно развиваться благодаря заранее сделанным инвестициям, в том числе и в области высоких технологий.

В России же момент безвозвратно упущен, и хотя определенные заделы и возможности есть, новая волна нарастает, и войти в нее становится все сложнее. Россия от мирового кризиса пострадала больше всех. Объективно темпы падения промышленного производства и инвестиций в России больше, чем в любой из стран «двадцатки». У Рос-

сии в период острой фазы кризиса были самые плохие показатели — где-то 8% ВВП и 40% по машиностроению.

Этот кризис является структурным кризисом, который опосредует смену технологических укладов, лежащих в основе длинных волн экономического развития. Сегодня уже можно констатировать, что финансовые пузыри, падение внешней торговли практически на треть и падение инвестиционной активности — все это достаточно хорошо прогнозируемо, если опираться на теорию длинных волн и представления о технологических укладах. И это предвидели и предсказывали некоторые наши ученые, и писали об этом за несколько лет до кризиса.

Можно считать установленным фактом, что период, когда очередной технологический уклад достигает пределов роста, возникает сильная инерция экономической структуры. Она как бы застывает, что позволяет монополистам взвинчивать цены — идет резкий всплеск цен на энергоносители — и это в свою очередь существенно меняет структуру экономических оценок. Значительная часть производств, которые раньше приносили доходы, становятся убыточными. Происходит отток капитала из реального сектора, в котором перспектива развития становится туманной, в сферу финансовых спекуляций.

Это порождает финансовую пирамиду, и со временем, после того как инвесторы нащупывают основные направления нового технологического уклада, капитал, оставшийся после лопнувших пузырей, вкладывается в эти новейшие производства и со временем возникают новые локомотивы экономического развития, которые вытаскивают экономику на новую длинную волну экономического развития.

Существует довольно много публикаций, в которых этот процесс рассматривается с разных сторон, а также описывается будущая структура экономики. Эта структура вполне понятна, у всех на слуху такие термины, как нанотехнологии, биотехнологии, информационно-коммуникационные технологии — вот, собственно, набор этих технологий в разных сочетаниях и образует ядро нового технологического уклада, которое растет с темпом в среднем 35% в год.

При этом по некоторым направлениям идет даже удвоение объемов производства ежегодно, таких как, скажем, методы клеточной медицины в здравоохранении или производство нанопорошков. Можно много приводить примеров. Мы наблюдаем взрывной рост по ценам в этом направлении формирования нового технологического уклада, при этом вес его сегодня в экономике развитых стран относительно невелик — примерно от 3 до 5% от валового продукта. Но этот уклад носит всепроникающий характер, и там, где этот ключевой фактор применяется, достигается взрывной рост эффективности производства. Классическими примерами можно считать появление светодиодов, где достига-

ется повышение эффективности излучения света примерно на два порядка, т. е. почти в 100 раз. Можно говорить и о нанопокрытиях, где эффективность лакокрасочных материалов на порядок увеличивается, износостойкость металлов также поднимается в разы.

Итак, проникновение нового технологического фактора вызывает качественные изменения в плане повышения эффективности производства. Появляются новые направления развития, потому что само по себе повышение эффективности традиционных направлений большого роста не даст. Такие, например, как солнечная энергетика, в которой применение нанотехнологий позволяет поднять эффективность генерации электроэнергии до уровня тепловых электростанций.

Другим крупным революционным направлением является клеточная технология в медицине. Она позволяет заменить дорогостоящие методы лечения, которые не давали хороших результатов и требовали больших затрат. Сегодня с помощью клеточных технологий многие болезни могут излечиваться гораздо быстрее. Классическим примером является использование стволовых клеток в разнообразных местах. Этот комплекс, образующий ядро нового технологического уклада, хоть и не велик по объему, но его взрывной рост и всепроникающий характер дадут, несомненно, большой экономический эффект уже в обозримом будущем. У нас есть прогнозы примерно на 5—10 лет вперед, и можно констатировать, что через 3—5 лет ведущие страны мира выйдут на новую длинную волну экономического развития, и этот комплекс технологий позволит иметь 20 лет устойчивого экономического роста.

К сожалению, имея примерно триллион долларов, полученный за счет сверхприбыли экспорта нефти и газа, мы упустили свои возможности. Триллионы долларов, которыми государство не смогло распорядиться должным образом, ушли, что называется, в «трубу». Это очень печально, поскольку именно в периоды смены технологических укладов для отстающих стран возникает уникальная возможность для рывка. Эти страны здесь имеют преимущество — они не сталкиваются с кризисом перенакопления капитала в отстающих производствах. К концу 1990 гг. советская экономика фактически была выжата как лимон, а мы же ее последние годы благополучно проедали.

Воспроизводства основного капитала практически не было. Обновление фондов у нас шло с отставанием раз в пять от их амортизации, т. е. фактически проедался тот потенциал, который был создан в советское время.

Но в то же время, благодаря довольно высокой норме сбережения — до кризиса норма сбережения все время была под 30%, были возможности примерно втрое поднять норму накопления. В переходный

момент у государства для этого были все инструменты. В то время удалось наконец убедить наши власти, что нужно забирать у олигархов природную ренту. Правительством Примакова были восстановлены экспортные пошлины, затем введен налог на добычу полезных ископаемых. И именно государство аккумулировало у себя триллион нефтедолларов, который при инвестициях в ключевые технологии нового технологического уклада мог бы обеспечить колоссальный эффект.

Вот этого не было сделано — мы потеряли за эти годы примерно три четверти выпускников наших вузов, МГУ, аспирантуры МГУ: где-то 30—50 тыс. ежегодно уезжает за рубеж. Это колоссальные потери интеллектуального капитала. Особенно огорчает, что многие достижения нового технологического уклада сегодня реализуются за границей силами наших специалистов.

Можно много приводить аналогичных примеров из области информационных технологий, и молекулярной биологии. Всего этого можно было избежать — но, к сожалению, это сделано не было, и теперь мы стоим перед дилеммой: либо окончательно превратиться в сырьевую державу, которая будет обеспечивать Китай и Европу энергоносителем и сырьем, либо, учитывая, что процесс формирования нового технологического уклада еще не завершен, совершить рывок или хотя бы начать двигаться в этом направлении.

Надо сказать, что окно возможностей для стран, которые отстают, по времени составляет примерно 5—7 лет, ну, может быть, 10, поскольку с формированием нового технологического уклада быстро растет капиталоемкость составляющих его производств. Скажем, если производство интегральных схем наноуровня лет 5 назад стоило 50 млн дол. (строительство нанофабрики), то сейчас это 500 млн дол., через 5 лет это будут уже миллиарды. Капиталоемкость растет по экспоненте, и те, кто первыми выходят на новую технологическую траекторию, получают колоссальное преимущество, колоссальную сверхприбыль. За счет технологических преимуществ финансируется дальнейшее развитие, а те, кто входят в новую траекторию в фазе зрелости, тратят огромные инвестиции, и при этом не имеют гарантий сработать на опережение.

В высоких технологиях примерно 80% инвестиций — это НИОКР, поэтому здесь мало купить оборудование, нужно еще иметь кадры и много того, что просто так не купишь на рынке. Сейчас, если сравнивать разные направления для стратегических инвестиций в развитие, можно привести такой пример, что, если страна ставит перед собой задачу построить современное производство прошлого технологического уклада, скажем, автомобилестроения, то необходимо потратить

на это примерно 40—50 млрд дол. — это технологический уклад, который созрел еще в 1950-е гг.

Прошлый уклад связан с микроэлектроникой — для того, чтобы его освоить, нужно несколько миллиардов долларов на производство заказных интегральных схем. А для нового уклада характерно то, что, если у нас есть коллектив хороших генетиков, инженеров, которые умеют подбирать молекулы, есть хорошая база для подбора этих молекул, то, потратив несколько миллионов долларов, через 5 лет можно получить хорошую корпорацию. Правда, это вопрос системных усилий научных сотрудников и инженеров.

Таким образом, на в разных фазах формирования технологической траектории требуются совершенно разные затраты. Если вы выйдете на нее на начальном этапе, то дальше вы уже на волне будете лететь впереди всех, получая огромные сверхприбыли. Я уже говорил о той сравнительной эффективности, которую мы имеем благодаря внедрению принципиально новых технологий нового уклада, что повышает эффективность в десятки раз.

Сейчас еще сохраняются определенные возможности в ряде ключевых направлений роста технологического уклада, например, мы входим в небольшую группу стран, которые способны производить светодиоды. В Зеленограде создано производство, одно из крупнейших в мире, по зондовым микроскопам, а производство зондовых микроскопов — это ключевое средство производства для всех этих технологий. Есть большие заделы в атомной промышленности, ракетно-космической сфере, производстве лазерных технологий. Международный опыт говорит о том, что если хотя бы 5—6 направлений страна способна освоить, то этого достаточно для того, чтобы «поймать» новую длинную волну экономического развития. Но беда в том, что современная система управления, которая у нас сложилась, не способна реализовать такого рода задачи. Она ориентирована на экспорт сырья. Обладая огромными деньгами, люди, управляющие экспортом сырья, не сумели предвидеть финансовую катастрофу. Большие деньги, видимо, атрофируют мозги, никто из олигархов не сумел вовремя сделать маневр своими капиталами для того, чтобы вывести их из кризиса. В итоге за все пришлось платить государству.

И вот обратите внимание, что произошло у нас в этот момент в системе управления. Осенью 2008 г. принимается долгосрочная программа развития России. Программа эта написана в правильном ключе, там поставлены амбициозные задачи, например, повышение производительности труда в 4 раза к 2020 г., отработана стратегия развития отраслей. Любопытно, что она была утверждена как раз в острой фазе кризиса — это был октябрь 2008 г.

И в то же время принимается антикризисная программа, она обошлась государству в 40% ВВП. И куда же эти 40% ВВП были направлены?

1. Пакет мер по спасению банковской системы — по сути это деньги, которые государство фактически подарило олигархам. Банковская система получила порядка 2 трлн р., и, несмотря на то, что им необходимо было вкладывать деньги в реальный сектор и спасать экономику, они же большую часть денег вложили в спекуляцию против рубля, т. е. сыграли против той финансовой системы, которая выдала им эти деньги. На этом банкиры заработали более 300 млрд р. В промышленность, в реальный сектор денег практически не поступило, при этом некоторые банки эти деньги возвращать и не собираются.

Возникает вопрос, каким же образом принимаются правильные решения с видением долгосрочного развития страны, но под эти решения денег не выделяется вообще. И в то же время громадные суммы, вопреки этим решениям, впрыскиваются в экономику. О чем это говорит? О том, что формирование экономической политики идет, прежде всего, под влиянием олигархических структур, которые руководствуются своими краткосрочными интересами и дальше своего носа не видят. Сидят на дорогих деньгах, в то время как необходимо их делать дешевыми, когда нужно — выкачивают из федерального резерва деньги. Заставили напечатать 2 трлн р. за два месяца. Иначе говоря, когда нужно, они как угодно манипулируют политикой. В то же время в стабильной ситуации они паразитируют на дорогих деньгах, имея их в огромном количестве. Сегодня в банковском секторе большой избыток ликвидности — и снова некуда девать деньги, и снова начинают заниматься спекуляциями. Государство в угоду им начинает строить новую финансовую пирамиду гособязательств под 8% годовых, тем самым закрывая возможность для перетока денег в реальный сектор. При такой системе управления никакая долгосрочная стратегия реализована быть не может — отсутствуют инструменты и мотивы.

2. Вторая часть антикризисной программы была сугубо социальна, но здесь возобладали кейнсианские представления, и, не сильно думая, решили проиндексировать зарплаты, пенсии. Россия оказалась единственной страной, которая решила направить деньги в социальную сферу, это в принципе неплохо. Но машиностроение, наука денег не получили, более того, ассигнования на науку сократились, и Россия оказалась единственной страной, которая в период кризиса сократила финансирование НИОКР. Иначе говоря, антикризисная программа никакой антикризисной не оказалась, в смысле создания предпосылок для дальнейшего экономического развития. И получается, что все разговоры про стратегию развития, про высокие технологии, про науку и об-

разование и наше великое будущее это просто PR. В реальности же экономическая политика ведется в интересах финансовой олигархии, которая не очень умная, но очень жадная.

Поэтому рассчитывать на какие-то кардинальные изменения не стоит. Мы всегда можем рассчитывать на чудо, во всяком случае, у нас еще года 3—4 для маневра есть, и вопреки проводимой политике мы видим, что некоторые локальные экономические чудеса происходят. В общем, есть основания надеяться на то, что чудо все-таки произойдет.

С.Г. КАРА-МУРЗА

Аномия России — заслон модернизации

Аннотация. В статье автор ставит вопрос о смысле модернизации в России. С учетом новых вызовов, проблем общества, их масштабности и возможностей страны.

Ключевые слова: модернизация, индустриализация, экономика, Россия, аномия.

Abstract. In this article author raises a question about the meaning of globalization in Russia. Author considers new challenges, problems of society, their immensity and abilities of the country.

Keywords: modernization, industrialization, economy, Russia, anomie.

Забойным стало слово «модернизация». Слово многозначное, но что конкретно имеется в виду, нам не сообщили. Исходное его значение зловеще: модернизация — переделка страны по шаблону «модерна», т. е. Запада. Это всегда культурная травма и кризис, а для многих народов и геноцид. До 1960-х гг. говорили *вестернизация*, потом ввели эвфемизм *модернизация*, чтобы элита «третьего мира» не страдала.

В 1990-е гг. в России в связи с реформами оживился интерес к модернизации. Тогда смысл был понятен по делам Гайдара и Чубайса. Что же изменилось в доктрине сегодня? Поскольку «курс реформ неизменен» — *ничего*. Продолжается вестернизация — имитация западных институтов.

Перенос в Россию самого худшего из богатого опыта США — типичное явление в культуре «компрадорской буржуазии». В принципе, модернизация несовместима с курсом реформ по определению, ибо их сутью является именно *демодернизация* России. В лучшем случае можно говорить о «модернизации анклавов» — островков модерна

в море России, которая претерпевает *архаизацию* — утрату атрибутов современного хозяйства и быта. Это научный факт.

Но условимся, что слово неудачно, а замысел власти — обновление материально-технической базы и социальных технологий России при помощи инноваций. Конечно, и тут есть вопросы: каковы *критерии* отбора инноваций? кто их выбирает? в чьих интересах? В 1990-е гг. Россию очищали от промышленности и лишнего населения, потребляющих ценную нефть — проводили деиндустриализацию. А теперь зовут к модернизации! Трудно понять: власть хочет возродить науку России и снова начать *индустриализацию*? Надо же это объяснить. Модернизация чего, для кого и какими средствами?

Примем, однако, туманную абстрактную формулу: модернизация — *в общих национальных интересах*. Но ведь эта формула требует тотального преобразования страны — вот в чем проблема! Речь же идет о революции поглубже 1917 г. — та произошла на волне культурного подъема, а эта — на ветви деградации. За 1990-е гг. была разрушена вся система инновационного процесса — не деньгами он жив, а людьми. И была создана *система-антипод*. Преодолеть ее инерцию при нынешнем порядке в принципе невозможно.

Срочное восстановление необходимо во всех отраслях, прежде всего, в аграрных — иначе все средства будут «проедены» и поглощены авариями. Значит, модернизация должна пройти по всему фронту, совмещая восстановление с созданием «центров высоких технологий». Это возможно лишь при отсутствии «социальных страхов», на фоне общего улучшения жизни и оптимистических ожиданий.

Модернизация возможна только при духовном подъеме людей, соединенных в сложной, высокоорганизованной совместной работе. Ученый, инженер, рабочий, управленец должны иметь мотивацию высокого уровня, которую не заменить ни рублем, ни страхом. Действующие лица модернизации — не индивиды, а общности, собранные на особой матрице. Кризис потряс всю эту систему, в России продолжается *распад всех общностей* (кроме криминальных, которые питаются хаосом и растут). Попытки превратить «поднятые» реформой группы в ядро «нового» народа провалились. Эту роль не взяли на себя ни *новые русские*, ни *средний класс*. Ничего эпохального они не совершили, ничего от них и не ждут. Монумент им — «Чижик-пыжик». Поставим его в один ряд с «Рабочим и колхозницей» или «Воин-освободителем» — субъектами советской модернизации?

Прежде всего, в 1990-е гг. были ликвидированы общности — двигатели модернизации: промышленные рабочие (более половины) и научно-техническая интеллигенция. Были разрушены инструменты их *системной памяти*, необходимой для сплочения. Устранены системы

социальных норм и санкций за их нарушение — правовых, материальных и моральных. Главный удар был нанесен по *кадровым* рабочим, по элите — носителю «габитуса» рабочего класса. Утрата общности *промышленных рабочих и ИТР* грозит выпадением России из числа индустриально развитых стран.

Аналогично складывалась судьба общности квалифицированных работников сельского хозяйства. В 2008 г. член Совета Федерации РФ С. Лисовский сказал: «Мы за 15 лет уничтожили работоспособное население на селе». Надо же вдуматься в эти слова! Россия утратила 6 млн организованных в колхозы и совхозы квалифицированных работников сельского хозяйства — осталось менее 2 млн.

Быстро деградирует и другая ключевая в модернизации общность — *интеллигенция*. Она замещается новым культурным типом с «полу-гуманитарным» образованием, приспособленным к функциям офисного работника без жестких профессиональных рамок. В 2008 г. высшее образование выпустило 746 тыс. «специалистов» гуманитарно-социального профиля и около 26 тыс. выпускников вузов по физико-математическим и естественнонаучным специальностям. Численность научных работников в России сократилась в 2,5 раза. Кто же будет осуществлять модернизацию, если разрушены все звенья цепи и сама она распалась?

Углубляется культурный кризис. Признаки его — снижение квалификации работников, ориентация на «легкие» деньги, низкий престиж тяжелого непрерывного труда, всплеск потребительского индивидуализма, увлечение оккультными верованиями и мистикой, массовая преступность.

А со стороны государства и «собственников» — общая неприязнь к производству. И всей душой — к торговле, финансам и праву. С той «элитой» России, что поднялась на разрушении 1990-х гг. и, как говорили, «питается трупом убитого советского хозяйства», подвига модернизации не совершить.

Наше общество пережило тяжелую культурную травму и впало в *аномию* (букв. *беззаконие, безнормность*). Эту социальную болезнь Запад пережил в период становления буржуазного общества и распада системы общинных связей при трансформации человека в свободного индивида. Теперь переживает Россия в более тяжелых формах.

Если взять номера журнала «Социологические исследования» за двадцать лет и прочесть их все, видишь страшную, космическую картину распада человеческих связей и утраты норм. Авария на Саяно-Шушенской ГЭС и события в станице Кушевской — два символа, которые отразили эту национальную трагедию. Обществоведение нынешней России может быть построено на изучении этих двух историй.

Перечислим некоторые истоки этого явления.

1. Реформа была основана на обмане, который потряс и оскорбил *всех*. Это был «момент гибели богов».

2. Реформа разрушила образ жизни *всех*. Расчленена «историческая Россия». Демонтировано народное хозяйство. Абсурд — и обеднение, и обогащение — стер системы координат и критерии различения добра и зла.

3. Реформа разрушила «социальное время», стерла память и образ будущего. Распалась цепь времен, разорвана связь поколений, страшно заводить детей и не очень хочется жить самим.

4. Реформа подняла наверх нравственных париев, отдала население в лапы «братвы», пропитала уголовной культурой все сферы бытия.

5. Реформа и ее идеологическая машина разожгли в молодежи несбыточные потребительские притязания, одновременно лишив ее легитимных способов их удовлетворения.

Симптомы аномии таковы.

Аномально высокий уровень преступности (особенно с применением насилия) и *числа самоубийств*. В 2008 г. от преступных посягательств пострадало 2,3 млн человек, из них 44 тыс. погибли (без покушения на убийство) и 48,5 тыс. получили тяжкий вред здоровью, зарегистрировано 280 тыс. грабежей и разбоев. Выявлено 1,26 млн лиц, совершивших преступления, в местах заключения пребывает около миллиона человек (в 2008 г. 888 тыс.). Новые жертвы преступности, включая преступников, ежегодно исчисляются миллионами. Социолог-криминалист В.В. Кривошеев пишет: «Криминализация общества — это такая форма аномии, когда исчезает сама возможность различения социально позитивного и негативного поведения, действия. Преступный мир уже не находится на социальной обочине, он на авансцене общественной жизни, оказывает существенное воздействие на все ее грани».

Массовая жестокость и «страх перед жизнью», «мощная доминанта пессимизма в восприятии будущего России». Дети отвечают: «Боюсь, что не доживу до 20 лет», «Мне кажется, что я никогда не стану взрослым — меня убьют». В школе укоренился мат. Социологи объясняют: «В социуме, заполненном страхами, дети находят в мате защитный механизм, сдерживающий агрессию извне».

Смертность подростков в 3—5 раз выше, чем в европейских странах. 75% смертей — от травм и отравлений. Уровень самоубийств подростков в России самый высокий в мире, он более чем в 3 раза превышает средний мировой показатель. Уровень травматической смерт-

ности мужчин вчетверо выше, чем во Франции и США, и в 8 раз выше, чем в Великобритании.

Наблюдается неожиданное для российской культуры явление *геронтологического насилия*. Оно наблюдается во всех социальных слоях, четверть истязателей стариков имеет высшее образование.

Резкое сокращение временного диапазона жизненных планов. Неопределенность и дезорганизация жизни и отношений. «Кризис идентичности личности», постоянный стресс и массовые психические расстройства как важная причина роста заболеваемости. «Люди видят и с трудом переносят усиливающиеся жестокость и хамство сильных». 80% инсультов в стране происходит на фоне депрессий.

Все это подавляет в людях творческие импульсы. Да, модернизация необходима. Но сначала надо произвести реабилитацию всего общества, устранить источники социальных страхов и стрессов, успокоить людей. Происходит же обратное, нам все время пророчат социальные потрясения, от которых обывателю некуда спрятаться. В обществе задается очень высокий уровень нервозности. Для чего-то это надо, но на позитивной модернизации ставит крест.

Если всерьез говорить о модернизации, надо оценить и масштаб вызова, и наши возможности. И менять условия! Ведь порочные круги необходимо разрывать — как это ни трудно. Каждая попытка, вырождающаяся в болтовню, отравляет и так больной организм народа.

А.И. СУБЕТТО

Самоутверждение России в XXI веке как лидера в ноосферном прорыве человечества

Аннотация. Раскрывается заданная на юбилейном симпозиуме тема: «Самоутверждение России: социум, экономика, политика» как ноосферное самоутверждение России в качестве лидера в ноосферном прорыве человечества. Определены основные положения стратегии такого прорыва, связанные с категориями ноосферизма и ноосферного социализма. Показано, что России всей историей социума, экономики и культуры предуготована миссия духовного водителя в таком прорыве.

Ключевые слова: самоутверждение, Россия, ноосфера, ноосферизм, ноосферный социализм, глобальная экологическая катастрофа, метафизический коммунизм, всечеловечность, управляемая социоприродная эволюция, общественный интеллект.

Abstract. The article covers the topic, touched at the anniversary symposium «Russia's self-identification: society, economy, politics» as Russia's noospheric self-identification in a position of leader in noospheric humanity's break, in particular. Basic strategic issues of such a break are established and their relations with the categories of noospherism and noospheric socialism are shown. Russia with its history of society, economy and culture is considered to become leader in such a break and it is prepared to head it.

Keywords: self-identification, Russia, noosphere, noospherism, noospheric socialism, global ecological catastrophe, metaphysic communism, all-humaneness, controlled social and natural evolution, social intellect.

Будущее в определенном смысле вырастает как из настоящего и прошлого, так и из желаемого будущего и закрепляется с помощью общественного идеала — в данном случае с помощью «России идеальной». «Россия реальная идет за Россией идеальной, — и последняя хотя и не совпадает с первой, но в ней сначала телеологически, а потом и эсхатологически непременно присутствует. Отсюда и стремление воображающего интеллекта к опережению, пусть и несколько утопическому, не самой удовлетворительной действительности» (Ю.М. Осипов [1]).

Сформулируем систему положений, которые бы отвечали на вопросы — в чем состоит смысл окончательного самоутверждения России, которое, конечно, есть только историческое самоутверждение, неотъемлемое от ее исторической самоидентификации, и каким содержанием наполняется стратегия самоутверждения России в XXI в.?

Фактически мы встречаемся с рядом близких по своему смыслу категорий — *самоидентификация, самоутверждение, русская идея*, или *национальная идея*, России, которые на смысловом поле социокультурной и цивилизационной самоидентификации России перетекают друг в друга. Эти самосозидание и самоутверждение суть история России как евразийской, общинной, самой «холодной» цивилизации в мире (именно — самой «холодной», поскольку в близкой по климатогеографическим, природным условиям Канаде хозяйствующее население сосредоточено на восточных и частично западных «территориях», где условия для сельского хозяйства близки к условиям срединной и южной Украины: «от широты Киева» до «широты Одессы»).

И если возник вопрос о самоутверждении России, то он возник только потому, что Россия вошла в *тупик своей истории*, который, на мой взгляд, является сколком, или слепком, *глобального тупика всей истории человечества*, в виде первой фазы *глобальной экологической катастрофы*, и стоящих за нею *духовной, информационной, антропо-*

логической катастроф, на «языке» которых природа подписала на рубеже XX и XXI вв. свой смертельный экологический приговор капитализму и рынку.

То, что переживает Россия, лишь служит предикторным (упреждающим) «сигналом» по поводу того, что ждет весь мир, человечество, поскольку Российская Евразия — «центр устойчивости и неустойчивости» мира, своеобразная «подвеска» маятника истории человечества — колебаний ее «напряженности — ненапряженности», «неравновесия — равновесия» (но и не только истории человечества, а, похоже, всей системы биосферы, если принять во внимание, что предельные остатки устойчивости биосферы держатся за счет, главным образом, лесных ресурсов России, Канады и частично Бразилии, все остальные страны мира уже превратились в «экологических должников»⁵.

Окончательное самоутверждение как форма цивилизационного самосохранения России в XXI в., думаю, будет иметь свое будущее и развитие только тогда, когда Россия выдвинет научно-мировоззренческую систему и новую идеологию XXI в., которые предложат человечеству научные, социально-экономические, духовно-нравственные и ценностные основания выхода человечества из экологического тупика!

Такой научно-мировоззренческой системой и идеологией для XXI в., по оценке автора, является *ноосферизм*, который провозглашает общественный идеал — *ноосферный, экологический, духовный социализм*, обеспечивающий управляемую социоприродную (ноосферную) эволюцию на базе общественного интеллекта и образовательного общества.

Речь идет о ноосферном прорыве в будущее всего человечества в XXI в. — единственной стратегии спасения человечества от экологической гибели (уже к середине XXI в.), зачинщиком и духовно-интеллектуальным водителем которого может и должна стать Россия (см.: [3]).

Я выдвигаю на обсуждение для всех тех, кому не безразлична судьба России в XXI в., формулу: «Россия спасется, предложив всему миру философию и идеологию спасения от экологической гибели всего человечества, предложив стратегию такого спасения в виде единственной формы — установления ноосферного, экологического, духовного социализма».

Что же кроется за понятиями «ноосфера» и «ноосферизм»?

По моей оценке, хотя термин «ноосфера» и был предложен Леруа и разрабатывался Пьером де Шарденом в его теологической концепции

---

⁵ Это хорошо показано на языке чисел в книге А.П. Федотова [2].

ноосферы, научная ее концепция впервые была разработана и предложена великим русским ученым-энциклопедистом, титаном эпохи русского возрождения В.И. Вернадским. Анализ системы воззрений Вернадского на «ноосферу» и развитие этой категории современными отечественными исследователями, например, такими учеными, как В.П. Казначеев, Н.Н. Моисеев, А.Д. Урсул и др., позволили мне выделить восемь ее основных экспликаций. Но главным определением ноосферы является взгляд на нее, как на новое состояние биосферы, в котором человеческий коллективный разум, превратившись, благодаря большой энергетике мирохозяйствования — и соответственно природопользования, в силу планетарного масштаба, сравнимую по воздействию с другими факторами геологической эволюции, становится гармонизирующим и управляющим звеном в гомеостатических механизмах планеты Земля и биосферы как суперорганизмов.

Трактовать ноосферу только как сферу разума, да еще противостоящую биосфере — означает вульгаризировать научные построения В.И. Вернадского, впервые предложившего целостную концепцию биосфероведения и на ее основе — начала будущего учения о ноосфере.

Ноосферизм есть современное развитие учения о ноосфере В.И. Вернадского, которое происходит в эпоху *великого эволюционного перелома* — эпоху, связанную с наступившими экологическими пределами прежних цивилизационных оснований развития человечества, в первую очередь — институтов частной капиталистической собственности, рынка, строя мировой финансовой капиталократии и всей системы глобального капитализма — империализма (см.: [4]). Императив выживаемости человечества в XXI в. предстает как императив его перехода к ноосферной парадигме развития.

Ноосферизм в этом контексте есть ноосферно-ориентированный (или ноосферно-сфокусированный) синтез всех наук, о котором — в своей логике — как о синтезе единой науки о человеке и природе — говорил К. Маркс, соединяющий в себе все четыре макроблока — естествознание, человекознание, обществознание и технознание в их ноосферной (или космоноосферной) парадигме представления.

Но ноосферизм не замыкается только вернадскианской революцией в системе научного мировоззрения, становлением новой космоноосферной (организмоцентрической) картины мира, но еще и формирует общественный идеал, ту оптимальную социальную и хозяйственную организацию общества, которая обеспечит управляемую социоприродную (социобиосферную) динамическую гармонию (см.: [5]). Такое социальное устройство я и называю ноосферным, экологическим, духовным социализмом.

Социализм XXI в., который спасет человечество от экологической гибели, является потому ноосферным, что свои ценностные преимущества по сравнению с капитализмом, дающие расцвет творчеству человеческой личности и определяющей возвышение качества духовно-нравственного мира и качества интеллекта человека и общественного интеллекта (на базе всемерного развития образования и науки, превращения общества в образовательное общество), переводит в базис становления *ноосферы будущего* в виде управляемой социоприродной эволюции и образовательного общества.

Одновременно ноосферность социализма определяет его экологичность, что означает, что ноосферный социализм как естественное свое свойство и как высший приоритет включает в себя решение глобальных экологических проблем, формирование ноосферного права, в котором учитываются интересы природы, ее право на развитие и сохранение своего разнообразия и организмичности.

Ноосферный и экологический социализм потому является духовным социализмом, что без примата духовных потребностей и начал жизни над материальными потребностями и началами, связанного с введением «вето» на любые формы сверхобогачения и сверхпотребления, выходящие за границы разумного (общественно необходимого) потребления его, невозможен.

Здесь оказываются востребованными представления С.Н. Булгакова о *метафизическом коммунизме мироздания*, которые у него возникли естественным образом в процессе разработки основ его космической философии хозяйства. Напомню его знаменитую мысль, высказанную в «Философии хозяйства», впервые увидевший свет в 1912 г.: «Итак, возможность потребления принципиально основана на метафизическом коммунизме мироздания, на изначальном тождестве всего сущего, благодаря которому возможен обмен веществ и их круговорот, и прежде всего предполагает единство живого и неживого, универсальность жизни. Только потому, что вся вселенная есть живое тело, возможно возникновение жизни, ее питание и размножение» [6, 73].

С.Н. Булгаков, В.И. Вернадский и А.Л. Чижевский формируют организмоцентрическую картину мира, совокупность воззрений на которую представляет собой *меморандум Булгакова—Вернадского—Чижевского* — меморандум космической организованности всего сущего и жизни в Космосе⁶. *Метафизический коммунизм мироздания*

---

⁶ Понятие «Меморандум Вернадского — Чижевского», или «Космический меморандум организованности живого мироздания», ввели И.Ф. Малов и В.А. Фролов в работе [7, 65 — 75]. Я концепцию этого Меморандума развил,

требует от хозяйствующего человека, чтобы он почувствовал себя частью целого всего мироздания, что означает выход на передний план ответственности человека за сохранение хрупкой целостности живой природы в процессе его хозяйствования на Земле. Иными словами, *метафизический коммунизм мироздания*, по С.Н. Булгакову, требует соответствующей «коммунистической организации» социального устройства жизни человека, которая была бы адекватна этому «метафизическому коммунизму мироздания», а это и есть ноосферный, экологический, духовный социализм.

Ноосферный социализм не «голое отрицание» социализма XX в., а его диалектическое снятие, т. е. его развитие с учетом реалий эпохи великого эволюционного перелома, императива выхода из «западни» первой фазы глобальной экологической катастрофы.

Природа, «метафизический коммунизм мироздания» отрицают глобальный капитализм (а он одновременно есть и глобальный империализм как выражение строя мировой финансовой капиталократии [8]) — отрицают в виде разворачивающейся глобальной экологической катастрофы, требуют от человечества смены рыночно-капиталистических, частнособственнических оснований хозяйствования и жизни общества на социалистические основания, на ноосферный социализм, в котором бы соблюдались требования закона опережающего развития качества человека, качества общественного интеллекта и качества образовательных систем в обществе [9; 10].

Таким образом, XXI в. — это век новой, второй волны *Глобальной социалистической цивилизационной революции*, которая уже накатывается на мир, демонстрируя возрастающую тягу народов разных континентов к социализму уже в первом десятилетии этого века (примеры — весь латиноамериканский континент, поднимающееся движение к социализму в Европе, развивающийся социализм на Кубе, в Ливии, Китае, Вьетнаме, Лаосе, заявленная стратегия движения к социализму в Венесуэле и Боливии и т. д.).

В этом контексте истинная «модернизация», под которой понимается обновление технологического базиса экономики в России, возможна только как ноосферно-социалистическая модернизация, решающая проблему создания ноосферной техносферы, ноосферного технологического базиса мирохозяйствования на Земле.

ввел его в теоретическую систему ноосферизма, показал, что впервые положение о мироздании как «живом теле», т. е. организме, сформулировал С.Н. Булгаков, и придал этому меморандуму название *меморандума Булгакова—Вернадского—Чижевского* (см.: [3]).

Таким образом, возвращаясь к тезисам Ю.М. Осипова по поводу самоутверждения России как великой державы в мире XXI в., я утверждаю следующий тезис: единственной формой окончательного самоутверждения России «как новой великой державы, способной к целостному воспроизводству и разностороннему развитию» является *ноосферно-социалистическое самоутверждение России*, ее самоутверждение как лидера в ноосферном прорыве человечества.

Для этого у России, как ни у какой другой страны мира, есть все:

- опыт социалистического прорыва человечества из России в XX в. [11; 12];

- интеллектуально-философско-культурное наследие в виде «Русского космизма» и русской философии, а также вся эпоха русского возрождения;

- опыт прорыва России — СССР в космос в лице первого полета русского человека Юрия Алексеевича Гагарина, 50-летнюю годовщину которого мы отметим 12 апреля 2011 г.;

- становящийся ноосферизм как новая научно-мировоззренческая и идеологическая система, призванная вооружить человека общественным идеалом XXI в. и соответствующими знаниями и компетенциями, чтобы ноосферно-социалистический прорыв состоялся;

- и, наконец, вся философия хозяйства XXI в., которая приобретает новое, мировоззренческое качество, благодаря трудам Ю.М. Осипова и всей российской философско-хозяйственной школы, которую он вот уже 20 лет возглавляет и, как хороший садовник выращивает свой сад, лелеет и развивает эту школу;

- мощные заделы в виде уже разработанных ноосферных технологий⁷.

Российское перестроение, которое обсуждалось на V Малом университетском форуме в 2009 г., есть на самом деле начало глубокого перестроения всех основ жизни человечества на Земле, связанного со становлением ноосферы будущего» в XXI в., фиксирующей динамическую социоприродную гармонию, т. е. социоприродно-ноосферную эволюцию с учетом тех ограничений, которые диктуются законами гомеостатических механизмов планеты Земля и биосферы как суперорганизмов (к этим законам относятся закон квантитативной компенсаторной функции А.Л. Чижевского, законы Бауэра—Вернадского (в интерпретации В.П. Казначеева), которые отражают действующие механизмы растущей организованности (структурности) или негэнтро-

---

⁷ Чтобы не быть голословным, сошлюсь на капитальный труд целого коллектива ученых и конструкторов, создавшего такие технологии (и это только один из примеров) [13].

пии монолита живого вещества на Земле, закономерность растущего доминирования закона кооперации и «механизма интеллекта» над законом конкуренции и механизмом естественного отбора (в моей интерпретации) и др.).

Надо осознать, что время узких специалистов — «профессиональных кретинов» (здесь возникает рефлексия по поводу нового «профессионального кренинизма», на который указывал К. Маркс), время бюрократов — «управленческих кретинов», стремящихся управлять сложным как простым, прошло. Наступает эпоха универсального, гармоничного человека, адекватного универсальности мира, а она требует профессионалов универсального типа, профессионалов-проблемщиков, на необходимость подготовки которых указывал еще В.А. Легасов (исходя из своего анализа уроков Чернобыльской катастрофы в 1986 г.), т. е. новой парадигмы профессионализма.

Поэтому возникает проблема перестроения содержания системы образования, причем современного, а не того перестроения, которое пытаются осуществить «реформаторы-либералы», приняв ложную стратегию Болонского соглашения за истинную.

Речь идет о ноосферном образовании, о его становлении как базовом условии ноосферного прорыва общества. Ноосферная общественная академия наук проводит работу по созданию теоретических и методологических условий для такого прорыва [14; 15].

Ключевую роль системы образования и просвещения в логике ноосферного прорыва, ноосферной цивилизационной революции, хорошо понимал Н.Н. Моисеев. Он даже ввел понятие системы «учитель», под которой фактически понимал всю систему образования и просвещения и в пространстве которой общество начинает понимать фундаментальную функцию «учитель» во всех процессах управления ноосферным развитием. Он увязывал «нравственный императив» с этой системой «учитель». Н.Н. Моисеев пишет, что система «учитель» — «корпус учителей» — «может оказаться той базой и той жизненной школой, которая станет способной отбирать людей, годных для руководства другими людьми, и тем, кому может быть доверено распоряжаться тем могуществом, которым мы уже располагаем» [16, 267, 268].

Окончательное самоутверждение России требует пересмотра всей системы взглядов в образовательной политике на роль и содержание системы непрерывного образования, который диктуется логикой «самоутверждения России» в XXI в.

Экономики стран мира претерпевают глубокую технологическую революцию последние 50 лет. В развитых странах экономики стали наукоемкими, интеллектоемкими, образованиеемкими, качественными, «быстроходными», с растущим сектором «плановой экономики».

Главным в этих трансформационных процессах стало то, что образование заняло особую институциональную позицию в системе духовного и материального воспроизводства, превратившись в базис базиса такого воспроизводства.

Вот почему все разговоры нынешних властей о «модернизационном проекте» России являются в лучшем случае блефом, поскольку в этом «проекте» нет понимания ключевой роли науки и образования как движителей экономического развития, главным фактором экономической конкурентоспособности России, нет понимания того факта, что стратегия спасения и человечества, и России от экологической гибели (уже к середине XXI в.) «диктует» императив всеобщего высшего образования и перехода к «образовательному обществу» и «образовательной экономике» (кстати, эти понятия намного богаче по содержанию, чем «общество знаний» и «экономика знаний», «эксплуатируемые» на Западе) как главным условиям ноосферного развития.

С.Н. Булгаков, предлагая свою православную философию метафизического коммунизма мирозданию, подчеркивал «софийность природы», через которую проявляются «логическая связь вещей, ее закономерность» [17, 127] и которая требует такой же «софийности» в организации хозяйства на Земле, которая возможна только тогда, когда хозяйство гармонично встроится в систему этого «метафизического коммунизма» всей Вселенной. «Есть некоторая космологическая карма сущего. Единство мироздания, физический коммунизм бытия, делает то, что физически все находит себя или есть во всем, каждый атом мироздания связан со всей вселенной, или, если приравнять вселенную организму, то можно сказать, что он входит в состав мирового тела» [17, 65], — писал С.Н. Булгаков. Он подчеркивал, что «в истории... хлеба, как и всякой частицы вещества, заключена история всей вселенной. Для того, чтобы он мог вырасти и получить теперешнюю форму, необходимо совокупное действие всего мирового механизма в его прошлом и будущем» [17, 72]. Отмечу, что в системогенетике это положение С.Н. Булгакова подтверждается концепцией закона спиральной фрактальности системного времени, расширяющей действие принципа Геккеля на всю космическую эволюцию (см.: [18]). В соответствии с этим законом в системогенезе любой сущности в космосе и на Земле повторяется в свернутом виде вся предшествующая спираль развития. Это свойство в эволюции мироздания служит еще одним основанием его голографического строения, той особенности в организации Вселенной, которая отражает, что «все находит себя и есть во всем», «каждый атом мироздания связан со всей вселенной» (как у С.Н. Булгакова). Одновременно это свойство прогрессивной эволюции — основания процесса «оразумления» Вселенной — в ее ноосферизации, в соответствии с которой человеческой разум на Земле появляется

неслучайно, а космоэволюционно — закономерно (см.: [19]). Интересно, что к этому же выводу приходит Н.Н. Моисеев. Он пишет: «Появление на Земле интеллекта — это столь же естественный закономерный этап ее развития, этап ее космической истории... как и возникновение жизни...» [20, 164].

В ноосферном самоутверждении России русское православие, которое сохранило верность древней христианской догматике, которую можно назвать «христианским социализмом», может стать ее участником в силу исповедуемых ею ценностей любви и добротолубия. С.Н. Булгаков даже выпустил серию своих работ по христианскому социализму.

Ю.М. Осипов, как истинный диалектик, подчеркнул, что «бытие-кризис» есть еще и «устройство-кризис» [21, 31].

Поэтому выход из этого кризиса и включает в себя перестроение России, а вслед за нею и «мира людей» на Земле, которое становится и окончательным самоутверждением России. Окончательным — потому, что если этого не произойдет, то будущего не будет, а будет экологическая гибель, т. е. небытие, символом наступления которого может стать смысл поэмы А.С. Пушкина «Пир во время чумы» — только смысл в расширительном толковании, когда «пир» купающихся в наслаждениях богатых людей — владельцев капитала, т. е. капиталоκραтии — происходит на фоне затягивающейся «петли» экологической катастрофы на шее жизнеобеспечения человечества.

Трагедия России состоит в том, что рыночно-капиталистическая контрреволюция оказалась не способной к созиданию. Она, т. е. ее лидеры в лице партии западников — либералов, оказалась не способной выдвинуть идеологию, мобилизующую все общество, всю Россию на «прорыв» в достойное ее великой истории будущее.

С.Ю. Глазьев так прокомментировал происходящий процесс рыночно-капиталистического «перестроения»:

«Стоит добавить, что после первичного передела госимущества (мое замечание: экспроприации социалистической собственности у народа через приватизацию по А.Б. Чубайсу. — А.С.) наши предприниматели начали грызть друг друга. Пресловутые рейдерские атаки сегодня — это не эксцессы, а норма существования бизнес-сообщества. Какое это имеет отношение к реальной модернизации? Как правило, самое негативное, поскольку на эту грызню за якобы “священную” собственность уходят воистину гигантские силы и средства. В результате у нашей страны отсутствует реальное целеполагание... государство и общество не может ответить на вопрос, к какой цели стремится — такое государство и такое общество исторически обречены» [22].

Это означает, что Россия превратилась в плывущий в штормовом море Истории корабль, у которого сломаны и «ветрила», т. е. паруса, и «руль», а капитан и его помощники закрылись в каюте для непрекращающейся гульбы.

Вопрос встал о спасении корабля под именем «Россия». И начинается это спасение с восстановления управления ее развитием, которое невозможно без целеполагания. Это означает, что нынешняя разрушительная рыночно-капиталистическая контрреволюция должна смениться созидательной контр-контрреволюцией, т. е. созидательной революцией, наступающей в логике гегелевского закона отрицания отрицания, которая может состояться только как ноосферно-социалистическая революция.

С.Ю. Глазьев ставит вопрос об «опережающей модернизации» экономики России. И это верная постановка проблемы для России, только с одной оговоркой — опережающей модернизации на базе созидания ноосферно-технологического базиса и ноосферной экономики.

Россия, ее научно-философская мысль, социокультурная память ее истории наиболее подготовлены для того, чтобы стать стартовой площадкой ноосферного и космоноосферного одновременно прорыва человечества к новому будущему в XXI в., в котором весь потенциал научного и культурного творчества, весь позитивный потенциал познания человечеством себя и природы, все устремления — духовные и нравственные, освященные любовью и добротолубием, сама закономерность ноосферизации Вселенной, приведшей к появлению человеческого разума, — будут работать на счастье каждого человека на Земле, которое есть гармония с природой, осмысление в себе разума, отвечающего за жизнь всех живых существ на Земле и в космосе, т. е. осмысление в себе космического разума. Но путь к этому лежит через ноосферный, экологический, духовный социализм, через избавление от рыночно-капиталистического «инферно», делающего ставку на эгоистический индивидуализм и собственное обогащение за счет других, которое так красочно показал И.А. Ефремов в романе «Час быка»: «инферно», превращающееся в экологическую гибель человеческой цивилизации.

Ф.М. Достоевский в знаменитой речи при открытии памятника А.С. Пушкину в 1880 г. назвал в качестве важнейшей характеристики русскости великого поэта *всечеловечность*.

В XXI в. всечеловечность русского человека должна обернуться выдвигаемой из России идеологией спасения человечества от экологической гибели через новую социалистическую организацию жизни, которая есть ноосферный социализм. Это и будет началом самоутверждения России в XXI в.

Литература

1. Философия хозяйства. 2010. № 5.
2. Федотов А.П. Глобалистика. М., 2002.
3. Субетто А.И. Ноосферный прорыв России в будущее в XXI веке. СПб., 2010.
4. Субетто А.И. Эпоха великого эволюционного перелома. СПб.; Кострома, 2007.
5. Вернадскианская революция в системе научного мировоззрения — поиск ноосферной модели будущего человечества в XXI веке / Под ред. А.И. Субетто. СПб., 2003.
6. Булгаков С.Н. Философия хозяйства. М., 1990.
7. Малов И.Ф., Фролов В.А. Космический меморандум организovanности живого мироздания // Дальфис. 2006. № 4(48).
8. Субетто А.И. Капиталократия и глобальный империализм. СПб., 2009.
9. Субетто А.И. Опережающее развитие человека, качества общественных педагогических систем в обществе и качества общественного интеллекта — социалистический императив. М., 1990.
10. Субетто А.И. Ноосферный социализм как форма бытия ноосферного человека. СПб., 2006.
11. Субетто А.И. Владимир Ильич Ленин — гений русского прорыва человечества к социализму. СПб., 2010.
12. Субетто А.И. Апостол социализма (к 130-летию со дня рождения Иосифа Виссарионовича Сталина). Кострома, 2009.
13. Драчев П.Т., Кнополь В.А., Никитин А.Н. Проект «Ноосферные транспортные системы Сибири и Дальнего Востока». Итоги реализации. Новосибирск, 2005.
14. Ноосферное образование в евразийском пространстве / Под ред. А.И. Субетто. СПб.; Кострома, 2009.
15. Ноосферное образование в евразийском пространстве: В 2 кн. Т. 2 / Под ред. А.И. Субетто, В.Г. Егоркина. СПб., 2010.
16. Моисеев Н.Н. Человек и ноосфера. М., 1990.
17. Булгаков С.Н. Философия природы. М., 1990.
18. Субетто А.И. Социогенетика: системогенетика, общественный интеллект, образовательная генетика и мировое развитие. М., 1994.
19. Субетто А.И. Ноосферизм. Т. 1. Введение в ноосферизм. СПб., 2010.
20. Моисеев Н.Н. Современный рационализм. М., 1995.
21. Осипов Ю.М. Современная Россия: бремя перемен. М., 2009.
22. Глазьев С.Ю. Не догонять, а обгонять... // Завтра. 2010. № 46 (887).

С.В. БИРЮКОВ

Россия: менеджмент развития как ответ на современные вызовы

Аннотация. Статья рассматривает современное состояние ресурсов модернизации и перспектив ее осуществления в России. Автор анализирует альтернативные варианты развития страны: системная деградация, хаос и смута. Автор рассматривает менеджмент развития как наиболее приемлемый вариант стратегии модернизации, анализирует его характер и содержание применительно к условиям России.

Ключевые слова: развитие, смута, катастрофа, хаос, политический переход, менеджмент, инновация, регресс, стабилизация, модернизация, самоуправление.

Abstract. Article considers a current state of resources of modernization and prospects of its realization in Russia. The author analyzes alternative variants of development of the country: system degradation, chaos and the distemper. The author considers development management as the most comprehensible variant of strategy of modernization, analyzes its character and the maintenance with reference to conditions of Russia.

Keywords: development, the distemper, accident, chaos, political transition, management, an innovation, recourse, stabilization, modernization, self-management.

Развитие — процесс поступательного, планомерного и качественного изменения системы, когда накопившиеся в различных областях количественные предпосылки обеспечивают переход системы и образующих ее подсистем в новое качество.

Плата за отказ от развития в российском случае (и в 1917, и в 1991 г.) — революция и развал страны. Ответственность за распад державы руководителей, отказавшихся от реформ либо инициировавших под видом реформ хаос или регресс, очевидна. В подобном ключе сегодня нередко оценивают и Николая II, и Горбачева. Личные судьбы у двух бывших руководителей великой страны разные, но факт того, что при первом распалась Российская империя, а при втором — СССР, отменить невозможно. Результатом половинчатых реформ или их имитации традиционно становится *русская катастрофа* или *русская смута*, означающие слом не только государства или политической системы, но и всего предшествующего цивилизационного уклада, как уже было в русской истории в 1603—1604, 1917 и 1991 гг.

Исходной точкой наших рассуждений является актуальная политическая ситуация. В России в течение 2000—2008 гг. была успешно

реализована политика *менеджмента стабилизации*. Были консолидированы политические, экономические и информационные ресурсы в целях обеспечения жизнеспособности системы «транзитного типа» была законсервирована некоторая условная «переходность». Сегодня наступило время перехода к *менеджменту развития*. России необходимо попрощаться с иллюзиями самодостаточности, возникшими в так называемые «сытые годы» вследствие эффектов сырьевого роста. Ибо бездумная консервация «переходного состояния» — ловушка для страны.

Как справедливо замечает в своей статье «Взрывы», посвященной трагическим событиям на шахте «Распадской», побывавший в Кузбассе политолог С. Кургинян, «Россия — страна специфического капитализма, и это мы все понимаем. Ее основные фонды изнашиваются, причем стремительно. Технологические катастрофы на подходе. Крупные игроки могут (вновь треклятое “либо-либо”!) ЛИБО ждать, пока эти катастрофы произойдут естественным образом (но этого ждать придется не один год), ЛИБО с помощью спецкатастроф ускорять неизбежное» [1]. Как представляется, задача государства и общества — избежать этого самого «необходимого», влекущего за собой столь масштабные жертвы.

Как пишет С. Кургинян, Россия продолжает двигаться в регрессивной колее. Нет не только возрождения, но и стабилизации. Стабилизирован регресс — и только. Все, что может переломить такое состояние (несовместимое ни с какой государственностью), требует особой — контррегрессивной — мобилизации. Она почти невозможна. Но если ее не осуществить, задействовав вышеназванное «почти», — историческое прозябание очень быстро превратится в историческую агонию [2].

Самый распространенный ныне стереотип обобщенно звучит так: «Даже если Россия никуда и не войдет, а нынешние тенденции переломить не удастся, ничего страшного не случится. У нас много ресурсов, есть ядерное оружие, никто к нам не сунется. Будем жить долго и счастливо — на зависть Западу и Востоку» [2].

В действительности же нынешние (постстабилизационные) тенденции несовместимы с жизнью. Налицо два процесса — медленный распад управляющего субъекта (государства) и опережающий распад объекта (страны), которым этот субъект пытается управлять.

Ныне покойный Е.Т. Гайдар, обосновывая в современной ситуации квазилиберальную стратегию «государственного недеяния», предлагал в качестве своеобразного «концепта» библейскую метафору о тучных и тощих коровах, символизировавших в известном сне фараона тучные и тощие лета. Более конкретно он предлагает ждать, пока «наше руко-

водство привыкнет жить в иных, более тяжелых условиях, во время тощих лет» — т. е. сделает Россию хорошо управляемым «минимальным государством». При этом Е.Т. Гайдар, к сожалению, так и не задался вопросом о том, что будет со страной в результате подобной «минимализации» функций и сферы ответственности государства.

Однако современные вызовы столь масштабны и серьезны, что для России не осталось возможности для подобной «квазилиберализации», имитации реформ или для проведения модернизации в «усеченном варианте». «Перестройка», как справедливо замечают, оказалась лишь имитацией подлинных качественных реформ, своеобразной «дымовой завесой», использованной ради передела власти и собственности под вывеской «смены политической и экономической системы». Реформы Гайдара обернулись масштабной демодернизацией страны, обрушением «промышленного контура» и формированием хорошо всем известной «экспортно-сырьевой» модели экономики.

Как представляется, России в силу ее сложности и «многосоставности», а также вследствие влияния ряда «кризисных эффектов» противопоставлены как «потрясения» («революции» любого цвета), так и любая форма социально-экономического (пусть и сугубо бутафорского) «застоя», который будет означать перенос всех тягот реформ и ответственности за них на последующие поколения россиян. Все это еще раз подтверждает отсутствие конструктивной альтернативы курсу на модернизацию, заявленного Президентом России Д. Медведевым. Согласованная деятельность государства и общества по проведению необходимых реформ, затрагивающих основные общественные сферы и учитывающих интересы многообразных слоев общества — вот действительно разумный ответ на все современные вызовы. И именно она позволит в будущем избежать в будущем катастроф, подобных той, которая совсем недавно всю Россию во время летних «лесных пожаров» и катастрофы на шахте «Распадской» в Кемеровской области, показавших несовершенство упований на одну только «единую властную вертикаль», а также губительность модели «минимального» и снимающего с себя социальную ответственность государства. В то же время «рестрикционная» политика правительства, по мнению автора, провоцирует масштабные системные риски, грозящие похоронить условную стабильность 2000-х гг. Наглядным примером подобной политики является недавно принятый Думой закон «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с совершенствованием правового положения государственных (муниципальных) учреждений», переводящий на коммерческую основу практически всю социальную сферу.

В том же духе выдержаны последовательные действия реформаторов (от) образования. Последовательно копируя элементы Болонской системы, исполнительные реформаторы успешно демонтируют национальную модель и внедряют модель «кастового» образования, призванную стать фундаментом соответствующего типа общества. Закрепляя тем самым за Россией статус страны «периферийного капитализма», которая будет способна имитировать некоторые внешние «образцы» в экономике, социальной сфере, науке и культуре, но уже не сможет совершать качественные прорывы в науке, экономике и политике. Впрочем, последнее будет представлять собой закономерный итог деятельности так называемых «просвещенных патриотов» во власти, поставив крест на любых масштабных проектах, полагающих в качестве своей конечной цели «величие нации».

Или взять другой, не менее одиозный пример — недавние инициативы главы комитета по рынку труда и кадровым стратегиям Российского союза промышленников и предпринимателей, известного олигарха М. Прохорова по внесению изменений в Трудовой кодекс. Последний предлагает ввести в стране 60-часовую рабочую неделю. В случае принятия таких поправок к ТК и при условии сохранения двух выходных в неделю получится, что длина рабочего дня составит не 8, а целых 12 часов. То есть, Прохоров собирается вернуть трудящихся, по сути, в дореволюционные времена, когда рабочие надрывались на фабриках и по 12, и даже по 16 часов в сутки.

В результате торжества подобных подходов современная Россия вместо «боев за модернизацию» имеет поступательное торжество минималистского бюрократического государства, блокирующего саму возможность модернизации как таковой. Ибо государственная бюрократия, усиление веса и влияния которой стало одним из ключевых следствий курса на «усиление государственности» 2000-х гг., стремится не модернизировать общество, но укрепить свое формальное и неформальное господство, соединив в своих руках «административную» и «сырьевую» ренту. Желанием оправдать складывающийся «статус-кво», собственно говоря, и вызваны к жизни современные «консервативные» проекты некоторых приближенных к партии власти идеологов и «свободных художников от власти». В конечном итоге государство, последовательно уменьшая ответственность за социальную сферу, целенаправленно разрушает ту социальную среду, которая должна быть рецептором и проводником столь желанных инноваций.

На наш взгляд, немалая часть современной российской элиты страдает своеобразной «абберацией зрения», не понимая того, как конкретные политические решения либо уклонение от них порождают масштабные системные риски. Во-первых, непонимание того, что по-

следовательный «сброс» государством ответственности за социальную сферу при видимом «упрощении» системы управления продолжает развернувшийся в 1990-е гг. процесс «системной деградации общества», грозящий необратимым разрушением остающегося «социального капитала». Во-вторых, непонимание того, что достигаемая по преимуществу административными методами «консолидация элиты» с последовательным возведением «барьеров» между государством и обществом блокирует возможность модернизации в принципе. В-третьих, непонимание того обстоятельства, что односторонняя консолидация административного, экономического и культурно-информационного капитала в «центрах» с изъятием его у «периферии» не оставляет для модернизации необходимого ей «жизненного пространства». В-четвертых, неосознанность того, что отсутствие единой стратегии и проекта модернизации, охватывающего разные сферы российского общества превращает модернизацию в набор «экспромтов», позитивный эффект от которых быстро сойдет на «нет». В-пятых, отказ воспринять тот факт, что модернизация, осуществляемая преимущественно за счет внешних ресурсов и источников, без мобилизации собственного потенциала страны едва ли имеет серьезные шансы на успех. В-шестых, непонимание того, что модернизация на основе «механического копирования» зарубежных образцов без опоры на «креативный потенциал» собственной страны невозможна.

Российское общество, и в том числе его активная часть, остается в этой ситуации на правах «парии», лишаясь на перспективу доступа ко многим «благам и завоеваниям» цивилизации, а также перспектив развития. В чем же состоит для нашей страны выход из подобной «олигархо-бюрократической» контр-модернизационной «ловушки»? В реализации последовательной инновационной стратегии, основанной на менеджменте развития.

«Менеджмент развития» как вариант российского выбора

По нашему глубокому убеждению, России для успешного решения всего комплекса стоящих перед ней проблем необходим отказ от «менеджмента стабилизации» в пользу «менеджмента развития».

Менеджмент развития — стратегия государственной политики, нацеленная на неуклонное эволюционное повышение конкурентоспособности (жизнеспособности) общества и всех его подсистем, повышение качества социального капитала и стандартов жизни.

Менеджмент развития, в свою очередь, предполагает: 1) не управление по тенденциям, но реализацию долгосрочных стратегий во всех сферах жизни общества; 2) не спонтанные экспромты, но реализацию самостоятельного российского стратегического проекта «прорывного

характера» (своеобразный российский аналог «Манхэттенского проекта»); 3) не реагирование на внешние вызовы, но проактивное конструирование новой геополитической реальности, отвечающей долгосрочным российским интересам; 4) не копирование внешних образцов, но самостоятельное стимулирование инноваций в разных сферах жизни российского общества; 5) не догоняющую модернизацию, но активизацию и мобилизацию все еще сохраняющегося модернизационного потенциала страны — образовательного, производственного, научно-технического — в рамках приоритетных проектов развития.

В содержательном аспекте применительно к условиям России менеджмент развития предполагает: 1) отказ от сырьевой модели развития в пользу индустриально-инновационной; 2) создание новой экономики на основе новых высокотехнологичных укладов; 3) отказ от свертывания механизмов «социального государства» в пользу модернизации механизмов социальной политики; 4) отказ от механического копирования зарубежных стандартов в сфере образования и науки в пользу развития национальной модели образования, соединяющей имеющиеся национальные достижения с передовым зарубежным опытом; 5) новую региональную политику — не перекраивание административно-территориального деления, но создание на базе межрегиональных ассоциаций экономического взаимодействия новых экономических регионов (по образцу Франции 1960-х), способных консолидировать внутренние ресурсы и стать самостоятельными источниками роста.

Среди критериев эффективности комплексной стратегии национального развития, по нашему мнению, следует называть:

- *результативность*;
- *адекватность специфическим условиям страны* — национальному составу населения, специфике государственного устройства, историческим традициям политических отношений;
- *адаптивность к социально-экономическим и социально-культурным изменениям*;
- *комплексность* — способность одновременно решать различные аспекты национальных проблем (социальные, экономические, правовые);
- *эффективное функционирование механизма* обратных связей между субъектами и объектами государственной политики;
- *управляемость и стабильность* всей системы общественно-политических отношений;
- *последовательное стимулирование инноваций* во всех сферах жизни общества.

Можно сформулировать и основные принципы, на основе которых должна строиться *политика развития*:

- *рефлексивность* — способность к осмыслению всего комплекса присутствующих в социально-политической сфере проблем, промежуточных и итоговых результатов осуществляемых преобразований;
- *аналитичность* — аналитическое обоснование принимаемых в сфере политики решений, что предполагает использование специального аналитического инструментария как теоретиками, так и практиками реформаторского курса;
- *обоснованность принимаемых решений* с учетом параметров конкретной ситуации в сфере политических отношений;
- *технологичность* — опора практической политики на набор специализированных политических технологий;
- *прогностичность* — способность прогнозировать развитие ситуации в социально-политической сфере, развитие конкретной ситуации в сфере политических отношений, а также последствия принимаемых в этой сфере властно-политических решений;
- *гласность, открытость и подконтрольность* механизмов и процедур выработки и осуществления политики обществу;
- *задействование механизмов самоуправления и начал гражданской инициативы* при решении проблем в разных сферах жизни общества;
- *развитие механизмов помощи и защиты* «группам риска» и «проблемным группам», предоставление им льгот и привилегий на адресной основе;
- *опережающее, своевременное и оперативное реагирование* на возникающие напряжения и конфликты.

Следует признать, что российская власть пытается сегодня сформулировать искомую модернизационную стратегию для страны.

Так, в своих публичных выступлениях Президент России Д. Медведев и премьер-министр В. Путин неоднократно подчеркивали необходимость структурных реформ и технологической модернизации российской экономики, повышения ответственности власти и бизнеса в отношении выполнения их обязательств перед гражданами (и не только социальных), а также повышения роли публичных механизмов в политике с целью активизации диалога институтов государственной власти с различными институтами и сегментами гражданского общества.

Главный социально-экономический вывод из ситуации вокруг шахты «Распадской» и лесных пожаров в Центральной России состоит, на наш взгляд, в том, что экстенсивный в своей основе экономический

рост, не подкрепленный соответствующими законодательными гарантиями безопасности со стороны государства, а также планомерной государственной политикой по развитию производственной инфраструктуры, может стать причиной многих проблем и даже трагедий.

Трагедия еще раз наглядно продемонстрировала, что без структурной перестройки российской экономики и технологической модернизации производства долгосрочная стабильность в обществе и государстве едва ли достижима.

В свою очередь, либерализация экономики без комплексного развития социальной сферы не способна решить всего комплекса социальных проблем, существующих в современной России. Помимо этого, без создания новой инновационной экономики (вместо нынешней «сырьевой»), без ее последовательной демонополизации и дебюрократизации не удастся решить весь комплекс проблем, стоящих сегодня перед Россией.

Острая социальная ситуация вокруг Междуреченска, сложившаяся после аварии на «Распадской», а также выгорание в результате пожаров многих сел и деревень также продемонстрировали, что без дальнейшего развития эффективной и полноценной системы местного самоуправления, в том числе на муниципальном уровне, без формирования необходимой правовой и финансовой базы местного самоуправления в регионах долгосрочной стабильности также не достичь.

Все это делает необходимыми и определенные политические модификации. Без дополнения единой властной вертикали системой «обратных связей», прочно связывающих между собой институты власти и гражданского общества, без развития публичной сферы полноценной общественной стабильности и качественного динамичного развития не достичь — что неоднократно подчеркивал в своих публичных выступлениях Президент России.

Неизбежны, наконец, и определенные выводы относительно современного состояния и потребностей развития социально-гуманитарной сферы. Никакая технологическая модернизация невозможна без модернизации образования, политика безудержного «секвестирования» которого в принципе неприемлема и недопустима. Более того, необходима качественно новая научно-техническая политика государства, нацеленная на технологическое перевооружение и конкретно угольной отрасли, и производственной сферы в целом — без чего современные стандарты в обеспечении технологической безопасности и общей социальной защиты работников просто не достижимы. «Секвестр» лесотехнической отрасли также должен быть пересмотрен.

Помимо этого, в системе отношений «власть — собственники — наемные работники» необходимо усиление именно публичной состав-

ляющей подобного взаимодействия вместо нередко практикуемых «узкокорпоративных практик».

Наконец, в системе отношений «власть — собственники — работники» необходимо увеличение веса и роли профсоюзов как представителей наемного труда, превращение их из «клиентов» в полноценного субъекта гражданского и политического диалога.

Но главное — следует понять, что сама по себе одна только «вертикаль власти» не может быть проводником модернизации общества — необходима активизация горизонтальных, гражданских структур, на что неоднократно указывал в своих ежегодных «Посланиях» Президент России Д. Медведев.

Таким образом, общенациональный лидер, успешно выполнивший в 2000-е гг. функции «менеджера стабилизации», ныне призван проявить себя прежде всего как гибкий экономический стратег, т. е. превратиться в «менеджера развития». Консолидация и стабилизация больше не могут подменять модернизацию как таковую.

Альтернативы этому сценарию — «вялотекущая деградация» со сползанием страны в хаос, «перестройка — 2» со сломом теперь уже российской государственности, нарастание хаотических процессов в регионах с переносом их на общегосударственный уровень и др.

На наш взгляд, для избежания всех вышеперечисленных негативных сценариев и для реализации полноценной стратегии развития России необходимо не «минимальное» государство и тесно связанное с ним кастово-иерархическое общество, не «государство-патрон» — но «инновационное государство», генерирующее позитивные изменения в непосредственном взаимодействии с обществом и с отдельными его сегментами, которые должны рассматриваться не как простой «объект политики», но как способная генерировать новые формы социального капитала «проводящая среда изменений». Именно такой подход к запланированным преобразованиям, по нашему мнению, способен обеспечить их общий успех.

Литература

1. Кургинян С. Взрывы // Завтра. 2010. 8 июня.
2. Кургинян С. Кризис и другие // Завтра. 2009. 1 июля.

А.Ю. АРХИПОВ

Императивы, направления развития посткризисной экономики России

Аннотация. В статье рассматриваются направления развития посткризисной экономики России, пути ее модернизации с учетом условий и особенностей страны. Утверждается, что содержанием промышленной политики в современных условиях должна стать в первую очередь поддержка реального сектора экономики. А также подчеркивается важность дальнейшей дебюрократизации, антикоррупционной политики.

Ключевые слова: модернизация, экономика, посткризисная экономика, промышленная политика, Россия.

Abstract. In this article are considered development trends of Russian post-crisis economy, ways its modernization taking in account conditions and peculiarities of country. It is claimed that the content of industrial policy under current conditions should become first of all support of real sector of economy. Author also stresses the importance of further debureaucratization, anticorruption policy.

Keywords: modernization, economy, post-crisis economy, industrial policy, Russia.

Современная экономика России, сложившаяся в последние два десятилетия, выходящая в настоящее время из кризиса, требует неотложной модернизации. Необходимость модернизации признается различными слоями общества, политическими партиями, научным, экспертным сообществом. Модернизованы, перестроены должны быть структура экономики, основные фонды, следствием этого должны стать преодоление сырьевой направленности всего хозяйства и экспорта, развитие высокотехнологичных производств, инноваций. Все это будет способствовать экономическим преобразованиям, самоутверждению России.

Императивом модернизации является необходимость учета особенностей, условий развития отечественной экономики. По-прежнему остается актуальным учет в экономической политике размеров страны, обуславливающих значительные транспортные издержки при перемещении товаров из различных регионов; особенность климатических условий: низкие температуры значительное время года на большей части территории страны, что предполагает необходимость высокого уровня затрат на строительство производственных помещений, дополнительных расходов на заработную плату. Все это понижает конкурен-

тоспособность товаров российских предприятий, экономики страны в целом.

Постепенно приходит осознание необходимости учета этих особенностей. Возобновлены программы субсидирования полетов для ряда категорий граждан на Дальний Восток, соответствующим образом стала строиться промышленная политика в этих регионах. Наряду с запретом ввоза подержанных иномарок развернуты первые сборочные производства автомобилей. Необходимо целенаправленно развивать эти меры.

Важным императивом модернизации России является сохранение значительной роли государства в экономике, что понимается далеко не всеми в стране, более того, продолжаются попытки дальнейшего разгосударствления. Но опыт, прежде всего нашей страны, показывает, что без государства многие задачи модернизации не могут быть решены, более того, отсутствие скрепляющего воздействия государства ставит под угрозу целостность страны, отсутствие централизованных усилий, политики, права ведет к дезинтеграционным процессам.

Государство должно проводить политику реиндустриализации, поддержки высокотехнологичных отраслей, стимулирования инноваций в основных отраслях производства, развивать инфраструктуру, т. е. определять ведущие векторы модернизационного развития. Государство призвано также создавать условия для развития перерабатывающих производств, в том числе налоговые льготы и, наоборот, высокие, заградительные пошлины на вывоз необработанного сырья, проводить нацеленную на задачи модернизации выверенную промышленную, внешнеэкономическую политику.

Содержанием промышленной политики в современных условиях является поддержка реального сектора экономики, в том числе автомобильной, авиационной, судостроительной промышленности, энергетического, сельскохозяйственного машиностроения. Важно разрабатывать и реализовывать специальные государственные программы такой поддержки, включающие разнообразные ее формы, например, содействие в выкупе подержанных автомобилей.

В то же время, важно продолжить дальнейшую деbüroкратизацию, антикоррупционную практику, уменьшать возможности чиновничьего давления на бизнес, в том числе добиваясь повсеместной регистрации предприятий в одном окне и т. д.

Необходимо оптимизировать, повышать эффективность деятельности государственных корпораций. В ряде отраслей, прежде всего оборонных, без государственной собственности, управляемой на основе современных организационных, финансовых технологий, невозможно провести модернизацию, техническое перевооружение.

Наконец, теоретической и экономико-политической основой такого подхода может стать неодирижизм, теория и практика регулирования рыночной экономики в условиях современной глобализации. В современной российской экономической литературе это направление сформулировал, обосновал и возглавляет президент Академии философии хозяйства, проф. МГУ Ю.М. Осипов. Дирижизм — теория и экономическая политика, предполагающая целенаправленное воздействие государства на рыночную экономику, — активно развивался во Франции, других европейских странах, Японии в 1960—1970 гг., его элементы используются и в современной экономической практике европейских государств⁸. Абсолютизированные, не учитывающие конкретную специфику экономики, нелиберальные рецепты, углубили трансформационный кризис 1990-х гг. в нашей стране, привели к потере целых отраслей экономики, в частности гражданского авиастроения, демонстрируют свою несостоятельность применительно к российским условиям, но продолжают использоваться с настойчивостью, достойной лучшего применения.

Императивом также является все большее вовлечение в процесс модернизации, преобразований в экономике современного российского бизнеса: крупного, среднего и малого. Важно преодолеть положение, когда, как в 1990-е гг., да и в настоящее время, предприниматели стремятся заработать, прежде всего, на экспорте сырья и импорте продукции и не проявляют заботы о развитии производства внутри страны, многие операции крупных компаний осуществляются через оффшоры. Такое положение надо менять. Эффективно развиваться также должно государственно-частное партнерство.

Необходимым требованием осуществляющихся в стране преобразований является постепенное изменение характера, качества развития экономики. Предстоит преодолеть ее сырьевую направленность, которая не только не уменьшилась в предкризисные годы стабильного развития, но, напротив, усилилась: если в 1995 г. минеральные продукты, основу которых составляют энергоносители: нефть и газ в общем объеме российского экспорта составляли 40,4%, в 2000 — 54,5, в 2004 — 60,4, 2007 — 68,6, то в 2008 г. — уже 73,4% [4, 706]. В ходе мирового экономического кризиса этот показатель даже уменьшился, составив в 2009 г. 67,4%⁹.

---

⁸ Положения дирижизма обосновывались в работах Ж. Фурастье, Ф. Перру и др. В советской экономической литературе эта теория и основанная на ней экономическая практика освещались в работах Л.Б. Альтера, Ю.М. Осипова, Г.А. Шпилько и др. (см.: [1—3]).

⁹ Данные Федеральной таможенной службы [5].

Сырьевая составляющая увеличивается в торговле России со многими странами, в том числе с теми, с которыми традиционно из нашей страны экспортировали технологии, машины, оборудование. Так, если в торговле с Китаем еще в 2001 г. экспорт из России машин и оборудования составлял 20,1% в общем объеме экспорта, то уже в 2007 г. только 1,2%, т. е. практически свелся к нулю, в то время как экспорт нефти и нефтепродуктов увеличился за этот период с 10,2 до 53,9%; в то же время импорт из Китая в нашу страну машин и оборудования за это же время вырос с 8,2 до 30,6% в общем объеме импорта.

Результатом модернизации должно стать изменение конкурентоспособности, уровня жизни в нашей стране. В настоящее время Россия занимает 59-е место в мире по уровню валового внутреннего продукта на душу населения, 63-е место по индексу мировой конкурентоспособности, 71-е — по индексу человеческого развития, что свидетельствует о неудовлетворительном качестве развития отечественной экономики [6—8].

Что же определяет и каковы направления развития, самоутверждения, модернизации России? Важно, чтобы завершающийся мировой экономический кризис, принимавшиеся антикризисные меры явились толчком к модернизации экономики России в соответствии с вызовами современного мирового экономического развития.

Именно на это нацелены сформулированные Президентом РФ Д.А. Медведевым конкретные направления, позволяющие осуществить такие преобразования, — так называемые «пять «И»»: институты, инфраструктура, инновации, инвестиции, интеллект. Сосредоточение усилий на этих направлениях даст возможность добиться постепенной модернизации экономики нашей страны. Уже начата работа по совершенствованию инфраструктуры, особенно транспортной, информационной, без которой эти изменения невозможны. В развитии экономики все большую роль должны играть инновации, инвестиции. Наконец, достигнуты все эти преобразования могут быть только с помощью интеллекта: интеллекта нации, работников, руководителей, ученых. Важно обеспечение развития интеллекта, недопущение его потерь и утечек за рубеж, но не запретами, а созданием условий для развития, применения в нашей стране. Наконец, должны совершенствоваться механизмы, институты формирования интеллекта, прежде всего, системы образования, науки, их модернизация, повышение эффективности.

Целью модернизации экономики должны стать повышение уровня жизни всех россиян, сокращение социального неравенства. В условиях кризиса дифференциация доходов населения продолжала увеличиваться. Так, в 1991 г. соотношение доходов 10% наиболее и наименее

обеспеченных граждан (децильный коэффициент) составляло 4,5 раза, в 1997 — 12,6, в 2000 — 13,9, в 2004 — 15,2, в 2006 — 16,0, в 2008 — 16,9, 2009 г. — 17. В ходе модернизации важно добиться роста заработных плат работников частного сектора, пенсий, заработных плат бюджетников, пора ставить вопрос о пересмотре плоской шкалы налогов: равного налогообложения граждан, получающих разные по уровню доходы, чего нет, кроме России, в большинстве европейских стран.

Важно концентрировать усилия на решающих направлениях. В современных условиях невозможно осуществить технологические прорывы, лидерство во всех или многих областях. Необходимо развивать те отрасли, которые ориентированы на удовлетворение потребностей людей, в которых есть заделы, ресурсы, где результат может быть получен в обозримом будущем. Государством определены основные приоритеты инновационного развития: медицинские, энергетические, информационные технологии, космические и телекоммуникационные системы, радикальное повышение энергоэффективности.

Необходимо принять комплекс мер, обеспечивающих реализацию указанных приоритетов, определяющих перспективы развития российской экономики. Прежде всего, это повышение ее конкурентоспособности, обеспечение роста производительности труда, инвестиций в основное производство, обновление основных фондов, о чем давно и много говорится, но мало что меняется.

Неотложной задачей является повышение эффективности использования всех, и в первую очередь энергетических, ресурсов. Необходимость повышения ресурсо-, энергоэффективности особенно стала настоятельной в условиях завершающегося мирового кризиса: предприниматели вынуждены сокращать издержки и искать пути экономии ресурсов, энергии, чтобы оставаться конкурентоспособными на современных посткризисных рынках. Это должно помочь побороть старую российскую болезнь: неэффективность использования энергоресурсов, вызванную во многом наличием этих самых ресурсов, кажущейся их неограниченностью.

Одним из основных направлений модернизации экономики является развитие инновационной деятельности, невозможное без активного участия научного, образовательного, экспертного сообщества страны. В последнее время предпринимаются меры по модернизации учреждений Российской академии наук, системы образования. Выделены значительные средства по приоритетному национальному проекту «Образование», в том числе на создание и развитие федеральных, инновационных университетов, принят Федеральный закон № 217-ФЗ от 02.08.2009 г. «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам создания бюджетными на-

учными и образовательными учреждениями хозяйственных обществ в целях практического применения (внедрения) результатов интеллектуальной деятельности», в соответствии с которым университеты начали создание инновационных предприятий, входя в них своей интеллектуальной собственностью. Новые возможности дает преобразование высших учебных заведений в автономные учреждения. В этом качестве университеты могут создавать малые — инновационные — предприятия не только на основе своей интеллектуальной собственности, но и в других формах, осуществлять через эти предприятия коммерциализацию научных и научно-технических разработок.

Последний вопрос особенно остро стоит в академических институтах, университетах. Путь от изобретения к конкретным изделиям, товарам у нас особенно сложен, хотя и в развитых странах его называют «долиной смерти». Эффективное взаимодействие научного сообщества, государства и бизнеса является ключом к решению данной проблемы.

Важно шире использовать для развития инноваций, внедрения научных разработок в хозяйственную практику особых научно-внедренческих зон, определенный опыт деятельности которых накоплен в нашей стране. В настоящее время приняты решения по созданию российской «Силиконовой долины» — научного центра «Сколково». Центрами внедрения инноваций призваны стать институты Российской академии наук, в том числе расположенные в наукоградах, в которых наряду со Сколковым должны создаваться прорывные исследования, национальные (МГУ и СПбГУ), федеральные, инновационные университеты. В их рамках необходимо создавать, отрабатывать технологии, механизмы внедрения инноваций, установления в новых условиях взаимодействия с государственными корпорациями, бизнесом, что должно стать важным инструментом инновационного экономического развития.

Развитию инноваций должно способствовать повышение качества высшего образования, которое в настоящее время тоже модернизируется, перешло в соответствии с условиями Болонского процесса на двухуровневую систему. Важно в связи с подготовкой нового закона об образовании предусмотреть рациональное соотношение уровней среднего и высшего профессионального образования, обеспечить сопоставимость, преемственность между этими уровнями.

Все это призвано способствовать экономической модернизации, самоутверждению нашей страны, обретению Россией достойного места в мировом сообществе.

Литература

1. *Альтер Л.Б.* Критика современной буржуазной политической экономики, М., 1972.
2. *Осинов Ю.М.* Государственное программирование капиталистической экономики. М., 1979.
3. *Шпилько Г.А.* Теории и методы регулирования капиталистической экономики. М., 1975.
4. Российский статистический ежегодник. 2009.
5. www.customs.ru.
6. www.worldbank.org.
7. Global Competitiveness Report 2009 // www.weforum.org.
8. Human Development Report 2009 // hdr.undp.org.

И.А. ГОРЮНОВ

Россия: от мегапроекта к мегакорпорации?

Аннотация. В статье рассматривается современная геополитическая система мира, критические события и переходы — неотъемлемые свойства больших систем. Анализируются стратегические игроки формирующегося многополярного мира, место и роль России в нем.

Ключевые слова: геополитическая структура, когнитивный капитализм, мегакорпорация, мегапроект, Россия, неодирижизм, философия хозяйства.

Abstract. In this article author considers modern geopolitical world system, critical events and shifts — indispensable characteristics of big systems. Author analyses strategic players of evolving multipolar world, place and role of Russia in it.

Keywords: geopolitical structure, cognitive capitalism, megacorporation, megaproject, Russia, neodirigisme, philosophy of economy.

Перед современной Россией стоит ряд серьезных задач. Дать адекватные ответы на них наша страна может только в случае реализации широкомасштабных общенародных проектов, нацеленных на превращение России в единую инновационную державу — *мегакорпорацию XXI в.*

С распадом биполярного мира в 1990-х гг. человечество вступило в новую историческую эпоху — время длительного и противоречивого становления нового миропорядка — некоего постялтинского

мироустройства¹⁰ с планетарной геополитической структурой: с доминирующим в военной, политической, идеологической, экономической и других областях центром (одной или несколькими сверхдержавами); государствами, вращающимися вокруг этого центра на первой и второй орбитах (хотя и зависимых от центра, но взаимодействующих с ним на более или менее равноправных условиях); странами третьей, четвертой, пятой и других орбит — находящимися в поле интересов и притяжения центра, но малозначимыми для него социально-экономическими образованиями. Центр может легко ими пожертвовать, например, во время кризиса при выстраивании глубоко эшелонированной обороны ядра или в ходе планирования и реализации «экспансионистских кампаний» по расширению своей планетарной системы — к примеру, в условиях радикальной трансформации существующей орбитальной структуры при переходе к новому технологическому укладу.

С нашей точки зрения, в настоящее время на первой геополитической орбите современного мира вращается большинство западноевропейских государств, Япония и Канада.

Вторая орбита — страны БРИК (Бразилия, Россия, Индия, Китай) и новые индустриальные страны (Южная Корея, Тайвань, Индонезия, Турция, Мексика и др.).

Третья орбита — государства с весомым потенциалом развития — Пакистан, Иран, Саудовская Аравия, Венесуэла, ЮАР.

Страны четвертой, пятой и более отдаленных орбит — большинство государств Азии, Латинской Америки и Африки. Это так называемая периферия современного мира.

В последние годы эта стихийно сложившаяся после коллапса СССР планетарная геополитическая система с центром в США (в силу динамики своего собственного развития, а также после ряда неудачных американских внешнеполитических действий) вошла в стадию, которая у специалистов, занимающихся исследованием сложных нелинейных систем (а мировая геополитическая система типичный пример сложной нелинейной системы), называется *критическим* (или скачкообразным) *переходом*.

Критические события или скачкообразные переходы — важнейшее и неотъемлемое свойство сложных нелинейных систем. Они происходят достаточно редко, но если случаются, то направлены на радикальную «переплывку» системы в целом. Иначе говоря, затрагивают функ-

---

¹⁰ Пакт Черчилля—Рузвельта—Сталина, практически заключенный в Ялте в 1945 г., определял послевоенное мироустройство вплоть до 1990-х гг.

ционирование всей системы: после критического перехода система начинает функционировать совсем по другим «правилам».

Строго говоря, в ходе такого критического перехода центр может сместиться на одну из орбит. Точнее, одна из вращающихся вокруг центра стран может набрать такую мощь (военный, политический, экономический и др.), что вокруг нее начнут вращаться не только ближайшие к ней планеты, но даже и бывший центр в случае значительной утраты своего бывшего могущества.

Подобное уже случалось в истории, и не раз. Так, мировой центр на рубеже 1250—1450 гг. сместился с Востока (Азия) на Запад (в Западную Европу) — так называемый первый «вековой тренд» Ф. Броделя. А на протяжении XX в. мировой центр сместился из Европы в Америку (США).

Один из предвестников того, что современный мир вступил в зону такого критического перехода, — разразившийся в 2008 г. глобальный финансово-экономический кризис. Сегодня под вопрос поставлена вся нынешняя геополитическая структура.

С одной стороны, с претензиями на роль центра, точнее, на создание диверсифицированного (диверсификация — мера разнообразия в совокупности) центра (полюсов мира), выступил ряд вращающихся в орбите интересов США государств (Китай, Россия). С другой стороны, на международной арене сейчас активно происходят процессы перегруппировки сил и образования новых центров силы и полюсов мира, что объективно ведет к диверсификации прежнего монопольного господства США¹¹.

---

¹¹ Образование новых мощных региональных группировок объективный процесс. Как отмечает, например, Г.М. Сидорова, абсолютное большинство проблем, с которыми сталкиваются современные национальные государства имеют весомую «глобальную составляющую», и решить их на путях самоизоляции нельзя. К примеру, решение таких проблем, как преодоление последствий мирового финансово-экономического кризиса, обеспечения национальной и энергетической безопасности, масштабных миграций, предотвращение терроризма и трансграничной преступной деятельности, становится не под силу отдельным государствам. В ответ на эти вызовы как раз и возникают новые экономические и политические образования. Характерным примером такого наднационального образования служит Европейский союз. С идеей образования Соединенных Штатов Африки выступил председатель комиссии Африканского союза А.О. Конаре. По словам последнего, процесс создания нового наднационального государства «может идти гораздо быстрее, чем о нем думают, поскольку ни одна из африканских проблем не может быть разрешена, если Африка не объединится. Речь идет о безопасности, инфраструктуре, энергетике, продовольственной безопасности, а также касается вопросов миграции и демографии» [1, 900].

В целом возникшие в 2000-е гг. проблемы с отладкой механизмов функционирования однополярного мира во главе с США, способствовали развертыванию борьбы за место в группе государств доминирующего центра (полюсов силы и влияния в многополярном мире).

Не менее жесткая борьба идет и за место на первой и второй орбитах, так как участь мировой периферии, или, как их называют, несостоявшихся, провалившихся государств (яркий пример такого государства — Гаити), никого не прельщает.

Каковы критерии отнесения государств к той или иной выделенной нами группе? Чтобы ответить на этот вопрос, заметим, что нынешний этап развития капитализма, который часто называют постиндустриальным обществом, информационным обществом, обществом знаний и т. д.¹², представляет собой арену беспощадной и всеохватывающей конкурентной борьбы, наблюдающейся прежде всего в социально-экономическом пространстве-времени. Но это борьба не мелких производителей, а стратегических субъектов, каковыми ныне являются всего около десятка стран. Безусловно, Россия (наряду с США, Германией, Францией, Великобританией, Японией и др.), несмотря на все переживаемые нашей страной «трудности и неурядицы», входит в число этих государств.

Эти стратегические игроки как раз и претендуют на то, чтобы стать центрами формирующегося многополярного мира (полюсами притяжения для попавших в их орбиту стран), формирующими военную, политическую, экономическую, мировоззренческую, идеологическую, информационную и т. д. структуру постялтинского мира. Те государства, которые успешно справятся с решением этой задачи, как раз и будут в новой системе миропорядка государствами доминирующего центра.

Итак, государство доминирующего центра должно стать, как минимум, центром притяжения (заставить вращаться в орбите своих геополитических интересов) для достаточно большого количества региональных стран. Как добиться такого доминирования в современном мире, в котором активное и открытое применение военной силы очень ограничено¹³? Ответ на этот вопрос таков: прежде всего фундамен-

---

¹² Заметим, что не все исследователи считают, что на рубеже тысячелетий происходит смена индустриальной стадии развития на какую-то другую. К примеру, Э. Гидденс полагает, что эпоха модернити не сменяется сейчас какой-то новой стадией. По его мнению, современный капитализм просто переживает очередную трансформацию, связанную со становлением мировой сети производственных и информационных структур (см.: [2]).

¹³ Как отмечают такие признанные специалисты в области международных отношений и безопасности, как бывший министр иностранных дел и председа-

тальное знание, развитие фундаментальной науки широким фронтом, так как в современном мире только производство критического, т. е. абсолютно нового знания, точнее, создание на его базе инновационных изделий и технологии, составление долгосрочных прогнозов и разработка амбициозных стратегий развития, позволяет обеспечить устойчивый рост экономики и решение сложных социальных, политических и военных проблем.

Что дает выбор такого аттрактора (вектора) развития — ярко демонстрируют современные Соединенные Штаты. Сегодня в общем объеме экспорта США 95% составляет экспорт продукции высокотехнологичных производств и самих технологий. При этом поступления в бюджет от прогрессивных технологий, особенно высокотехнологичных производств, продажи наукоемкой продукции на внутреннем и внешнем рынках составляют около 90%. К таким показателям в ближайшее время не сможет приблизиться не только Китай, Индия или новые индустриальные страны, но и западноевропейские государства и Япония [4, 999].

Наряду с вышеназванными стратегическими игроками на поле международного интеллектуального разделения труда действует и второй эшелон — от 30 до 40 государств (всего в мире более 200 стран), развивающих отдельные направления фундаментальных исследований, что дает им возможность иметь некие ниши в мировом разделении интеллектуального труда. Они их оберегают и на большее, строго говоря, не претендуют. Остальные государства (это и есть подлинная периферия современного мира) на определенных условиях пользуются плодами созданного в развитых в научном отношении государствах знания, точнее, потребляют созданную на его основе наукоемкую продукцию.

Итак, в современном мире главная борьба разворачивается за обладание критическим знанием, умением его производить и коммерциализировать (создавать наукоемкие товары и технологии). Именно поэтому нынешний этап развития довольно часто называют когнитивным капитализмом, указывая на то, что сейчас ведущая роль в успешном устойчивом развитии отводится не материальному или денежному

тель правительства России Е.М. Примаков, бывший министр иностранных дел и секретарь Совета безопасности И.С. Иванов, бывший начальник Генерального штаба, первый заместитель министра обороны СССР М.А. Моисеев и президент Российского научного центра «Курчатовский институт» академик Е.П. Велихов, «вероятность крупномасштабного вооруженного конфликта между великими державами и их союзниками в современных условиях глобализации и многополярности близка к нулю» [3].

капиталу, а капиталу интеллектуальному¹⁴ — прежде всего компетенциям специалистов.

При этом надо отдавать себе отчет в том, что критические фундаментальные знания не производят как обычный промышленный продукт, а добывают в ходе реализации крупнейших проектов или мегапроектов (типа атомного или космического) по познанию и преобразованию окружающей реальности (техногенной и социальной).

Мегапроект как условие выживания

Россия/СССР всегда участвовала в реализации подобных проектов. Более того, и это очень важно, — выживание нашего народа гарантирует реализацию именно таких мегапроектов. Как отмечает, например, Ф.И. Гиренок, без реализации миссионерских, наднациональных, имперских по своей сущности проектов Россия просто перестанет существовать [5, 202]. И это вполне объяснимо, так как, по словам Х. Ортеги-и-Гассета, «лишь замысел грядущего деяния (и не что иное) способен сообщить обществу единство» [6, 45]. По мнению этого мыслителя, истинное «объединение наций всегда связано с каким-то важным предприятием, с замыслом, требующим всеобщего участия и способным воодушевить людей» [6, 21]. Более того, «нации формируются и живут лишь постольку, поскольку воплощают в себе некое стремление осуществить общую программу грядущего» [6, 18].

Что касается России, то на протяжении всей своей истории глобальные наднациональные (имперские), нацеленные на прорыв в будущее проекты она всегда реализовывала сама, опираясь на собственные силы (естественно, по мере возможностей используя имеющийся в мире научный, технический, технологический, социальный и другой капитал). Во многом это было обусловлено тем, что наша страна долгие годы (причем даже в новейшей истории) находилась в изоляции или самоизоляции. В этих условиях, чтобы быть самодостаточной и одерживать победы (в том числе и военные), России необходимо было обеспечить опережающее развитие фундаментальной науки и производство критического знания.

Такая фундаментальная наука у нас создана; это наше величайшее достояние, на базе которого можно реализовывать сложнейшие инновационные проекты, подобные тем, что были реализованы в военные

---

¹⁴ При этом не следует забывать, что, как верно отмечал Ванневар Буш, советник по науке президента США Ф. Рузвельта, «фундаментальные исследования — это научный капитал».

(создание самого современного на тот момент оружия¹⁵) и послевоенные (космическо-ядерный щит) годы.

Имеет ли смысл сейчас, когда мы все живем в глобальном обществе, в мире всеобщего разделения труда, причем не только в экономике, но и в фундаментальной науке, говорить о какой-либо изоляции и самоизоляции? Чтобы ответить на этот вопрос, надо задуматься еще над одним вопросом, который поставил академик В.А. Черешнев: много ли на нашей планете государств, которые были бы по-настоящему заинтересованы в успешном развитии России на инновационном пути [7]?

Нам кажется, таких государств не много, если они вообще есть. А раз так, то мы в определенной мере и в нынешнем глобальном мире обречены на изоляцию. Точнее, сталкиваемся с желанием ведущих стратегических игроков планеты вытеснить нас на периферию мировой политической, экономической, интеллектуальной жизни. И, как это ни покажется странным, такое их стремление для нас отнюдь не плохо. Одиночество дает возможность сосредоточиться на себе, погрузиться в себя и, в конечном счете, обрести свое подлинное «Я». Вообще самость (своя собственная, а не заимствованная у других сущность) рождается в одиночестве. Обретение самости (говоря словами Гегеля, это «достижение в себе и для себя сущего») делает человека, как и государство, сильным. У него появляется уверенность в своих действиях, он обретает точку духовной и материальной опоры.

В современном мире мы должны бояться не того, что выпадем из всемирного коммуникационного процесса (культурного, научного, политического, экономического и т. д.), а того, что лишимся самости, — нам нечего будет сказать и предложить миру¹⁶. И если мы станем пусты (будем не в состоянии производить критическое знание, выдвигать новые фундаментальные идеи в науке), то место на периферии человечества нам будет гарантировано.

А вот обретение самости (научной, технической, технологической, интеллектуальной самостоятельности) как раз и дает нам возможность влиться в современный коммуникационный процесс и стать полноценными участниками решения стоящих перед человечеством глобальных проблем. Более того, как раз при установке на самореализа-

---

¹⁵ К примеру, начав Великую Отечественную войну с трехлинейкой и фанерными самолетами, СССР закончил ее с лучшим для того времени автоматическим оружием и самолетами. Танк Т-34 (простой, неприхотливый, надежный) — это вообще технический шедевр, о котором сейчас немецкие генералы пишут как о «мерседесе» на поле боя.

¹⁶ Как метко заметил Ф.И. Гиренок, «если человека не поглощает коммуникация, то у него возникает чувство одиночества. Если она его поглощает, то он становится пустым» [5, 34].

цию и саморазвитие и возможно самое широкое международное сотрудничество, причем на выгодных для нашей страны условиях.

Выбор приоритетов развития (разработка и реализация различных мегапроектов) это наша задача, и никто за нас ее не решит. Как отмечает, например, один из координаторов «форсайтных» работ¹⁷ в Российской академии наук В.В. Иванов, мы сами должны определить направления научного и технологического развития, в которых обязаны стать лидерами. И как только определим эти направления и начнем вкладывать в них соответствующие ресурсы, то с большой степенью вероятности сможем занять лидирующие позиции в данных областях. При этом, конечно, многое зависит от научно-технической, промышленной и инновационной политики, эффективной и современной (базирующейся на основательной фундаментальной подготовке) образовательной системе [9].

Однако, приступая к выбору приоритетных направлений развития, мы должны учитывать зафиксированный Х. Ортега-и-Гассетом парадокс: внутренняя политика любой державы во многом вытекает из проводимой ею внешней политики. Это связано с тем, что «все крупные государства складываются не изнутри, а извне. Лишь правильная внешняя политика, сулящая деяния, предприятия, может обеспечить успех в политике внутренней, неизбежно второстепенной» [6, 25].

Важно отметить, что в России и в других так называемых государствах догоняющего развития «реакция правящих кругов (или тех, кто приходил им на смену в результате революций и войн) на внешние угрозы и обстоятельства играла куда более важную роль в модернизации этих стран, чем внутренние импульсы к социально-экономическим и политическим преобразованиям» [4, 997].

Таким образом, направления практической деятельности и фундаментальных исследований, в которых мы должны преуспеть, во многом задаются не нашей самостью (хотя и учитывают ее), а той внешней средой, в которой мы вынуждены действовать. Точнее, тем местом, которое мы хотим занять в мировом сообществе народов. К примеру, в послевоенные годы Советский Союз жестко состязался с США, и это, помимо всего прочего, обусловило стремительное развитие советской науки по всем направлениям. Как только жесткое противостояние СССР с Соединенными Штатами закончилось, интерес у

---

¹⁷ Использование методологии прогнозирования «Форсайт» позволяет организовать процесс систематического определения новых стратегических научных направлений и технологических достижений, которые в долгосрочной перспективе смогут оказать серьезное воздействие на экономическое и социальное развитие страны (подробнее см.: [8]).

властных структур новой России к фундаментальным исследованиям резко угас.

Безусловными приоритетами российской внешней политики на протяжении большей части ее истории были завоевание, удержание и упрочение за Россией статуса великой державы. Именно ориентация на построение великой державы генерировала творческую энергию русского и других народов нашей страны.

Верно и обратное. Отказ от масштабных планов всегда парализовывал волю и воображение народа. Русское сознание и сейчас продолжает мучительно искать глубинные (трансцендентные) основания своего бытия, всей своей хозяйственной деятельности. Об этом, в частности, свидетельствует следующий зафиксированный Ф.И. Гиренком факт: «русское сознание, несмотря на годы тотального рыночно-демократического промывания мозгов, никак не может смириться с тем, что русские люди строили государство, создавали свои церкви, вели войны, возводили ДнепрогЭС и Магнитку, запускали космические аппараты для того только, чтобы какой-нибудь пучеглазый демократ обучал своего ребенка в Сорбонне, чтобы мелкий лавочник раскатывал на мерседесе, чтобы чиновник купал свое тело в джакузи. Для того ли сотни лет русские люди терпели нужду и проливали кровь, чтобы жирел чиновник на даче-крепости, чтобы носила жемчуга торговка» [5, 209].

Другими словами, подсознательно (да и вполне сознательно) народ требует от власти вернуть России статус великой державы, т. е. начать реализовывать мегапроект «Россия — великая держава». Ответом на это требование должно быть проведение соответствующей внешней и коррелирующей с ней внутренней политики России. Мы должны определиться с местом России в мире и тем своим внутренним состоянием (в военной, экономической, научной, культурной, интеллектуальной и других областях), которое потребуется для того, чтобы его занять.

По мнению Ю.М. Осипова, России сейчас необходим амбициозный превращенческий проект. Реализуя его и на ходу перестраиваясь, наша страна имеет шанс «выйти на путь окончательного самоутверждения как новой великой державы, способной к целостному воспроизводству и разностороннему развитию, эффективному участию в солидарном планетарном общежитии» [10, 7].

Имперскость инновационной политики

Чтобы быть сверхдержавой, надо доминировать или поддерживать паритет со стратегическими мировыми игроками в ведущих областях научных исследований, финансовой деятельности, промышленности,

системе образования и т. д., т. е. производить достойный интеллектуальный, научный, военный, инновационный продукт¹⁸. А для этого надо иметь имперскую¹⁹ политическую, военную, экономическую, финансовую, промышленную, научную, образовательную и другую систему. Но прежде всего нужна имперская экономика, которая должна строиться в соответствии с принципами философии хозяйства, которая, по словам Ю.М. Осипова, «представляет собой сложное, синергетическое образование, междисциплинарное течение гуманитарной и обществоведческой мысли, выливающееся в особую отрасль знания, обращенную к познанию человеческого бытия в его субъектно-творческой реализации, когда человек выступает как творец собственного бытия, а творчество человека предстает как процесс реализации заложенного в человеке, его сознании и общественном разуме (культуре) сверхприродного творческого потенциала, позволяющего проявлять сверхприродные проективные инициации и добиваться сверхприродных результатов, используя жизнеутверждающий потенциал природы, изменяя целеположенную природу и построив на ее базе неприродный — искусственный, исходно человеческий — мир, обращенный в неведомое, но конструируемое так или иначе человеком, будущее» [12, 10—11]. Иначе говоря, философия хозяйства — это научная дисциплина, дающая возможность стратегически мыслящему и действующему хозяйствующему субъекту увидеть целостность мира в его семантике (смысловом измерении) и динамике развития.

Современное имперское хозяйство — это экономика нового типа, инновационная экономика с сильной административной составляющей и высокой долей государственной собственности. По словам того же Ю.М. Осипова, сегодня верховная российская власть должна признать необходимость и рациональность перехода к практике национального (социально-государственного) дирижизма (от фр. *diriger* — управлять), а в современной новейшей интерпретации — неодирижизма, восходящего к ориентированному, поощренческому, направляющему влиянию из властно-национального центра на социо-хозяйственные процессы, а при необходимости и к прямому вмешательству властной системы в социо-хозяйственную жизнь. При этом осуществляться неоди-

---

¹⁸ Как отмечает Х. Ортега-и-Гассет, «есть минимум высших жизненных функций, который во что бы то ни стало (под страхом полного вырождения) вынужден осуществлять каждый народ» [6, 82]. Естественно, для великого народа набор таких жизненных функций значительно шире.

¹⁹ Основоположник мир-системного подхода в анализе социальной реальности И. Валлерстайн отмечал, что в контексте конкуренции цивилизаций на протяжении многих столетий одной из эффективных политической форм выступали «империи», в которых формировались особые мир-экономики (см.: [11]).

рижизм может на основе и через посредство национального государственно-корпоративного комплекса, широко прибегающего к пространственно-сетевым институциональным структурам и организационным методам [10, 7].

Построенная на принципах философии хозяйства имперская экономика должна быть способной конкурировать с созданной и весьма эффективной инновационной системой США, имеющей слабую административную составляющую и преобладание частной собственности в экономике²⁰. При этом надо учитывать, что в ближайшие годы американцы, как обещал Б. Обама в своей известной речи на ежегодном (2009) собрании американской Национальной академии наук, будут выделять более 3% своего ВВП на научные исследования и разработки. Это свидетельствует о том, что администрация Б. Обамы не просто делает ставку на науку как вид деятельности, приносящий наибольшие дивиденды от финансовых вложений, но и планирует осуществить радикальные научные прорывы в самых различных областях знания. А последнее, безусловно, радикально изменит мир, в котором мы живем.

Конечно, соревноваться с американцами, имеющими, по мнению К. Северинова, «лучшую в мире систему получения знания и разработок, функционирующую систему экспертизы и распределения средств на науку» [14] и, несмотря на кризис, располагающими колоссальными денежными ресурсами, чрезвычайно сложно.

Но, на наше счастье, «наука — тварь нежная, нет такого, что чем больше денег туда влить, тем непременно для нее лучше» [14]. Важны не только деньги, но и креативность. Как отмечает ведущий в мире специалист в области систем противокосмической обороны и космических систем предупреждения о ракетном нападении (его часто называют «крестным отцом» советской программы «звездных войн»), генеральный конструктор ОАО Концерн «ПВО Алмаз — Антей» академик А.И. Савин, работа над любой научной проблемой начинается не с денег, а с выработки исследователем подхода к ее разрешению [15]. И российская наука пока способна (как и всегда была способна) выдвигать оригинальные (менее затратные в денежном выражении) способы решения различных научных и технических проблем.

Безусловно, для проведения современной инновационной политики необходимо создавать соответствующую инновационную среду. Но научно-инновационная сеть только тогда по-настоящему становится

---

²⁰ Подробнее о хозяйственных системах с сильной административной составляющей и высокой долей государственной собственности и со слабой административной составляющей и преобладанием частной собственности в экономике см.: [13, 5].

средой развития, когда в ней есть структурообразующие узлы (стратегические субъекты действия). Вне всякого сомнения, в современном мире к таким стратегическим игрокам относятся не только государства и объединения государств, но и транснациональные корпорации, мировые финансовые группы, медиа-империи (издательский дом Мердока, медиа-империи Херста, Тернера и др.), мозговые центры (типа Института сложности в Санта-Фе, RAND Corporation или российских МГИМО, Института США и Канады и др.), крупнейшие исследовательские центры (типа американской Ливерморской национальной лаборатории или нашего Курчатовского института), ведущие университеты (Кембридж, Оксфорд, Сорбонна, Эколь Политекник, Гарвард, Стенфорд, Массачусетский технологический институт, МГУ им. М.В. Ломоносова, МГТУ им. Н.Э. Баумана), влиятельнейшие рейтинговые агентства (бренд-консалтинговое агентство «Interbrand», консалтинговая фирма «Reputation Institute» и др.)²¹ и т. д.

России, если она действительно хочет играть роль великой державы в мире, необходимо создавать подобные корпорации, свои финансовые и медиагруппы, мозговые центры, исследовательские лаборатории и университеты, мощные образовательные центры, престижные рейтинговые и маркетинговые агентства и т. д., т. е. формировать не только инновационную среду, но и действующих в этом пространстве стратегических инновационных субъектов. Как верно отмечают В.Б. Бетелин, Е.П. Велихов и А.Г. Кушниренко, «основная проблема создания инновационной экономики в России заключается не столько в неразвитости соответствующих институтов, сколько в отсутствии именно крупных компаний-отраслей, потенциал которых (финансовый, технологический, инфраструктурный, организационный и др.) не позволяет им реализовывать масштабные наукоемкие проекты» [17, 56—57]. Поэтому, продолжают они, необходимо создавать системообразующие компании-отрасли, ставить перед ними задачи приобретения значимой доли отечественного или мирового рынка высокотехнологичной продукции, создавать реальные механизмы построения экономики знаний, понимая при этом, что ее необходимым элементом является развитая промышленность, неразрывно связанная с передовой наукой и фундаментальным образованием. То есть долгосрочная

---

²¹ Как отмечает А.И. Агеев, современная экономика строится на доверии и искусстве создавать финансовую отчетность для позиционирования в сложной сети стейкхолдеров. А раз так, то в ней одну из важнейших ролей играют ведущие рейтинговые агентства мира, оказывающие «высшие услуги капитализма» — производящие оценку всех видов активов глобальных экономических субъектов (см.: [16, 29]).

инновационная политика России должна быть нацелена на создание и поддержание «станового хребта» высокотехнологичной промышленности России — системообразующих компаний — аналогов 900 ведущих компаний США²², в первую очередь в таких приоритетных отраслях, как IT-индустрия, атомная энергетика, аэрокосмическая промышленность, биотехнологии, машиностроение, судостроение и др. [17, 49—57].

Итак, в настоящее время России необходимо не просто произвести новое фундаментальное знание, а создать механизм превращения хотя бы части этого знания (но весомой в рамках мировой системы разделения труда) в инновационную продукцию: товары, технологии, услуги, информацию, стратегии и т. д. Роль государства и неодирижизма во всей этой деятельности огромна — ведь только проводя соответствующую политику, власть способна создать и укоренить в российском социуме и хозяйстве креативную саморазвивающуюся инновационную среду.

И, как это ни покажется странным, главное направление деятельности в этой области — не финансовая, юридическая или даже политическая поддержка стратегических субъектов. В современном мире основное условие конкурентоспособности — квалифицированные, инновационно и национально мыслящие кадры. Их надо готовить, производя отбор среди них наиболее перспективных.

Готовить национально и инновационно мыслящую элиту можно только при реализации глобальных национальных мегапроектов (типа атомного или космического). Реализация таких мегапроектов важна не только для государства, но и его граждан. Как верно отмечал еще Х. Ортега-и-Гассет, «индивид никогда не достигнет значительных результатов, опираясь только на свои силы. Личность сильна количеством социальной энергии, которым ее зарядила масса. Любая одаренность — только повод или предлог, чтобы человек сгустил на себе весь общественный потенциал» [6, 62—63]. Иначе говоря, для полного раскрытия своего потенциала стратегические субъекты помимо иннова-

---

²² Сегодня среди 100 крупнейших экономик мира 51 являются корпорациями и только 49 государствами (в соответствии с сопоставлением объемов продаж крупнейшими корпораций и размерами ВВП государств). Объем продаж 200 ведущих корпораций в 18 раз больше совокупного дохода 1,2 млрд чел. (24% населения мира), проживающего в полной нищете. В то время как объем продаж 200 ведущих корпораций составляет 27,5% ВВП мира, в них занято всего лишь 0,78% всех трудовых ресурсов мира. Корпорации США доминируют в списке 200 ведущих корпораций, будучи представлены 82 предприятиями (41%) (подробнее см.: [18]).

ционного мышления должны еще мыслить и национально (в интересах своей страны, региона, корпорации).

Задача государства в этих условиях дать человеку реализовать свои способности в процессе общенациональной творческой работы. При этом скорость движения по карьерной лестнице должна зависеть только от производимого индивидом «продукта». И только построение такой системы «социальных лифтов» дает возможность государству резко повысить свой творческий и производственный потенциал, так как «история не знает иного средства улучшить существование этноса кроме твердой и последовательно осуществляемой воли к отбору лучших людей». И, немного перефразировав Х. Ортега-и-Гассета, мы можем сказать, что, только действуя такой волей, словно резцом, нация сумеет наконец изваять четкий облик подлинного россиянина [6, 114].

Мегакорпорации «Россия»

Для успешной деятельности, безусловно, важны деньги (финансы, инвестиции) и знания (кадры). Но еще важнее наличие воли. Денег в современном мире переизбыток²³ (даже с учетом современного финансово-экономического кризиса), да и знаний (особенно технологий) предостаточно. И при желании инвестиции и технологии²⁴ можно получить.

---

²³ В составленном сотрудниками Института мировой экономики и международных отношений РАН прогнозе развития мирового хозяйства до 2020 г. говорится, что в отличие от первых послевоенных десятилетий, когда недостаток капитала выступал в качестве одного из важных факторов экономического роста, в прогнозируемый период обеспеченность мировой экономики инвестиционными ресурсами будет в целом достаточной, чтобы поддерживать высокие темпы ее роста. Новое в инвестиционной сфере с 2010-х гг., — усиление тенденции к образованию относительно избыточных капиталов, прежде всего в развитой части мира. Как следствие этого: растущее глобальное перераспределение инвестиционных ресурсов из развитых стран в менее развитые государства. Важнейшая особенность прогнозируемого периода: конкуренция за привлечение капитала все чаще будет сочетаться с соперничеством между самими инвесторами за возможность реализовать его излишки (подробнее см.: [19, 18 — 20; 36—45]).

²⁴ О том, что в современном мире трансфер технологий имеет определенные ограничения свидетельствует давний случай с «Opel». Осенью 2009 г., т. е. в разгар глобального финансово-экономического кризиса, совет директоров «General Motors» «неожиданно» принял решение не продавать 55% акций «Opel» консорциуму канадской «Magna» и российского Сбербанка. Директора GM посчитали для себя необходимым сохранить «Opel» как важного поставщика технологий и дизайна. Об ограничениях России к доступу к наукоемким технологиям на Сочинском инвестиционном форуме 2009 г. говорил и В.В.

А вот с волевыми качествами у современного человека дела обстоят плохо. Более того, его характерная черта — отсутствие воли и желания реализовывать намеченные планы. Да и с воображением — основой стратегического планирования — неважно.

Люди эпохи Постмодерна хотят легко и быстро зарабатывать большие деньги, производя различные симулякры (пустые, лишённые потребительской ценности товары). И если мы хотим выбраться из ситуации симулякративного Постмодерна, то должны, во-первых, резко ограничить возможности для симулякративной деятельности²⁵, во-вторых — создать нормальные условия для бизнеса.

Современные российские реалии таковы, что для выхода на траекторию устойчивого экономического развития, должно быть покончено не только с симулякративной деятельностью, но и с мародерами — субъектами, паразитирующими на растаскивании данных Богом российскому народу природных богатств и занимающимися рейдерскими захватами собственности (опираясь на коррумпированных чиновников всех уровней властной вертикали) у более успешных конкурентов или организаций (прежде всего помещений и земельных участков) сферы науки, образования, культуры и т. д. Помимо экономического вреда, «мародерские практики» разлагают нацию. И прежде всего тех, кто этим мародерством (на современном языке эвфемизмов это называется рейдерством) занимается.

Хватит ли у народа решимости начать вырваться из смертоносных объятий обступающего со всех сторон небытия и начать реализовывать различные национальные мегапроекты, точнее единый глобальный мегапроект «Россия»? Положительного ответа на этот вопрос

Путин. Он напомнил о печально известных «КОКОМовских» списках (КОКОМ — международная организация стран НАТО и Японии (Координационный комитет по контролю над экспортом), созданная в годы холодной войны с целью экспортного контроля над товарами и технологиями, запрещаемыми к ввозу в СССР и другие социалистические страны. КОКОМ разработал стратегию «контролируемого технологического отставания», согласно которой техника и технология могли продаваться в социалистические страны не раньше, чем через четыре года после их серийного выпуска), которые в начале 1990-х гг. формально были ликвидированы, но фактически в решениях Государственного департамента США значительная их часть сохраняется. От этих родимых пятен «холодной войны», по мнению В.В. Путина, надо избавляться, и он очень рассчитывает, что представители крупного американского бизнеса будут всячески способствовать ликвидации рудиментов прежней эпохи [20].

²⁵ Как отличить симулякративную деятельность от производственной? Производственная способствует реализации национального мегапроекта.

нет. Но до сих пор нашему народу удавалось решать проблемы национального выживания, особенно в судьбоносные для страны годы.

Обязано это случиться и сейчас. Но для этого должна быть выработана и доведена до народа стратегия национального спасения. Народ должен быть приведен в состояние активного национального творческого поиска, подобное тому, которое существовало в годы Великой Отечественной войны

Реализация базирующегося на философии хозяйства мегапроекта «Россия» — создание современного государства имперского типа, способного производить весь объем необходимого интеллектуального знания и промышленной продукции. В ходе фундаментальных исследований будут накапливаться критические знания (база для последующих прикладных исследований и инновационной деятельности). Промышленность, производя инновационную продукцию и получая прибыль, обеспечит заказами и деньгами сферу образования и науки. Помимо знаний и продукции в ходе такой деятельности будут воспитываться будущие исследователи, работники промышленности и сферы образования. Таким образом, возникнет инновационный треугольник «наука — промышленность — образование», генерирующий национальную инновационную среду и задающий аттрактор устойчивого инновационного развития России. Конфигурация этого треугольника может быть различной: она определяется деятельностью государства, теми целями, которые оно ставит перед гражданами.

Главное: успешная реализация мегапроекта «Россия» даст возможность не просто приумножить различные блага и вырастить национальную инновационную элиту, но и осуществить сборку российско-го народа (дедеконструкцию населения нашего Отечества).

Создание такой инновационной системы в России, безусловно, удел усадебных избранных, национально мыслящего меньшинства. Для этого требуются воля, интеллект и деньги. И как ни покажется странным, эти три метафизические субстанции тесно связаны между собой. Воля дает возможность начать реализовывать мегапроект, и в том числе найти (а при необходимости и изъять у «успешной» части населения страны) необходимые для его реализации деньги, интеллект позволяет создавать инновационный продукт, реализация которого дает возможность заработать деньги (причем в современном мире довольно большие).

Нужна еще и смелость, в которой, по словам Гете, заключены гениальность, власть и волшебная сила. Смелость нужна для того, чтобы заглянуть в будущее, принять его вызовы и использовать во благо предоставляемые им возможности. Современный кризис открывает уникальные перспективы для деятельности в этом направлении: резкого

изменения статуса России в посткризисном мире, который, безусловно, будет развиваться на отличных от нынешних интеллектуальных принципах и иметь отличные от докризисных геополитическую структуру и правила игры.

Литература

1. *Сидорова Г.М.* Африканская действительность в контексте нового мирового порядка // Вестник РАН. 2010. Т. 80. № 10.
2. *Гидденс Э.* Последствия модернити // Новая постиндустриальная волна на Западе. М., 1999.
3. <http://www.izvestia.ru/politic/article3147325/>.
4. *Гранин Ю.Д.* Модернизация России: без науки и образования // Вестник РАН. 2010. Т. 80. № 11.
5. *Гиренок Ф.И.* Удовольствие мыслить иначе. М., 2008.
6. *Ортега-и-Гассет Х.* Бесхребетная Испания. М., 2003.
7. *Горюнов И.А.* Университеты ищут инварианты // Экономика и образование сегодня. 2008. № 15.
8. *Martin B.R.* Tecnology Foresight in a Rapidly Globalizing Economy // International Practice in Tecnology Foresight. Vienna, 2002.
9. http://www.strf.ru/organization.aspx?CatalogId=221&d_no=21000.
10. *Осинов Ю.М.* Самоутверждение России: социум, экономика политика (тезисы) // Философия хозяйства. 2010. № 5.
11. *Wallerstein I.* The TimeSpase of World-Systems Analysis: A Philosophical Essay // Historical Geography. 1993. No. 1/2. Vol. XXIII.
12. *Осинов Ю.М.* Философия хозяйства как достояние размышляющего человека // Философия хозяйства. 2008. № 4.
13. *Петров А.А.* Учитель // Экология и жизнь. 2007. № 8.
14. <http://trv.nauchnik.ru/29N.pdf>.
15. http://www.ras.ru/news/news_release.aspx?ID=6a40329e-c782-4454-90da-e892e6330805.
16. *Агеев А.И.* Кризис — его время, пространство, действующие лица и риски // Философия хозяйства. 2008. № 4.
17. *Велихов Е.П., Бетелин В.Б., Куширенко А.Г.* Промышленная политика, инновации, массовые информационные технологии, отечественные системообразующие компании. М., 2007.
18. *Кочетков Г.Б., Сулян В.Б.* Корпорация: американская модель. СПб., 2005.
19. *Мировая экономика: прогноз до 2020 года / Под ред. А.А. Дынкина.* М., 2007.
20. <http://www.premier.gov.ru/visits/ru/132/3722.html>.

Н.А. ШАПИРО

**Территория России как рыночное пространство
(или идеальная модель рынка для политики модернизации)**

Аннотация. «Меновой союз» как модель экономики, отражающая западную историю, абстрагируется от фактора времени и пространства и не позволяет выявлять причины, сдерживающие положительный потенциал рынка в России. Если же воспользоваться моделью экономики как денежной системы, учитывающей указанные факторы, то можно выявить глубинные проблемы отечественной экономики, не позволяющие достичь целей современной модернизации в желаемые сроки.

Ключевые слова: идеальная модель, деньги, частная собственность, территория, рыночный потенциал.

Abstract. «Union of Barter» as a model market economy, reflecting Western story is abstracted from the perspective of time and space, and does not allow you to identify the causes affecting positive market potential in Russia. If the same model of the economy as a monetary system that takes into account these factors, you can identify the underlying problems of domestic economy to achieve the desired dates in modern modernization.

Keywords: ideal model, money, private property, territory, market potential.

«Идеальное» в общекультурном контексте, как правило, понимается как нечто очень хорошее. «Идеальное» в научном смысле есть абстрактное, мыслимое, представляемое в виде идеи, в главном и наиболее существенном, отражающей реальность.

Если абстрактное адекватно отражает сущностное в реальном явлении, это означает, что оно создает основание для научно продуктивной теоретической модели, дающей возможность разрабатывать эффективные практики совершенствования действительности.

Идеальная модель как продукт человеческого познания отражает то время и то состояния реальности, в котором последняя находилась на момент ее изучения. В этой связи релятивизм объективно присущ познанию не только потому, что абсолютная истина недоступна человеческому уму в силу его ограниченности, но и потому, что в каждый конкретный момент времени важнейшими являются разные аспекты реальности, реальность меняется. Успешное решение задач модернизации экономики, т. е. ее обновления, придание ей облика современного рынка по подобию передовых стран, невозможно без соответст-

вующей идеальной модели, отражающей главные проблемы современной экономики России.

Так, идеальный образ рыночной экономики, господствовавший в западной теории и практике до начала XX в., — это «меновый союз» (А. Смит), где классическая, а затем неоклассическая теория для его изучения довольствовались аналогией с хозяйством Робинзона или деревенской ярмаркой, где деньги представлялись покрывалом, скрывающим реальные экономические процессы, но не влияющим на них. Пока экономике не потребовалось государственное вмешательство, модель рынка существовала вне времени и пространства. Когда оно стало необходимым как инструмент вынужденного воздействия на естественные принципы частной собственности и свободные рынки, экономисты разных научных школ внесли в идеальную модель такой фактор, как время, который стал учитываться на основе денег.

Дж.М. Кейнс отмечал, что когда совершается переход от упрощенных моделей к проблемам реального мира, «...в наши выкладки должны войти деньги с их особыми свойствами связующего звена между настоящим и будущим... Деньги по своему существу являются, прежде всего, хитроумным средством связи между настоящим и будущим. Поэтому даже приступить к выявлению влияния меняющихся представлений о будущем на нашу текущую деятельность нельзя иначе, как в денежных терминах» [1, 273].

М. Фридмен утверждал, что чикагская школа дает теоретический метод, «настаивающий на том, что деньги имеют значение, что любая интерпретация краткосрочных сдвигов в экономической активности наверняка столкнется с серьезными трудностями, если будет пренебрегать денежной стороной дела, если не может объяснить, почему люди стремятся иметь при себе определенное количество денег» [2, 22—23].

Можно, таким образом, заключить, что роль денег методологически важна для понимания сути современной экономики и через деньги в анализ было включено такой важное свойство (измерение) реальности, как время.

Отметим также схожую для указанных авторов трактовку денег как вида имущества (Кейнс) и вида частной собственности (Фридмен).

Рассматривая деньги как один из видов частной собственности или видов имущества, логично предположить, что имеет значение и количество частных собственников в экономической системе, т. е. то, как деньги распределены между экономическими субъектами, находящимися в данном экономическом пространстве системы. Чем больше собственников, тем больше потенциальных рыночных субъектов — продавцов и покупателей, тем более развита рыночная конкуренция.

Если деньги распределяются неравномерно, то это, естественно, не способствует появлению множества продавцов и покупателей, которые могут продать и купить (произвести и потребить) большое количество товаров. (В такой ситуации приходится оправдывать производство предметов роскоши, как в известной «Басне о пчелах».) Люди, чьи доходы по величине не совместимы с «простой человечностью» (А. Смит), не могут рассматриваться как полноценные рыночные субъекты, поскольку они не являются, по сути, частными собственниками, и для них рыночная свобода не является благом. Чем больше денег у экономического субъекта, тем сильнее он как участник рынка, но, чем более неравномерно распределены деньги в обществе, тем меньше устойчивых рыночных субъектов, и тем меньше реальный совокупный спрос. В таких условиях права собственности и свободные рынки не выполняют своих естественных функций и не воспринимаются большинством населения как фундаментальные принципы, обеспечивающие достойную жизнь большинству граждан в рыночной экономике.

Рассматривая экономику России, следует отметить такую проблему, как состояние территории страны с точки зрения функционирования единого рыночного пространства, на котором существуют эти частные собственники.

Такой проблемы не было у большинства современных цивилизованных стран, потому что центр Европы уже около 500 лет покрывает сеть городов, отстоящих друг от друга на 8—20 км. Даже в средневековой Европе крестьянин за день пешком успевал на рынок и обратно, а в России вынужден был на лошади ездить сутками. Среднее расстояние между городами в обжитой зоне современной России к концу XX в. составляет 45—75 км, на Урале — 150, в Сибири — 500 км. Такие расстояния затрудняли и затрудняют обмен, снижают степень тесноты экономических связей, формируют специфическую экономическую культуру самообеспечения, сдерживают развитие инфраструктуры. На протяжении многих поколений сформировали законы, обычаи, поведенческие стереотипы и профессии, которые не предполагают рыночного обмена и интенсивных связей и денежных потоков. А отсутствие правовых основ территориальной мобильности в советское время лишь закрепило «нерыночное поведение» законопослушной, т. е. большей части населения.

Реальностью экономики России на данный момент является факт крайне неравномерного распределения денег по территории страны. Если воспользоваться метафорой классиков о том, что деньги есть «покрывало», скрывающее реальные экономические процессы, то в России оно не только не однородно, как бы соткано из разнофактур-

ных кусков, но и к тому же с большими «дырами», т. е. территориями страны, где нет никаких рыночных процессов, поскольку там нет денег у населения.

Выравнивание плотности «денежного покрывала» равноценно выравниванию рыночного потенциала. Возможно, это произойдет эволюционным путем по мере физического освоения территорий, но потребует так много времени, что современные угрозы — депопуляция населения, дефицит природных ресурсов — могут не позволить этому случиться. Поэтому экономическая политика современной России могла бы быть направлена на то, чтобы ускорить этот эволюционный процесс формирования рыночного потенциала территории страны, т. е. могла бы способствовать распределению денег так и таким образом, чтобы население могло воспользоваться в созидательном смысле правом частной собственности и свободой рынка. Реальное количество денег у значительной части граждан таково, что их далеко не всегда хватает на элементарное проживание.

Безусловно, проблемой является то, что в эконометрике нет релевантных показателей, измеряющих неравенство распределения денег по территории.

Монетарная статистика лишь показывает, что около половины денег по агрегату денежной базы концентрируется в Москве, большая часть из оставшейся половины — в Санкт-Петербурге, а оставшаяся часть — по остальной территории страны. Представить собственные расчеты некоего «монетарного» коэффициента Джини сложно из-за отсутствия соответствующих данных. Но даже представленная информация дает основания предполагать, что деньги — читай — «рыночный потенциал» экономики — распределены по территории России крайне неравномерно. Значительная часть населения не имеет достаточного количества денег, чтобы владеть, пользоваться и распоряжаться ими как видом частной собственности. «Защита права собственности, столь важная для рыночной экономики, требует поддержания критической массы собственников», — отмечает и А. Гринспен [3, 232].

Сложившаяся ситуация, отражающая неравномерность распределения денег по территории или рыночного потенциала является следствием деятельности государства, его экономической политики, сделавшей максимально все, чтобы правом частной собственности могли реально воспользоваться минимальное количество человек. Этому служила модель приватизации, обесценение вкладов, избирательное правоприменение и проч., что создало ситуацию, когда основная масса населения осталась без денег и право частной собственности не является для них актуальным правом, способствующим экономическому развитию.

Следовательно, идеальная модель рынка для страны, где есть проблемы с распространением денег по территории, в частности Россия, опираясь на которую, следует разрабатывать программу модернизации, должна строиться, во-первых, как модель денежного рынка, а не просто «менового союза». И через деньги следует рассматривать рынок в пространстве и во времени. (Для этого следовало бы рассчитывать на базе официальной статистики распределение не только доходов между секторами экономики или между районами страны и субъектами федерации с учетом удельного веса населения, но и денег, их распределение в рамках монетарной базы по территории, для сравнения сельских и городских районов страны, по периодам времени и проч.)

Теоретическая гипотеза о том, что деньги являются мерой рынка в пространстве и во времени, практически могла бы трансформироваться в программу модернизации экономики, в основе которой могла бы быть цель перераспределения денег по территории страны, в которой идея «монетарного дождя» (М. Фридмен) воплотилась бы в инвестиционную программу строительства жилья. Прогрессивность таких инвестиций состоит не только в том, что «квартирный вопрос» будет иметь более надежные перспективы решения для значительной части населения страны, чем это происходит сейчас, когда жилье строится в основном в крупных городах и его скупают богатые люди как финансовые активы. Инвестиции в жилищное строительство в проблемные территории имеют ряд преимуществ перед другими видами инвестиций и сферами вложения.

Во-первых, жилье является тем дефицитным благом, которое нельзя привозить из заграницы, у него низкая эластичность замены, конкурировать могут только технологии строительства, но не жилье само по себе.

Во-вторых, инвестиции в жилищное строительство имеют наиболее высокий мультипликатор по сравнению со всеми другими инвестициями, что будет способствовать созданию дополнительных рабочих мест и повысит занятость населения.

В-третьих, инвестиции в жилищное строительство можно достаточно четко дифференцировать через бюджетно-налоговые и денежно-кредитные инструменты для того, чтобы решать другие важные социально-экономические и политические проблемы, которые стоят перед страной. Для этого надо предложить особые условия ипотечного кредитования или выкупа для «первой квартиры» вне зависимости от возраста, для молодой семьи, для многодетной семьи, для разных территорий (!), для разных форм участия в строительстве (бартер, инвестирование и пр.). Здесь может помочь опыт Израиля, отстроившего со-

временное государство в исторически короткие сроки, не прибегая к мобилизационной экономике.

В-четвертых, инвестиции в жилищное строительство являются оптимальным долгосрочным вложением нефтяных доходов государства.

Положительную роль в разработке такой программы должен сыграть критический анализ просчетов тех стран, которые использовали широкомасштабные программы по жилищному строительству как инструмент экономического развития, включая ипотечный кризис в США.

Для того чтобы такая политика дала существенные результаты, она должна осуществляться не менее чем 15—20 лет. Согласно теории и практике прогнозирования, именно этот период времени необходим, чтобы рыночные отношения оформились в устойчивые рыночные институты. Менее продолжительный период в 5—7 лет, затронув на непродолжительное время соотношение совокупного спроса и предложения, не приведет к серьезным изменениям. В среднесрочном периоде — более 7 лет лишь — начнет проявляться отдача инвестиций, сделанных в первые 1—4 года. И лишь в долгосрочном периоде устойчиво проявятся преобразования в масштабе национальной экономики на институциональном уровне.

Таким образом, проведение эффективной политики модернизации в России возможно в том случае, если программа модернизации будет опираться на новую абстрактную модель рынка, можно сказать, завершенную — с точки зрения существующей реальности — модель рынка. Такая модель должна включать в себя два измерения реальности: время и пространство. Традиционные модели рынка, сформировавшиеся западной наукой, не отражали фактора пространства, поскольку к моменту появления этих теорий фактор пространства уже не являлся проблемой, сдерживающей развитие рынка.

Литература

1. *Кейнс Дж.М.* Общая теория занятости, процента и денег. М., 2002.
2. *Фридмен М.* Если бы деньги заговорили... М., 1999.
3. *Гринспен А.* Эпоха потрясений. Проблемы и перспективы мировой финансовой системы М., 2010.

П.С. ЛЕМЕЩЕНКО

Россия — Белоруссия: риторика отношений и реальные тенденции будущего развития

Человек не делает ни одного шага в знании, не совершая его и в практической жизни. Хозяйство есть знание в действии, а знание есть хозяйство в идее. Синтезирующая функция, которая соединяет отдельные акты хозяйства в хозяйство, отдельные акты знания в науку, отдельные деяния человеческих индивидов в историю, в своей основе одна и та же. Как процесс динамический, и хозяйство, и знание, и история предполагают единство трансцендентального субъекта.

С.Н. Булгаков. Философия хозяйства

Аннотация. Раскрываются объективные и субъективные институциональные условия, влияющие на интеграционные процессы России и Белоруссии при формировании единого хозяйственного пространства, и факторы, которые создают конфликты и разобщают страны не только в экономической, но и других сферах деятельности.

Ключевые слова: Россия, Белоруссия, хозяйственное пространство, институциональный конфликт, противоречия, интеграция, дезинтеграция.

Abstract. The article is devoted to the objective and subjective institutional conditions which influence integration processes in Russia and Belarus and form a common economic space. Also the article considers factors that create conflicts and disunite countries not only in economic but also in other spheres of activity.

Keywords: Russia, Belarus, economic space, institutional conflict, opposing views, integration, disintegration.

Идея межгосударственной и региональной интеграции государств сегодня является крайне актуальной, поскольку, как показывают расчеты, политико-экономической стабильности можно достичь лишь в рамках кооперативного взаимодействия примерно 500 млн человек. Иначе говоря, именно за счет такой емкости внутреннего рынка может успешно развиваться сообщество *без границ и политической конкуренции*, обеспечивая минимизацию транзакционных издержек и расширенное воспроизводство. Кстати, в последнем воспроизводстве *социально-психологических отношений* занимает далеко не последнее ме-

сто. Поэтому идея формирования Союзного государства, СНГ и других интеграционных сообществ, безусловно, является верной.

Однако при строительстве Союзного государства мы, к сожалению, во-первых, «танцуем не от печки», поскольку сосредотачиваем внимание первоначально лишь на формальных институтах — политике, политической воле, праве и пр. Последнее призвано обеспечить «хорошие законы», хотя мало кто сможет вразумительно ответить на вопрос, а что такое «хорошие законы» и при каких условиях они будут «хорошо работать» — на две страны или в рамках единого государства. Собственно, политико-правовой волюнтаризм — центральная проблема всех государств и объединений, и в нашем ответственном процессе мы не являемся каким-то исключением. Во-вторых, не имея опыта ни практического, ни теоретического *в институциональном строительстве* нового типа объединения (!), мы, *импортируя «чужие» институты, крайне мало* обращаем внимание на многие ментальные свойства населения и исторические традиции стран и регионов, а также присущие последним экономические законы и отношения (!). Но, установив *неадекватные* социально-экономическим отношениям политико-правовые формы, т. е. *формальные институты*, мы создаем условия для *институционального конфликта*, проявления которого могут быть самыми разными: от снижения доверия к власти до коррупции или, например, приобретающего огромные размеры теневого сектора. Стоит при этом заметить, что уровень коррупции в наших государствах уже стал беспокоить даже власти обеих стран, а размер теневого сектора оценивается на уровне 25—30% от ВВП в Республике Беларусь и примерно 40—45% — в России, что также заставляет принимать неотложные меры или по легализации доходов, или же по ужесточению мер борьбы с этим явлением. Кстати, в конце октября 2008 г. уже была озвучена на высоком уровне как в Белоруссии, так и в других странах¹ идея вместо борьбы с антиэкономическим накоплением капитала его *легализация и обеспечение при этом тайны банковских вкладов*.

Теории и идеология, царящие в странах, служат объединяющей и цементирующей силой общества. Именно образ мышления является

---

¹ Сами по себе эти явления еще не нашли своей оценки. Но то, что парадокс очевиден, — это факт: общественное мнение, политика, право должны признать нравственными и легитимными действия, которые ранее были антинравственными и незаконными только потому, что этого требуют размеры капитала. Действительно, количество денег определяет право и нравственность, этику, культуру и, конечно, саму демократию, которая является производной от финансовых активов.

главной институцией общества. «...Вера производит теснейшую связь между гражданами, — писал Н.М. Карамзин. — Чтя одного Бога и служа Ему единообразно, они сближаются сердцем и духом» [1, 69]. Такая связь с ее верой и другими ценностями наших граждан обеспечивалась совместной историей, которая в свою очередь формирует мышление, поведение, поступки и, конечно, историю. Но в то же время именно это мышление, поступки и пр. уже определяют реальную историю. И это мы сейчас явственно не только наблюдаем, но и несем личные издержки разного рода, в том числе и социально-психологические в силу уже разного мышления и понимания нашими политиками содержания экономик России и Белоруссии, а также тенденций современной эпохи. Историки, скорее всего, и через десятилетия будут оценивать исторические факты через результаты, а не через *процесс, процедуры*, в которых дискурсивно-логические связи, отношения граждан имеют решающее значение с точки зрения причинности тех или иных результатов.

В целом можно выделить следующие *слагаемые отношений между странами*, которые при тех или иных условиях могут оказывать разнонаправленную деятельность в области формирования единого *хозяйственного (!) пространства*².

- *Объективные хозяйственно-экономические процессы, задействующие производственно-экономические потенциалы стран.*

А. Историко-культурный *ген* и политико-экономический контекст развития (теории, идеология, история, культура). Это иначе можно назвать эффектом «колеи», или зависимостью от предшествующей траектории развития.

Б. Сложившееся разделение труда и интенсивность экономических отношений (ресурсно-технологическая зависимость, торговля, кредитно-денежные отношения и пр.) в реализации стратегий стран и хозяйствующих субъектов.

В. Интенсивность хозяйственных форм (кооперация на различных уровнях, наличие совместной собственности, идентичность социальных программ, культурный обмен).

- *Субъективные факторы, формирующие содержание отношений между странами.*

А. Интересы политики и *политиков*, их подготовленность и «державная мудрость».

Б. Цели и стратегии внутренней *доминирующей* социально-экономической силы (например, финансовая олигархия, военные, про-

---

² Пока мы говорим лишь об экономическом пространстве. Но рано или поздно вопрос встанет о едином хозяйственном пространстве.

изводительный капитал, малый и средний бизнес, наемный труд, интеллигенция, политические элиты).

В. *Идентификация* своих интересов и умение организовать и представлять свои интересы для формализации отношений и целей.

Г. Позиция «простого народа» и электорального избирателя (*активно-пассивная*), имеющая все-таки в конце концов решающее значение в историческом выборе.

Д. Внешний фактор (по отношению к анализируемым странам).

Что же послужило причиной разобщения, дезинтеграции стран, которые имели, скажем, вековую историю? С нашей точки зрения, толчок к этому был дан в 1980-е гг., когда начали считать при достаточно глубоком разделении труда и обобществленном интегрированном хозяйстве в рамках бывшего СССР, какая республика, сколько и кому дает, т. е. производит, и сколько сама потребляет. Конечно, эта дискуссия никого и ни в чем не убедила, однако основа недоверия возникла весьма серьезная. Иначе говоря, так был *разрушен социальный капитал советской экономики, что сказалось буквально во всех бывших республиках, которые потеряли почти половину своего внутреннего ВВП*. Неуправляемые и хаотичные процессы подтолкнули для выживания республиканских образований к созданию собственной валюты, границ и прочей государственной атрибутики. Людям от политики это не могло не понравиться, ибо такая независимая государственность стала приносить им *личную политико-властную ренту*. Атомистические силы формирующегося частного капитала также не могли не вносить свою лепту в то, чтобы уже самостоятельные государства оберегали интересы этих индивидуализированных форм хозяйствования разобщающимися мерами политико-экономического характера. Тем более что почти во всех бывших союзных республиках молодой волк — капитал — начинал работать под патронатом своей власти. И вот здесь мы бы хотели зафиксировать, что в уже текущих складывающихся условиях риторика о мнимых государственных интересах и независимости часто подменяет действительно державный интерес той или иной молодой в политическом отношении страны. Выгоды же от тех или иных интегрирующих мероприятий рассчитываются не с точки зрения *доминирующей общей стратегии деятельности держав* в целом, а с точки зрения того, что какое-то мероприятие даст властной группировке от бизнеса, имеющей альянс с политическими структурами. Вот именно этим можно объяснить крайне противоречивую и даже странную политику формирования союзного государства и других региональных образований. Иначе говоря, бизнес там, а точнее, капитал по своему содержанию и философскому духу — мелкобуржуазный. Последний никак не расположен к политике интеграции, так как он

боится потерять свое частное «лицо», а иными формами управления еще не овладел. Мелкотоварная философия, или душа этого рентоориентированного капитала, хорошо ориентируется в краткосрочных выгодах, но крайне слабо осознает выгоды долгосрочные и, следовательно, характер и необходимость таких капиталовложений. В лучшем случае эти капиталы могут эксплуатировать (!) созданные за счет всего общества институты, которые обеспечат преимущества деятельности в интегрированном политико-экономическом пространстве.

Усилили дезинтеграционные процессы фрагментаризация мышления и распада хозяйственных культур, обусловленные активной идеологической пропагандой либерально-индивидуалистической доктрины: учимся рынку. А, как известно, такое обучение была призвана выполнить «экономическая теория». И совсем неважно, как выдерживает данная «теория» тест на научную истину, но важно то, что она весьма успешно выдержала тест на формирование «капиталистической идеологии» с такими ее атрибутами, как «частная собственность, свобода предпринимательства и выбора, доминанта частного интереса конкуренции и пр.» [2, 51—55]. «Либерально-демократическая идея для того, собственно говоря, и предназначена, чтобы подточить, ослабить устои крепкого, традиционного общественного устройства, разрушить его духовные, религиозные опоры, разложить национальные государства... и устроить земное бытие человека по образцу звериной стаи — жестокой, алчной и беспощадной» [3, 109, 345]. Для «новой экономики» характерны не только информационно-психологические и технологические аспекты, но и то, на что указывал Патриарх Московский и всея Руси Алексей II: «Сегодня происходит губительный для европейской цивилизации *разрыв взаимосвязи прав человека и нравственности*. Это наблюдается в появлении нового поколения прав, противоречащих нравственности, а также в оправдании безнравственных поступков с помощью прав человека»²⁶. Таким образом, основы безнравственной экономики, заложенные в ходе формирования *ранних моделей рыночного устройства периода первоначального накопления капитала*, буквально разломали ту цивилизацию, которая формировалась на протяжении нескольких десятилетий не только специфическим социалистическим хозяйствованием, но и влиятельной объединяющей культурой историей XX в. Поэтому и правительства буквально всех бывших социалистических стран не могут в своих личных мировоззренческих позициях и в проводимых мероприятиях не заниматься риторикой о «незалежно»-*независимой* государственной политике,

---

²⁶ Из выступления на сессии ПАСЕ (г. Страсбург, октябрь 2007 г.).

отражающей известные времена существования удельных княжеств, раздирающих войнами Европу.

*Главная институциональная ловушка для России, Белоруссии и других реформирующихся стран оказалась в том, что, как сказал Дж. Стиглиц, «в последние годы общественный баланс, сложившийся в развитых странах под давлением групп специальных интересов, недостаточно учитывает потребность в распространении инноваций. В результате их темпы могут замедлиться, что негативно скажется на уровне жизни населения как в богатых, так и бедных странах... Сам по себе рынок недоинвестирует в человеческий капитал. ...Сам по себе рынок недоинвестирует в развитие технологий. ...Ужесточение правового режима охраны прав на интеллектуальную собственность... приведет к ошибочной приватизации общественных знаний, таким образом, создавая стимулы для неверного направления интеллектуальной энергии» [4, 28—29]. И действительно, две страны, в которых начали, по крайней мере, на всех уровнях громко говорить (!) об инновациях и соответствующих программах, по итогам получили, скорее, недоиспользование *человеческого капитала*, что само по себе говорит о незавершенности и недейственности этих программ. Уровень наукоемкости ВВП в Белоруссии даже снизился за десять лет и составил примерно 0,7%, а заработная плата менее 500 дол., что явилось камнем преткновения предвыборных на президентский пост дебатов. Причина такого явления раскрывается в «откровениях» известного российского предпринимателя, который отразил идеологию новой буржуазии: «Нищета в стране — не наша забота. Мы занимаемся лишь тем, что нам выгодно. Все остальное — эмоции» (из интервью П.О. Авена телепрограмме «Постскриптум» 22 ноября 2004 г.).*

В текущей политике политики также весьма своеобразно определяют отношения наших стран, что дает основание двояко или совсем по-разному трактовать их содержание. «То, что российское руководство хотело бы включить в состав России Беларусь, наверно, вы об этом хорошо знаете. Но я не думаю, что российское руководство до сих пор вот так тупо придерживается этих целей. ...Никакого резкого ухудшения отношений нет, потому что это не нужно ни России, ни нам. Но Россия допускает те же ошибки, что и Европейский союз. Надо учитывать, что есть государство и народ, белорусское государство и белорусский народ. ...Вся сложность состоит в том, что мы находимся между этими огромными двумя монстрами: Европейским союзом и Россией. И у каждого есть свои интересы на территории Беларуси» (из интервью А.Г. Лукашенко газете «Фигаро» 25 ноября 2010 г.). Обратим внимание на дату высказывания. Скорее всего, интересы, безусловно, есть. Но отметим, что даже в 1920-е гг., когда обстановка была

более благоприятная для включения Белоруссии в состав России, все же было создано весьма демократичное образование — СССР, о чем свидетельствует Конституция данного государственного объединения, которую, кстати, юридически никто и нигде не отменил, хотя отменили каким-то соглашением государственное формирование. И тем не менее 26 ноября премьер-министр России на заседании Совета Министров Союзного государства заявляет: «Россия и Беларусь выходят на траекторию устойчивого роста» (из интервью В.В. Путина на заседании Совета министров Союзного государства 26 ноября 2010 г.). Это значит, что хотя личности и творят историю, но все же история имеет свои законы эволюции, которые обходят личные интересы политиков.

Россия — крайне влиятельная для мирового хозяйства страна, хотя, безусловно, степень ее влияния во второй половине XX в. заметно снизилась. Россия — седьмая экономика в мире по объему производства ВВП (2009). Номинальный объем ВВП за 2009 г. составил 1,23 трлн дол., а по ППС — 2,12 трлн дол. Доля экономики России в мировой — 3,2% ВВП, а внешнеторговый оборот составил 735 млрд дол., в котором положительное сальдо составило 201,2 млрд дол., со странами СНГ — +106 млрд дол. В России проживает 1,5% белорусов, о чем свидетельствует перепись 2010 г.

В свою очередь Республика Беларусь — это 1,2% территории России и 0,9% СССР, где проживает 9 млн 465 тыс. жителей. Напомним, что перед Второй мировой войной в Белоруссии уже проживало более 10 млн жителей. Таким образом, Белоруссия — это 6,7% населения России, 3,6% жителей СССР, производившей 4% ВВП экономики Союза. В свою очередь, это 8,13% ВВП России, где проживает 8,3% русских (по переписи 2010 г.). Но в Белоруссии добывается всего лишь 4% используемых природных ресурсов. И тем не менее именно она исторически первая использовала капиталистические формы хозяйствования в ремесле, сельском хозяйстве, выступая западной окраиной России. По сути, существующая *техничко-экономическая система* есть следствие индустриальной политики СССР и России, хотя нынешняя *политико-экономическая модель* хозяйствования — самостоятельный выбор.

Степень влияния на окружающие страны прослеживается по структуре экспорта-импорта страны. Для России характерна, к сожалению, стала товарно-сырьевая направленность экспорта. Например, в 2008 г. доля минеральных ресурсов составила около 70%, в то время как доля экспорта машин всего лишь 4,9%. Это означает, что зависимость Белоруссии происходит не от интеллектуально-технического капитала, а от сырьевых фирм. Иначе говоря, белорусы платят России *природную ренту*, которая является следствием монопольно-природных условий,

что позволяет судить о завышенности цен на сырье из России и заниженные цены белорусских товаров, поставляемых в РФ. Но все-таки подчеркнем, что существующая модель российской экономики позволяет присваивать эту ренту частным монополистам.

Для всего мира типична высокая доля готовой продукции. В России же доля готовой продукции в импорте более чем в 3 раза превосходит долю готовой продукции в экспорте. В структуре российского импорта продовольствие и сельскохозяйственное сырье имеют в 2 раза больший удельный вес (18%, 2008 г.), чем в странах с высоким (9%) и средним (9%) доходом. На топливо приходится 3%, в то время как в странах с высоким доходом — около 12%. В целом по показателю международной торговли Россия занимает 161-е место в мировом рейтинге. Конечно, вызывает крайнее беспокойство и замедление научно-технического прогресса. Почти 60% оборудования старше 16 лет, а физический износ основного капитала в ряде отраслей превышает 80%, что не делает российскую экономику привлекательной и образцовой для других стран.

А вот как выглядит экспорт белорусской продукции в Российскую Федерацию (табл. 1).

Таблица 1

**Экспорт белорусской продукции в РФ
(январь—август 2010 г.)**

Наименование	2010 г.	в % к 2009 г.	в % к 2008 г.
Тракторы	11,3 тыс. шт.	117,3	59
Седельные тягачи	868 шт.	3,3 р.	20,15
Грузовые автомобили	3168 шт.	3,5 р.	50,4
Дорожная и строительная техника	1066 шт.	185,4	41,16
Прицепы и полуприцепы	5681 шт.	96,8	41,53
Запчасти (тракторы и автомобили)	24,1 тыс. шт.	133,6	71,35
Двигатели внутреннего сгорания	20,8 тыс. шт.	142,4	47,5
Трансформаторы	666,8 тыс. шт.	154,2	82,81
Холодильники и морозильники	410,5 тыс. шт.	110	83,91
Телевизоры и мониторы	186,4 тыс. шт.	292,4	72,81
Мясо и мясопродукты	129,3 тыс. шт.	128,6	174,64
Молоко и молочные продукты	373,1 тыс. шт.	132,6	145,77

Из таблицы 1 видно, что объем белорусского экспорта в соседнюю страну достаточно значим не только для экономики Белоруссии, но и для России, что определяет степень *взаимозависимости* двух стран. Мировой кризис 2008 г. увеличил поставки продукции белорусских производителей в Россию. Именно в это сложное время всегда обостряется конкурентная борьба, чем можно объяснить и «молочную», и «газовую», и другие политико-экономические войны.

Но для обеих стран характерно использование по преимуществу третьего и четвертого технологических способов производства. Ни одна из стран не обладает сколь-нибудь весомыми научно-технологическими преимуществами (табл. 2).

Таблица 2

Доля стран в мировом высокотехнологичном экспорте, % (2006)

Страна	Объем, млн дол.	Доля, %
США	219179	15,5
Германия	154757	10,9
Китай	271170	19,1
Россия	4755	0,3
Белоруссия	268	0,02
Украина	926	0,1

Источник: [5].

Открытость экономики Белоруссии достаточно высокая и приближается примерно к 120% годового ВВП. Это делает экономику нашей страны достаточно зависимой от мировой конъюнктуры в целом и российской в частности. Товарооборот же России и Белоруссии в 2009 г. составил 23,4 млрд дол. (в 1999 г. — всего 6,9 млрд дол.). В 2010 г. доля России в экспорте Белоруссии составляет примерно 40% (в 2009 г. — 33%).

Доля Белоруссии в общем экспорте России приблизилась к 4%. Но импорт из России в Белоруссию в 2009 г. составил 16,7 млрд дол. Если доля иностранного капитала в банковском капитале РБ составляет 27,25%, то доля России в нем более 60%. Валовой внешний долг Белоруссии в 2009 г. — 37,1% к ВВП (1996 г. — 13,3%). Государственный же долг отражает где-то около 19% ВВП на 1 сентября 2010 г. (общий объем госдолга — 9451,3 млн дол.).

Импорт энергоресурсов в республику — 85% потребности (!). Рентабельность промышленности в 2009 г. находится на уровне 10%, а из 6 млрд дол. внешних инвестиций (2010) примерно 70% являются инвестициями российскими.

В то же время можно отметить совсем неплохой для республики показатель золотовалютных резервов — на 1 октября 2010 г. примерно 6485 млн дол. Это свидетельствует о совсем неплохих гарантиях государства для российско-белорусского сотрудничества в различных формах, поскольку есть возможность защиты различных рисков. Но эти инвестиции опять-таки не ориентируют белорусскую экономику на переход к экономике знаний, к высокотехнологичному производству: это или строительство бизнес-центров, жилья, или банковский бизнес. Для двух стран примерно одинаковый уровень развития новой сферы — экономики знаний. Россия находится даже на более высоком — 60-м месте. По индексу развития человеческого капитала в 2007 г. Белоруссия опережала Россию и занимала 60-ое место, а Россия — 71-ое. Однако вместе с тем ее влияние на окружающие страны в этом направлении не совсем значительное. Пока, видимо, российское образование, образ мышления и жизни не являются «модными» образцами для подражания для народов других государств (табл. 3).

Таблица 3

Индекс экономики знаний

Место	Страна	Индекс экономического и институционального режима	Индекс знаний	Индекс инноваций	Индекс образования	Индекс ИКТ
1	Дания	9,71	9,49	9,49	9,78	9,21
60	Россия	1,76	5,82	6,88	7,19	6,38
72	Казахстан	4,7	4	3,68	7,07	4,76
73	Белоруссия	1,15	6,19	5,79	8,02	4,74

Источник: [5].

Две страны, которые как бы (!) начали с начала 1990-х гг. свое самостоятельное движение в области политико-экономического развития, все же имеют как сильнейшие коэффициенты сцепления, так и факторы дезинтеграции. Например, для Белоруссии, с нашей точки зрения, как и для любой другой малой страны, сильно снизился параметр, или фактор, *интеллектуально-технологического и культурного влияния*. Фактор же сырьевой зависимости сместился с уровня государственного управления, когда можно было формировать общие государственные интересы, на уровень незрелого и рентоориентированного капитала с его безнравственной идеологией. Поэтому мы приведем данные, показывающие, к каким институциональным итогам пришли Россия и Республика Беларусь (они имеют агрегированный харак-

тер и собирались из разных источников на разный период времени) (табл. 4).

Таблица 4

Общее и особенное некоторых институциональных свойств России и Белоруссии

Институциональные свойства	Общее	Особенное
Доминирующий тип социально-экономического мышления	+ , – Патриархально-самодержавное	В Белоруссии выше лояльность к формальному праву. В России — к традициям (старым и новым — клубным)
Дистанция к власти	+ Близкая (бизнес и население стремятся к патернализму)	
Отношение к власти (доверие)	+ , – Доверие к церкви доминирует	Разные институты имеют разный уровень доверия
Доступ к закону	+ , – Цена высокая	В России — цена выше → большой теневой сектор
Континуум «индивидуализм-коллективизм»	+ Предпочтение коллективизму	
Ценность личной свободы	+ Относительная	Индивидуальная свобода в шкале ценностей находится во втором десятке
Денежная мотивация	+ Не на первом месте	
Формально объявленная стратегия развития	+ Инновационная	– (Есть различия в реализации, уровне НИОКР, следствии)
Рынок	+ Специфический, основан на простом утилитаризме	В России — кланово-феодалный (олигархический), в Белоруссии — административно-бюрократический
Отношение «труд — капитал»	+ Неравнопартнерские, противоречивые; капитал социально безответственный, а труд — оппортунистический. Следствие — высокие трансакционные издержки, низкая эффективность бизнеса	
Отношения собственности	+ 1. Рост отчуждения работников от реализации собственности 2. Государственная собственность не нашла своих полит-	

	экономических форм	
<i>Продолжение таблицы 4</i>		
Совпадение ментальности и интересов населения и политиков	+ , – В обеих странах политика — это рынок, обмен	В Белоруссии совпадение большее
Влияние религии	+ Высокое	Есть различия в конфессиональной структуре
Ценности домохозяйств	+ Высокая ценность семьи как экономической, так и культурной единицы	
Стратегия капиталов	+ , –	У России — рентоориентированный, в Белоруссии — производительный со слабым коммерческим вектором (произвести — главное)
Уровень доверия среди предпринимателей	+ Низкий	
Уровень доверия населения к капиталу	+ Низкий, поведение оппортунистическое	
Экономическая эффективность систем	+ Крайне низкая	В России производительность труда ниже чем в США в 4 раза, в Белоруссии — 75% от российской
Институциональная эффективность Союзного государства	??? Требуется обширная дополнительная информация	А. Капиталы — слабые, политики, народы — маловлиятельны Б. Сдерживается большими издержками по созданию инфраструктуры

Сделаем некоторые комментарии. Таблица 4 в целом отражает общие тенденции эволюции систем и оценки. Хотелось бы верить, что в некоторой степени приведенные характеристики по своему смыслу будут понятны читателю, поскольку некоторые общие и отдельные исследования институциональной теории сегодня уже сделаны. Имеются также и разной глубины анализа прикладные наблюдения. Но они касаются или отдельных общих проблем развития (но больше функционирования), или частных вопросов отдельных стран. Сравнительный же анализ — дело крайне непростое и требует огромного массива информации с междисциплинарным подходом ее оценки и обобщения. Фактом же является то, что эти и другие институциональные параметры крайне важны для проведения эффективной стратегии и

тактики строительства единого государства. Можно привести пример Ирландии, где, казалось бы, небольшие религиозные отличия уже многие десятилетия не позволяют прийти к общему знаменателю с политикой королевства Великобритании. Нельзя руководствоваться в таком процессе только экономическими параметрами, хотя последние и являются крайне важными. Но экономистам крайне важно понять, что в экономическом развитии (!) внеэкономические, т. е. институциональные факторы, в конечном счете, имеют доминирующее значение. В этом подходе раскрывается и загадка капитала в целом, в мире лишь два десятка стран попадают в разряд индустриально развитых, около двухсот впадают в жалкое существование. Раскрытие же некоторых *тайн современного капитала* с учетом текущего финансового кризиса, пожалуй, уже дает ответы на вопрос, а все ли страны живут не только по своим средствам (ресурсам), но и по своему вкладу в мировое богатство — реальное и дутое, финансовое. Очевидным становится то, что созданная система международных институтов позволяет извлекать, *искусно перераспределяя, глобальную ренту*, на что обращали внимание такие нобелевские лауреаты, как М. Алле, Дж. Стиглиц, П. Кругман и др. Нельзя устойчиво и обеспеченно жить, создав определенные правила поведения в мире, приватизируя лишь доходы и предлагая не участникам строительства глобального пространства (мир-экономики — Ф. Бродель) национализировать издержки. Поэтому интегративные процессы Белоруссии и России, имеющие технико-экономические и исторические основы и усиливающие в мировом сообществе политико-экономические конкурентные преимущества, нуждаются в грамотном институциональном оформлении и сопровождении. История свежа фактами быстрого роста многочисленных *псевдоинститутов* с неопределенными целями и функциями, которые могут воспроизводить только собственное существование. К сожалению, пока еще никто не проанализировал, какие же институты в союзном государстве имеют перспективы и несут эффективный потенциал к развитию и экономическому росту этого сообщества, а какие лишь создают условия для паразитизма отдельных слоев или классов, а может, даже и отдельных стран. Такие объединения и альянсы, как показывает практика, долго «не живут», а их существование сопровождается разного рода конфликтами между его участниками. Современный финансовый кризис своим завершением укажет, какие союзы и образования выдержали испытание на зрелость, а какие оказались искусственными и, следовательно, неэффективными. Однако фактом остается то, что новая посткризисная эпоха высветит и новые валютные союзы, устранив лжеактивы и лжевалюту.

Условиями же устойчивого развития стран Союзного государства, ЕврАзЭС и СНГ в XXI в. являются:

- существенная корректировка дезинтегрирующей конкурентной либерально-рыночной доктрины XVII в. и выработка интеграционной парадигмы *развития*, отвечающей условиям XXI в.;
- диктатура науки; но наука также нуждается в серьезном переосмыслении;
- возврат к пропаганде наших традиционных восточнославянских ценностей и идеалов;
- переход к нравственному измерению экономики и хозяйственного оборота системы в целом.

Литература

1. Карамзин Н.М. История государства Российского. Т. 1. М., 1994.
2. Макконнелл К.Р., Брю С.Л. Экономикс: Принципы, проблемы и политика: В 2 т. Т. 1. М., 1992.
3. Митрополит Иоанн. Русская симфония: очерки русской историософии. Русский узел. СПб., 2004.
4. Стиглиц Дж. Многообразные инструменты, шире цели: движение к пост-Вашингтонскому консенсусу // Вопросы экономики. 1998. № 8.
5. Экономика Беларуси. 2010. № 3.

ХАН СЕОНГ-ЧИН

Республика Корея — Российская Федерация: перспективы экономического сотрудничества

Аннотация. В статье рассматриваются результаты двадцати лет сотрудничества между Кореей и Россией в области торговли, инвестиций, энергетики, науки и техники и предлагаются меры по расширению этого сотрудничества.

Ключевые слова: корейско-российские дипломатические отношения, торговля, инвестиции, энергетика, наука, технологии, космические исследования, передовые наукоемкие технологии.

Abstract. This article is devoted to analyze the results of 20 years of cooperation between the Republic of Korea and Russian Federation in the field of trade, investment, energy, science and technology and is offered measures on expansion of this relation.

Keywords: Korean-Russian diplomatic relation, trade, investment, energy, science, technology, space exploration, advanced high technologies.

Установление двадцать лет назад дипломатических отношений между Республикой Корея и Советским Союзом, а затем его преемником — Россией, стало событием, во многом символизировавшим начало поворота ситуации в Азиатско-Тихоокеанском регионе от противостояния времен «холодной войны» к преодолению накопившихся реальных противоречий и недоверия в пользу международного сотрудничества и диалога. Поворот этот произошел по мере размывания идеологических догм и стереотипов, ослабления военного противостояния и расширения возможностей для экономического сотрудничества (А.А. Дынкин [1, 4]).

В течение двадцати лет Корея и Россия развивали стабильные отношения во всех областях, включая политику, экономику, культуру, гуманитарные обмены и т. д., несмотря на все взлеты и падения.

Сотрудничество между Республикой Корея и Российской Федерацией

Рассмотрим основные сферы сотрудничества: торговлю, инвестиции, энергетику, высокие технологии и т. д.

Отношения в сфере торговли. Первые деловые операции представителей южнокорейского бизнеса с заинтересованными советскими коммерческими фирмами и организациями начались в 1982 г.; тогда они осуществлялись в ограниченном режиме, при посредничестве третьих сторон — Японии, Гонконга, США, без упоминания Южной Кореи как страны-производителя и экспортера/импортера товаров²⁷.

С 1992 по 2008 г. товарооборот между двумя странами вырос в 52 раза со 190 млн дол. до 18 млрд. С 2000 г. наблюдался динамичный рост корейско-российской торговли, благодаря стабильному экономическому развитию двух стран, а также повышению мировых цен на энергоносители, в результате чего покупательная способность россиян существенно выросла.

Со второй половины 2008 г. спрос на российском рынке автомобильной промышленности, информационных и телекоммуникационных технологий, представляющих основные статьи корейского экспорта, резко упал в результате мирового финансово-экономического кризиса. Поэтому в 2009 г. товарооборот между Кореей и Россией снизился почти вдвое по сравнению с предыдущим годом — до 10 млрд

---

²⁷ 14 декабря 1990 г. было заключено торговое соглашение между правительствами СССР и Республики Корея, и по сей день служащее правовой базой для торговли товарами и услугами (Г.Я. Левченко [1, 24]).

дол., но в январе — сентябре 2010 г. он вырос на 83% по сравнению с предыдущим аналогичным периодом и составил 12,4 млрд дол. В первые девять месяцев 2010 г. Россия занимала 13-е место в корейском экспорте — на нее приходилось 1,47% совокупного экспорта Кореи, и 12-место в корейском импорте — на нее приходилось 2,39% совокупного импорта Кореи.

Автомобили и компоненты, мобильные телефоны, продукция судостроения и телевизионная техника представляют собой основные статьи корейского экспорта в Россию, в то время как нефть и нефтепродукты, уголь, алюминий и газ — основные статьи российского экспорта в Корею. К примеру, в 2009 г. 65,5% его общего объема пришлось на поставки минерального сырья, нефти и нефепродуктов, 12,9 — на продовольственные товары и сельскохозяйственное сырье, 11,9 — на металлы и изделия из них, 4,7 — на продукцию химической промышленности и лишь 2,6% — на машины, оборудование и транспортные средства. В импорте же из Республики Корея преобладали поставки машин, оборудования и транспортных средств — 73,2%, доля продукции химической промышленности — 13,1, металлов и изделий из них — 5,2, продовольственных товаров и сельскохозяйственного сырья — 2,4, текстильной продукции и обуви — 2,2%.

Перспективы наращивания объемов российско-южнокорейской торговли, улучшение ее качественной стороны, обеспечение сбалансированности и диверсификации не могут не увязываться с вовлечением в российский экспорт в Южную Корею новейших видов продукции машиностроения за счет кардинального повышения уровня взаимодействия в машиностроении, в области высоких технологий и т. п. Без этого трудно представить нормального торгово-экономического сотрудничества развитых стран (Г.Я. Левченко [1, 26]).

Таблица 1

Товарооборот между Кореей и Россией

Год	Экспорт		Импорт		Сальдо
	Объем, млн дол.	Прирост, %	Объем, млн дол.	Прирост, %	
2010 (оценка)	7000,0	66,9	10000,0	90,0	— 3000,0
2010 (январь—сентябрь)	4974,9	65,3	7425,2	97,3	— 2450,3
2009	4194,0	–57	5788,8	–30,6	— 1594,6
2008	9748,0	20,5	8340,1	19,5	1353,5
2007	8087,7	56,2	6977,5	52,6	1110,3
2006	5179,2	34	4573,0	16,2	606,3

Источник: [2].

Таблица 2

Доля России и ее место в экспорте/импорте Республики Корея

Год	2004	2005	2006	2007	2008	2009	2010 1—9
Экспорт, %	0,92	1,36	1,59	2,18	2,31	1,15	1,47
Место	24	13	12	8	8	22	13
Импорт, %	1,64	1,51	1,48	1,96	1,92	1,79	2,40
Место	14	14	16	13	14	14	12

Источник: [2].

Однако ни в Республике Корея, ни в России нынешний уровень двусторонних отношений не вызывает удовлетворения. Объем товарооборота и инвестиции между двумя странами намного меньше, чем между Кореей и Китаем. В 2009 г. товарооборот между Республикой Корея и Китаем достиг 140 млн дол. — в 10 раз больше чем с Россией (табл. 1, 2). Как отмечает А.Н. Федоровский, это случилось ввиду того, что российские и корейские бизнесмены недостаточно полно представляют возможности друг друга и из-за слабой информированности корейской стороны о характере практики ведения дел в России. Отсюда — резкие перепады в настроениях корейских деловых кругов относительно ведения дел в России: от эйфории и завышенных ожиданий начала 1990-х гг. до пессимизма и разочарования второй половины 1990-х гг. и новых оптимистических ожиданий в 2000-е гг.

«Остро сказывается недостаточный опыт двустороннего экономического сотрудничества, слабая информационно-аналитическая поддержка российского и корейского бизнеса с обеих сторон. Поэтому двусторонние деловые связи все еще во многом носят архаичный характер, ограничиваясь, в основном, лишь торговыми операциями. Насущной необходимостью становится совместный поиск перспективных направлений сотрудничества, способных придать ему устойчивость и масштабность» (А.Н. Федоровский [1, 46]).

Наряду с торговыми отношениями важную роль в диалоге двух стран играют отношения в сфере инвестиций.

Отношения в инвестиционной сфере. В 1990-е гг. корейские предприниматели неохотно вкладывали прямые инвестиции в Россию из-за отсутствия режима рыночного регулирования экономики, политической нестабильности и трудностей в получении разного рода разрешений, лицензий и т. д.

В 1990-е гг. корейские компании вкладывали средства в основном в производство, оптовую торговлю, гостиничный и ресторанный бизнес.

В 1995 г. совокупный объем корейских инвестиций в российскую экономику составил 89 млн дол., а в 2000 г. — 190 млн дол.

С 2000 г. корейские компании стали наращивать свои инвестиции в Россию благодаря повышению покупательной способности, укреплению политической стабильности и росту цен на энергоносители. В 2005 г. компания «Коуа» построила завод «Доширак», в 2006 г. — компании «Orion» и LG построили заводы в России, в 2008 г. «Samsung Electronics» открыла свое предприятие в Калужской области, в 2010 г. открылись гостиница «Lotte» в Москве и представительство «Hyundai Motors» в Санкт-Петербурге, которое с 2011 г. будет выпускать 150 тыс. автомобилей в год. «Hyundai Motors» осуществляет прямые инвестиции в Россию совместно с 12 производителями комплектующих, что является ярким примером локализации автомобильного производства в России.

На конец сентября 2010 г. совокупный объем корейских инвестиций в Россию составил 1,74 млрд дол., а российские инвестиции в Корею — всего 30 млн дол. На фоне активного роста прямых инвестиций из России в европейскую и американскую экономики российские капиталовложения в Республике Корея крайне малы. В настоящее время около ста корейских компаний работают в России, открывая свои филиалы и представительства от Калининграда до Владивостока (табл. 3).

Таблица 3

Взаимные инвестиции между Кореей и Россией
(кумулятивные инвестиции на конец периода, млн дол.)

	1990	1995	2000	2005	2010 1—9
Корея—Россия	19,7	89,3	190,1	313,3	1744,9
Россия—Корея	0	2,4	5,5	11,4	29,9

Источник: [3].

«Вместе с тем и России, и Республике Корея нужно сделать еще немало для формирования условий устойчивого роста двухсторонних экономических связей. Это касается вопросов создания надлежащего инвестиционного климата, обеспечения информационной и правовой поддержки инвесторов, содействия расширению научно-технического сотрудничества, без чего дальнейшее поступательное развитие наших связей может натолкнуться на весьма существенные препятствия» (А.А. Дынкин [1, 5]).

Энергетика. С начала 1990-х гг. Корея импортировала металлопрокат, сталь, медь, алюминий, древесину, нефть и т. д., одновременно проявляя интерес к участию в разработке российских природных ре-

сурсов. В 1990 г. «Hyundai International» открыла совместное предприятие по переработке древесины в Приморском крае, которое представляло собой первую серьезную инвестицию Кореи в Россию.

Корейские деловые круги объективно проявляют особую заинтересованность в освоении природных ресурсов российского Дальнего Востока и Сибири, в том числе в разработке месторождений угля, нефти и газа, строительства соответствующих производственных и инфраструктурных объектов, в сотрудничестве в области земледелия, рыболовства, морских промыслов и т. д.

Корея всегда была заинтересована в разработке природных ресурсов России, включая месторождения в Республике Саха (Якутия), в Сахалинской и Иркутской областях и Западно-Камчатском шельфе, но не могла добиться доступа к российским полезным ископаемым. Однако в июле 2005 г. компании «Sakhalin Energy» и «KOGAS» наконец заключили долгосрочное соглашение о поставках сжиженного природного газа в Корею, в соответствии с которым с апреля 2009 г. Корея будет ежегодно получать 1,5 млн т (что составляет 6% от совокупного потребления газа в Корею) российского сжиженного природного газа в течение ближайших двадцати лет.

Космические исследования и передовые наукоемкие технологии. Эта область представляет собой одну из самых важных в сотрудничестве между двумя странами. В 1992 г. корейская сторона открыла в Москве Центр сотрудничества в области науки и технологий, в 1994 — еще один центр в Москве, в 2003 — центр в Новосибирске и в 2006 г. — два центра в Санкт-Петербурге.

В 2003 и 2006 гг. Корея успешно осуществила запуски двух спутников с помощью российских носителей, а в апреле 2008 г. первый корейский космонавт успешно совершила полет в космос в составе международного космического экипажа и провела 18 различных опытов. В настоящее время обе страны продолжают работу по запуску корейского ракетносителя.

Между тем совместные усилия корейских, российских и, возможно, других инвесторов могли бы способствовать реализации в российской провинции эффективных инновационных проектов, включая «Сколково».

Рыболовство и транспорт. Ежегодно Корея и Россия ведут переговоры в рамках корейско-российской комиссии по рыбному хозяйству по определению квот вылова рыбы и морских биоресурсов, а также условий промысла. В 2010 г. Россия увеличила квоту вылова для Кореи на 21% по сравнению с предыдущим годом до 67 тыс. т. В декабре 2009 г. страны подписали соглашение о предотвращении незаконной

торговли морепродуктами для упорядочения торговли морскими биоресурсами.

К январю 2010 г. морские перевозки между портами Пусан, Владивосток, Находка и Ванино осуществляли 11 контейнеровозов. В настоящее время корейские компании инвестируют в строительство новых портов и логистических центров на Дальнем Востоке и в Приморье, например, Busan Port Agency участвует в строительстве порта в Находке, а LG — в Ванино.

С конца декабря 2009 г. осуществляется регулярное воздушное сообщение между Кореей и Россией — пять регулярных рейсов в неделю и один сезонный.

В настоящее время Россия, Южная и Северная Кореи ведут переговоры о соединении Транскорейской железной дороги с Транссибирской магистралью и далее — с европейской железнодорожной системой. Реализация этого проекта имела бы огромный экономический эффект на долгосрочную перспективу, обеспечив существенную экономию времени и снижение стоимости проезда из Азии в Европу с использованием имеющихся железнодорожных маршрутов. В начале XXI в. были проведены первоначальные, но весьма значительные работы по данному проекту (была разработана программа транзитных перевозок, в соответствии с которой снижены тарифы, были обсуждены варианты упрощения пограничных и таможенных процедур, обеспечение сохранности грузов, обследован северокорейский участок пути, подготовлена необходимая для его реконструкции техническая документация и т. д.).

«Но новые обстоятельства политического характера, а именно резко обострившееся противостояние Севера и Юга Кореи, состояние повышенной напряженности на Корейском полуострове в целом стали серьезным препятствием для продолжения этих работ, и какие-либо прогнозы в данной ситуации пока представляются преждевременными»²⁸.

Перспективы расширения корейско-российского сотрудничества

Принимая во внимание географическую близость двух стран, сходство характеров корейского и российского народов, взаимную заинте-

---

²⁸ Говоря о перспективе трехстороннего сотрудничества, А. Федоровский также отмечает, что без кардинального изменения ситуации внутри Северной Кореи нельзя рассчитывать на значительные перемены в российско-северокорейских отношениях. Поэтому нет оснований ожидать в ближайшей перспективе создания условий для масштабного трехстороннего сотрудничества с участием России, КНДР и Республики Корея (Г.Я. Левченко [1, 30]).

ресованность сторон и их экономические потенциалы, перспективы российско-корейского сотрудничества поистине огромны.

«Рост торгового оборота и появление крупных южнокорейских инвестиционных проектов в России в середине текущего десятилетия позволяют говорить о реальных перспективах подъема двухстороннего сотрудничества. Однако успех в развитии российско-южнокорейских экономических связей зависит также от адекватного ответа российской стороны» (А.Н. Федоровский [1, 52]).

За двадцать лет со дня установления дипломатических отношений, обе страны стали более зрелыми. Мы предлагаем несколько способов развития подлинного стратегического партнерства между ними.

1. Создать атмосферу, способствующую развитию делового сотрудничества между Кореей и Россией (например, активизировать обмена между деловыми кругами обеих стран с использованием действующих каналов, упростить процедуру выдачи разрешений на работу и получения виз, а также таможенные процедуры).

2. Развивать долгосрочное взаимовыгодное сотрудничество между Кореей и Россией в области энергетики и освоения природных ресурсов.

3. Уделять особое внимание использованию российских наукоемких технологий и корейского опыта производства для достижения синергетического эффекта. (Обеим странам следует сконцентрироваться на пяти направлениях модернизации российской экономики — повышении энергетической эффективности, ядерных технологиях, космических исследованиях, медицинских и информационных технологиях, а также на совместной реализации проекта создания инновационного центра Сколково. В дополнение, стоит подумать об укреплении сотрудничества в военной области, судостроении, в области нанотехнологий и создания новых материалов.)

4. Активно развивать взаимовыгодное сотрудничество в области рыболовства и переработки морских биоресурсов.

5. В долгосрочной перспективе осуществлять строительство портов и логистических центров, совместно развивать транспортную инфраструктуру Северного Ледовитого океана и либерализовать воздушные перевозки между ними.

6. Более активно сотрудничать в реализации программ развития сельского хозяйства, причем не только на Дальнем Востоке и в Сибири, но и в центральных и южных регионах России, где сосредоточены самые плодородные почвы страны.

В заключение следует отметить, что несмотря на значительные инвестиции корейских компаний в разные отрасли российской промышленности и активное развитие гуманитарных обменов между двумя

странами, подчас складывается впечатление, что Россия недооценивает потенциал Кореи в качестве экономического партнера. В этой связи нам хотелось бы порекомендовать обеим сторонам прилагать усилия для улучшения имиджа Кореи среди российских чиновников. Кроме того, активизация корейско-российских двусторонних визитов на самом высоком уровне не только открыла бы новую страницу сотрудничества между двумя странами, но и послужила бы отправной точкой для развития реального эффективного сотрудничества на рабочем уровне²⁹.

Литература

1. Результаты и перспективы российско-южнокорейского сотрудничества: к двадцатилетию управления дипломатических отношений между Россией и Республикой Корея / Под ред. А.Н. Федоровского, В.Б. Амирова, В.В. Михеева. М., 2010.
2. KOTIS. 2010. November.
3. KOEXIM (Korea Exim Bank) // www.koreaexim.go.kr.
4. Ministry of Foreign Affairs and Trade // www.mofat.go.kr.
5. KITA (Korean International Trade Association) // <http://stat.kita.net>.
6. Суслина С.С. Экономическое сотрудничество России с Южной и Северной Кореей и интеграция в Северо-Восточной Азии // Мировое и национальное хозяйство. 2007. № 2.

---

²⁹ Дополнительная литература по теме: [4—6].

**ФИЛОСОФИЯ
ХОЗЯЙСТВА**

Н.Б. ШУЛЕВСКИЙ

Метаисторическая трансформация России

Мы погибаем, не умирая,
Дух обнажаем до дна.
Дивное диво — горит, не сгорая,
Неопалимая Купина!

М. Волошин

Аннотация. В статье исследуется современная трансформация Советской и Московской России в страну Сибирскую. Выделяется четыре типа основных мировых взаимодействий: материальные, идеальные, материально-идеальные и идеально-материальные. Развитие России на основе первых трех взаимодействий уже исчерпало их потенциал и установило тупиковый режим всемирной тупости и пошлости. Дух России переходит к освоению ресурсов идеально-материальных взаимодействий, что возможно лишь на пространствах Сибири.

Ключевые слова: Россия, Москва, Сибирь, трансформация, метанация.

Abstract. This article studies the modern transformation of Soviet and Moscow Russia in the Siberian country. There are four types of the basic world interactions: material, ideal, material-ideal and ideal-material. Russian development, based on the first three interactions, has already exhausted their potential and established a deadlock mode of the world bluntness and platitude. The spirit of Russia moves to development of the resources of ideal-material interactions; that is possible only in Siberia.

Keywords: Russia, Moscow, Siberia, transformation, metanation.

Россию называют кладбищем идей. Только не идей, а призраков, ибо идеи — послания вечности. В морге лежит уже и призрак свободы, издохший от свободы же. Вакханалия свободы в России завершается суицидом свободы, ибо все наглядно увидели, что свобода — сестра смерти. Но для Руси — это самые кровавые и затратные похороны.

Народы суть коллективные организмы и соборные личности, мысли Бога (Гердер), меняющие с возрастом свои геокультурные формы, но сохраняющие свои социодуховные матрицы. Была Русь Киевская, Русь Московская, Русь Советская¹. И вот теперь Русь примеряет к себе

---

¹ А еще о чем-то тайно молчат Русь Гиперборейская, Русь Скифская, Русь Тартарская, Русь Казацкая...

инновационные наряды, хотя по вещим знамениям в ближайшие времена должна появиться Русь Сибирская. А инновации должны стать лишь повивальной бабкой этого нового соционационального организма России.

Россия сама по себе есть самосозидающая метаидея, осознающая себя посредством географии, идентифицирующая себя с территорией. «Идея России — в самой России, надо лишь хранить и утверждать Россию, нести ее в конструктивное будущее!» [1, 11]. А термины, посредством которых сегодня описывают содержание Руси, заражены порочными видениями князя тьмы.

Русские — это метаэтнос, метанация и метанарод; и корни их находятся в мире смыслов, а в землю они лишь врастают. Поэтому все этносы, племена, народы и нации России обрели в ней новые смыслы, стали русскими и уже не могут самостоятельно существовать в качестве этносов, народов и наций без своего метаотечества, вне которого они обречены на исчезновение. Русскость — это общее метакачество всех населяющих ее племен, наций и народов. Да и империя — это не государственная форма России, а ее естественное, метасоциальное и метанациональное бытие. Россия состоит не из регионов, не из субъектов федерации, даже не из частей света, а из множества природных, этнических, софийных, инфернальных миров.

И сегодня Русь как особый метанациональный организм превращается в Русь Сибирскую. Это — основное событие мировой истории. Смысл всех реформ, модернизаций России состоит в защите Сибири, ибо «главный враг там, где никого нет» (Шекспир). А на эту территорию молча нацелились все основные мировые силы. А сама Сибирь, аккумулировав в своей географии многовековую пассионарность криминала, ссыльных и беглых, спасающихся от свободы власти, стала сегодня последним жизненным резервом человечества. Сибирская Русь до сих пор была полярным филиалом Преисподней. Но братья-либералы переместили Преисподнюю в Москву, оградив ее МКАД. Поэтому сегодня русский дух покидает Московию, вырываясь из кольцевых заточений, и устремляется на просторы Сибири. Кольцевая дорога (МКАД), первое и второе кольцо Москвы имеют инфернальный смысл, пытаясь уловить бесконечный дух России арканами торговых кочевников². А «дух дышит идеже хочет» (Ин. 3, 8). И вот теперь он хочет подышать сибирским кислородом.

А вместе с русским духом из Москвы уходят инициативность, пассионарность. Все ветшает, становится искусственным; и лишь новые

---

² Поэтому даже в физическом плане первое и второе кольцо, МКАД стали сплошной «пробкой», перекрывающей кислород Москве.

варвары и толпары своей суетой воссоздают мертвую жизнь, занятую лишь благоустройством своего кладбища. В этом геополитическом факте коренится эсхатологическое мироощущение москвичей, слепая радость новых варваров, стремящихся сделать Москву inferнальной столицей мира. Москва должна осознать свои новые геополитические альтернативы: или — столица мирового криминала; или — живой орган Сибирской империи; или же — столица всероссийского кладбища. Правда, остается надежда, что уходящий русский дух все же оставит в Москве своего Утешителя, дабы сохранить ее для своей тайной миссии в Европе, которая кощунственно отреклась от священных слов «Мать» и «Отец», что вполне логично после отрицания ею «Отче Наш...».

И сегодня перед Россией стоит вселенская задача — превратить полярную Преисподнюю в живой край для нового соционационального организма. И как зерно гибнет, прорастая для нового бытия, так и Советская Русь (ибо либеральная Русь не состоялась даже на «рублевке») гибнет, прорастая Русью Сибирской. И как не всякому зерну удастся прорасти³, так и Россия не застрахована от сибирской неудачи. Поэтому она подстраховала себя вариантом европейской Руси, которую ждет-не дождется «клуб вымиравших наций Европы», спаянный в целое своим вымиранием.

Основной враг Руси сегодня — сама реальность, ибо Русь живет не только в реальности, но и в нереальности, и в инореальности, и в неореальности, и в метареальности, и в тайной реальности Софии, Китежа и Беловодья, и в невозможной реальности, и в реальности inferнальной. Русские — «вечные ученики и ученые вечности» (Н.В. Гоголь). Для онтологии России все реальное — отчасти иллюзорно, а все невозможное — отчасти реально. Она смотрит на мир не с точки зрения реальности, видя ее неполноценность, обреченность на гибель смертную, а с точки зрения вечности и воскресения. Россия, как и миф, во всем видит единство реального и нереального. Ведь невозможное, немислимое, невообразимое, нереальное тоже есть вид светового, молниеподобного бытия. И России задача — для всего мира отвоевать новую реальность у невозможного и нереального мира.

Да и сегодня Россия существует благодаря чуду неведомому мира нереального. Мы имеем разграбленную и разоренную страну с деградирующей инфраструктурой, с катастрофически вымирающим населением, с наркотическим апокалипсисом молодежи, с беспределом криминала, коррупции и власти. В России устремляются отходы со всего

---

³ Так семья, дабы прорасти, должно ислеть. Истлей Московия России, Царством Сибирским расцвети!

мира, она стала рынком сбыта опасных продуктов и лекарств. США методично посредством СМИ настраивают весь мир на враждебное отношение к России. На сайте Wikileaks Россия предстает мафиозным государством, которым правит клептократия чиновничества, олигархов и криминала. Россию в глазах мира прямо отождествляют с криминалом. Ну, а с криминалом даже даунам ясно, как следует поступать!

Но все же Запад «бережет» Россию как последнюю, потребительскую, жертву «золотого миллиарда». Ведь Россия — единственная страна, которая не знала унифицирующего сапога Запада, сохранив свою во многом непонятную и для самой себя идентичность. А такое Запад на последнем издыхании своем никогда не забудет; мечта о наказании строптивой скрашивает его прогрессирующую виртуальность. Даже Китай несет на себе рубцы западного ярма. Да и демографические проблемы Востока разрешимы лишь за счет земель России; только слепые властители и лукавые корыстолюбцы не видят этой демографической бездны. А какой священной любовью к России пылает даже ее собственный Юг, об этом излишне напоминать. Целому миру, да и самой России внушается, что во всех бедах людских виновата именно Россия, и что и благоденствие воцарится в мире лишь тогда, когда о России память исчезнет. Сегодня Россия находится в кошмарном и абсолютном геополитическом одиночестве, окруженная тотальной враждой, не имея, кроме Кубы, ни одного союзника, не говоря уже о друзьях.

Однако нужно не проклинать судьбу за ниспосланные беды, а понять, к каким неосознанным истинам она подводит нас через эти испытания. И в апокалипсическом кризисе таятся шансы для России. Есть, есть свой промысел и в том, что по страданиям на душу населения современная Россия впереди планеты всей, превосходя невообразимое. Но в невообразимых страданиях копят силы для невообразимого взлета. Поэтому изучать сегодня Россию — значит решать уравнение с неизвестным числом неизвестных. И познание должно стать орудием в деле обретения России новой национальной формы.

Энергетические, торговые, технологические кризисы современного мира есть проявления Великой Смысловой войны, которая ведется во имя ответа на вопрос: «Ради чего стоит сегодня жить?». Это и война против русской идентичности, русского сознания, сокрытого и непостижимого русского смысла. И кто уклоняется от этой войны за Смысл смысла, тот уклоняется от самой жизни и преклоняется перед смертью. А идущие в последний и решительный бой за смысл поднимают слово и мысль на уровень чуда и волшебства, находя в них выход из тупости

самой ничтожной и тщеславной коммерческой цивилизации, становясь недоступными и непобедимыми для врагов.

Мятеж против Бога породил современную уродливую и несовместимую с жизнью научно-технологическую реальность, искусственную цивилизацию, которая, исчерпав потенциал дьявольского мятежа, трудится над своим разрушением. Главный порок технического человека в том, что он живет за счет уничтожения «другого» (природы, культуры, морали); социальный же человек самодостаточен, черпая энергию бытия в своей способности из ничего делать нечто. К технокцивилизации Россия причастна лишь в меру своего самосохранения. Но научно-технологический прогресс Запада не вдохновлял Россию, а вынуждал ее постоянно изменять самой себе, не позволяя ей запустить в действие свой научно-технический прогресс.

Поэтому в реальности, в пространстве современного мира, современных наук, технологий, финансов, политики России нет места. Эта реальность и правила игры в ней созданы без России и против России. Поэтому, играя по чужим правилам, она всегда будет проигрывать, даже в случае победы в мировой войне, как это произошло с СССР. Никого и ни в чем Россия сегодня не догонит, ни с кем и ни в чем не сравняется, ну, разве что поставит рекорд обнищания своего населения. Вообще, существующие науки и технологии исчерпали свой демонический потенциал; из них выжали все возможное, и сегодня они рассыпаются сами по себе. Чернобыль и незакрытая дьявольская дыра в Мексиканском заливе — символические катастрофы, обнажающие смысл современных наук и технологий, бессилие человека перед выпущенным джинном. А впереди еще много чудных закрытий готовит нам безумия прогресс. Один БАК чего стоит: физика так и не может вразумительно растолковать нам назначение этого технического монстра⁴.

---

⁴ «Адронный коллайдер уничтожит Землю», — такими заголовками пестрят сообщения в газетах и в Интернете. Если ученым удастся «разогнать» частицы, поднимая уровень энергии, температур, увеличивая интенсивность их столкновений, то не исключено, что Земля превратится в гигантскую протонно-электронную бомбу, взрыв которой изменит всю Солнечную систему. Но если взрыва и не будет, то процессы, запущенные в БАКе, могут вызвать экологическую катастрофу планеты. Есть и «мягкий» вариант: катастрофа затронет половину земного шара, ибо океан защитит Америку и Австралию. Но все зависит от БАКа. Так зачем запускать процессы, которые таят такие угрозы Земли? Кому и зачем нужны такие эксперименты? Какое знание может оправдать такой бессмысленный риск? Пустые вопросы! Ведь в бессмыслице заключен смысл деяний князя тьмы?

Внутренняя истощенность научно-технического прогресса, ставшего оружием массового экспериментирования с людьми, делает ненужным и современное человечество, сверстанное под нужды технократической цивилизации и не могущее жить без нее. И население Запада отвечает на технический демонизм демографической забастовкой. Демографическая же катастрофа в России вызвана искусственно посредством чудовищной безработицы, издевательских зарплат, которые не воспроизводят даже работников, не говоря уже об их семьях, посредством антимедицины, опасных продуктов и лекарств, посредством наркотического геноцида, оголтелой пропаганды половых извращений и др. В реальности, созданной Западом, Востоком и Югом, России уготовлена роль последней жертвы, призванной продлить агонию западных, восточных и южных племен.

И вот на исходе XX в. мрак и безысходность накрыли Россию своей мерцающей мглой. Социализм не состоялся, капитализм справляет вампирскую тризну. Прежняя Россия уже не вернется; новой Россия еще нет; и в то же время Россия существует — не новая, не старая, не смешанная, а — непонятная Иная. Значит, диктатура власти должна создать из элементов социализма, капитализма, информационного социума новый национальный строй России. Власть свершила криминальную революцию, заведшую Россию в тупик; и та же власть в целях самосохранения должна свершить и антикриминальную революцию, создать национальный строй России XXI в.

Но национальной революции власти должна предшествовать революция в духе! Ведь если в данной научно-технологической и финансовой реальности Россия неминуемо исчезнет, значит... значит нужно искать новую реальность для себя и новую реальность самой себя. Выбора нет! Быть или не быть России! Но отсутствие выбора вызывает в присутствии неведомые силы. Спасаются от гибели лишь те, кто не имеет никакого выбора, никакой альтернативы, ибо всякая альтернатива распыляет мысли, ресурсы, энергию, направляя часть их по ложному пути. Безвыходность же дает невозможную мобилизацию сил, благодаря чему и осуществляется прорыв к новой реальности. «Быть России» возможно лишь за счет ресурсов небытия, ее окружающего!

И сначала это завоевание нереального осуществляется в мире идеальном, где созидаются оригиналы причин и форм реальности. Нужно изменить само понимание *реальности, бытия, возможности*, углубить и расширить их содержание за счет *нереального, невозможного, небытия*. Нужно углубить и расширить категорию русского народа до обнаружения новых форм его бытия, скрывающихся в недрах их былинного Предбытия и магического Инобытия. Нужно найти новые формы выражения и проявления в миру русскости, Русского Смысла.

Нужно взывать к самой невозможной из всех невозможностей, чтобы найти и создать новую реальность себя и для себя. Нужно углубить и расширить содержание невозможного до обнаружения в нем возможностей, которые могут стать реальностью посредством Чудес, Волшебства, Магии, Мифов.

Сегодня союзником, другом России является лишь таинственное и спасительное Великое Иное. К нему ведут неведомые пути, его охраняют неведомые чудовища, но оно невольно влечет к себе верные души России. К нему стремится и здоровое меньшинство России, которое сохранило в себе детское восприятие чуда как особой реальности, которое видит исчезновение монстр-реальности, убивающей детей.

Доброжелатели-реалисты, тонущие в реальностях своих отходов, всегда упрекали русских в том, что они-де надеются на чудеса. Не всегда надеемся, а лишь в години лихие, работая на них и вместе с ними. Да и творим их с Божьей помощью, ибо мы рождены, чтоб сказку сделать былью бытия. Для нас точность — условие истины и реальности, а не их критерий; точность же сама по себе — критерий смерти как высшей меры достоверности. Истина — мера, сочетающая в себе точное, свободно-произвольное, неопределенное, неточное. В основе умышленного стремления к «точности» и «сложности» лежит фундаментальное извращение ума, когда наукообразию выдается за науку, ставшей в современном обществе религией, а ее жрецы изрекают мистические словеса, непонятные самим ученым. Поэтому М. Волошин назвал разум и науку «творчеством навыворот», которое бытие возвращает в небытие.

Категория «реальность» — многосмысловая софийная величина, которая не сводится только к данному, наличному, но она содержит в себе «должное» и «тайное», которых нет, но которые с необходимостью будут вопреки всем козням барачных inferнальных и обаянных. Реальность наиболее полно представлена человеческим бытием, Dasein-ом, раскрывающим суть бытия, Sein-а вообще. Истинная реальность содержит в себе сущность и творчество, необходимость и избыток, закон и свободу, стоимость и прибавочную стоимость, бытие и ничто, «это-здесь-бытие» и инобытие. Реальности присущ избыток сил, энергий, качеств, законов, мер, свобод, возможностей и невозможностей. Реальность есть единство Да, Нет, Иного, Тайного; и это единство виртуально дано в опыте, в сознании и в мыслях, воображении и фантазии, а реально — через стремление к Иному, относительно чего сама реальность и люди догадываются лишь в минуты роковые, когда они не просто уходят, а жертвуют собой во имя торжества Иного. Само сознание и ум суть формы Иного, созерцающего свои возможности.

Пожалуй, и сами инновации надеждами своими коренятся в смыслах Иного.

Но свой заем, блага свои Иное дарит лишь чистым, умелым и справедливым существам. И Русь всегда спасалась щедротами Иного, делясь ими со всем миром. Ибо Россия никогда не строила свое благо за счет других народов, дарила всему миру свои умения, оставаясь всегда справедливой и благой к другим и несправедливой, неумелой и неблагой к самой себе. И сегодня Россия должна искать свое место не просто в наличной реальности, а в невозможных мирах, заряженных волшебством и магией; невозможное в данных условиях может стать новым русским миром в Сибири. И наши упования на чудеса не беспочвенны, а коренятся в софийных основаниях самой почвы нашей.

Во-первых, наши упования имеют под собой онто- и метафизические основания. Есть четыре типа вселенских взаимодействий.

1. Взаимодействие *«материальное — материальное»* реализуется в земледелии и ремесле, целиком определяясь силами природы, человека, используемых животных. Идеальное играет здесь вспомогательную роль, не выводя человека за пределы материальных обменов и превращений.

2. В рамках взаимодействия *«материальное — идеальное»* человек посредством хитрости рассудка создает машины, дабы уйти от ига труда. Но закон неумолим: любая машина, созданная для блага человека, оборачивается новым рабством и новым оружием. Желая освободить себя от ига труда посредством машин, человек на деле освобождает своих врагов, которые и лишат его жизни.

3. В рамках взаимодействия *«идеальное — идеальное»* европейцы создали искусственные науки, философию, сотворили цивилизацию, в которой человеку биосферному нет места. Здесь действует закон: любое научное открытие, любое изобретение направлены на замену человека искусственными тварями. Искусственный интеллект — высший продукт этого типа взаимодействий и наглядная демонстрация судьбы homo sapiens. В рамках этого взаимодействия создан виртуальный мир, СМИ. И этот мир обесмысливает бытие, превращая смыслы и знания в информацию, в концепты, дискурсы, в новояз людей, ставших сырьем информационной эксплуатации. Высшим плодом виртуальности являются традиционные призраки и проценты.

4. Во взаимодействии *«идеальное — материальное»* идеальное выступает как естественная софийная сила мира, как самоопределяющийся субъект реальности. Все материальные формы суть воплощение, *инобытие* (!) своих идеальных оригиналов. Но идеальное воплощается и в языке, и в искусстве, и в морали, и в праве, и в личности. Идеальное образует «третий мир», знаний, чисел, мер, форм.

Но для Руси исключительно важным является то, что идеальное есть творящая сила, способная создавать реальность из самого себя. Для идеального творить из ничего, творить из себя самого, превращать невозможное в реальное суть равноценные деяния. Самолет, мобильный телефон веками были невозможностью, их не было в природе, но идеальное извлекло их из ничего в бытие. Поэтому для идеального нет тупиков и невозможностей. Оно всегда работает в режиме чуда, магии, мифа. Но его чудеса срабатывают лишь во встречах с людьми, которые видят в идеальном свое спасение.

В истории эти типы взаимодействий были столь редкими и казались людям столь необычными, что их называли мифами, сказками, чудесами, святостью, волшебством, магией. Хотя на деле речь идет о воздействиях идеального на материю. Как сие происходит, мы почти ничего не знаем и сегодня, но невидимое и нематериальное формируют материальное по своему образу и подобию. *Более того, именно воздействия идеального спасают материю от деградации, энтропии, исчезновения.*

Само воплощение Сына Божьего в облике человека есть первопример спасительного воздействия идеального на погибающую материю. Христианство вооружило человека подлинной, спасительной, инновацией — «Новым Заветом», в котором представлен сакральный алгоритм воздействия идеального на материю, которая без идеальных начал рассыпается или взрывается. Но человек не воспользовался благодатью неба, замыслив свои инновации, которые лишь ускоряют деградацию социума. Не постиг человек и тайны сверхъестественного, которое представляет собой естественное спасительное воздействие идеального на материю.

Во-вторых, наши упования на чудо-реальность коренятся в самой «русско-сибирской душе» (О. Шпенглер), которая ориентирована на восприятия откровений неба, на озарение, на синергию всеединства. Фаустовская душа Запада ориентирована на опыт, на эмпирические данности, на математический и технический контроль над миром. Восточная душа ориентирована на нирвану и на удачные перевоплощения. Южная душа превращает все многообразие мира в гедонизм райских наслаждений.

Поэтому именно русско-сибирская душа, постоянно находясь под безысходным прессингом полярной Преисподней, вынуждена была усвоить науку, сокрытую в сказках, чудесах, в магии и мифах, в мире священном немислимого, науку творения реальности и себя из самой себя, науку превращения невозможного в минимальную реальность. Она постоянно находится в условиях жесточайшего дефицита реальности, пригодной для жизни; и ей постоянно приходится восполнять

этот дефицит своими идеальными силами. Без таких умений на Северовостоке делать нечего. В этом плане святое и священное обозначают земной резерв вечности, предназначенный для времен чрезвычайных. И «Святая Русь» — это символ-призыв еще непроявленной, неосуществимой и неосуществленной вечности. А неосуществимое обретает бытие посредством идеальных деяний человека.

В-третьих, наши упования имеют опору и в базовом общечеловеческом восприятии мира как сложного организма, сочетающего в себе идеальные, математические и материальные функции. Древнейший анимизм не просто одушевлял все природные тела, а он точно постигал их духовные свойства, в то время как евронаука изучает лишь физические и математические качества вещей, игнорируя их идеальные измерения. Наука первоначально изучала все четыре типа мировых взаимодействий. Для Демокрита, И. Кеплера, И. Ньютона, Г. Лейбница наука была *и* своеобразной магией, которая посредством своих идеальных объектов подчиняла человеку материальные вещи. Ф. Бэкон рассматривал науку *и* как естественную магию, требуя, чтобы она в своих предметах изучала и воздействия идеального на материю.

Даже Гегель, величайший рационалист, подстраховал свой немецко-европейский дух магией. Так, «сохранение зерна в земле есть мистическое, магическое действие, указывающее, что в нем есть тайные силы, которые еще дремлют, что по истине оно есть еще сверх того, чем оно является в своем наличном бытии. Магом, сообщающим зерну совершенно иной смысл... является *понятие* природы; зерно есть мощь, которая закликает землю послужить ему своей силой» [2, 403]. Своей идеальностью зерно закликает землю, и она дарит ему свои плодотворяющие силы, превращая его в растение. Наука всегда была орудием не только сурового реализма и эмпиризма, но и органом магии⁵. Позитивистское осколпление науки и ученых, их изоляция от мира чудес и магии, превращает их в уродливых скорпионов небытия и хаоса.

По загадочным причинам этот тип взаимодействий давным-давно был превращен в тайну великую, с которой могли иметь дело лишь необыкновенные люди — маги, мистагоги, волшебники, чародеи, волхвы, ясновидящие, теософы, антропософы и мистики. И это не случайно, ибо знание законов воздействия духа на материю может сделать

---

⁵ Так, даже Демокрит в своей физике использовал черную магию фригийских колдунов, учивших о богах, которые состоят из незримых атомов. В его учении речь идет об эвокациях, о методиках вызывания богов, а учение об атомах служит поясняющим приложением. Его наука была частью религии и магии. Стыдливые ученые не видят этого «чудопадения» науки!

такого знатока почти всемогущим существом, способным противостоять даже судьбе и смерти. Понятно, что вокруг источника такой мощи всегда было множество шарлатанов и мошенников. Но идеальное открывает свою мощь лишь чистым, умелым, любящим и справедливым натурам, которые используют такие знания во благо людей, мира и самого знания. Не следует оставлять вне философского взора феномены магии, волшебства и чуда, ибо в них выражаются объективные взаимодействия. В конечном счете, все тайны, загадки мира и человека скрываются именно в способе воздействия идеального на материю. Поэтому и России в безысходно кризисном состоянии нет иного пути, кроме как обращения к идеальным силам, могущим дать ей заем на создание реальности, в которой она продлит свое бытие. Нужно задействовать воображающие силы ума и сознания, дабы добыть из невообразимого столь нужную Руси реальность.

Воображение, или умозрение, важнее всего на свете, ибо они суть единственные силы, самодостаточные и творящие из самих себя. И они представляет угрозу как наличной реальности, так и хаосу, ничто. Умозрение открывает в реальности ее невозможные состояния и формы, которые могут тоже стать реальностью лишь в том случае, если их признают своим смыслом сознание и ум народа. А это сознание и дух может нести в себе и один человек, от которого, как от искры, воспламеняются все люди, став из населения народом с единой волей, создающей из себя новую реальность для себя.

Поэтому воображение — четвертое, световое, измерение вещей и людей, в котором они выступают как проявление непрерывного творчества, непрерывного исхода из ничто, непрерывного выгребания против хаоса. Ум и воображение, будучи сакральным бытием, неразделимы в своей основе, постепенно изливаются, излучают себя, распространяются по всем субъектным и объектным модальностям. Это безусловное присутствие в них священного вызывает у человека беспричинный ужас и бесстрашный, вдохновляющий восторг. И реальность современной России коренится в энергии того воображения, что отрывает ее от самой себя гибнущей и наполняет ее самой собой жизнеутверждающей.

Глубинный исток любого кризиса заключен именно во внутреннем конфликте сознания, воображения и ума, которые не могут отречься от человека, но в то же время не могут и смириться с его делами, сказать ему окончательное и последнее слово о своих конечных целях. Кризис, идущий сквозь все века и цивилизации, порождается незавершенной реальностью ума, воображения и сознания, которые сразу же начинают разрушать только что созданную ими же реальность. Они ищут в самих себе реальность, которая будет соответствовать их вечно беспо-

койной природе, находящей успокоение в создании вечных вещей, вечных технологий, вечных людей и вечных идей.

В-четвертых, Россия имеет огромный опыт возрождения своего бытия в новых исторических формах. Малороссы Киевской Руси стали великороссами Московской Руси, которая выковала из православных славян, мусульман, северных и сибирских племен, европейских пришельцев новый народ, который сверг иго кочевников. Сегодня предстоит совершить новый метаэтнический синтез, создать из народов, племен и этносов России новую русскую нацию, единую по содержанию и многообразную по формам своего действия, способную скинуть финансовое иго ростовщиков. Основой этого синтеза служит сама идея России; эта идея способна сплотить разрозненные этносы в новый сильный жизнотворящий организм, который сможет реализовать культурное величие всех народов. Именно идея России как идеальный проект может выковать, сформировать полноценного субъекта инновационного прогресса, породить новый антидемонический тип научно-технологической реальности, которая органично впишется в природные, в социокультурные и в духовно-символические структуры бытия, превращая отходы в ценные доходы и приходы возвышенной жизни.

Сегодня институциональным центром, клеточкой, живым целостным зародышем идеи России, соответственно — живым организмом-институтом истинных инноваций может быть только школа, еще и еще раз — школа. Ячейкой, местообитанием чуда, невозможного, идеального как силы является школа — и дети. Школа — социальный институт, в рамках и посредством которого идет великая смысловая война за метареальность чуда, волшебства и магии, за превращение невозможного в реальность. Спасется лишь тот, кто спасает Россию и детей. Поэтому школе нужно немедленно дать все наилучшее, что имеется в обществе, начиная от кадров и кончая оплатой учителей!

Основные усилия и капиталы, высшие блага и достижения общества нужно направлять на формирование новой школы, которая только и сможет породить и воспитать нового человека — субъекта инновационных технологий, которые станут средствами создания нового русского народа. Школа — это не часть общества, а его первобытие, его оригинал; общество есть образ и подобие школы, ее творение. А *школа, образ-ование* есть образ и часть жизнотворного Духа Святого. Христос неустанно напоминал своим ученикам, что именно дети есть носители спасительной истины, первые граждане Царства Божьего. Детям же целиком принадлежат и миры воображения, чудес, волшебства. Поэтому и начинать любое обновление нужно с того, чтобы сделать

доступными для всех детей и молодежи уже имеющиеся достижения культуры и науки.

Пифагорейские школы-посвящения создали чудо — Древнюю Грецию. Но «ельциноиды» того времени сожгли школу Пифагора вместе с ее основателем, страшая справедливого общества, прообразом которого была эта школа. Древнеримские сакральные воинские школы создали уникальную государственность, сохранявшую древние народы от гибели в междоусобицах. Школы-общины первых христиан создали университеты, ставшие основой христианской цивилизации. Средневековое общество в социальном плане было несправедливым. Но христианские университеты были очагами справедливости, ибо в них собирались лучшие умы всех сословий. Иезуитские школы создали новоевропейскую науку, которая сотворила индустриальное общество. Политехническая школа создала СССР и победила фашизм. Нужна сегодня новая школа-орден, сочетающая в себе науку, религию, технику, военное дело. Школа — это живой организм воображения, создающего новые формы и образы реальности. Только школа может породить новые, более высокие формы сознания и ума, которые создадут новую реальность нового русского народа. Ибо человечество уже давно вступило в «век невысказанной» реальности, в «век воображающей и верующей реальности чуда», которое не воспринимается и не видится из-за устаревшей и сломанной оптики ума и сознания. Не понимая реалий воображения, они поработаются реалиями гибели и во всем видят только концы, а не продолжения вечности. Именно союз, СССР (Союз Священных Сил Реальности-России) мистиков, чудаков, магов и детей, школьников, союз людей, воплощающих в себе переход идеального в материальное, способен отвоевать у ничто реальность для России и всего мира. Именно такому союзу вечность даст свой заем.

Но положение современной школы в России катастрофическое, превосходя своими чудовищными истязаниями детей даже мрачные картины дантовского Ада. Убийство детей, их превращение в экспериментальный материал и сырье начинаются еще до школы в стенах медицины. Школа продолжает массовое избиение чудом уцелевших детей посредством прямого и косвенного растления через антиобучение (ЕГЭ) и антивоспитание, готовящих из учеников будущих убийц и жертв. В стране существуют нелегальный и легальный рынки детей, детская проституция; невиданный размах приобрела детская беспризорность. А куда исчезают дети, не закончившие школу, выпускники школы, не попавшие в вузы? О них «заботится» лишь криминал. Все инновации обречены, если школа, образование, СМИ будут прививать ненависть к знаниям, обучая *непониманию* и преступным способам обогащения.

Большинство современных детей и молодежи в России оторваны от элементарной культуры и образования, не говоря уже об инновациях. Для этого большинства недостижимой мечтой являются не инновации, а самые простые «азы» наук и культуры. Этот мыслящий пролетариат не принимает существующей системы. Но именно эти неразвращенные умы станут движущей силой соционациональных инноваций. Именно эти отверженные демократией и поверженные в Ад создадут грядущие чудо-технологии (да во многом уже и создали, но всему свое время). Ибо богатство лишает человека способности понимать. А недостаток необходимого восполняется избытком понимания. Нашей реальностью может быть только реальность нашего воображения.

«Европейский стиль мышления включает в себя примирение со своей гибелью» [3, 263]. А вот русская воля ищет неизвестное: «Не исследовательская вовсе, совсем и не хозяйственная, вообще не бытовая, а воля какого-то оцепенелого сокровенного ожидания — да не пустоты вовсе, а самой что ни на есть полноты» [4, 4].

Из современного кризиса Россию не выведет наука, ибо она сама в кризисе. Причина кризиса в несоответствии власти обществу, человеку, детям, целям и средствам людей. Суть кризиса в том, что цивилизация как организация порока не нужна вечности. И одолеет кризис лишь *религиозное народовластие*, в котором имеется целостный проект русского мира, содержащего в себе идеи империи, хозяйственного домостроя, интеллектуально-трудовой и военно-спортивной школы. Идут поколения с новой Ответственностью, вооруженные новым пониманием реальности, ее смысла. Преображение Московии в Сибирскую империю Духа не безнадежно! Наше дело правое!

В современной России есть все социально-экономические, технологические и духовные элементы для создания нового облика нации. Но их нужно мобилизовать для победы Сибирской Руси. Опрыскать их водой живой и превратить в стратегического и софийного субъекта может лишь верознание законов чуда, ума и воображения, вызывающих своими магическими смыслами из небытия новый соционациональный организм Руси. И стратегические субъекты возникают сразу, неожиданно и в законченном виде как Зевс родил Афину-Палладу. Например, февраль 1917, ноябрь 1917, 201..? год.

Литература

1. *Осипов Ю.М.* Самоутверждение России в модернизационном ключе. Тезисы // *Философия хозяйства*. 2010. № 5.
2. *Гегель Г.В.Ф.* Соч.: В 14 т. Т. 2. М.; Л., 1934.
3. *Бьюкенен П.Дж.* Смерть Запада. М., 2004.
4. *Осипов Ю.М.* Постигание России. М., 2005.

В.А. УШАНКОВ

Наука о хозяйстве и философия хозяйства

Аннотация. Наука о хозяйстве, как и все развивающееся, претерпевает свои изменения. Современное состояние экономической науки таково, что в далеко зашедшей своей специализации, она стала терять свой смысл — обеспечение жизни человека и общества. В своих рассуждениях автор высказывает мысль, о том, что возвращение экономической науки к своему изначальному предназначению возможно лишь в рамках философии хозяйства. Философия хозяйства способна вернуть смысл экономической науке.

Ключевые слова: наука о хозяйстве, смысл хозяйства, смысл науки, экономическое образование, дисциплинарный микс, кризис философии позитивизма, философия хозяйства.

Abstract. Economic science is developing like all other disciplines and is undergoing the changes. The current state of economic science is characterized by far advanced specialization; it has begun to lose its meaning — safeguarding human life and society. In his arguments, the author promotes the idea that the return of economic science to its original mission is possible only within the philosophy of economy. The philosophy of economy can face up to return the meaning in economic science.

Keywords: economic science, economy's meaning, science's meaning, economic education, disciplinary mix, crisis of positivist philosophy, the philosophy of economy.

Исходным и объединяющим словом в рассуждениях о хозяйственной науке и философии хозяйства должно быть хозяйство, поскольку хозяйство есть та самая элементарная сторона жизни человека, которая не требует своего доказательства⁶. Это лишь мы, в желании рассуждать о хозяйстве, должны вначале доказать свою компетентность и приложить усилия, чтобы у нас появилась такая возможность. Она появляется тогда, когда мы дадим определение (найдем пределы) этому явлению, т. е. сможем выделить эту сферу жизнедеятельности как особую, отличную от других.

Для того, чтобы набор неких действий определить как хозяйство, необходимо охватить их смыслом или обнаружить их смысл — «зачем?». И только после осознания того, всеобщего и безусловного, что представляет та или иная совокупность конкретных действий, процес-

---

⁶ «Хозяйство принадлежит к числу настолько элементарных сторон жизни, что необходимость его не нужно доказывать» [1, 33].

сов, можно будет говорить о них, как о составляющих единство и представляющих хозяйство. Иначе говоря, в любых рассуждениях о хозяйстве должно неизбежно присутствовать понимание смысла проявления актов жизнедеятельности или того всеобщего и безусловного, что позволяет понять их как хозяйство. Речь идет о *философии хозяйства*.

Другим условием рассуждений о хозяйстве должно быть то, что служит определению его как устойчивого явления, имеющего свой смысл, по которому оно будет узнаваемо (черты, признаки). Хозяйство должно пониматься как таковое, т. е. подлежать описанию. Таким условием служат всеми понимаемые слова-понятия. С ними связаны описание и накопление знания о хозяйстве.

Специальной формой познания, описания окружающего мира рациональным образом и накопления знания о нем служит наука. Поэтому, казалось бы, логичнее всего начать рассуждения о хозяйстве с науки как рациональной формы описания действительности в присущих ей строгих понятиях, способных дать в обобщенной форме представления о реальных фактах хозяйственной действительности. Иначе говоря, в определении хозяйства начать следует с экономической науки, которая специально для этого обращается к опыту хозяйствования. Но, как справедливо было уже замечено, наука, обращаясь к опыту хозяйствования, остается «глуха и слепа ко всему, что выходит за пределы этого опыта» [2, 4]. Действительно, наука, оставаясь совершенно необходимой частью знания о хозяйстве, без осознания смысла хозяйства, того, «зачем» и для «чего» хозяйствовать, неизбежно оказывается знанием несостоятельным. Забвение смысла хозяйствования в науке о хозяйстве лишает ее возможности знать самое главное и определяющее для нее — знания конечных показателей хозяйствования («зачем»). Соответственно все «промежуточное» знание, при всей своей рациональной точности и математической оформленности, также лишается смысла.

Итак, хозяйство как эмпирический факт, выражение его смысла и наука о хозяйстве в самом общем виде предстают как необходимые моменты одного и того же явления — жизни человека и его жизнедеятельности. Каждый из названных моментов хозяйства в отдельности не даст полного ответа на вопрос — что есть хозяйство. Потому совершенно ясно, что хозяйство как явление должно рассматриваться в неразрывном единстве трех его моментов: как эмпирического факта, как специального предмета рационального (научного) исследования и как всеобщего — объекта философских рассуждений. Проблему составляет лишь нахождение правильного соотношения между этими тремя моментами в понимании хозяйства, составляющими некую иерархию

соподчиненности эмпирии, науки и всеобщего. Ведь при сохранении особенности и важности каждого из них их соотносительность вовсе не означает их равенства. Например, можно предположить, что философия хозяйства как «ответственная» за смыслы хозяйственной жизнедеятельности человека, а значит, и за понимание того, что есть хозяйство, должна предшествовать научной форме ее познания.

Наука о хозяйстве

Наука и ее смыслы. Наука возникла не в XVII или в XVIII столетии, как принято считать. Как особый, рациональный способ или форма мышления наука восходит к античной философии. Тогда, когда наряду с объяснением действительности в форме религии, философских систем и мистики, античные философы формулируют принцип рационального и логического познания окружающей жизни. Суть его в том, что человеческий разум наделяется способностью выделять в хаосе чувственных образов нечто «объективное», хотя такого понятия тогда не было. Оно может быть описано в словах-понятиях и быть воспринято каждым знающими или посвященным в содержание этих понятий. «Что такое наука, — спрашивает Аристотель, — это — если нужно давать точные определения, а не следовать за внешним сходством» [3, 126].

Науку отличает от религиозной и философской практики то, что ее источником является разум, и то, что она может давать описание явления в доступной другим (понятийной) форме, что позволяет накапливать знания для дальнейшей его передачи («научения»).

Неоспоримое преимущество научного знания, отличающее его от других познавательных практик, связано со способностью накапливаться и передаваться в формальной точности. Накопленное знание обобщается, формализуется и передается в доступной и достоверной форме, обеспечивая тем самым одну из важнейших задач, стоящих перед познанием, — обеспечения осведомленности или снижения неопределенности существования человека. Человек в своей жизнедеятельности обречен на получение знания, его накопление и передачу. Только познав и объяснив окружающий мир и процессы в нем происходящие, человек может обеспечить себе выживание. Отказ от попытки познавать мир стало бы трагической ошибкой для человека.

С важнейшим свойством науки — способностью накопления, хранения знания и его передачи (обучения) — связано происхождение слова «наука». Корневые ветви слова «наука» в русском языке означают — учить, учение, учитель, научаться. По близости выговора и смежности понятий со сменой букв «к» и «х» из слова «наука» (на ухо) получается «наука». Из «наушиться», «ушитель» получается «нау-

читься», «учитель». «Рассудок не может не согласиться, что учитель есть не кто иной, как внушитель или наставник ума нашего через уши» [4, 51].

С просвещением связано становление науки в том виде, в каком мы ее знаем. Просвещать — делать ясным, понятным. Или образование — образовывать (создавать образ того, чему обучаешь). Первые организационные формы науки — образовательные дисциплины, преподаваемые в средневековых университетах Европы, появились в эпоху Просвещения. Дальнейшие рационализация и систематизация накопленного знания и логика позволили оформить дисциплины науки в виде теорий. Наряду со своей функцией — систематического представления о части объективной действительности, посредством системы категорий, научная теория, всегда выполняла не менее важную функцию — представляла форму, облегчающую накопление, сохранение и передачу (преподавание) знаний.

Философия позитивизма в науке и ее кризис. Не будем приводить здесь все полные драматизма перипетии развития научного знания, отметим лишь, то, что наиболее развитой и до сих пор господствующей ее формой сегодня является позитивизм. Позитивизм — это философия рационализма, эмпиризма, объективизма и формализации (математической) в науке. Наука здесь обозначает форму рациональной познавательной деятельности, направленной на познание объективной действительности посредством системы абстрактных понятий. Условиями научного познавательного процесса становится объект познания (хозяйства в экономической науке), предмета научного исследования и языка как системы понятий. Объективность становится критерием научности, характерной ее чертой. В экономической науке этот путь становления теоретического объективистского или позитивистского знания начинается с классической политической экономии, заложенной еще А. Смитом.

При всех достоинствах позитивизма, о которых обычно говорят сторонники интеллектуализма в науке, разумности, точности, «объективности» и формальности, он имеет принципиальный недостаток. Положительная наука ограничена в принципе. Стремясь к рациональному познанию объективной действительности, а это возможно в лишь рамках сформулированного предмета познания, она никогда не достигает его пределов. Парадокс, но наука, стремясь к увеличению знания и расширяя познание окружающего мира, не только не приближается к его постижению, но и одновременно расширяет область непознанного, т. е. удаляется от познания объективной действительности. С расширением области рационального знания происходит не только увеличение познанного о мире, но и одновременное расширение границ с не-

познанным. В этом парадоксе проявляется фатальная ограниченность рационального знания — невозможность достижения абсолютной истины.

Природа рационального знания в позитивизме такова, что наука здесь не способна постичь всеобщее. Знание носит конечный характер, оно ограничено пределами своей компетенции, т. е. рамками предмета своего исследования и тех ограничений, которые им устанавливаются. Иными словами, наука достоверна лишь в рамках своего научного предмета. Вот она его и познает.

Суть позитивизма сводится к познанию внешних явлений в их отношениях, подобии и последовательности. Всякое познание, в конечном итоге, сводится к познанию только фактов, а существование общих фактов называется законами явлений. Законы и закономерность развития действительности становятся предметом познания. Но при таком подходе к познанию отрицается всякая всеобщность знания, ибо факт как таковой, сам по себе, есть нечто частное и случайное. Из того, что в данный момент или даже в течение целого ряда моментов, доступных нашему опыту, происходят какие-то явления, вовсе не следует, что эти явления имеют закономерность и что они должны были быть всегда и везде, т. е. имеют необходимость. Фиксация каких-либо фактов и их логической взаимосвязи не включает еще в себе познания их причин. Невозможность и сознательный отказ позитивизма в рассмотрении каких бы то ни было первопричин и конечных целей явлений демонстрируют *ограниченность позитивизма*. Между тем всякая необходимость и всеобщность в познании сводятся именно к знанию первопричин, к смыслу. Именно знание первопричин и целей (зачем?) позволяет раскрыть всеобщий закон связи между явлениями.

Кризис науки о хозяйстве как кризис философии позитивизма. Кризис философии позитивизма, во всяком случае, в общественных науках, связан, прежде всего, с достижением ими предела рационального объяснения объективной действительности. Под влиянием современных процессов наука теряет свою предметную принадлежность и перестает ориентироваться на объективность как критерий истинности. Под словом «наука» сегодня все чаще понимается не теоретическое, строгое и фундированное знание, а метафора, служащая для обозначения любого систематизированного знания, обладающего некой степенью сложности, которое не поддается непосредственному восприятию и которому необходимо обучаться.

Проявлением кризиса в экономической науке сегодня становится широкое распространение так называемого дисциплинарного знания. Если академическое или классическое образование имеет еще смысл, заключающийся в удовлетворении любопытства и получении различ-

ных вариантов теоретического объяснения объективной действительности, то ответа на вопрос о том, зачем необходимо дисциплинарное образование, кроме как для решения практических задач в своей персональной хозяйственной практике, нет. Неслучайно вузовское академическое экономическое образование для большинства выпускников воспринимается как основа получения бизнесобразования (МБА). Бизнесобразование воспринимается как более продвинутая форма практического дисциплинарного образования.

Вызванное потребностью приспособления экономического знания к потребностям хозяйственной практики современное экономическое образование отрывается от какого-либо теоретического (объективистского) его содержания, описывающего объект в рамках предмета научного исследования. В современном экономическом образовании место теорий и концепций занимает «дисциплинарный микс» (маркетинг, менеджмент, балансоведение и т. д.). Экономические дисциплины (а их насчитывается не одна сотня) составляют сегодня содержание экономического образовательного процесса и его организации — двухуровневой организации (бакалавриат, магистратура). Определенный набор определенных экономических дисциплин — для бакалавра-химика или лирика — при отсутствии фундаментального теоретического экономического знания будет достаточным, чтобы стать магистром экономики.

Апофеозом «привязки» экономического образования к потребностям практики является преподавание «Сетевого маркетинга». Здесь реализуется предельная модель эффективности рационального экономического образования, направленного на получение максимума прибыли, выгоды в личном (субъективном) его понимании. Ни источника прибавочного продукта, ни общественной морали, ни гражданской позиции, ни религии и т. п. здесь не предусматривается. Это абсолютно антисоциальное, внеисторическое, безнравственное образование по своему определению и содержанию. Получить прибыль личным участием суть и смысл хозяйственной практики. Здесь наглядно обнаруживается связь рационального знания и образования как «научения». Вступить или записаться в сферу деятельности сетевого бизнеса можно, лишь заплатив вступительный взнос и пройдя курсы обучения. Наука понимает здесь жизнь сугубо как хозяйство.

Отрыв от теоретических представлений «практиков» хозяйствования — на самом деле достижение апофеоза экономической теории индивидуализма. Конец нерациональному теоретическому знанию в экономической науке — конец практическому смыслу в ней. Хозяйственный практицизм заканчивается антисоциальностью поведения и антиисторизмом восприятия задач жизнедеятельности человека, как оказывается, сохранившимися и скрывавшимися до сих пор в Модерне.

Философия хозяйства

Возникший сегодня кризис в науке связан не только с господством рационального знания как такового. Это также и кризис философии, его питающей. Позитивизм — это не только система знания, но и философия с ее претензиями на единственное представление о всеобщем в науке. С позиций позитивизма все остальные формы познания страдают относительностью, философствованием, неточностью суждений, а потому совершенно несостоятельны и ложны сами по себе. А потому положительное знание должно окончательно изгнать отвлеченное философское или метафизическое знание из науки.

Вместе с кризисом позитивизма проявляется также и кризис западноевропейской культуры с ее идеалом рационально мыслящего человека. Позитивизм — это торжество той жизни и тех общественных отношений, которые на принципах этого знания основываются. Примером агрессивного захвата позитивизмом жизненного пространства могут служить общественно-политический порядок, который вытекает из современного «мейнстрима» в экономической науке.

Интересно замечание, высказанное попечителем Харьковского университета Петровским в эпоху господства позитивизма в науке: «Цель учебных заведений в России, относительно просвещения народного, главнейше должна состоять в распространении познаний, на положительных и точных науках основанных. Мы имеем нужду в медиках, химиках, технологах; но весьма сомнительно, чтобы появление в отечестве нашем Кантов и Фихте принесло какую-либо оному пользу. Отвлеченные науки, как, например, метафизика и другие, принадлежат, так сказать, к роскоши ума человеческого; а роскошь сия, не ограниченная пределами умеренности и не приспособленная к нуждам народа еще юного, не может не быть вредна для оного» (цит. по: [5, 125]). Но времена меняются, и метафизика становится совсем не роскошью, а необходимым средством к жизни.

Кризис позитивизма в экономической науке и философия хозяйства. Но неужели рациональное знание, например наука о хозяйстве, сопровождавшая человека на протяжении всей его жизни, содержит в себе изначальный порок, который обязательно в ее развитом состоянии приводит науку к состоянию враждебности к человеку и его обществу? Наверное, было бы неправильно сводить экономическую науку к ее единственному, господствующему сегодня в академической науке, объективистскому пониманию или антинаучному дисциплинарному миксу.

Позитивизм не всегда был господствующей философией. Если науку не ограничивать теми ее рациональными формами, которые она

приобрела в ходе длительного развития рационального знания, а посмотреть на нее как на совершенно необходимое явление, служащее выполнению своей основной задачи, то станет понятным, что наука не противостоит человеку. Дело не в науке как таковой. Не отказываемся же мы от такой семантики, как «наука побеждать», и, вообще, «ученье свет, а неученье тьма»! Проблема современной экономической науки в ее приверженности к позитивистской философии, при которой теряется то, что находится за рамками рационального, т. е. ее смысла. Проблема, следовательно, решается в смене философии науки.

Не следует забывать, что наука о хозяйстве существует не сама по себе. Наука как систематизированное знание, выраженное в абстрактных, т. е. отвлеченных от частных понятиях («единое о многом»), рождается для выполнения весьма практической функции. *Смысл науки о хозяйстве* как исследовательской практики и образования — способствование хозяйству решать задачу по наилучшему обеспечению жизни и выживания человека и общества.

Экономическая наука выполняет свое предназначение тогда, когда ее содержание соотносится с основной задачей самого хозяйства как особой сферы жизнедеятельности человека. Эта задача является общей для любого экономического знания, будь то классика или неоклассика, институционализм или политическая экономия. Практически все мыслители, начиная с Аристотеля и до основоположников основных теоретических направлений экономической науки К. Маркса и А. Маршалла, в своих высказываниях придерживаются позиции, согласно которой экономическая наука есть лишь инструмент в выполнении хозяйством своей основной задачи — обеспечения жизни и выживания человека и общества. Познание в хозяйственной сфере осуществляется для того, чтобы добиться улучшений, иначе от этой науки не было бы никакого проку.

Очевидно, что экономисты, приступая к описанию и объяснению хозяйства, не должны упускать из виду ту основную задачу, которую должна решать наука о хозяйстве. Когда речь идет о выполнении хозяйством основной своей задачи — обеспечения достойной жизни и выживания (воспроизводства) человека и общества — количественные (ценностно-стоимостные) показатели этого процесса перестают быть главными и превращаются в подчиненные показатели деятельности. И наоборот, если хозяйствование основной своей задачей ставит достижения эффекта (эффективности), оно теряет свой смысл. Хозяйствование как цель достижения достойной жизни и выживания составляет смысл хозяйства.

Совершенно очевидно, что современный кризис экономической науки — это кризис не ее рациональной или научной формы. Это кризис

понимания всеобщего в ней, т. е. философский. Преодолеть кризис в науке о хозяйстве означает преодолеть разрыв между рациональностью как способом получения и передачи знания и пониманием жизни в ее полноте, ради которой она должна служить. Для возвращения экономической науки ее значения в жизни человека необходимо возвращение ее к смыслу. В связи с этим подлинная задача современной философии хозяйства состоит в том, чтобы совершить своего рода *историческую редукцию* рационализма науки о хозяйстве к ее собственным смыслам и смыслу самого хозяйствования.

Литература

1. Булгаков С.Н. История экономических и социальных учений. М., 2007.
2. Булгаков С.Н. Философия хозяйства. М., 1990.
3. Философия науки: Эпистемология. Методология. Культура: Хрестоматия / Под ред. Т.Г. Щедриной. М., 2006.
4. Славянорусский корнеслов. СПб., 2005.
5. Пустанарков В.Ф. Университетская философия в России. Идеи. Персоналии. Основные центры. СПб., 2003.

С.А. СТРОЕВ

Либерализм: судьба «победителя»

Аннотация. Статья предлагает критический анализ либерализма — как современного, так и исторического. Рассматриваются вопросы отношений между индивидами, идеологической борьбы, роли государства. Автор приходит к выводу, что состоявшаяся победа либеральной идеологии оборачивается по многим позициям поражением общества, а сам либерализм начинает выступать как симулякр, не отражающий объективную реальность, хотя и приспособленный для ее активного формирования.

Ключевые слова: либерализм, демократия, государство, гражданское общество, индивид, неравенство, равенство, политкорректность.

Abstract. The article offers a critical analyses of liberalism, both modern and historical. Author considers questions of relations between individuals, of ideological stand-off and the role of state. Author comes to a conclusion that successful victory of liberal ideology at many points turns to be defeat of society, and liberalism itself becomes a simulacrum, which does

not reflect objective reality although they are adapted for its active development.

Keywords: liberalism, democracy, state, civil society, individual, inequality, equality, political correctness.

Для начала отметим, что классический либерализм отнюдь не был тем, что сегодня выступает под его именем. Классический либерализм выступал по существу как выражение социал-дарвинизма, базовой аксиомой которого было представление о всеобщей войне всех против всех как о естественном состоянии человека. Тотальность этой войны, согласно представлениям либерализма, была ограничена при переходе к цивилизованному существованию определенными пределами и правилами, принятыми в силу их итоговой выгоды для каждого члена общества. При этом лишь взаимная угроза применения насилия является фактором, создающим заинтересованность большинства членов общества в поддержании законности и права. Равными с точки зрения либерализма являются лишь те, кто в случае столкновения может нанести друг другу равный ущерб.

Иными словами, с точки зрения либерализма всякая правовая категория по существу является лишь формальным выражением текущего баланса сил, т. е. формой компромисса между равными (как разумной альтернативы взаимоистреблению) и одностороннего диктата сильного слабым. Изменение соотношения сил автоматически ведет к пересмотру отражающих их правовых норм и категорий. В этом, кстати, классический либерализм полностью сходится как с марксизмом, так и с фашизмом. Существенное различие лишь в том, что марксизм и фашизм в качестве субъектов такой борьбы рассматривают коллективы (в марксизме — классы, в нацизме — нации, в фашизме — государства), а либерализм — отдельных индивидуумов, которые самоорганизуются в коллективы только в меру своих индивидуальных интересов.

При этом, поскольку право в либерализме является следствием общественного договора (вне общественного договора есть только «естественное право» — право каждого делать все, что угодно, с другими, т. е. чистое право силы), права есть только у членов гражданского коллектива. Люди, не входящие в гражданский коллектив и не связанные друг с другом общественным договором об ограничении пределов и способов войны каждого против всех, прав не имеют. Поэтому классический либерализм, не обремененный более поздними и, в сущности, чуждыми его духу моралистическими напластованиями, считает вполне нормальным и естественным как порабощение, так и истребление «дикарей». Причем под «дикарями» подразумеваются не только низшие в отношении своего культурного развития племена вроде негров и

североамериканских индейцев, но и вполне культурные народы (индусы, китайцы, персы, арабы и даже многие европейцы, как, например, ирландцы и жители восточно-европейских стран) — если они не являются равными в либеральном смысле — т. е. в смысле способности в случае столкновения нанести равный ущерб передовым в военнотехническом отношении гражданским коллективам.

Отметим этот момент особо: принцип демократии и гражданских прав в классическом либерализме распространяется только на полноправных членов гражданской общины, при этом либерализм не осуждает и не отрицает рабовладения.

Но и внутри самого гражданского общества право в либеральном смысле подразумевает отнюдь не солидарность и взаимопомощь, а лишь соблюдение установленных ограничений в конкурентной борьбе — прежде всего, запрет на неправомерное убийство, физическое насилие или отъем частной собственности. Однако в случае, если уничтожение конкурента осуществляется незапрещенными общественным договором средствами (экономическими, судебными), пусть даже итогом их является физическая гибель конкурента от голода и нищеты, либеральная доктрина не осуждает и даже в определенном смысле поощряет такие действия, как ведущие к вытеснению более приспособленными и жизнеспособными особями менее приспособленных и жизнеспособных — т. е. к биологическому и социальному прогрессу.

В основе либеральных представлений о демократии лежит представление о достаточно широком гражданском коллективе равных людей, т. е. людей имущих и притом имеющих если не равный, то сопоставимый имущественный статус. В классическом случае этот коллектив составляют взрослые здоровые вооруженные мужчины с определенным имущественным цензом, платящие налоги и именно поэтому имеющие право голоса в вопросах использования этих налогов и управления гражданским коллективом. Дети, женщины, больные, инвалиды, неимущие и все, кто не может или не в полной мере может быть равным в либеральном смысле, кто не может на равных исполнять предусмотренные общественным договором обязанности или участвовать в защите гражданских прав и интересов, соответственно, не могут иметь и равных прав.

Государство в рамках либерализма рассматривается как формальная структура, лишь гарантирующая соблюдение установленных общественным договором ограничений взаимной борьбы каждого против каждого. Другими словами, оно выступает в качестве лишь «ночного сторожа». Плюс к этому государству вынужденно делегируется ряд функций, связанных с отношениями гражданской общины с другими организованными обществами — т. е. военные и дипломатические.

Что же касается участия государства во внутренних отношениях гражданского общества, либерализм стремится к их минимизации и считает угрозой для индивидуальных прав и свобод. Лозунг либерализма — как можно меньше государственных функций, особенно в вопросах экономики, социального обеспечения и идеологии, сведение государства к функции поддержания формальной законности. Именно поэтому либерализм, во-первых, стремится к разделению, взаимному ограничению и контролю ветвей власти в государстве (законодательной, исполнительной и судебной) и, во-вторых, к формированию мощного пласта общественных структур, контролирующих государственный аппарат и пресекающих любое покушение государственной машины на индивидуальные права и свободы.

Общество с точки зрения либерализма формируется как совокупность отношений и коопераций, в которые свободно и по своему желанию вступает индивидуум, стремящийся достичь максимальной пользы и выгоды лично для себя. Собственно говоря, и сама гражданская община в целом (нация) с точки зрения либерализма есть свободное (произвольное) объединение индивидуумов для совместной защиты и реализации своих интересов как с точки зрения ограничения издержек взаимной борьбы друг с другом, так и с точки зрения защиты и навязывания своих интересов в столкновении с «чужими» — т. е. с теми, кто не входит в данное гражданское общество. Коллективизм гражданского общества, таким образом, является не проявлением стадного инстинкта, а более высоким уровнем осознания каждым членом общества своих индивидуальных интересов и объективной выгоды кооперации.

Весьма важным моментом для понимания природы либерализма и его исторической судьбы является то, что либеральное представление о гражданском обществе и демократии есть представление о коллективе более или менее равных (или хотя бы сопоставимых по своим возможностям) свободных собственников, способных к рациональному осознанию своих экономических и политических интересов и имеющих равные или хотя бы сопоставимые возможности для выражения своего мнения. Только в этом случае классические буржуазно-демократические выборы (один полноправный гражданин — один голос) становятся реальным выражением воли реального большинства. А поскольку либерализм исходит из понятия равенства как равенства потенциальной возможности вооруженных взрослых мужчин нанести друг другу ущерб в случае борьбы, арифметическое определение большинства при голосовании есть по существу не что иное, как способ избежать невыгодного всем вместе и каждому в отдельности кро-

вопролетития при решении вопроса о том, чья воля и интересы должны поэтому доминировать.

По мере того как естественное развитие капитализма ведет к концентрации капитала, изначальное гражданское общество относительно равных друг другу мелких и средних собственников расслаивается и распадается. Все большая и большая доля собственности концентрируется в руках все более и более узкого круга лиц, в то время как все бо́льшая и большая доля прежних свободных мелких и средних собственников разоряется и переходит в категорию наемных работников. Нетрудно понять, что люди, качественно неравные в имущественном смысле, не могут быть равны в смысле политическом.

Во-первых, социально не самодостаточный, экономически зависимый, подверженный нужде человек объективно стремится скорее продать свои избирательные права, нежели использовать их для продвижения и защиты собственных интересов в гражданском обществе. Именно поэтому классическая либеральная демократия предусматривает имущественный и целый ряд иных цензов, исключающих социально и экономически не самодостаточных и потому несвободных лиц из числа гражданского общества. Однако по мере того как в обществе нарастает имущественное расслоение, категория мелких и средних свободных собственников все более редет, а силы и фактические возможности оставшихся становятся уже не только качественно не равны, но и не сопоставимы с силами выделившегося круга магнатов. По мере того как объективная база демократии равных распадается, происходит внешняя формальная «демократизация», т. е. допущение к демократическим процедурам и формальным правам все новых категорий заведомо зависимых, несамодостаточных и несвободных людей — представителей культурно отсталых народов, бедняков, нищих, не имеющих постоянной работы, иждивенцев, женщин, юношества и т. д. Эти процессы одинаково наглядно происходили при вырождении и гибели как античных полисов Греции и Римской республики, так и буржуазных демократий Западной Европы и Северной Америки во второй половине XIX — начале XX в. В итоге формируется система *клиентелы*, в рамках которой демократическая форма лишь прикрывает реальную практику скупки голосов бедных масс сверхбогатыми магнатами-олигархами.

Во-вторых, концентрация капитала неизбежно приводит к формированию монополии сверхкрупной буржуазии на доступ к средствам массовой информации, поскольку в рамках либеральных парадигм о стремлении каждого к максимальной реализации своих интересов интерес издателей, журналистов, телеведущих и т. п., естественно, состоит в удовлетворении лишь платежеспособного спроса на их про-

дукцию. Следовательно, существенное имущественное расслоение прежнего гражданского общества естественным образом приводит к тому, что информационное пространство превращается в средство трансляции узкогрупповых интересов монополистической олигархии всему обществу, формируются механизмы массового внушения и манипуляции массовым сознанием.

В дальнейшем эти механизмы лишь совершенствуются: к армии журналистов, газетчиков и телеведущих прибавляются наемные специалисты в области индивидуальной и массовой психологии, профессиональные психоаналитики и политехнологи, разработчики целых программ внушения и технического оперирования подсознанием и сознанием людей. Тем самым, разрушается вторая базовая основа либеральной парадигмы — способность индивидуума к рациональному осознанию и практической реализации собственных личных интересов.

Качественное неравенство в доступе как к теоретическим знаниям, так и к практическим механизмам воздействия на массовое сознание и поведение, прямая зависимость в возможности нанимать специалистов и формировать каналы массового информационного воздействия и внушения от имеющихся средств приводят к тому, что подавляющее большинство гражданского общества из сознательных индивидуалистов-прагматиков превращается в манипулируемых болванчиков, решения и действия которых определяются не их собственными интересами, а интересами тех, кто конструирует для них картину реальности и формирует у них представления о добре и зле, пользе и вреде и т. д.

Эти два фактора неизбежно приводят к тому, что государство из «ночного сторожа», формального арбитра между свободными равными индивидуумами, управляющего по делам буржуазного класса в целом, все более и более превращается в орудие узкого круга олигархии, а его функции насилия и подавления распространяются теперь не только на неимущих, не входящих в состав буржуазного гражданского общества, но и на редущий класс мелких и средних собственников. Соответственно функции государства расширяются, а степень его вмешательства в частную жизнь граждан, экономические и социальные вопросы постоянно растет. Причем нарастание этого вмешательства, реально отражающее распад прежнего гражданского общества политически равных собственников и установление олигархической диктатуры, внешне позиционируется как якобы увеличение функций социальной защиты и заботы общества о слабых, малоимущих, представителях низших классов и т. п. Эти тенденции развития капитализма при его переходе в фазу империализма мы можем одинаково наглядно наблюдать как на примере фашистских режимов в Европе, так

и на примере рузвельтовского Нового курса в Америке. В обоих случаях монополистическая олигархия, стремящаяся к расширению функций перешедшего в ее руки государственного аппарата и разрушению прежней либеральной модели государства как только формального арбитра между свободными индивидами, апеллирует к низшим классам, ищущим социальной защиты и покровительства, патернализма со стороны государства.

Фактически происходит приватизация государства, превращение его из орудия интересов всей совокупности полноправных имущих граждан в орудие частных интересов узкого круга семейств. Эта приватизация государственных функций отражается не только на его функциях как собственно аппарата классового насилия (т. е. на законодательстве и практике правоприменения), но и на образовательных и воспитательных функциях. Школа из средства собственно образования и воспитания свободного, рационально и прагматически мыслящего индивидуума превращается в своего рода фабрику зомбирования, основной функцией которой становится внедрение в сознание формируемых граждан тех идей и представлений, которые будут определять их поведение в выгодном для олигархии русле.

Как было отмечено выше, и классический ранний либерализм, и марксизм в своем основании являются доктринами рациональными и имморалистическими. Они выводят моральные и этические категории из практического интереса и потребностей конкурирующих субъектов (разница лишь в том, что для либерализма этими субъектами выступают отдельные индивидуумы, а для марксизма — общественные классы). Однако в обоих случаях в основу объяснения общественных законов кладется рационально понимаемый интерес (в первую очередь — экономический, и затем политический) субъекта, а любые морально-этические категории логически выводятся из этого интереса как формы его отражения и выражения. Однако по мере того, как буржуазное гражданское общество подвергается расслоению, функция объективного и адекватного действительности познания подменяется функцией манипуляции сознанием, искусственного формирования общественных представлений, отвечающих интересам узкой олигархии. Основным отражением этого смещения функций становится стремительное нарастание значения этических категорий и моралистического пафоса в общественно значимом дискурсе. При этом навязываемые, внушаемые, внедряемые в мозги населения посредством СМИ, системы общественного воспитания, специальных методов типа нейролингвистического программирования и т. д. моралистические клише, нормы и запреты носят совершенно иррациональный и безапелляционный характер. В этом и состоит их манипулятивная гипнотическая

сила. Если рациональная мораль любое утверждение о том, что хорошо, а что плохо, обосновывает практической полезностью для конкретного субъекта (индивидуального или коллективного), то морализм как средство манипуляции в первую очередь разобщает категории абстрактного «морального» блага и блага конкретного, практически верифицируемого — т. е. практической пользы и выгоды для конкретного субъекта. Это разобщение позволяет внедрять в сознание объекта управления (как индивидуального, так и коллективного) модели поведения, заведомо для него невыгодные и, напротив, выгодные для того, кто их внедряет. Иначе говоря, выгодные финансовому олигархату, который имеет возможность выступать заказчиком и владельцем всей общественной суггестивной машины.

При этом стоит обратить внимание на то, что раз внедренные в массовое общественное сознание в интересах олигархии, отвечающих конкретному историческому и политическому моменту, клише и мифологемы имеют значительный запас инерции. Они формируют целый комплекс механизмов своего автоматического воспроизводства. Рассмотрим в качестве примера пресловутые толерантность и политкорректность. Эти парадигмы представляют собой наиболее чистый и характерный пример в смысле их очевидной невыгодности для подавляющего большинства граждан Западной Европы и почти столь же очевидной выгоды для транснациональной олигархии. Проанализируем то, как они внедряются в общественное сознание.

Как уже было отмечено выше, исходно задействуются три основных компонента: «свободные» средства массовой информации (которые в рамках капитализма, естественно, стремятся к наибольшей выгоде и потому ретранслируют позицию наиболее платежеспособного заказчика), государственный аппарат (который в условиях концентрации капиталов фактически выражает интересы не большинства избирателей, а платежеспособных заказчиков и спонсоров выборных компаний) и система общественного образования и воспитания (которая подконтрольна государственному аппарату).

Подавляющее большинство общества всегда настроено конформистски и некритично воспринимает информацию, исходящую от власти или позиционируемую как «общепринятое мнение». Оно с готовностью воспринимает поток безапелляционных моралистических постулатов о коллективной вине белого человека за колониализм, об априорной недопустимости постановки вопроса о кровнородственном, наследственном принципе в отношении гражданских прав и т. п., не подвергая их анализу с точки зрения собственных практических интересов. Что же касается активного меньшинства, способного к рациональному критическому анализу поступающей информации и к фор-

мированию собственной позиции на основе понимания собственных интересов, то для каждого отдельного представителя этого меньшинства на самом деле оказывается прагматически выгоднее подстроиться под доминирующую тенденцию, нежели пытаться плыть против течения. Да, конечно, сознательный коренной европеец понимает, что от внедрения парадигм толерантности, мультикультурализма и политкорректности он, наравне с подавляющим большинством общества, понесет только убыток. Но он также понимает и то, что в случае сопротивления этой доминирующей тенденции лично он, отдуваясь за «общее благо», потеряет гораздо больше. В то время как ловко подстроившись под требования доминирующей тенденции, он вполне имеет шансы лично выиграть, компенсировав этим личным выигрышем тот ущерб, который он все равно неизбежно претерпит вместе со всеми представителями коренного населения.

К примеру, чиновник или преподаватель, будучи сколько угодно «расистом» в душе, но, позиционировавшись в качестве большого ревнителя толерантности и политкорректности, имеет все шансы обойти своих конкурентов по служебной лестнице, не проявивших достаточного идеологического рвения.

Если выразить мысль коротко и афористично, то дураки верят на слово, а умные понимают, что в данном случае выгоднее притвориться дураками. В итоге воспроизводится любопытный механизм, в котором люди публично выражают (и, тем самым, укрепляют и поддерживают в обществе) мнения и позиции, которых требует их социальная роль, независимо от того, что они сами на этот счет думают. Но интереснее в этом механизме другая черта: он делает индивидуально выгодной и выигрышной именно ту модель поведения, которая объективно пагубна для общества в целом.

К этим механизмам добавляются далее различные каналы и способы собственно заработка на программах толерантности, спонсируемых уже даже не из кармана олигархии, а из кармана налогоплательщика через систему государственного аппарата. Они могут принимать самый разнообразный характер от коррупционных схем отмыва бюджетных денег, выделяемых на «гуманитарные» фикции, до вполне «честных» и официальных зарплат рядовых служащих в институтах и учреждениях, связанных с реализацией «политкорректных» программ. Разумеется, финансовая заинтересованность и вовлеченность в проект значительного количества людей создают дополнительные механизмы самовоспроизводства данного проекта. Поэтому инерция воспроизводства один раз заложенных в массовое сознание парадигм коренится теперь уже не только в инертности сформированного «общественного мнения», но и в самой механике воспроизводства общественных от-

ношений, к которым каждый индивидуальный участник общественно-го процесса вынужден приспособиться.

Поэтому даже тогда, когда исторический момент изменился, и заказчик ранее сформированных общественных мифов уже более не имеет в них заинтересованности, они продолжают автоматически воспроизводиться (несмотря на свою очевидную вредность для общества в целом), и правящей олигархии теперь уже и самой проще и дешевле к ним приспособиться, нежели их разрушать. Поэтому следующие мифологемы, которые отвечают интересам заказчиков в новых, уже изменившихся политических условиях и обстоятельствах, теперь приспособляются и встраиваются в систему ранее созданных и теперь автоматически воспроизводящихся общественных представлений. Так, в обществе формируются целые напластования иррационального моралистического навоза, за которыми все сложнее различить конкретику рациональных прагматических интересов.

В итоге мы видим, что современная мировая общественная система, позиционирующаяся как неолиберальная, на самом деле существенно не имеет ничего общего с классическим либерализмом. Классический либерализм исходит из представления об обществе как о совокупности конкурентных и кооперативных отношений между политически равными индивидуумами, каждый из которых строит свое поведение на основе рационального осознания своих интересов — прежде всего, материальных, экономических. Такое представление об обществе более или менее соответствует реалиям раннего, домонополистического и доимпериалистического капитализма с его свободной конкуренцией множества мелких собственников, ограничивающих взаимную борьбу рамками «общественного договора». При переходе капитализма в стадию империализма, а затем глобализма объективная почва для либеральных доктрин (система взаимодействия относительно равных индивидуумов) исчезает. В результате либеральные доктрины перестают быть адекватным отражением объективной действительности и превращаются в симулякры, в средства навязывания обществу заведомо ложных, но выгодных олигархии представлений.

В чем состоит суть современного неолиберализма как инструмента капиталократической машины? Она состоит в том, что, навязывая рядовым гражданам неадекватные современной действительности представления об обществе как о равноправном взаимодействии индивидов, современный неолиберализм лишь способствует атомизации, распылению общества — т. е. служит для разрушения тех очагов коллективной самоорганизации, которые потенциально могли бы противостоять капиталократической механике воспроизводства власти и манипуляции общественным сознанием. Реальность же состоит в том,

что современное «неолиберальное» государство отнюдь не является «ночным сторожем». Из наемного управляющего гражданского общества государственный аппарат превращается в судью и арбитра во взаимной войне этнических, конфессиональных и субкультурных меньшинств, на которые расчленено и разорвано политкорректностью и мультикультурализмом то, что прежде было гражданским коллективом.

Однако при этом государство отнюдь не оказывается в положении высшей инстанции, поскольку сам механизм его воспроизводства и функционирования имеет соответствующий капитализму рыночный характер, вследствие чего оно является орудием власти в руках узкой финансовой олигархии. Диалектическое противоречие состоит в том, что, с одной стороны, государство, все более и более тотально вмешиваясь в частную жизнь граждан, присваивает себе все новые и новые права, полномочия и функции, с другой стороны, национальное государство действительно отмирает. Но отмирает оно не в пользу прав и свобод отдельного индивидуума, а в пользу транснациональных корпоративных структур, все более и более перехватывающих функции, прежде находившиеся в исключительной монополии государств.

Современное государство функционирует как своего рода гигантский насос, выкачивающий права и свободы из ведения гражданского общества и передающий их в ведение транснациональных корпоративных структур — экстерриториальных центров силы, не связанных с интересами конкретных этносов, наций, стран и геополитических субъектов. Это ведет к поступательному отмиранию не только базовых для либерализма экономических прав и свобод, но и к отмиранию гражданского права как категории. На место гражданского права приходит прямой и неограниченный диктат коммерческих корпоративных структур, формирующих частные армии, полиции, а в перспективе — и суды. Такое развитие событий, впрочем, было предсказано в рамках марксистской критики как неизбежное следствие поглощения личной собственности широких масс населения все более концентрирующейся частной собственностью узкого круга монополистов.

Таким образом, следует констатировать, что на первый взгляд «восторжествовавшая» «первая политическая теория» (неолиберализм) сегодня выступает не как метапарадигма действительных общественных отношений, а как прикладной идеологический инструмент — как симулякр, не отражающий объективную действительность, но приспособленный для ее формирования.

В.К. КОРОЛЕВ

Феноменология в «Философии хозяйства» С.Н. Булгакова

Аннотация. В статье рассмотрен характер использования Булгаковым западно-европейских философских идей, в частности феноменологии, для построения своей философии хозяйства. Автор полагает, что имеющиеся заимствования методологически вполне состоятельны, но не имеют концептуального значения в обосновании Булгаковым оригинального и актуального сейчас философского направления.

Ключевые слова: философия, феноменология, феномен, хозяйство, субъект, тождество, интенция.

Abstract. In this article we examine the nature of use by Bulgakov of Western-European philosophic ideas, in particular-of phenomenology-for constructing his «philosophy of economy». The author believes that it is the idea of borrowing which is methodologically enough well doing, but Bulgakov's approach is original and actualized by present of philosophic direction.

Keywords: philosophy, phenomenology, phenomenon, economy, subject, identity, intention.

В отечественной общественно-гуманитарной науке принято рассматривать творчество Булгакова как направление социально-экономической и религиозно-философской мысли, выражающее концепцию русской (православной) трактовки природы хозяйственной деятельности. Примечательно, что, окончив юридический факультет Московского университета, Булгаков стал преподавать политическую экономию, которая в эволюции его взглядов все менее становилась политической и экономической и все более религиозно-философской и богословской, хотя в речи на докторском диспуте, обосновывая актуальность своей работы, он отмечал: «Мы живем в эпоху обостренной экономической рефлексии, напряженного и утонченного экономического самосознания, когда вопросы экономического бытия властно заняли в мысли и чувстве одно из первых мест» [1, 298]. Да и докторская диссертация Булгакова, несмотря на название, была защищена именно по политической экономии.

Работа «Философия хозяйства», по сути, завершает его творчество как экономиста и знаменует актуализацию философских поисков. В них прежде всего следует подчеркнуть слова Булгакова не просто об актуальности философского понимания мира как объекта трудового, хозяйственного воздействия, но о «пилотном» характере данной проблемы: «...самой постановке ее я придаю несравненно большее значе-

ние, нежели данному опыту ее разрешения» [2, 49]. Содержание «Философии хозяйства» в полной мере подтверждает эту откровенность автора.

В своем прощании с «экономическим материализмом» мыслитель четко формулирует свои теоретические позиции в отличении искомой *философии хозяйства* от *политической экономии*. По его мнению, экономическая теория имеет свою философию — «экономический материализм», но эту «ненастоящую» философию надо заменить настоящей, идеи которой можно найти в западной философской мысли. Отсюда — большое внимание к немецкой классической («настоящей, чистой») философии и базирующимся на ней современным автору философским построениям, в частности — феноменологии.

Булгаков весьма своеобразно различает философию и теорию: по его начальным установкам политэкономия (теоретически) осмысливает факты хозяйства, и такое осмысление он почему-то называет... феноменологией, вместе с тем тут же отмечая, что «...было бы величайшей близорукостью... ограничивать теорию хозяйства лишь его феноменологией» [2, 50]. Но что же тогда еще должно входить в эту теорию? Автор не мучает читателя поисками ответа на этот вопрос и заявляет: «...за этими пределами (политэкономии. — *В.К.*) исследование вопроса... попадает в общефилософскую область» [2, 50]. Получается, таким образом, что феноменологию Булгаков философией не считает (в лучшем случае считает «частной», что в принципе несовместимо со статусом философии). А вот искомая им *новая философия хозяйства* входит в общую философию, а не есть лишь незаконное детище политической экономии [2, 58]. Поясняя эти противоречивые заявления, Булгаков говорит, что политэкономия изучает отдельное — *что* осуществляется как факты мирового хозяйства, а философия хозяйства призвана понимать целое — *как* осуществляются эти факты. Но тогда почему «экономический материализм» он называет философией, «господствующей», но «частной»?

Здесь следует выделить концептуальное суждение Булгакова — «всякий хозяйственный акт осуществляет собой некоторое слияние субъекта и объекта, внедрение субъекта в объект» [2, 90]. Это — сильное и чисто философское заявление, оно требует указания на свои философские корни, и автор однозначно указывает на них: «...истинным основоположником философии хозяйства является, однако, не Кант, философ субъективного идеализма, пассивного созерцания, но Шеллинг, философ природы и объективной действительности» [2, 91]. Эту мысль русский мыслитель повторяет и позже: «Философия хозяйства, как философия объективного идеализма, необходимо должна быть сознательным продолжением философского, именно “на-

турфилософского” дела Шеллинга» [2, 107]; философия хозяйства «...берет основную идею Шеллинга как тему и задачу для современной философии» [2, 107]. Тем самым Булгаков исходит из его «философии тождества», которая устраняет противоположности субъекта и объекта, реального и идеального, природы и духа в некоем Абсолюте как тождестве идеального и реального. Очевидно, Булгаков использует именно эту теорию, если Абсолют понимать как «софийное хозяйство», или даже, упрощая, как Труд.

Но Шеллинг, при известной трансформации его взглядов, в целом оставался последователем Канта. Поэтому в понимании Булгакова, при определенных различиях в их взглядах («объективизме» Канта и «субъективизме» Шеллинга), в построении философии хозяйства вполне можно опираться на кантовскую трактовку феномена просто как явления (типа «вещи-для-себя», противостоящей «вещи-в-себе»).

Об этом свидетельствует и глава восемь «Философии хозяйства» под названием «Феноменология хозяйства». Но речь в ней идет не о феноменологии в применении к хозяйству, как можно было ожидать, а о политической экономии, которая имеет дело с фактами, явлениями экономической жизни, называемыми Булгаковым «феноменами» (очевидно, отсюда и название главы).

Собственно феноменология как развитое самостоятельное учение наиболее полно и разнообразно была представлена в творчестве Гуссерля. Булгаков знал его, но в «Философии хозяйства» лишь дважды не просто упоминает этого мыслителя, но и выделяет его идеи. Но если рассматривать концепт «философия хозяйства», то Булгаков фактически широко использует и некоторые важные идеи Гуссерля: о феномене как единстве объекта и субъекта, о феноменологии как науке о созерцании конструирующей мир активности сознания, которое реализуется в хозяйственной деятельности. Идеи Булгакова о трансцендентальном субъекте хозяйства — человечестве — весьма созвучны идеям Гуссерля о феномене как данности явления не только как сознания, но и бытия (предметности), ибо в их основе лежит смысловое единство, задаваемое человечеством. Кроме того, поскольку «...производство совершенно не вмещается в созерцательном понятии кантовского опыта» [2, 122], Булгаков предлагает более активную — «шеллинго-гуссерлианскую» — трактовку трансцендентального кантовского субъекта: «Философия должна исходить не из ложного представления о гносеологическом, совершенно фиктивном субъекте, но из единственно данного нам в опыте представления о хозяйственном, деятельном субъекте» [2, 124 — 125]. Так, в творчестве Булгакова «сходятся» Шеллинг и Гуссерль, их «тождество» и «смысловое единство» снимают акценты первого на объективности, а второго — на субъективности

деятельности сознания. В результате — «объективно-логическая связь, логика идей, необходимо опирающаяся на логику вещей, пронизывающая и бытие, и сознание, и субъект, и объект, предполагающая, следовательно, некоторое тождество мышления и бытия — вот то, что сообщает науке ее научность и предохраняет ее положения от произвольной субъективности и своеволия» [2, 190]. Но в подстрочном примечании к этому положению Булгаков пишет, ссылаясь на Гуссерля: «В установлении этой объективной логической связи, в защите чистой логики, обнаруживающейся в человеческом мышлении, лежит заслуга того течения в современной логике, которое представляет собой Гуссерль» [2, 190]. Иначе говоря, по сути, здесь речь идет только о логике идей, обнаруживающейся не в указанном тождестве, а в мышлении самом по себе.

Что это? Эклектика или стремление взять у Канта, Шеллинга, Гуссерля нужные для построения философии хозяйства идеи? Вряд ли можно дать однозначные ответы на эти вопросы, учитывая как сложность философских систем указанных мыслителей, так и решаемой Булгаковым задачи. Во всяком случае, он рассматривает методологию Гуссерля как одно из новейших направлений неокантианства [2, 180], а его философию считает философией трансцендентализма [2, 198]. Другими словами, учение Гуссерля Булгаков считает философским, но не поднимается в его понимании до феноменологии, ограничиваясь, как уже отмечалось, кантовским пониманием феномена как явления. Вместе с тем Булгаков высоко оценивает немецкого мыслителя как спекулятивного мыслителя, восклицая: «Великий, величайший Гуссерль» [3, 527].

Теперь непосредственно обратимся к пониманию феноменологии хозяйства, представленной в одноименной главе. Сразу же обращает на себя внимание то обстоятельство, что содержательно раздел полностью посвящен критике политической экономии, экономическим вопросам. Булгаков вполне определенно понимает под феноменами хозяйства его явления, частные акты, отдельные хозяйства, цели — т. е. данность, а не ее обобщение: «хозяйство как единое деяние трансцендентального хозяйственного субъекта дробится в явлениях, имеет свою феноменологию» [2, 260], которая фиксирует непосредственную эмпирическую данность хозяйства. Этими вопросами, по мнению Булгакова, и занимается политическая экономия.

Он рассматривает хозяйство, труд как неизбежную необходимость выживания человека, осуществляемую в общественных формах и ограничивающую его свободу. «Но то, что постоянно ограничивает свободу и угрожает нашей жизни, с наибольшей отчетливостью и выделяется нашим сознанием и ставит задачи нашей воле» [2, 261]. В этих

словах вполне можно усмотреть феноменологическую (здесь и далее — по Гуссерлю) *интенциональность* сознания — его устремленность к миру, смыслообразующее отношение сознания к предметам, ибо так и строится трудовая деятельность, в контексте которой сознание в первую очередь (в плане не познавательного интереса, а необходимости. — *В.К.*) и рассматривает природный мир, направляется на его предметы. В этом смысле хозяйственная деятельность может рассматриваться как совокупность интенциональных актов, ибо в труде человек старается преодолеть внешнюю причинность: придавать предметам те значения, которые необходимы человеку для жизни.

И хотя у Гуссерля феноменология занимается только сознанием и не имеет дела с предметами непосредственно, для Булгакова важна его методология — предметная направленность сознания, что представляется вполне оправданным. И, по Булгакову, именно в этом смысле политическая экономия должна быть научной феноменологией хозяйства, этой исходной ориентировкой определяется круг ее проблем и ее стиль [2, 262].

Булгаков подчеркивает расплывчатость и неопределенность фактических границ политической экономии и необъятность ее «сырого» материала, который нужен для построения теории хозяйства. Отсюда и необходимость выделения базисных «феноменов», к коим Булгаков относит труд, богатство, капитал, рынок и др. Впрочем, «объект политической экономии, хотя и отличается неопределенностью логических границ, практически, однако, достаточно несомненен и может быть научно определяем...» [2, 265]. Можно только удивляться, что, критикуя таким образом политическую экономию и настаивая на необходимости создания ее высшего, обобщенного, целостного осмысления в искомой «философии хозяйства», Булгаков не обращает внимания на тот очевиднейший факт, что такая критика к собственно («общей», «чистой») философии относится в неизмеримо большей степени, о чем свидетельствуют многообразие и противоречивость не только философских взглядов, идей, но и систем. Это придает некую наивность его желанию философски «увязать» в целостность феномены хозяйства, понять однозначно его сущность в своей философии хозяйства. Тем не менее критикуемый Булгаковым политэкономический подход к *феноменам* вполне допускает их гуссерлианскую трактовку, ибо они воплощают данность экономических явлений не только как интенций сознания, но и бытия (предметности), ибо в их основе лежит смысловое единство, задаваемое человеком (вспомним концепт тождества у Шеллинга).

Говоря о научном стиле политической экономии, Булгаков полагает, что она «стремится *устанавливать* (курсив мой. — *В.К.*) законы

хозяйственной жизни» [2, 265]. В этом также можно усматривать отмеченную интенциональность (экономического) сознания, ибо законы обеспечивают смысл человеческой (хозяйственной) деятельности: она бессмысленна, если опираться только на потребности (как это бывает у животных).

Вполне работает в рассуждениях Булгакова и такое понятие феноменологии, как *естественная установка*: привычный стиль волевой жизни наиболее массово проявляется именно в хозяйственной деятельности, и ее мир очевидно выступает как целостный естественный мир фактов. (Для Гуссерля анализ этой установки является предварительным для осуществления *феноменологической редукции*, в ходе которой воздержание от естественной установки есть путь к обнаружению и описанию трансцендентальной сферы сознания.)

Кроме того, сфера хозяйственной деятельности, булгаковский «мир как хозяйство» вполне созвучны идеям Гуссерля о «*жизненном мире*» — мире в его значимости для человека. Благодаря феноменологической редукции этот мир открывается в различных аспектах экономической деятельности как важнейший коррелят интенционально действующей субъективности хозяйствующего человека (человечества).

Эта деятельная, смыслообразующая субъективность формирует то, что Гуссерль называет *горизонтом* — подвижный, зависящий от (хозяйственных) интенций сознания «фон» преобразованной трудом природы, к которому сознание актуально («временность Я субъекта») не обращено, но который выражает историческую или региональную обремененность хозяйственного сознания своими интенциями, которой, по мнению Булгакова, не хватает политэкономическому знанию.

Представляется, что эти мысли вполне созвучны стремлению Булгакова уйти от «эмпиризма» политической экономии, дать «высшее» (целостное, обобщенное) понимание сущности хозяйствования в специальной философии как отрасли философского знания.

Булгаков критикует политическую экономию не только за упомянутый эмпиризм ее феноменов, но и одновременно за отвлеченное теоретизирование, которое «...непрерывно должно стоять под контролем критического прагматизма, спрашивающего: *cui prodest*» [2, 273]. (Логично предположить, что таким контролирующим прагматизмом и должна обладать булгаковская «философия хозяйства»?)

Тем не менее в своей критике политической экономии Булгаков допускает определенную неадекватность: многократно критикуя эту научную теорию за ее первостепенное внимание к феноменам, фактам (отдельному), он, вместе с тем, заявляет: основоположением политической экономии выступает методологическая установка, что «...явления хозяйственной жизни обладают качеством повторяемо-

сти и типичности» [2, 268], тогда как индивидуальному, личностному должного внимания не уделяется. Это он отмечает как большой недостаток научного стиля политической экономики [2, 266]. Но ведь именно стремлением к обобщению, цельности восприятия хозяйственной деятельности, в противовес политэкономической «дробности», и объясняет он необходимость выработки «философии хозяйства». У Булгакова эти эмпиризм, дробность феноменов политической экономики мирно сочетаются в ней со своей противоположностью — схематизацией, типизацией (истории) хозяйственной деятельности [2, 269]. «История политической экономики и современное ее состояние дают обильные примеры... чрезмерной абстрактности теорий, и беспринципного коллекционирования фактов» [2, 274].

Чем же отличается эта чрезмерность от «общефилософских» высот, столь необходимых, по мнению Булгакова, для нового уровня научного понимания хозяйства, свободного от отмеченных крайностей? Автор изящно уходит от ответа, заявляя, что он не притязает на необходимое специальное углубление и детализацию своей позиции для выяснения общих точек зрения философии хозяйства в применении к его феноменологии [2, 275].

Даже эти фрагментарные краткие замечания показывают, что у современных Булгакову критиков были основания для своих замечаний. В частности, очевидно (как отмечает такой авторитетный специалист, как С.С. Хоружий), прав был Н.Н. Алексеев, который уже в 1912 г. упрекал Булгакова за непонятную увлеченность западной философией, привлечение расхожих положений разных ее систем к обоснованию своей философской трактовки хозяйства [2, 553]. На это обратил внимание и Бердяев, который в 1916 г. отмечал, что мировоззрение Булгакова по своей сути полностью отвечает традиционному православию (хотя у современников было и иное суждение по этому вопросу), и его «модернизация» западными философскими идеями неудачна из-за неразрешимого противоречия между православными устоями и кантовской, главным образом, методологией. Бердяев даже (по мнению того же С.С. Хоружего) обвиняет Булгакова в заискивании, страхе перед «научностью» западной философии [2, 555].

Возможно, Булгаков сам чувствовал это, и уже в «Свете не вечернем» очевидно усиление собственно религиозной составляющей его творчества, постепенный отход от экономической проблематики, а в эмиграции (с 1923 г.) он уже полностью выступает как богослов, и философский компонент выражается в идее боговоплощения — внутренней связи Бога и созданного им мира — Софии («премудрости Божией»), которая проявляется во всех сферах жизни человека.

Тем не менее Булгаков показал хорошее знание основных течений западной философии, в том числе — и феноменологии, возможность использования некоторых философских идей не только для повышения статуса, своего рода «онаучивания» своей все-таки богословской доктрины экономической деятельности и теории, но и содержательно-методологически. Действительно, философия хозяйства Булгакова (и это отмечал сам автор) скорее ставит серьезную и, как оказалось через сто лет, актуальную проблему, нежели создает относительно законченную и самостоятельную научную концепцию. Возможно, это и выражает отечественную специфику философского осмысления хозяйственной деятельности, ибо никакого практического экономического значения булгаковская философия хозяйства не имеет, она просто не «сопрягается» с экономической теорией по своей проблематике. Но эта философия вполне может быть основой мировоззренческой социокультурной парадигмы и даже иметь методологическое значение для политической экономии. Возможно, это и имел в виду Булгаков, когда в речи на докторском диспуте говорил: «Философия хозяйства относится по своему плану одновременно и к чистой философии, и к семейству социально-экономических наук» [1, 302]? Или же в полном соответствии с духом европейского системного конструктивного философствования главное для Булгакова — «обоснование правомерности построения философской системы, рассматривающей мир как хозяйство» [1, 308] — проблемы, еще не ставившейся в истории мысли?

Что же хотел сделать Булгаков своей работой? «Поднять» политическую экономию на новый, подлинно научный уровень за счет усиления ее философского, мировоззренчески-методологического обоснования? Или создать свою собственно философскую концепцию, направление в философии, используя экономический материал как основу для философского осмысления? Почему в построении своей философии хозяйства Булгаков жестко критикует политическую экономию, с преподавания которой начинал свою научно-педагогическую деятельность? Неужели он не понимал, что философия и экономическая теория — разные научные дисциплины? Зачем упрекать политическую экономию (теорию) за то, чем она не может быть в принципе — философией (хозяйства)?

Возможно, сначала Булгаков хотел «усилить» экономическую науку, дав ей новый общетеоретический импульс-понимание мира как хозяйства, для чего ему и нужна была новая философская доктрина. Такой подход имеет серьезный исторический прецедент — Марксу нужна была новая философия для обоснования своей глобальной системы, в том числе и ее социально-экономической составляющей. (Примечательно, что политической экономии это, по мнению Булгако-

ва, не помогло, и он резко критиковал марксизм как «экономизм».) Но, судя по исторической эволюции его взглядов, Булгаков довольно быстро отказывается от данной затеи и в эмиграции целиком «уходит» в богословие и религиозную философию, забыв о своем экономическом прошлом.

Не менее интересен и другой вопрос — почему Булгаков в своих поисках обоснования нового направления философии старательно опирается на идеи именно немецкой классической философии, а не, например, русских (религиозных) философов? Он считает эти идеи непригодными для реализации своей цели? Или таких идей не обнаруживает в их творчестве? А, возможно, потому, что политическая экономия есть продукт развития (западного) капитализма и должна опираться на западные философские идеи? Нельзя исключать и личностное увлечение именно этими идеями. Но при чтении «Философии хозяйства» складывается впечатление, что главным является высокий философский авторитет немецкой классики, и Булгаков выбирает в ней те идеи, которые работают на его замысел и придают ему солидность, европейскую научность.

Так или иначе, в условиях нынешнего системного экономического кризиса замысел «Философии хозяйства» представляется не просто актуальным (о чем давно говорит Ю.М. Осипов [4]), но требующим нового философского мировоззренческо-методологического обеспечения. И если философия хозяйства для Булгакова есть запрос на философию как методологию экономической науки (о работе в этом направлении см., напр.: [5]), то в любом случае идеи феноменологии в постмодернистском контексте представляются весьма перспективными в таких поисках.

Литература

1. *Булгаков С.Н.* Философия хозяйства. Речь на докторском диспуте // Булгаков С.Н. Соч.: В 2 т. Т. 1. М., 1993.
2. *Булгаков С.Н.* Философия хозяйства // Булгаков С.Н. Соч.: В 2 т. Т. 1. М., 1993.
3. *Булгаков С.Н.* Некоторые черты религиозного мировоззрения Л.И. Шестова // Булгаков С.Н. Соч.: В 2 т. Т. 1. М., 1993.
4. *Осипов Ю.М.* Время философии хозяйства. М., 2003.
5. *Канке В.А.* Философия экономической науки. М., 2010.

Р.Е. СОКОЛОВ

Идейные концепции современной канонической философии хозяйства

Аннотация. Статья посвящена зарождению современной канонической философии хозяйства, предлагающей объединить положительные моменты централизованной экономики социализма и рыночной экономики капитализма.

Ключевые слова: либерализм, капитализм, социализм, марксистская философия, каноническая философия, «серединный» путь, социальная доктрина церкви, общее благо.

Abstract. The article is devoted to appearance of modern canonical philosophy of economy, which suggests combining positive moments of centralized economy in socialism and of market economy in capitalism.

Keywords: liberalism, capitalism, socialism, Marxist philosophy, canonical philosophy, middle way, social doctrine of the Church, common good.

Корни современных моделей смешанной экономики развитых стран мира, равно как и неолиберальной модели социального рыночного хозяйства, или концепции «серединного пути» между либеральной рыночной экономикой и централизованной экономикой социализма, на наш взгляд, следует искать в канонических доктринах официального социального учительства Католической церкви, или магистериума, разработка которого активно началась с 1891 г. Основой канонической платформы наравне с Библией выступают постановления церковных Соборов и энциклики, или послания понтификов Ватикана, римских Пап: Льва XIII «*Regrum Novarum*» от 1891 г., в которой серьезно ставится вопрос об отношениях труда, капитала и государственной власти, Пия XI «*Quadragesimo Anno*», Иоанна XXIII «*Mater Et Magistra*», Иоанна Павла II «*Laborem exercense*», «*Centesimus Annus*» и некоторые другие. В качестве комментария к магистериуму автор приводит работы богословов, которые, с его точки зрения, помогают более полно раскрыть мысли энциклик и соборных постановлений.

Папа Лев XIII еще в конце XIX столетия охарактеризовал современный ему мир в негативном ключе, подчеркивая опасность поляризации общества и утверждая важную роль церкви, а также примат государственной власти. Первейшей задачей церкви он провозглашал наставление граждан на пути добродетельной жизни. Иоанн XXIII добавлял к этому нормативную задачу. Второй Ватиканский Собор, проводившийся с 1962 по 1965 г., и Иоанн Павел II описывали основную

задачу церкви как охрану подлинного, с их точки зрения, достоинства человека, поддерживающей человеческое достоинство и контроль над всем тем, что мешает улучшению условий жизни людей.

Профессор теологии Карл Хайнц Пешке основной задачей церкви в ее служении обществу называл помощь индивидам в усвоении ими социально-этических ценностей, подчеркивая необходимость как обращения к морали, так и создание справедливых хозяйственных институтов. В свою очередь к справедливым институтам, точнее, поддерживающим справедливость в обществе, Пешке отнес государство, призванное контролировать антиобщественные движения, и сильный средний класс вместе с демократическими институтами, призванными контролировать власть государства. Причем основным требованием общественной справедливости он называет стабильность денежной системы.

Однако следует подчеркнуть, что задачей церкви является забота не только о духовных, но и о материальных благах христиан, в том числе посредством нравственного воспитания личности, как утверждал Лев XIII и Иоанн XXIII. Вопрос о нравственности поднимался Львом XIII и его последователями не случайно. Как в XIX, так и в XX в., точнее, в его первой половине, антагонизм между трудом и капиталом достиг крайнего проявления. Чтобы не допустить кризиса мирового порядка посредством восстаний и революций, Святой Престол начал активно выступать с заявлениями и требованиями об относительно справедливом распределении собственности и производимых благ между двумя оформившимися общественными классами: пролетариатом в лице наемных работников и буржуазией в лице владельцев средств производства.

Как известно, в XX в. мир раскололся на две политико-экономические системы. С одной стороны, находились капиталистические страны с рыночной экономикой, основывавшейся на либеральных идеях, в том числе идее конкуренции и частной собственности, а с другой — социалистические страны с командной экономической системой, в рамках которой развивалась марксистская теория, идеализировавшая государственную собственность, особенно на средства производства. Однако, с точки зрения Льва XIII, Пия XI, Иоанна XXIII и других клириков, ни капитализм, ни социализм не смогли устранить проблему обнищания рабочего класса. Поэтому они говорят о насущной потребности формирования и развития новой социально-экономической доктрины. Иоанн-Павел II критиковал обе модели за ограничение человеческих потребностей лишь материальными благами, независимо от того, что капитализм пытался превзойти социализм большим товарным ассортиментом. Говорил он и о недопустимости

утверждения примата капитала над трудом в обеих системах, противопоставляя им общество свободного труда.

Либерализм подвергался нападкам со стороны Католической церкви вследствие того, что конкуренция способствовала укоренению сильного, особенно беспринципного, за счет более слабого, а далее из экономической сферы она переходила в сферу политическую, способствуя концентрации экономической и политической власти и угрожая суверенитету отдельных стран. Пий XI осуждал свободную конкуренцию как институт, поддерживающий насилие, и предупреждал об опасности того, что некоторые люди облекли себя слишком большой экономической властью даже не будучи собственниками, и немногие вершат судьбы всего мира. Павел VI также подчеркивал негативную сторону свободной конкуренции, в частности поляризацию доходов индивидов. Канонические философы, в частности Пешке, указывали, что власть и собственность как две стороны одной медали не всегда являются общественным злом, но становятся таковым, когда пренебрегаются требования общего блага и нравственности, а также общественные законы и процедуры их применения. Часто большая власть ведет к злоупотреблению этой властью некоторыми субъектами хозяйства, что выливается в борьбу уже не только за экономическую, но и за политическую власть, подавляющую политический плюрализм, демократию. Итогом этого становится превращение экономики полной конкуренции в экономику полного доминирования, ведущее не только к уничтожению авторитета государственной власти, которая должна заботиться об общем благе, но и к расцвету национализма, колониализма и финансового империализма.

На уровне конкретного государства капитализм и рыночный механизм в частности объявлялись не способными удовлетворить определенные общественные нужды и преодолеть отчуждение человеческого труда, возникающее вследствие удовлетворения бессмысленных потребностей и отсутствия этических ориентиров, в том числе в трудовом коллективе. Ошибочными признавались анонимный характер труда, питающий классовую борьбу, а также требование экономической свободы и вера во всемогущество рыночного механизма, что вело к игнорированию нравственности.

Конечно, церковь не ограничивалась сплошной критикой капитализма, указывая и на его прогрессивное значение, в частности, на эффективность рыночного механизма в отношении удовлетворения определенных потребностей. Пешке, ссылаясь на работу немецкого католического философа Михаэля Новака «Католическая социальная мысль и либеральные институты», подчеркивает значимость инноваций, роста уровня жизни, научно-технического прогресса и создания

условий для внедрения социальной политики. Кроме того, Пешке перечисляет такие преимущества системной функции рынка и конкуренции, как направляющая и оптимизирующая. Представитель концепции «естественного права» Йоханнес Месснер добавляет информационную и мобилизирующую функции рынка. Также Месснер указывает основную задачу конкуренции в виде поддержки равных условий для всех субъектов хозяйства и выражает беспокойство из-за нарушения этого равенства крупными компаниями через ценовые манипуляции, нацеленные на монополизацию рынков.

По словам Пешке, системная функция конкуренции, взятая со временем на вооружение социальным рыночным хозяйством и регулируемая законом спроса, заключается в предоставлении оптимальных цен и качественных характеристик товаров. Однако со временем она была нейтрализована породившим монополии либерализмом. Противостоять же монополизации экономики могут не столько законы сами по себе, сколько активные действия объединений субъектов хозяйства, сотрудничающих с государством в деле претворения законодательства в жизнь. Негативным аспектом конкуренции объявляется невозможность гарантии справедливой оплаты труда, что, правда, корректируется профсоюзами, обеспечившими право на переговоры как предпосылку этой гарантии.

Сравнивая рыночную и централизованную экономику на международном уровне, Пешке однозначно отдает предпочтение первой. Тем не менее он постулировал постепенную трансформацию капитализма в иную экономическую систему. Иоанн-Павел II, задаваясь вопросом о судьбе капиталистической системы хозяйствования, вытеснившей социалистическую систему в 1990-х гг., не мог ответить однозначно: принять ее или отвергнуть. Он указывал лишь на те элементы капитализма, которые церковь рекомендует использовать в хозяйственной практике, и те, которые отвергает.

Что касается марксистской философии, укоренившейся в социалистических странах, то, несмотря на некоторую схожесть в стремлении, клерикалы и марксисты серьезно расходились в методах и задачах того, ради чего все проводилось. Представители обеих концепций изначально преследовали цель улучшения положения рабочего класса. Однако, если марксисты предлагали изъять средства производства у предпринимателей и передать их целиком рабочим в лице правительства, представлявшего их интересы, то клерикалы были противниками таких методов хозяйствования. Последние подчеркивали, что, несмотря на то, что рабочий создает продукт определенной стоимости, он не должен присваивать себе всю эту стоимость, как писал Пий XI. Постулирует некоторое сходство концепций социального католического уче-

ния и идей социализма, Ватикан тем не менее радикально отвергал возможность соединения социалистических и канонических принципов хозяйственной философии.

Непринятие канонической философией идеологии социализма заключалось в следующем. Ватикан провозглашал, что человек создан Богом и поставлен на определенное место в этом мире, и основной задачей человека должно стать его стремление к высшему благу, к идеалу, к Богу, в том числе посредством добродетельной жизни. Конечную же цель концепции социализма Ватикан видел в построении общества потребления, не заботящегося о духовном развитии человека. Иоанн-Павел II утверждал, что социально-экономическая система социализма подчиняет себе индивида и стирает понятие личности, равно как, трансформируя систему права, отрицает частную собственность. Кроме того, критикуя общество свободного рынка за отчуждение и превращение человека в товар, марксизм не решает эту проблему, но лишь усиливает ее актуальность своей хозяйственной несостоятельностью. Классовую борьбу Папа отождествлял с милитаризмом и империализмом, использующими доктрину «тотальной войны», в том числе с гражданским населением, которая подавляет общее благо во имя индивидуального блага какой-то общественной группы. Исходными пунктами классовой борьбы и милитаризма понтифик считал атеизм и пренебрежение личностью, порождающими примат силы над разумом и правом. Подтверждение своей правоты в отношении социально-экономической несостоятельности социализма Иоанн-Павел II видел в отказе социалистических государств от марксистской идеологии естественным, мирным путем диалога, которая, в свою очередь, предлагала разрешить общественные противоречия насильно.

Однако Ватикан, ссылаясь на универсальность своего социального учения и необходимость борьбы за свободу совести, указывает на то, что упадок марксизма сам по себе не влечет за собой решения проблем несправедливости и угнетения, с которыми он боролся, вследствие сохранения тоталитаризма и авторитаризма, пропаганды утилитарных ценностей и развития религиозного фундаментализма. Вину как свободного рынка, так и социалистическому обществу, но последнему особенно, ставятся и нарушения экологии посредством чрезмерных промышленных, сельскохозяйственных и транспортных выбросов.

В XX в. понтифики Ватикана заявили о разработке и создании своей программы гармоничного развития общества. Основой такой программы они назвали социальное учение, изложенное у Льва XIII в энциклике «*Regum Novarum*».

Начало социальной работы, в данном случае — реализации социальной политики, отразилось, по утверждению Пия XI, в создании но-

вых отраслей права, в частности, трудового, которое появлялось благодаря усилиям Католической церкви в лице Льва XIII и было направлено на защиту прав рабочих, особенно женщин и детей. Дальнейшая разработка социальной сферы привела к утверждению Ватиканом определенных экономических принципов, особенно для домохозяйств, посредством чего, кроме прочего, решалась бы проблема депролетаризации общества: бережливость и разумное управление нажитым имуществом. Внедрение данных принципов в хозяйственную практику позволяло рабочему классу, с точки зрения Ватикана, подняться на более высокий уровень жизни, что достигалось не только через бережливость и хозяйственное усердие, но и через участие работников в управлении фирмами, а также в распределении прибылей фирм в том числе через покупку акций. Позже Иоанн-Павел II, развивая идею бережливости, предлагал строить потребление, а вместе с ним сбережение и инвестирование, на примате совместного развития индивидов, а не на эгоистическом улучшении жизненных кондиций.

Пешке также замечал, что экономика или хозяйственный порядок не провозглашались конечной целью развития общества, но считались мостом к более высоким ценностям, что делает эту сферу достаточно важной. В свою очередь у экономики есть две цели: ближайшая и высшая. Первая связана с удовлетворением насущных потребностей на обозримое будущее, а вторая — с формированием духовного стержня общества.

В связи с вышеизложенными идеями встает вопрос о том, кто будет должным образом внедрять данные принципы в хозяйственную практику. Каноническая философия хозяйства наделяет таким правом государство, точнее, правительство, которое должно снимать возникающие противоречия между классами и проводить политику, направленную на объединение интересов всех субъектов хозяйства, стремясь к максимизации общего блага. Пий XI предложил основополагающий экономический императив, в соответствии с которым правительству рекомендуется создание модели регулируемой рыночной экономики с социальной направленностью, ограничивающей негативные проявления свободной конкуренции, — модели, которая сегодня принята многими странами мира, в том числе странами Евросоюза, в частности Германией, а также Россией. Используя социально-экономическое учение Ватикана, западные исследователи-теологи, в частности Эмиль Мулер, разрабатывали концепцию «серединного пути» развития хозяйства, которая могла бы объединить положительные стороны рыночной и централизованной экономических систем, т. е. капитализма и социализма. Базисом такого «третьего пути» развития хозяйства, с точки зрения канонических экономистов, должна была стать концеп-

ция «общего блага», балансирующая интересы основных субъектов хозяйства и общественных институтов на основе принципа распределительной справедливости. Так, Ватикан настаивал на том, что плодотворная хозяйственная жизнь общества возможна лишь тогда, когда в социальном организме, как называл общество Пий XI, должным образом взаимодействуют все отрасли, рынки и субъекты хозяйства так, что в результате этого каждый член общества, в частности домохозяйства, делая вклад в благополучие целого, получает все необходимые материальные и духовные блага для себя и своих близких.

Однако каноническая философия хозяйства долгое время оставалась реакцией церкви на конкретные экономические проблемы. Незадолго до начала Второго Ватиканского собора западногерманский исследователь Манфред Хэттих писал, что внутри католической социальной науки до сих пор не сложилось никакой единой, целостной концепции для конкретного экономического строя, которую можно было бы однозначно назвать католическим социальным учением. Такой же точки зрения придерживались и восточногерманские исследователи Гарри Майер и Петер Штир. Более того, Второй Ватиканский собор указывал на то, что церковь вовсе не должна была основываться или придерживаться какой-то общественно-политической системы, ибо ее задача — забота о человеке, об индивидуумах.

Тем не менее, к концу 1980-х гг. Иоанн-Павел II уже вводит в оборот выражение «Социальная доктрина Церкви» как совокупность ответов на вопросы, волнующие церковь и общество, не отождествляя пока эту доктрину с «серединым путем» хозяйственного развития, а относя ее больше к нравственному богословию. В начале 1990-х гг. понтифик развивал концепцию, согласно которой за церковь оставалась лишь роль хозяйственного консультанта, предлагавшего свое социальное учение в качестве основы для расстановки ориентиров в социально-экономическом развитии общества. К таким ориентирам можно отнести плюсы рыночного механизма и предпринимательскую способность, направленные на созидание общего блага, уважение достоинства работников и их активное участие в деятельности предприятия, всестороннее развитие личности в трудовом процессе. В конце 1990-х Папа настаивал на том, что церковь не является источником или адептом какой-либо философии, поскольку философские методы ограничены светом человеческого разума, в то время как богословие строится на Божественном Откровении, добавляя при этом то, что философия не может идти вразрез с богословием. Но поскольку мы рассматриваем аспекты хозяйственной жизни индивида и общества с утилитарной точки зрения, то считаем, что вправе сузить богословский подход до философского. Иными словами, мы применяем некоторую

абстракцию, так как экономические методы не позволяют нам увести анализ в сферу трансцендентного, что дает нам возможность вести речь о социальной доктрине, или учении церкви, как о канонической хозяйственной философии, которую церковь предлагает, но не навязывает обществу.

Подобные рассуждения мы находим у католических богословов, в частности у Пешке, который пишет, что, несмотря на отрицание идейных платформ определенных политико-экономических систем, церковь существовала в их рамках и предлагала программы гармонизации политических и экономических стратегий с нравственными ценностями, не беря, однако, на себя их реализацию, поскольку задачей церкви не является предписание выбора конкретных систем хозяйствования.

В настоящее время социально-экономическое учение современной канонической философии в западной философской среде известно под такими названиями, как «социал-органическое» (Шиллинг), «социальная демократия» (Месснер), «солидаризм» (Гарри и Штир), а в советской историографии — как «социальный католицизм» или «социально-католическое учение» (И.И. Штерн).

Итак, выходом в свет энциклики Льва XIII «*Rerum Novarum*» Католическая церковь датирует начало разработки социально-экономической доктрины, что, на взгляд автора, означает начало формирования современной канонической философии хозяйства. Основной идеей поступательного развития современного хозяйства каноническая философия в лице изначально Католической церкви считает необходимым гармоничное соединение труда и капитала при направляющей роли государства и созидающей моральной стержень субъектов хозяйства ролью церкви. Причем подобное соединение должно основываться на всеобщей ответственности и уважении интересов друг друга, что позволит каждому субъекту хозяйства, делающему соответствующий вклад в развитие всего общества, пользоваться благами, которое это общество производит.

Л.Р. БАТУКОВА

**Концепция модернизации:
выявление системно-генетической основы
как приоритетного объекта управления развитием**

Аннотация. В статье рассматривается основополагающий методологический аспект формирования модернизационного проекта: подходы к формированию целей проекта. Также в развитие исследований С.А. Подолинского обосновывается, что система труда общества является системно-генетической основой его развития. Предпринята попытка обосновать, что поскольку системно-генетической основой развития социально-экономической системы общества является система труда, то и основным объектом управления модернизационного проекта должна быть именно система труда общества, ее структура и механизмы саморазвития.

Ключевые слова: модернизация, модернизационный проект, социально-экономическая система, системно-генетическая основа развития социально-экономических систем, система труда.

Abstract. In the article it is considered basic methodological aspect of formation the modernization project: approaches to formation of the project purposes. Also in development of researches of S.A. Podolinskiy it is proved that the labor system of a society is a system-genetic basis of its development. In the article the author undertakes attempt to prove that as a system-genetic basis of social-economic system development of a society is the labor system also the basic object of modernization project management there should be a labor system of a society, its structure and self-development mechanisms.

Keywords: modernization, the modernization project, social-economic system, a system-genetic basis of development of social-economic systems, labor system.

Сложности в модернизации социально-экономической системы, которые испытывают в настоящее время российское общество, отчасти связаны с недостаточной зрелостью политической системы. Но наряду с этим, а, может, и более значимой, является нерешенность вопроса о методологической основе концепции модернизационного проекта России, его основном объекте и целях. И как следствие — нерешенность вопроса о выборе механизмов реализации модернизации и проблемы привлечения ресурсов. Нерешенность указанных — по существу концептуальных — проблем формирует базу для всевозможных перегибов и упущений. Ведь если нет четкой позиции по системообразующим

аспектам, то всегда имеется широкое поле для разного рода спекуляций.

Поэтому, прежде чем осуществлять модернизационные преобразования, необходимо четко ответить на концептуальном уровне на следующие вопросы: что такое модернизационный проект России? в чем его основная суть? какова основная социально-экономическая цель модернизационного проекта? что есть основной объект модернизации сегодня, на начальном этапе (ведь модернизировать сразу все — это все равно что ничего)?

В настоящее время, пользуясь тем, что модернизация — понятие комплексное [1; 2], многие авторы называют свои проекты «модернизационными», «инновационными», поскольку это открывает более простой путь к их продвижению. Но совершенно очевиден тот факт, что без системного подхода к данному вопросу финансы будут использованы не эффективно, а время и усилия потрачены зря. Каждый из конкретных, целевых проектов должен быть не просто хорош сам по себе. Он должен быть частью единого комплекса мер по реорганизации социально-экономической системы. И не просто частью, решающей какие-то частные проблемы, он должен работать на основную идею данного проекта, он должен входить в иерархию целей модернизационного проекта России и реализовываться на ее основе.

Таким образом, принципиальным является вопрос о цели проекта модернизации и подходах к ее формированию. К решению вопроса об определении цели любого социально-экономического проекта теоретически можно подойти на основе двух различных подходов. Первый и наиболее распространенный подход является по своей сути «реактивным». Он заключается в том, что основная идея, или цель, проекта формируется как реакция на сложившиеся обстоятельства. Соответственно и проект является реактивным. Поводом для формирования таких проектов служат, как правило, излишне обострившиеся проблемы и необходимость их скорейшего если не решения, то предотвращения разрастания, а также превентивные меры по предотвращению различных видов угроз: социально-экономических, политических, экологических, социокультурных и пр. Здесь важны предотвращение дезинтеграции системы и возвращение ее в более или менее стабильное состояние. Проекты, сформированные на основе данного подхода, не должны рассматриваться как проекты модернизационного значения, хотя они, безусловно, должны быть предусмотрены в рамках комплексной модернизации и обеспечивать устойчивость всей системы. Но нельзя возлагать на них ответственность за результаты модернизации. Проекты, сформированные на основе данного подхода, необхо-

димы в кризисных и предкризисных ситуациях, угрожающих жизни системы, ее единству. И это надо четко понимать.

К великому сожалению, подавляющая часть проектов в России сегодня сформирована именно на основе данного подхода. Само по себе наличие данных проектов — это хорошо и нормально. Плохо то, что они составляют подавляющую часть всех проектов, продвигаемых в рамках модернизационной инициативы. Сюда следует отнести и Сочинский и Далневосточный проекты, и проекты Восточной Сибири, это и проект по реформе среднего и высшего образования и пенсионного обеспечения, и многие другие. Основная цель данных проектов, которую они действительно решают, — это ликвидация наиболее острых проблем и повышение общей устойчивости системы. Но они не закладывают принципиально новых механизмов функционирования социально-экономической системы ни на уровне всей России, ни на местном уровне. Когда в Сочи и на Дальний Восток перестанут поступать целевые федеральные деньги, механизмы функционирования вновь созданных социально-экономических систем придут в соответствие с общероссийскими нормами. Не следует ожидать, что подходы сочинского бизнеса и власти к решению проблем после проведения Олимпиады-2014 будут принципиально «на европейский лад» отличаться от подходов, принятых здесь ранее, а населению будет жить легче от того, что улучшилась инфраструктура. С улучшением инфраструктуры одни проблемы уйдут, а другие придут. И не факт, что те, которые возникнут вновь, не будут еще тяжелее, чем прежние.

Другой подход является подходом «системного воздействия» — назовем его так условно. Он заключается в том, чтобы проанализировать механизм работы социально-экономической системы в целом и выявить основную подсистему, которая задает тон формированию и развитию всей системы высшего порядка — ее системно-генетическую основу.

Под системно-генетической основой подразумевается та подсистема общественного производства, которая как «генетический» элемент в биологических системах выполняет роль базовой подсистемы, определяющей очертания всего организма, его качественные и количественные характеристики, потенциальные возможности функционирования и развития (см.: [3; 4]).

На основе анализа системно-генетической основы социально-экономической системы, ее потенциальных возможностей, фактического состояния, ее взаимосвязей с остальными подсистемами, формируется идея о том, как она (системно-генетическая основа) должна развиваться в оптимальном варианте: какого состояния в будущем она должна достичь, как это должно повлиять на развитие сопряженных с

ней систем, какие для всего этого комплекса мер требуются ресурсы и как их можно привлечь. Такая комплексная идея и становится целью проекта системного воздействия. По своей концептуальной сути — это проект трансформации системы. Это не работа над ошибками, а именно проект созидания новой сущности заданной системы. Соответственно, все целевые проекты формируются как органическая составная часть заданного проекта системного воздействия и оцениваются относительно его целей задач.

Необходимо еще раз подчеркнуть, что первый и второй подход, несмотря на то, что они принципиально различны, в идеале не являются конкурирующими, а скорее наоборот — взаимодополняющими. Когда социально-экономическая система находится в крайне нестабильном состоянии, особенно когда ей угрожает опасность быть разрушенной — чтобы взять под контроль ситуацию, — должен быть применен первый — реактивный — подход и на его основе сформированы соответствующие целевые проекты. Когда же система стабилизирована, внешние неблагоприятные воздействия уравновешены и требуется увеличение внутреннего потенциала системы — ее развитие, то за основу должен быть взят второй подход.

Но это все теоретический, концептуальный взгляд. На практике все может обстоять иначе. Поэтому необходимо отметить, что недопустимо использовать второй подход в условиях экстренной ситуации, поскольку главное в этом случае для системы — просто сохраниться как некое единство, а не осуществлять свою трансформацию. Во время трансформации система становится более уязвима, более открыта, и неуравновешенные угрозы могут привести к ее гибели.

Точно так же недопустимо применять первый реактивный подход в той ситуации, когда требуется глубинная перестройка системы, искоренение самой основы проблем — неэффективности социально-экономических механизмов, а не борьба с их следствиями.

Проекты, сформированные на основе неверно избранного подхода, наносят вред системе. Они ведут к еще более тяжелым кризисам, чем система испытывала вначале (до их применения), поскольку их реализация уничтожает внутренние, скрытые на уровне внутриличностных, межличностных, групповых и межагентских отношений резервы системы.

Сегодня, когда речь идет о формировании глобального проекта модернизации социально-экономической системы России, без сомнения, приоритет должен быть отдан проекту системной трансформации социально-экономической системы.

Несмотря на кризис, в целом социально-экономическая система России находится в достаточно стабильном состоянии и ее проблемы

обусловлены низким уровнем внутренней эффективности. Поэтому, реактивные проекты должны занять свои позиции на втором плане — осуществлять защиту от наступающих угроз, профилактику их наступления. На первый план должны выйти проекты по системной трансформации социально-экономической системы. Это значит сегодня необходимо определиться с системно-генетической основой развития социально-экономической системы. Она является основным объектом воздействия, она определяет основные цели модернизационного проекта — проекта системного воздействия.

Многие исследователи, экономисты, ученые ставили перед собой задачу выявления и анализа развития системно-генетической основы общества. При этом в качестве системно-генетической основы рассматривались самые различные подсистемы.

Сегодня, учитывая опыт исторического и научного развития общества, представляется перспективным рассмотреть в качестве системно-генетической основы *систему общественного труда в контексте идей С.А. Подолинского* [5].

Оригинальность и значимость подхода С.А. Подолинского заключается в том, что он обосновал необходимость исследования общественного труда на естественнонаучной основе. Анализируя развитие труда с указанных позиций, Подолинский раскрывает глубинную связь человеческого сообщества со средой его обитания — как в прошлом, так и в будущем — и указывает на естественные механизмы развития социально-экономической системы. Его подход к пониманию труда позволяет увязать на объективной основе естественные законы природы с законами социально-экономического развития человеческого сообщества. Это принципиальное достижение указанного подхода.

Определения труда у Подолинского опираются на понятие *энергийного*⁷ бюджета, которое не является широко применимым в настоящее время и поэтому требует также некоторых пояснений. Энергийным бюджетом, по определению С.А. Подолинского, является тот фонд энергии, который доступен человеческому сообществу для использования в данный конкретный момент времени. В него входят из числа всей потенциально доступной человеческому сообществу энергии только фактически доступные формы и виды энергии.

Энергийный бюджет формируется из энергии естественной среды обитания, доступной человеку практически без затрат труда, и энергии, ставшей доступной вследствие воздействия труда человеческого сообщества на среду обитания и на само себя. Последняя, по существу, становится доступной по причине преобразования энергии из потенциально доступной в фактически доступную.

---

⁷ Энергийный бюджет — понятие, введенное С.А. Подолинским [5, 23].

Энергийный бюджет человеческого сообщества можно увеличить двумя способами: расширяя бюджетную базу и экономя бюджетные средства.

Расширение бюджетной базы возможно путем перевода потенциально имеющихся энергийных ресурсов в фактически используемые. Например, использование ранее неиспользуемой солнечной энергии, энергии ветра и воды, электроэнергии недр земли, энергии углеводородов глубокого залегания, и прочих ресурсов, ранее недоступных людям. Сюда же следует отнести создание новых материалов, и продуктов потребления из них. Экономия *энергийного* бюджета достигается за счет повышения коэффициента полезного действия (КПД) создаваемых человеком предметов потребления, механизмов и ресурсосберегающих технологий на всех уровнях жизнедеятельности, за счет совершенствования навыков жизни и труда самого человека и объединений людей. Основным инструментом по увеличению энергийного бюджетного фонда, доступного людям, Подолинский назвал труд.

Понятие системы труда можно представить в следующем виде: система труда как экономическая категория представляет собой самоорганизующуюся систему энергийных потоков, которые генерируются в ходе трудовой деятельности людей и направлены на пополнение базы энергийного бюджета и ее увеличение, совершенствование самой системы труда и прочих социальных взаимодействий. Постоянное совершенствование системных взаимодействий внутри человеческого сообщества удерживает его от дезинтеграции, несмотря на противоречия развития, а также позволяет ему развиваться, превращаясь в систему более высокого уровня организации, способную еще более эффективно извлекать энергию для своих нужд из среды обитания.

Возвращаясь к вопросу о предстоящей в России модернизации, следует отметить, что, поскольку системно-генетической основой развития является система общественного труда, то и основным объектом, на котором следует сосредоточить усилия, является именно система труда. Поскольку система труда является структурно сложной, но в то же время саморазвивающейся системой, то очевидно, что в основе стратегии модернизации должны лежать две основные цели. Во-первых, это формирование новой, более совершенной концепции системы труда, которую мы (общество) желаем иметь в будущем (в контексте естественных законов развития системы труда человеческого сообщества в целом). Во-вторых, это формирование механизмов трансформации имеющейся сегодня системы труда в соответствии с данной концепцией, доступными ресурсами и законами саморазвития системы. Это обеспечит и необходимую концентрацию усилий управления на конкретных целях, и необходимую базу для формирования идеологического оформления модернизационного проекта.

Литература

1. Модернизация // Большой экономический словарь. М., 2007.
2. Штомпка П. Социология социальных изменений. М., 2007.
3. Батукова Л.Р. Циклическая динамика социально-экономических систем: анализ методологической платформы // Вопросы методологии, теории и практики в формировании стратегии развития социально-экономического и технического потенциала предприятий, отраслей. Пенза, 2010.
4. Батукова Л.Р. Анализ теоретических подходов к оценке циклическости развития экономики // Современные проблемы российской экономики: Тр. межрег. науч.-практич. конф. студ., аспирант., науч. и практич. работн. Красноярск, 2010.
5. Мыслители Отечества. Подолинский Сергей Андреевич. М., 1991.

Д.В. ПОЛЕЖАЕВ

Трудовая установка русского менталитета: опыт социально-философского осмысления

Аннотация. В феномене менталитета, понимаемого как система установок, автором выделяется трудовая установка. Она связана с особенностями восприятия оценки труда и поведения в его отношении как отдельного индивида, так и сообщества людей. Современный русский аспект трудовой установки задается общим пространством наличной культуры России.

Ключевые слова: русский менталитет, феномен труда, трудовая установка, национальная идентичность, восприятие, оценка, поведение.

Abstract. The author allocates labor installation in the phenomenon of mentality, which he understands as a system of installations. It is connected with peculiarities of perception, estimation of work and behavior in its relation of either separate individual or community of people. The modern Russian aspect of labor installation is set by general space of Russian cash culture.

Keywords: Russian mentality, phenomenon of labor, labor installation, national identity, perception, estimation, behavior.

Современная социально-экономическая ситуация может быть охарактеризована в зависимости от авторской позиции и сферы исследовательских интересов по-разному: от не критически восторженной поддержки неустойчивого нового развития экономики до негативно отрицающего неприятия. Философское осмысление предполагает учет этих крайних и иных точек зрения при понимании необходимости детерминации основного вектора развития современной России с соответствующим развитием экономики, права, политики, культуры. Это важно в условиях изменяющейся социальной, культурной, политической, экономической, демографической ситуации с учетом мировых тенденций глобального информационного мира.

Сегодня продолжают актуализироваться исследования ментальных феноменов: требования изменения русского менталитета звучат как в заявлениях российских политиков, экономистов, педагогов, так и в повседневном общении россиян. Понятно, что без четкого знания структуры и особенностей русского менталитета направленная модернизация общества и государства не представляется возможной, поскольку кардинальные реформы — это всегда фундаментальные изменения основ жизни народа, связанные с его ценностными ориентациями, представлениями, нормами, сложившимися убеждениями и стереотипами.

Ментальные особенности, проявляясь в индивидуальной психике и поведении людей как некие «константы», формируют базу идентичности человека в условиях определенного этноса, социума и исторического времени. Необходимость акцентуации внимания не на обыденном, а на научном понимании феномена менталитета заставляет нас особо обозначить авторское определение менталитета, продолжая линию категориально-понятийного обоснования нашей концепции⁸. Менталитет рассматривается нами как устойчивая во «времени большой длительности» (Ф. Бродель) система внутренних глубинно-психических социокультурных установок общества, формирующаяся и изменяющаяся как под влиянием внешних воздействий, так и путем внутренне обусловленного саморазвития, и функционирующая на уровне *внесознательного*.

Система ментальных установок структурируется на социокультурные (аксиологические) и глубинно-психические (функциональные). Социокультурные установки образуют ценностный ряд, глубинно-психические детерминируют деятельностный аспект менталитета. В основу работы «ментальных механизмов» положены три основные

---

⁸ Подробнее на данном аспекте исследования менталитета мы останавливались ранее (см.: [1, 496—501; 2, 123—128]).

функциональные установки: восприятия (когнитивный элемент), оценки (аффект) и поведения (деятельностный компонент), которые представляют собой своеобразную глубинно-психическую «вертикаль».

Установка *восприятия* относится к числу наиболее общих социально-психологических механизмов, незначительно изменяющихся даже при направленном внешнем воздействии. Установка *оценки*, которая влияет на процесс отбора («фильтрации») внешней информации, тесно связана с господствующими в обществе ценностями, ориентациями, нормами и принципами социально приемлемого поведения. Установка *поведения* (деятельностный аспект социальной установки) зависит от результатов формирования установки оценки. На поведенческом этапе различия в менталитетах оказываются наиболее заметными и существенными.

Социальная установка функционирует наряду с интересом, целью, потребностью. Она формируется на основе единства определенных внутренних и внешних факторов и, в свою очередь, кладется в основу конкретного социального поведения человека, для полноценной реализации которого требуется взаимосвязь индивидуальных психических особенностей со сложившимися нормами жизнедеятельности социальных групп.

Д.Н. Узнадзе утверждает, что установки могут, минуя процесс осознания, переходить «в достояние людей *в виде готовых формул*, не требующих более непосредственного участия процессов объективации. Опыт и образование являются источниками такого рода формул» [3, 206]. В социальной философии актуализирован ряд социально-культурных установок менталитета, имеющих особенное воплощение в пространстве русской культуры. Ментальные особенности проявляются в слиянии функциональных установок с социально-культурными, которые могут быть представлены в виде ценностного ряда — прирастающего с развитием человеческой цивилизации эшелона культурных сфер. К ним относятся религиозная, правовая, государственная, нравственная, природная, эстетическая, трудовая (в социальном протяжении — хозяйственно-экономическая), языковая, семейная, национальная и другие установки.

Трудовая установка занимает важное место в ментальном пространстве русской культуры, определяя социальную направленность деятельности индивида и сообщества. Социальное значение трудовой активности индивида и сообщества проявляется в различных аспектах. Например, профессиональное самоопределение человека означает возможность его последовательной и успешной социализации в социальном окружении национального сообщества и глобального мира (см.: [4, 65—75]). Поиску своего места занятости в пространстве

трудовых отношений предшествует ориентация в мире профессий и сферах занятости.

Профессиональная ориентация как система направленных педагогических действий необходимо дополняется индивидуальной трудовой *потребностью* субъекта, личностным *целеполаганием*, основанным на интересе. Социальная направленность трудовых интересов индивида формируется под воздействием социальных условий, ближайшего социального окружения (прежде всего — семьи), педагогических техник и технологий образования и других субъектов. Это взаимодействие порождает внутреннюю активность, принимаемую как собственная осознанная внутренняя позиция.

А.А. Мигولاتев называет потребность человека в труде в числе основных естественных потребностей, поскольку именно в процессе труда человек «собственной деятельностью опосредует, регулирует и контролирует обмен веществ между собой и природой» [5, 48]. Представление о труде в социальном протязении позволяет говорить о том, что в его процессе индивид осваивает окружающий его предметно-вещный мир и развивает собственные внутренние свойства и качества. Потребность в труде реализуется человеком в условиях развития соперничества, конкуренции субъектов трудовой деятельности наряду с обменом наработанным опытом между ними, взаимным обогащением знаниями, навыками, приемами труда и компетенциями.

Важным трудовым аспектом социализации человека признается сегодня, в рамках известного культурного сближения российской и европейской систем образования, направленное развитие продуктивной компетентности человека. Под продуктивной компетентностью понимается: способность индивида производить конкретный продукт, получая некоторый результат деятельности (измеряемый с позиций тех или иных критериев), который могут использовать другие; ответственность индивида за планирование, ход и результаты труда, что придает осознанный характер конкретным действиям; способность материально обеспечивать себя и близких средствами к существованию, «умение работать и зарабатывать» (см.: [6, 12—22; 7, 10—12]). Это понимание в значительной степени развертывает содержание трудовой установки менталитета в рамках наличной культуры современного российского социума.

Важно помнить, что социально-экономическое многообразие как системный фактор способствует гиперразнообразию личностных позиций политико-правового, социально-экономического, научного и культурного характера. Переходная экономика России, о характерных чертах и трудностях освоения которой говорили многие авторы относительно недавно (см.: [8; 9]), продолжает свое становление и в на-

стоящее время. На смену деструктивному этапу социальных преобразований, породившему (или, точнее, отразившему в себе) ситуацию социально-культурного кризиса, особо ярко проявившемуся в конце 1990-х гг. в России, пришел этап конструктивный, устроительный, что не отрицает, впрочем, продолжения поиска форм реализации социально-экономических запросов и ответов на угрозы и вызовы глобальной цивилизации.

Этот поиск новых форм социально-экономического, политического, профессионального и правового устройства обременен не только в социальные (не только по значимости, но и по масштабу) формы; он весьма значим и на индивидуально-личностном уровне. Социально-экономическая ситуация общества диктует необходимость социально-культурной адаптации к новым условиям тех или иных социальных групп, профессиональных объединений и отдельного человека, субъекта общественно-экономических отношений. Так, низкая оплата труда, угроза безработицы и последующего изменения социального статуса и уровня жизни субъекта интенсифицируют социально-профессиональную мобильность заинтересованных групп и слоев населения. Эта мобильность в качестве результата предполагает и изменение ментальных установок индивида и сообщества, ценностного плана жизнедеятельности субъектов. Пришедший на смену коллективному интересу индивидуальный эгоизм (не в подавляющем большинстве населения России, но, во всяком случае, у значительной части представителей молодого, «постсоветского» поколения) выступает как характерная черта современности, артикулирующая некоторые проявления ментальной динамики.

Вместе с тем гипериндивидуализация жизни не является окончательным и необратимым процессом. В порядке выстраивания некоторых прогностических моделей развития А.Т. Хлопьев отмечал, что преодоление отчуждения между людьми, группами населения интенсифицируется успехами в формировании нового экономического уклада, эффективностью производства, улучшением материального положения. «На базе произошедшей дифференциации, — заметил он, — в обществе начинаются процессы социальной интеграции системы» [10, 24—37]. Смена социально-экономического уклада, которая произошла одновременно с изменением общественно-политического устройства страны, привела к продолжающемуся сегодня поиску и утверждению новых экономических отношений, созданию предпринимательских и торгово-финансовых структур, формирующих новые социальные слои и группы. Формируются и новые экономические черты личности, особенности индивидуального экономического и право-

вого мышления, т. е. речь идет о вполне определенных результатах ментальной динамики.

Материальный, экономический фактор, во многом определяющий процессы социально-экономической интеграции/деинтеграции общества, решающим образом формирует отношение людей к труду, своей профессии, ближайшему окружению, включая человека и побочные формы деятельности, изменяет стандарт потребления, перестраивает систему ценностей наличной культуры.

Трудовая ориентация человека и закрепление его в пространстве социально-трудовых отношений означают не только последующую социально-бытовую его устроенность, но и устойчивость глубинно-психического, ментального плана. Осознанное отношение к трудовой активности человека, уважение к результатам своего собственного и общественного труда, вообще труда как ценностного феномена формируют общий фон трудовой ориентации в социуме, фиксируя значимый в содержательном отношении вектор трудовой установки в системе установок менталитета.

Трудовая (экономическая, или хозяйственная) установка менталитета основывается, в рамках нашей концепции, на трех функциональных проявлениях труда как феномена культуры, сущность которых заключается в нижеследующем.

Во-первых, проявление феномена труда в ментальном пространстве русской культуры связано с *восприятием* труда как культурного концепта. Что такое труд в русском национальном сознании, с чем он связан в процессе усвоения отдельным индивидом социальных ролей и какие опоры для закрепления образа труда в русском общественном сознании используются субъектами образовательно-воспитательного процесса — отдельные и достаточно сложные для обсуждения вопросы.

Важно отметить, что восприятие труда как феномена культуры, как явления повседневной жизни, как потребности и способности человека и общества зависит от многих факторов. К ним относятся, по нашему мнению, *принадлежность* индивида к той или иной социальной группе общества, к профессиональному сообществу (в связи, в том числе, с занимаемой в профессиональной иерархии местом, функционалом, компетентностью, статусом и т. п.), национальная идентичность человека — как национально-государственная (в рамках страны, нации в европейском понимании), так и национально-этническая (в рамках отдельной национальности), а также национально-региональная идентичность. Последняя объединяет в себе пространственно-географические особенности большого русского народа, представители которого в разных краях нашей страны являют собой часто

противоположные психические типы (см.: [11; 12, 71—82; 13]). К основным факторам, определяющим русское восприятие труда, относятся также гендерный, религиозный, возрастной, природно-географический и ряд других.

Во-вторых, важной с точки зрения осмысления труда как ментальной установки феномена культуры выступает *оценка* концепта труда в пространстве русской цивилизации (с учетом ранее указанных особенностей его восприятия — на предыдущем этапе ментальной «работы»). Это проявление труда невозможно зафиксировать однозначно раз и навсегда в данном значении, поскольку оно зависит от наличной системы ценностей конкретного субъекта в данном конкретном времени и в определенных обстоятельствах.

Важно уточнить, что оценивается не только труд сам по себе как некий абстрактный феномен. Оценивается (через призму первого этапа «работы» менталитета) активность в реализации тех или иных видов деятельности или пассивность субъекта (индивида или ментального сообщества). Существенным является понимание того, какой вид деятельности оценивается в ментальном пространстве в тот или иной (исторически конкретный) момент: физическая, духовная, умственная (интеллектуальная) и др. В различные исторические периоды в различных социальных группах интеллектуальная, физическая и духовная работа того или иного индивида могут быть разно оцененными.

Процесс социально-индивидуального оценивания зависит от наличной системы ценностей, т. е. осуществляемых официально формально идеологических социальных мер, предъявляемых требований и т. п. Полагаем необходимым подчеркнуть проблему исторической динамики идеологических норм и ценностей, а также ментальных установок, которые менее значительно, но изменяются в течение длительного исторического времени.

В-третьих, существенным элементом проявления трудовой установки в ментальном пространстве русской культуры является *деятельностный* компонент коллективной психики в отношении феномена труда. Известно, на уровне общих рассуждений, русское отношение к труду как к необходимо обязательной, но не связанной с внутренними потребностями индивида сфере бытия человека. Однако известны и представления о русском трудолюбии, которые имеют не меньше оснований для существования. Не следует сверходнозначно утверждать, что русская трудовая установка как составляющая менталитета сформирована когда-то раз и навсегда и только в одной фиксированной форме.

Русская трудовая установка зафиксирована в конкретном историческом пространстве российской цивилизации, поэтому ментальные фе-

номены не могут быть изменены сколько-нибудь значительным образом в течение исторически малого времени (см., напр.: [14, 103—104; 15, 118—119; 16]). Поэтому имеющиеся сегодня место заявления о смене менталитета не представляются обоснованными, поскольку оперируют «должным», а не «сущим». Совмещение этого долженствования с потребностями и возможностями русской цивилизации должно иметь в качестве научной опоры ментальный подход осмысления внесознательных процессов социально-индивидуального плана. Это — вопрос существования труда не только как феномена культуры, особого элемента системы ценностей индивида и сообщества, но и как ментального феномена, непрерывно самоактуализирующегося в пространстве русской цивилизации.

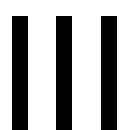
Ментальное осмысление феномена труда предоставляет исследователям целый ряд возможностей аспектного его изучения. С определенной смысловой натяжкой можно объединить (или, точнее, сопоставить) труд с деятельностью, поведением (в определенном понимании феномена деятельности человека), поступками, хотя каждое из приведенных понятий представляет собой отдельный феномен. Тем не менее, помещение их (и ряда других) в ментальное поле русской цивилизации, совмещение их между собой в пространстве ментального подхода дают возможность обозначить целый ряд проблемных узлов категориально-понятийного и феноменологического плана, необходимо нуждающихся в социально-философском осмыслении и изучении его с общих позиций современного российского социально-гуманитарного знания.

Ментальные глубинно-психические социально-культурные установки, выступая преориентационной основой национального самосознания, становящегося в пространстве современного российского социума, задают определенные ориентиры динамики экономического правосознания в условиях изменяющейся социальной, культурной, политической, экономической, демографической ситуации, функционируют в пространстве наличной культуры социума с учетом мировых тенденций глобального информационного мира.

Литература

1. *Полежаев Д.В.* Феномен менталитета в социально-гуманитарном знании: историографические заметки // *Личность. Культура. Общество.* 2009. Т. XI. Вып. 2.
2. *Полежаев Д.В.* Менталитет как система установок: функциональное и ценностное измерения // *Научные проблемы гуманитарных исследований.* Пятигорск, 2009. Вып. 4.

3. *Узнадзе Д.Н.* Экспериментальные основы психологии установки // Узнадзе Д.Н. Психология установки. СПб., 2001.
4. *Гершунский Б.С.* Философия образования для XXI века (В поисках практико-ориентированных образовательных концепций). М., 1998.
5. *Мигولاتьев А.А.* О человеческих потребностях // Социально-политический журнал. 1998. № 6.
6. *Лиферов А.П.* Новая российская ментальность как инновационный ресурс модернизации образования // Педагогика. 2007. № 2.
7. Российское образование и тенденции мирового развития // Концепция модернизации российского образования на период до 2010 года. М., 2002.
8. *Балабанов И.Т.* Риск-менеджмент. М., 1996.
9. *Голуб Н.И.* Причины потребительских рисков // Социально-гуманитарные знания. 1999. № 5.
10. *Хлопьев А.Т.* Трансформация социальной структуры российского общества // Социально-политический журнал. 1995. № 3.
11. *Гачев Г.Д.* Национальные образы мира: Америка в сравнении с Россией и Славянством. М., 1997.
12. Русская история и русский характер: Матер. межд. конф.: В 3 т. Т. 3. СПб., 2002.
13. Этнодемографические факторы национальной безопасности России: Матер. межд. науч. конф. (25 янв. 2008 г.). СПб., 2008.
14. *Казин А.Л.* Русская цивилизация как ценностный парадокс // Мир в III тысячелетии. Диалог мировоззрений: Матер. V всерос. науч.-богослов. симп. Н. Новгород, 1999.
15. *Маслов В.Ф.* Исторический процесс и русская цивилизация // Новая Россия: духовность, гражданственность, возрождение: Матер. всерос. науч. конф. (29—31 мая 2000 г.). Краснодар, 2000.
16. *Платонов О.А.* Русская цивилизация. М., 1995.

**АКТУАЛЬНАЯ
СОЦИОЛОГИЯ**

А.Л. АНДРЕЕВ

Парадигма модернизации в российской ментальности*

Аннотация. В статье на основе данных социологических исследований рассматриваются взгляды россиян на проблему модернизации страны. Основное внимание уделяется отношению россиян к западной модели развития.

Ключевые слова: модернизация, идентичность, инновационная модель развития, международное сотрудничество, национальный менталитет.

Abstract. The article is founded on the data of sociological investigations and considers the popular views concerning the ways of Russian modernization. The main attention is paid to the relation of the population to the Western model of development.

Keywords: modernization, identity, innovative pattern of development, international collaboration, national mentality.

Характерной особенностью российской истории стали периодические срывы модернизации, мощные откаты назад, приводящие к варварскому уничтожению ресурсов и аннулированию достижений. Несмотря на это, российское общество в полной мере сохраняет тот интегральный социально-психологический импульс, который можно назвать *волей к модернизации*. И это проявляется отнюдь не только в речах высокопоставленных правительственных чиновников и в официозных публикациях, но и в общей направленности массового сознания (которая, кстати говоря, на протяжении достаточно длительного времени демонстрирует достаточно большую независимость от транслируемых сверху установок вплоть до полного их неприятия). Исходя из данных, полученных в результате целого ряда социологических исследований, можно вполне уверенно утверждать, что *модернизация является национальной целью, способной объединить (да и реально объединяющей) большинство россиян*. И несмотря на то, что достижения современной России в плане социально-экономического развития достаточно скромны, ее граждане в целом оптимистично воспринимают перспективы модернизации: значительное большинство россиян сходится на том, что процесс модернизации выведет страну на новый, су-

---

* Статья написана при поддержке ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России». Проект НК-582П-60.

щественно более высокий, чем в прошлом и настоящем, уровень развития и благосостояния и лишь один из каждых 5 — 6 опрошенных совсем не верит в позитивные результаты российской модернизации или считает, что ее эффект скажется не раньше, чем нынешняя молодежь приблизится к предпенсионному и пенсионному возрасту.

Другой вопрос, *как именно* должна осуществляться модернизация. В рамках традиционных подходов к данному процессу такой вопрос обычно не ставился. Предполагалось, что модернизация должна пониматься как линейное движение, направленное на последовательное приближение к некоему универсальному образцу. Однако при более внимательном анализе становится ясно, что рассматриваемый процесс вариативен. Современный мир слишком сложен и многообразен, причем, в отличие от эпохи раннего и классического капитализма, это многообразие невозможно уложить в незамысловатую оппозицию «цивилизованных» и «нецивилизованных» стран и народов. Не будем увлекаться в этой связи некоторыми получившими довольно широкий резонанс теориями радикального толка, вроде предложенной Д. Чакрабартти концепции «провинциализации Европы». Но ясно, что без признания того, что «современное» многовариантно, а значит, разные модели модернизации являются одинаково правомерными, в постколониальном мире XXI столетия уже не обойтись.

При такой постановке вопроса содержание понятия «модернизация» не может уже считаться само собой разумеющимся. В частности, принципиально важно понять, что же думает по этому поводу население России и *что именно* россияне согласились бы признать за модернизацию. Попробуем ответить на этот вопрос, опираясь на данные социологических опросов, проводившихся в 2010 г. Институтом социологии РАН.

Анализируя полученные в ходе этих опросов массивы данных, нетрудно заметить, что мнения населения по поводу модернизации отличаются сильной социальной окрашенностью. В этом отношении они, пожалуй, в немалой мере расходятся с неолиберальным в своей основе менталитетом политических и финансовых элит, задающих направление происходящих в стране процессов при помощи рычагов административного управления, регулирования финансовых потоков и конструирования политических дискурсов. Так, по данным опроса, проведенного Институтом социологии РАН весной 2010 г., фетиш нынешней российской элиты — амбициозную связку так называемой инновационной экономики с наращиванием силы и могущества государства — включили в число самых важных идей модернизации менее четверти наших респондентов. Это всего лишь 4—5-е места в общем рейтинге приоритетов. Идущие с Запада либеральные идеологемы демократического обновления общества, расширения возможностей свободно-

го предпринимательства и развития конкуренции получили еще меньшую поддержку — как, впрочем, и все то, что можно отнести к ценностному спектру националистически-имперского сознания (укрепление державной мощи, восстановление традиционных русских ценностей и др.). На 1-е же места в глазах россиян вышли куда более простые требования, выполнение которых, однако, российским властям плохо дается, несмотря на многочисленные заверения и громкие кампании по «наведению порядка». Самое первое из этих требований — обеспечение реального равенства граждан перед законом. Его выдвинули на первый план свыше 40% опрошенных. На 2-м месте — борьба с коррупцией, которую назвали почти 38% участников опроса. Все это — «азбучные» буржуазно-демократические задачи самых первых этапов модернизации, борьба за решение которых в Европе и Америке пришлось на период с начала XVII — до середины XX в. В России же они все еще чрезвычайно актуальны.

Описанная нами только что иерархия приоритетов устойчиво поддерживается на протяжении по крайней мере полутора десятилетий. Причем — что также очень важно — практически во всех основных социально-демографических группах, хотя значения индикаторов и пропорции, в которых они соотносятся друг с другом, конечно, варьируются. Так, роль социальной справедливости заметно усиливается с возрастом — с 27% у самых молодых до почти 38% у тех, кому перевалило за 60. Зависимость от возраста оценки инновационной экономики сложнее: весомость этого фактора достигает максимума (30% опрошенных) в возрастных когортах 31—40 и 41—50 лет. Это как раз те, чья юность и молодость пришлось на годы перехода к рыночной экономике. После 50 соответствующая цифра сильно снижается и после 60 лет падает до 11%. Надо заметить, что вопреки нашим ожиданиям, самые молодые россияне примкнули в этом вопросе не к 30 — 40-летним, а скорее, к 50-летним. Зато в поддержку инновационной экономики решительно высказывается наиболее образованная часть россиян. Так, среди технической интеллигенции, а также лиц с двумя высшими образованиями или ученой степенью соответствующий индикатор достигает значения 35%. Россияне с высшим образованием — единственная массовая социальная группа, в глазах которой инновационная экономика важнее, чем социальная справедливость (причем перепад значений по разным ее подгруппам велик — 2—2,5 раза и более). Понятно, что этот результат вполне объясним. Чего не скажешь, однако, о распределении мнений по типам поселений. Как это ни странно, крупнейшие города с численностью населения свыше 1 млн, в том числе и мегаполисы, которые в глазах многих россиян выглядят образцом «современности», отнюдь не лидируют в плане модернизационных устремлений в том либеральном их понимании, которое в

настоящее время доминирует в политических кругах и СМИ. В частности, здесь примерно в 1,5 раза реже, чем в среднем по выборке, выдвигают на первый план создание инновационной экономики, а также расширение возможностей предпринимательства и развитие конкуренции. Наиболее же высокие значения названных индикаторов зафиксированы в средне-крупных промышленных и университетских центрах (с населением от 250 тыс. до 1 млн человек).

Как и все люди на Земле, граждане России стремятся к благосостоянию, современному комфорту, повышению уровня жизни и процветанию. Однако, как показывают результаты многих исследований, для них важны не только цель, но и средства, не только чисто финансовый эквивалент процветания, но и его содержательная сторона. В этом плане их социальное мышление нельзя назвать чисто экономическим, оно включает в себя и определенное представление о самоуважении, основанное на достижениях и вместе с тем просветительских по своему генезису ценностях. Поэтому вопрос о специализации России в системе международного разделения труда волнует россиян, и отнюдь не только по соображениям материальной выгоды. Он затрагивает их представления о самих себе и в силу этого тесно связан с деликатной и тонкой проблематикой идентичности, а в конечном счете, с присущей национальному менталитету «картиной мира». По этой причине россияне озабочены сырьевой направленностью российской экономики, хотя именно экспорт углеводородов, леса и цветных металлов позволяет поддерживать существенно более высокий уровень жизни населения, чем в большинстве других постсоветских государствах. «Настоящая», «успешная» модернизация, в соответствии с представлениями россиян, это когда Россия сможет зарабатывать не на природных богатствах, инфраструктуре или выгодном геополитическом положении, а на производстве интеллектуального продукта. На этом наши респонденты неизменно настаивали во всех опросах, в ходе которых им задавались соответствующие вопросы.

Если говорить о России как одной из ведущих стран мира, то какими видятся гражданам России реальные перспективы ее развития? В этом отношении их, пожалуй, не упрекнешь в утопизме. Наиболее часто встречающийся ответ на данный вопрос — это «энергетическая сверхдержава», являющаяся крупнейшим поставщиком ресурсов в развитые страны Европы, Азии и Америки. Почти 2/3 респондентов считают, что она уже имеет такой статус, и еще без малого треть уверены в том, что это вполне возможно. В сумме это составляет свыше 93%. Около 85% опрошенных полагают, что Россия является или может стать «страной культуры», где создаются вызывающие повсеместный интерес музыкальные и литературные произведения, театральные спектакли, кинофильмы. Примерно столько же указали в этой связи на

уникальную природу России и ее исторические памятники, которые могут привлечь большой поток туристов. В то же время возможности страны в сфере науки и технологий, промышленности и образования, которые, с точки зрения россиян, особенно важны для передовой современной страны, оцениваются достаточно скромно. Значительной части опрошенных (от 1/5 до почти что трети) претензии нынешней России на достижение лидерства в этих областях кажутся весьма неубедительными (табл. 1.), причем среди лиц с высшим образованием доля таких ответов несколько выше, чем в среднем по выборке.

Таблица 1

Когда говорят о будущем России, которая со временем может стать одной из ведущих стран мира, имеют в виду разные варианты ее развития. А какой образ будущей России в мире представляется Вам наиболее реальным?

(Давался один ответ по каждой строке)

	Она уже сегодня является таковой	Это вполне возможно	Это маловероятно	Это нереально	Не ответили
1. Россия — ведущая промышленная держава, успешно конкурирующая с другими странами мира	19,7	49,5	25,0	5,5	0,3
2. Россия — энергетическая и сырьевая «сверхдержава», осуществляющая поставки ресурсов в другие страны	62,8	30,5	5,7	0,6	0,3
3. Россия — ведущая научная держава, ее ученые осуществляют открытия и изобретения, пользующиеся спросом во всем мире	28,7	48,1	20,5	2,5	0,2
4. Россия — страна передового образования, в нее едет учиться молодежь со всех концов мира	18,6	43,4	31,4	6,1	0,4

5. Россия — страна высокой культуры, произведения ее писателей, музыкантов, художников вызывают интерес во всем мире	44,6	39,7	13,0	2,5	0,3
6. Россия — страна уникальной природы, истории, в нее едут туристы из всех стран мира	41,1	43,9	12,7	1,9	0,2

Исходя из полученных данных, можно, по-видимому, утверждать, что правительственные инициативы, направленные на оживление науки и развитие наукоемких технологий (усиление внимания к военно-промышленному комплексу, создание профильных корпораций типа «Роснанотехнологий» и др.), в обществе воспринимаются пока довольно скептически. Обращает на себя внимание то, что особенно неблагоприятно наши респонденты оценивают конкурентоспособность России в области образования, что, по-видимому, косвенно свидетельствует об озабоченности общества проводимыми в последнее время реформами образования. Судя по полученным нами данным, особенно тревожно воспринимаются эти реформы в крупных городах с населением свыше 1 млн человек: здесь суммарное количество негативных мнений («маловероятно» + «нереально») превысило половину опрошенных.

Реально движение по пути модернизации с самого начала осуществлялось через реализацию нескольких взаимно дополнительных, но в то же время альтернативных друг другу исторических проектов, набор которых со временем расширялся. Россия занимает в этом спектре исторических проектов свое собственное место, позволяющее говорить о ее существенном своеобразии. Отметим, что это нельзя понимать ни в смысле ее абсолютной уникальности (по сходному типу шло, в частности, развитие Пруссии), ни в смысле какой-то герметической изолированности. Модернизация вообще невозможна без постоянного критического соотнесения себя с «другими». И вступающая на путь модернизации Россия также со все возрастающей заинтересованностью примеряла к себе опыт различных стран и народов. Начиная с определенного исторического момента главным источником ориентиров развития для нее становится Запад в том или ином его варианте (в начале XVII в. Польша и Германия, при Петре I — Голландия, Германия и Швеция, позже — Франция и опять Германия, в первые послеок-

тябрьские годы — США). Отношения с Западом в этом плане долго оставались асимметричными: Россия училась, заимствовала, воспринимала, но мало влияла на формирование всеобщих культурных образцов, определяющих то, что можно назвать вектором прогресса. Принципиально важно, однако, то, что при этом она неизменно сохраняла всю полноту исторической субъектности. Несмотря на очевидную асимметричность межкультурных взаимодействий, российский социум не просто подвергался идущим с Запада многообразным влияниям, но свободно выбирал среди них то, в чем ощущал необходимость на том или ином этапе своего развития.

В советский период истории общая ориентация на Запад как источник аутентичного опыта модернизации и одновременно эталон «современного» сохранилась, но была существенно осложнена идеологическими разногласиями. Сознание советского человека постоянно колебалось между демонизацией «западного империализма», претензиями на роль «локомотива истории» и увлечением западным обществом потребления. И эта последняя тенденция в конце концов победила. Перестройка советской системы, а затем и ее демонтаж в начале 1990-х гг. воспринимались как условие приобщения к Западу, ближайшей и наиболее подходящей формой которого могло бы стать «возвращение в Европу». Эмоционально россияне были готовы к такому возвращению и стремились к нему. Многие политические деятели и интеллектуалы на Западе также в свою очередь ожидали, что Россия без особых проблем встроится в рамки утвердившейся там либерально-демократической модели и, как выразился в этой связи Х. Тиммерман, тем самым «станет такой, как мы» [1, 106].

Однако опыт сближения постсоветской России с Западом оказался разочаровывающим, а надежды, которые возлагались на этот процесс, преувеличенными. Российское общество ответило на это неоконсервативной волной, лейтмотивом которой стал отход от западнических увлечений периода становления демократии. К середине 1990-х гг. в массовом сознании постепенно утверждается мнение, что западный путь развития, при всех своих привлекательных сторонах, для России не подходит. В этом новом контексте культурно-историческая самобытность России интерпретируется уже не как «проклятие», а как непреходящая базовая ценность. Как показал проведенный опрос, в настоящее время почти половина наших сограждан (а более точно — около 47%) безусловно согласны с тезисом о том, что России нужны не либерализм, индивидуализм и западная демократия, а чувство общности, коллективизм и жестко управляемое государство. Тех же, кто это утверждение отвергает, оказалось в целом почти в 2 раза меньше — четверть опрошенных. Правда, преобладание сторонников российской самобытности начинается с определенного возрастного рубежа —

примерно с 30-лет; в младших же возрастных когортах они количественно уступают «западникам»: например, среди самых молодых соответствующее соотношение составляет 31% против 41. В то же время для полноты картины надо отметить, что у многих россиян указанная дилемма вызывает затруднения. Доля не определившихся в этом вопросе в целом по выборке доходит до 28%. И только в мегаполисах она существенно снижается (приблизительно вдвое). Куда же деваются те 14 — 15% жителей мегаполисов и городов-миллионников, которые пополняют ряды сторонников противоположных друг другу точек зрения на пути развития России? Судя по зафиксированному в ходе опроса распределению мнений, каждый третий из них признает западную модель универсальной, а двое из трех пополняют ряды оппонентов данной точки зрения.

Что же разделяет сегодня Россию и Запад, способствуя отчуждению россиян от западного опыта и западных ценностей? С одной стороны, немалую роль в этом плане сыграли внешнеполитические факторы (расширение НАТО, военная акция против Сербии и отделение от нее Косова, поддержка некоторых антироссийских сил и режимов и др.), но, с другой стороны, россияне убедились, что они коренным образом расходятся с Западом в понимании модели модернизации России. Акцент на проблематику демократии, создание «благоприятного инвестиционного климата» и выращивание в России инфраструктуры лояльных к Западу НКО не пользуется сочувствием основной массы россиян. Они хотели бы совсем иного — сотрудничества в области производства знаний и технологий, но как раз к этому-то западные партнеры не проявили практически никакого интереса. В итоге за последние годы в российском обществе сложилось устойчивое мнение, что европейцы относятся к своему восточному партнеру чисто прагматически, причем в самом узком и приземленном смысле этого слова. Мало кто из наших респондентов полагает, что европейцев могут заинтересовать интеллектуальные достижения и культурный потенциал России или ее способность играть роль противовеса глобальной гегемонии США, но почти 60% убеждены в том, что по-настоящему им нужны только российские природные ресурсы (табл. 2).

Таблица 2

Мнения россиян о возможных мотивах Западной Европы по вопросу о сотрудничестве с Россией (2002—2009), %

Возможные мотивы	2002/2	2009/2
Западная Европа заинтересована исключительно в природных ресурсах России	58,5	58,5
Западная Европа заинтересована исключительно в России как противовесе мировому господству США	23,2	19,7
Западная Европа заинтересована в использовании	20,0	11,9

интеллектуального и культурного потенциала России		
Западная Европа заинтересована в равноправном экономическом сотрудничестве с Россией	16,7	21,8
Западная Европа заинтересована в развитии демократии и рыночных реформ в России	14,0	10,1
Европа вообще не заинтересована в сотрудничестве с Россией	4,5	6,8
Затруднились ответить	8,4	8,6

Примечание. Сумма цифр превышает 100%, поскольку респондентам можно было выбрать до двух вариантов ответов.

Судя по данным проводившихся в последние годы исследований, в массовом сознании существуют две модели российской идентичности: 1) Россия представляет собой часть Европы, и в будущем, как это было в прошлом, она будет наиболее тесно связана именно с этим регионом, и 2) Россия не является вполне европейской страной, а представляет собой особую — евразийскую — цивилизацию, и в дальнейшем центр тяжести российской политики будет смещаться на восток. Эти точки зрения сопоставимы по популярности, но если еще несколько лет назад первая из них все же на 5 — 6% перевешивала вторую, то теперь они практически сравнялись между собой. Наиболее значимым фактором, определяющим выбор той или иной модели идентичности, как и в вопросах евроинтеграции, является возраст. У респондентов до 35 лет преобладает стремление видеть Россию частью Европы, а в более старших возрастных когортах соотношение меняется на противоположное.

Соответственно набирающей силу евразийской парадигме переосмысливается и отношение между «мы» и «они» в его международном преломлении, в том числе применительно к внешнеполитическим задачам государства. И относительное ослабление российского политического европеизма стало следствием не ухудшения отношений россиян к Европе, а прогрессирующей диверсификации российских интересов и устремлений. Хотя симпатии к Европе в общем и целом не убывали (конъюнктурные колебания мы в данном случае в расчет не принимаем), но значимость других направлений внешней политики нарастала значительно быстрее.

Показательны, например, цифры, характеризующие восприятие геополитических субъектов и структур на уровне эмоций и подсознательных ассоциаций. В 2002 г. уровень положительных реакций наших респондентов на понятие «Европейский союз» был зафиксирован на уровне 59%, тогда как на аббревиатуру «СНГ» он оказался на целых 25% ниже (только 34%). Разрыв, понятно, очень значительный, если не сказать подавляющий. Но через 7 лет мы наблюдали уже совсем дру-

гую картину. В принципе за это время «подросли» оба индикатора. Но если первый из них поднялся только на 6 процентных пунктов, то второй увеличился более, чем вдвое, и не только догнал, но и перегнал первый (72% против 65). Восходящей динамикой характеризуется отношение общественного мнения и к отдельным государствам, выступающим в качестве важнейших партнеров России вне Евросоюза, Европы и Западного мира в целом. В первую очередь это Белоруссия и другие союзники по ОДКБ, а также новые экономические и политические гиганты Азии — Индия, Китай, Корея и др. Кажется, что образ рвущихся ввысь небоскребов Шанхая и Сингапура в восприятии россиян понемногу оттесняет на задний план уютное обаяние «старушки Европы» [2, 50 — 73].

Вместе с тем, говоря о перспективах отношений между Россией и Западом, о мере взаимопонимания между ними, надо принять во внимание не только политическое и экономическое, но и «человеческое» измерение данной проблемы. Присоединится ли все-таки Россия к Западу или предпочтет какой-то иной путь, в конечном счете зависит не от субъективных намерений российских реформаторов, а от того, насколько комфортны западные ценности и модели для большинства россиян. А это в свою очередь заставляет задуматься над своеобразием российской и русской ментальности, над тем, насколько похожи культурно-психологические «профили» россиян и людей западной культуры.

Рассмотрим прежде всего вопрос о том, какие качества россияне больше всего ценят в людях и какие из них они находят в самих себе. В таблице 3 приводится распределение мнений наших респондентов по поводу некоторых личных качеств, характеризующих «человеческий капитал» страны с точки зрения потребностей модернизации.

Как видно из приведенных в табл. 3, самым ценным в глазах россиян являются трудолюбие, честность и профессионализм. Эти характеристики лидируют в предложенном нашим респондентам списке из 20 человеческих качеств, и с довольно большим отрывом. Причем трудолюбие и честность выступают в данном случае не просто как самые важные черты идеала, но и как качества, которые наши респонденты чаще всего находят в себе самих. В отношении профессионализма их оценки несколько скромнее — если данную позицию включал в список наиболее уважаемых качеств каждый второй опрошенный, то наличие его у себя признал только каждый третий. Средние позиции в нашей таблице занимает прежде всего ряд качеств, которые суммарно складываются в понятие надежности: чувство долга, ответственность за себя и своих близких, равнодушие, законопослушность. Здесь же

мы находим образованность, чувство собственного достоинства и уважение к правам других людей.

Проведенное нами исследование не подтверждает широко распространенный миф о присущем якобы русскому национальному характеру смирению и склонности к бесконечному терпению: отнесение таких черт, как послушание и смирение, к числу *ценностей* встречается редко, а находит эти качества у самого себя лишь один человек из каждых 12 опрошенных. В то же время следует обратить внимание на то, что весь блок ценностных ориентаций, задающих установку на выстраивание интерактивных связей, развитие отношений кооперирования и коммуникативные взаимодействия (готовность к участию в решении общих дел, толерантность, умение приспосабливаться) не имеют в глазах россиян приоритетной значимости и весьма редко отмечаются как реально присущие респондентам свойства.

Таблица 3

Какие человеческие качества больше всего ценят россияне, и какие, по мнению респондентов, свойственны им лично?
(Разрешалось выбрать до семи вариантов ответов в каждом столбце, вследствие чего сумма ответов превышает 100%)

1. Больше всего цените в людях	Качества людей:	2. Свойственны Вам лично
70,1	Трудолюбие	72,0
40,3	Предприимчивость, умение добиваться успеха	20,1
24,9	Законопослушание	35,4
38,6	Активность, инициативность	26,4
61,5	Честность	62,8
38,6	Образованность	26,9
50,6	Профессионализм	32,9
34,1	Чувство долга	42,7
30,4	Неравнодушие	32,1
10,1	Самопожертвование	10,3
23,0	Бесконфликтность, толерантность	21,6
8,2	Послушание, смирение	7,8
11,8	Рациональность, прагматизм	9,5
34,7	Чувство собственного достоинства	40,3
18,0	Готовность к участию в решении общих дел	13,3
38,1	Уважение к правам других людей	30,7
11,6	Умение приспосабливаться	12,7

39,9	Ответственность за себя и своих близких	48,4
20,1	Практичность	19,3
12,5	Ответственность за то, что происходит в стране	3,0
0,4	<i>Не ответили</i>	0,6

Судя по оценкам наших респондентов, россияне в целом не слишком практичны, в том числе потому, что среди них не так уж часто встречается склонность к прагматичному, «целерациональному» типу мышления и поведения.

Наконец, надо особо сказать о таком важном качестве, как предприимчивость. В принципе оно принадлежит к числу признанных в российском обществе ценностей. Пусть его и нельзя причислить к самым значимым приоритетам, но все-таки его важность была отмечена более, чем 40% опрошенных. Однако только половина из них признала наличие этого качества у самих себя. Это наиболее самокритичная из зафиксированных нами оценок, говорящая о том, что в этом пункте россияне в известной мере недовольны своими деловыми качествами. Другой вопрос, насколько эти претензии справедливы. Разумеется, у нас нет возможности объективно судить о том, в какой мере самооценки наших респондентов соответствуют действительности. Думается, однако, что если бы даже только каждый четвертый или пятый из тех, кто считает себя предприимчивым человеком, действительно был таковым, этого было бы достаточно для того, чтобы говорить о наличии в российском социуме необходимого «фермента» саморазвития.

Характерная для российского социума иерархия личностных качеств воспроизводится в процессе воспитания детей. Среди воспитательных установок на первом месте мы также находим трудолюбие. На приоритетность этого качества указали 88% опрошенных — это самый высокий показатель среди крупных стран Европы (включая родственную нам Украину), Азии и Америки.

Далее, без малого 80% россиян хотели бы привить своим детям чувство ответственности. Это также очень неплохой показатель. Правда, судя по данным международных исследований, российская выборка в этом отношении идет несколько позади Японии, Восточной Германии, Скандинавских стран и Италии, но в то же время она опережает США, Великобританию, Францию и Китай.

Такие факторы достижения успеха, как решительность и настойчивость, отметила в качестве важных почти половина российских респондентов — здесь наши соотечественники опять-таки уступили японцам, немцам и финнам, но опередили представителей всех ос-

тальных 18 стран, по которым проводилось сравнение. То, что воспитанию терпимости и уважения к другому россияне придают меньшее значение, чем европейцы и американцы, вряд ли можно назвать открытием. Но вот что действительно вызывает удивление — так это их отношение к такому личностному качеству, как бескорыстие. В противовес стереотипному представлению о «русской душе» современные россияне отнюдь не альтруисты. Соответственно сформировать это качество в своих детях хотел бы только один человек из пяти, в то время как в Англии, Франции и Японии соответствующий показатель превысил 50%, а в США, Италии, Испании, Швеции, Бразилии и некоторых других странах он варьируется в пределах 30 — 40% или несколько выше. Контрастом к внешнему усилению позиций православного традиционализма выглядит сравнительно равнодушное отношение россиян к религиозному воспитанию. Судя по данным опроса, в США, Индии, Бразилии, ЮАР и даже во многих странах «постхристианской» Европы религия влияет на эту сторону жизни значительно сильнее.

В этой связи надо напомнить о результатах одного проведенного еще в 2000 г. исследования, в котором отрабатывалась методика сопоставления России и Запада на основе психосемантической реконструкции образов мира. Тогда в качестве «Запада» выступала Германия, где за год до этого проводились опросы по сходной методике. Однако в дальнейшем подобный инструментарий использовался нами и в других контекстах, расширяющих первоначальные рамки проводимого сопоставления. Один из наиболее интересных, на наш взгляд, результатов этих исследований, заключался в том, что у россиян была выявлена особо сильная ценностная мотивация на сферу духовного, включая познания и образование. Это проявилось, в частности, в эмоциональных реакциях респондентов на весь семантический ряд относящихся к данной сфере понятий. Например, слово «учиться» вызвало положительный отклик более чем у 96% российских респондентов и только у 75% респондентов-немцев, слово «наука» — соответственно у 96,5 и 81%, «интеллектуал» — у 98 и 88% (подробнее см.: [3, 280]). Сильнее, чем у немцев, выражен у россиян и комплекс позитивных переживаний, связанных со словом «душа» (97% положительных эмоциональных реакций в первом случае против 78% во втором).

Сегодня, по прошествии целого десятилетия, можно констатировать, что в этом вопросе наши сограждане практически не изменились. Так, частота благоприятных откликов на слово «учиться» в 2010 г. была зафиксирована на уровне 91%, «наука» — почти 93, «душа» — свыше 93%. Все понятия этого семантического кластера вызывают у россиян намного более благожелательное отношение, чем понятия,

связанные с приобретением и закреплением за собой материальных богатств (так, слово «копить» в 2000 г. вызвало симпатии только у 65% опрошенных, а в 2010 г. — у 67%).

Определенные изменения в смысловой тональности национального менталитета все же происходят. Но они касаются не столько баланса между материальными и духовными ценностями, сколько, если можно так выразиться, «аксиологии времени». Еще в 2000 г. нами была обнаружена характерная «проективность» российского менталитета: из трех основных временных модальностей наиболее привлекательным для наших соотечественников представлялось будущее (соответствующее понятие в 90% случаев вызвало положительный эмоциональный отклик), наименее привлекательным — настоящее (уровень симпатий к нему — 74%), прошлое же заняло промежуточную позицию (84% позитивных реакций). Для сравнения укажем, что самосознание респондентов-немцев, напротив, было сфокусировано на настоящем; при этом и настоящее и будущее в их глазах были лучше прошлого, симпатии к которому выразили всего 43% ответов. Однако ценностная ориентация россиян во времени за десять прошедших лет изменилась. Хотя российское общество в известном смысле по-прежнему развернуто в будущее, в ценностном плане настоящее к нему существенно приблизилось: если разрыв в частоте положительных эмоциональных реакций на соответствующие понятия в 2000 г. составлял 16%, то ныне он сократился более, чем вдвое, и составил около 7% (85% против 78). В то же время образ прошлого в глазах россиян заметно потускнел по сравнению не только с будущим, но и настоящим. Эти изменения можно интерпретировать как усиление реалистической струи в сознании и поведении, показатель нарастающего стремления добиваться определенных позитивных результатов здесь и сейчас, не откладывая их до наступления какого-то «лучезарного завтра» и в то же время не уходя в бесплодную ностальгию по якобы утраченному «золотому времени».

Если для политических и части интеллектуальных элит модернизация подчас становится самоцелью, то у простого человека другая логика, в соответствии с которой она может быть только средством для достижения каких-то более фундаментальных терминальных ценностей. По какой же мерке хотели бы устроить свою жизнь россияне? В чем они видят «смысл» этой жизни и что, следовательно, придает смысл самому процессу модернизации? На протяжении по крайней мере полутора десятилетий мы осуществляли зондирование жизненных установок наших респондентов, предлагая им специально подобранные пары альтернативных суждений по поводу ценностей, из которых в каждой паре надо было выбрать какое-то одно.

Обратим в этой связи внимание прежде всего на такие суждения, к которым присоединилось подавляющее большинство опрошенных. Их оказалось два. Первое из них «В жизни главное — хорошие семейные и дружеские отношения» — собрало в свою поддержку 81,5% голосов, тогда как выступавшее альтернативой ему «В жизни главное — общественное признание и успех» — всего 18. Второе — «В своей жизни человек должен стремиться к тому, чтобы у него были спокойная совесть и душевная гармония». С ним также согласилось свыше 80% респондентов; против же высказались приблизительно 20%, для которых главными ценностями являются доступ к власти и возможность оказывать влияние на других. Существенно выше — до трети опрошенных — эта цифра оказалась лишь в самой младшей возрастной когорте (до 20 лет), что довольно естественно объясняется недостатком жизненного опыта.

Кажется, длительная борьба личного и общественного закончилась победой первого над вторым: полученный результат показывает, что фокусом мироздания для нынешних россиян выступает их личный микрокосм. «Большой» мир должен быть достаточно благоустроен, чтобы можно было обеспечивать спокойствие в малом. Несомненно, современные россияне — индивидуалисты, причем в значительно большей степени, чем люди Запада. Но это не столько индивидуализм атомизированных агентов рыночных отношений, сколько выражение особого понимания свободы.

В принципе свобода одна из важных российских ценностей: большая часть наших респондентов (в среднем по выборке свыше 56%, а в крупнейших городах — до 2/3 населения) согласны с тем, что без нее жизнь теряет смысл и потому ставят ее выше материального достатка. Не приходится сомневаться в том, что доминирующее в либеральной культуре Запада представление о том, что свобода человека реализуется в его политических правах, находит отклик и в России. Судя по результатам проведенного опроса, его разделяют до 40% наших сограждан. Но все-таки это меньшинство. А для почти 60% россиян свобода — это, скорее, нечто очень близкое к тому, что в русском языке обозначается непереводаемым на другие языки словом «воля» и проявляется как специфическое ощущение отсутствия внешнего контроля и регламентации, возможность «быть самому себе хозяином».

Если принять во внимание только что описанные, а также и некоторые другие выявленные в ходе исследований особенности русского и российского менталитетов, становится ясно, что попытки решить задачи очередного витка российской модернизации путем интеграции с либеральным Западом не вызовут в России такого энтузиазма, как в большинстве стран Восточной Европы. Более того, можно с большой

долей уверенности прогнозировать, что попытки «продать» такой вариант развития вызовут значительный социально-психологический дискомфорт, а значит, и внутреннее сопротивление населения (другой вопрос, в какие формы это может вылиться). На начальных стадиях процесса модернизации, пока у России не было необходимого для этого собственного опыта и социокультурных ресурсов, ориентация на западные образцы (с некоторой, разумеется, их адаптацией) даже вопреки недовольству значительной части населения была неизбежной. К настоящему времени, однако, такие ресурсы накоплены, и потому сегодня ситуация представляется *принципиально* иной. Здесь, разумеется, неуместно было бы обсуждать данную проблему во всех ее деталях. Но на некоторые важные в этом отношении моменты мы выше указали. В частности, мы имеем в виду трудовую мотивацию россиян, их склонность заниматься сложными видами деятельности и то, что можно было бы назвать трудовой лояльностью.

Трудно отрицать, что последний опыт сближения с Западом по целому ряду причин оказался для россиян разочаровывающим, а надежды, которые возлагались на этот процесс, преувеличенными. И российское общество ответило на это разочарование неоконсервативной волной, лейтмотивом которой стал отход от западных увлечений периода становления демократии. В середине 1990-х гг. произошла фундаментальная переоценка ценностей. Причем — что очень важно — не столько на уровне идеологии, сколько на уровне подсознательных переживаний и глубинной смысловой структуры картины мира. Самобытность России, которая раньше казалась недостатком, теперь выступила в качестве достоинства.

Осуществленное в ходе проведенных нами исследований зондирования эмоциональных реакций наших респондентов на различные понятия показывает, что в настоящее время общественное сознание консолидируется вокруг российских ценностей. В этой связи прежде всего надо отметить большую эмоциональную значимость самого понятия «Россия», а также тесно связанного с ним понятия «русский». То, что эти имена воспринимаются россиянами с большей теплотой, чем, допустим, «Америка», «Европа», «Евросоюз» или «Азия», может показаться чем-то вполне естественным, не заслуживающим особого внимания. Но это далеко не так: еще в 2000 г. мы заметили, что слово «Россия» вызывает у россиян положительный эмоциональный отклик чаще, чем у немцев слово «Германия» (у 94 и у 85% респондентов соответственно). Однако еще более примечательно то, что понятие «Россия» у россиян несколько опережает по частоте благожелательных ответов даже такие безусловные личностные ценности, как «Я» и «Мы» (в 2010 г. это почти 96% против соответственно 94,5 и 92%).

Слово «Европа» в сознании россиян также окружено шлейфом положительных ассоциаций. Однако в целом они намного менее ярки и сильны, чем ассоциации со словом «Россия». И, кстати, по сравнению с 2000 г. частота положительных откликов на слово «Европа» несколько снизилась (с 83 до 76%). Наиболее расположены к Европе самые юные респонденты — до 21 года. В этой группе частота положительных реакций на данное слово достигла 90% и практически вплотную приблизилась к результатам, которые дало зондирование эмоциональных ассоциаций с понятием «Россия». Укажем для сравнения, что в категории 60+ уровень симпатий к Европе не дотянул и до 2/3 опрошенных. Но вряд ли это можно однозначно расценивать как выражение особой «роевропейской» позиции. Самые молодые вообще демонстрируют наибольшую открытость миру. Они благожелательнее других реагировали и на слово «Азия»: соответствующий показатель по возрастной категории до 21 года превысил средний по выборке примерно на 8%. В то же время, как показывают результаты исследования, именно молодежь негативнее всего реагирует на все, что связано с концептом глобализации.

Таблица 4

Скажите, пожалуйста, какие из перечисленных ниже слов (понятий) вызывают у Вас скорее положительные чувства, а какие — скорее отрицательные?

Понятия	Скорее положительные	Скорее отрицательные	Не ответили
1. Эффективность	91,3	8,1	0,6
2. Приезжие	38,6	60,9	0,5
3. Рациональность	81,2	18,1	0,7
4. Европейский союз (ЕС)	56,4	41,9	1,7
5. Прошлое	74,6	24,9	0,5
6. Россия	95,7	4,1	0,2
7. Душа	95,3	4,4	0,3
8. Суд	28,3	71,1	0,6
9. Запад	48,1	51,3	0,6
10. Москва	70,0	29,7	0,3
11. Мы	92,1	7,5	0,3
12. Азия	43,7	55,6	0,7
13. Настоящее	77,9	21,8	0,3
14. Европа	76,5	22,9	0,6
15. Темп	78,3	21,1	0,6
16. Модернизация	74,5	24,9	0,6
17. Различия	56,5	43,1	0,4
18. Будущее	85,1	14,6	0,3

19. Я	94,5	5,2	0,3
20. Риск	51,9	47,7	0,4
21. Русский	95,0	4,6	0,4
22. Глобализация	42,8	55,4	1,8
23. Индивидуализм	60,9	37,9	1,1
24. Патриотизм	90,5	9,0	0,5
25. Копить	67,1	32,5	0,3
26. Наука	92,9	6,7	0,4
27. Демократия	74,5	25,0	0,5
28. Учиться	91,1	8,6	0,3
29. СССР	74,2	25,3	0,5

В свете интересующей нас сейчас проблемы приемлемости для России западных моделей модернизации обращает на себя внимание неблагоприятный баланс эмоциональных реакций наших респондентов на понятие «Запад». В 2000 г. это слово позитивно воспринимали 46% опрошенных, а негативно — 53, спустя же 10 лет соответственно 48 и 51%. Перепад между этими двумя числами, как мы видим, невелик, но он носит устойчивый характер. Самым значимым фактором, обуславливающим упорядоченные (законсообразные) колебания данного индикатора (а они довольно значительны), является возраст. Возрастная динамика отношения к Западу выглядит следующим образом. В двух самых младших возрастных когортах 18—21 и 22—27 лет баланс симпатий и антипатий является определенно положительным (что, однако, следует четко отличать от готовности безоговорочно следовать в фарватере транслируемых Западом представлений о том, как должна осуществляться модернизация России). Среди людей среднего возраста — от 28 до 50 лет — соотношение положительных и отрицательных реакций на понятие «Запад» становится приблизительно паритетным. Затем же оно «уходит в минус», так что самая старшая возрастная когорта 60+ вновь дает нам практически ту же пропорцию, которая была зафиксирована в самой младшей (63% против 36), но только с обратным знаком.

На протяжении всего новейшего периода отечественной истории в сознании ее населения сосуществовали и конкурировали по крайней мере три главных культурно-идеологических ориентации, которые обосновывали различные типы модернизации: либерально-западническую, советскую и наиболее размытую, по существу только еще формирующуюся, собственно российскую, в рамках которой в свою очередь возможны различные варианты — от народно-демократического до авторитарного.

По поводу того, как складывается баланс отношений между первыми двумя (мы, разумеется, имеем в виду массовые настроения, а не различных элитарных корпораций и центров влияния), было сказано уже достаточно. Остается отметить, что укрепление собственно российской идентичности сильно сказывается и на приверженности россиян к советскому опыту. Характерно, что процент положительных реакций на аббревиатуру «СССР» за 10 лет снизился на целых 12 пунктов. Если в 2000 г. она воспринималась с несколько большей симпатией, чем слово «Европа», то к 2010 г. это преимущество было утрачено. Тем не менее списывать советскую модель со счета было бы опрометчиво, ибо, несмотря на значительные усилия по ее дискредитации, население в целом отнюдь не склонно видеть советскую эпоху исключительно в темных тонах.

Благожелательное отношение к советскому прошлому распространено в принципе повсеместно, за исключением лишь мегаполисов, где настроения населения в этом вопросе делятся практически пополам. Наиболее лояльной к советскому прошлому группой, как и следовало ожидать, остается старшее поколение, в особенности те, кому перевалило за 50. Среди людей этого возраста только один человек из девяти или десяти опрошенных воспринимает то время безусловно негативно, тогда как 85 — 90% их ровесников испытывают по отношению к нему чувство ностальгии. Однако позитивное отношение в СССР устойчиво воспроизводится и в более молодых возрастных когортах. Начиная с 22 лет оно совершенно определенно преобладает над негативным. И только среди самых младших — тех, кто родился не раньше 1989 — 1990 гг. и может знать о Советском союзе только понаслышке, — зафиксировано некоторое (впрочем, очень умеренное — 4 %) преобладание обратных этому настроений.

Несомненно, ожидать возрождения советской модели в более или менее целостном виде не приходится. Однако, учитывая характер массовых настроений, было бы естественно предположить, что она не исчезнет бесследно, а отдельные ее элементы будут использованы при разработке стратегии российской модернизации на новом ее этапе. Точно так же и советская власть на определенном историческом этапе не могла игнорировать опыт дореволюционной России, хотя в силу понятных причин далеко не всегда была склонна это признавать.

Литература

1. Тиммерман Х. Европа и ее восток с геополитической точки зрения // *Мировая экономика и международные отношения*. 2009. № 10.

2. Падение Берлинской стены: до и после. Россияне о внешнеполитических процессах прошлого и настоящего. М., 2010.

3. *Андреев А.Л.* Российское образование: социально-исторические контексты. М., 2008.

И.Ю. ФОМИЧЕВ

Этика поведенческого радикализма

Аннотация. Одной из особенностей в развитии современного российского общества является резко обозначившаяся на фоне непрерывных реформ тенденция к повсеместной радикализации различных форм общественного поведения, экстремистских проявлений в групповых и межличностных взаимоотношениях. В статье рассматриваются этика поведенческого радикализма; отсутствие должного правового обеспечения хозяйственно-предпринимательской деятельности в новых социально-политических условиях и соответствующего опыта правоприменительной практики; моральная аксиосфера общества; новая система моральных ценностей, новая социальная этика.

Ключевые слова: радикализм, социальное поведение, социальная этика, социальный контроль.

Abstract. One of features in progress of a modern Russian society is sharply designated on a background of continuous reforms the tendency to universal radicalization of various forms of public behavior, extremist displays in group and interpersonal relationships. Author examines ethics of behavior radicalism; absence of due legal maintenance of economic-entrepreneurial business in new sociopolitical conditions and appropriate experience in legal practice; moral axiosphere of societies; the new system of the moral values, new social ethics.

Keywords: radicalism, social behavior, a social ethics, the social control.

Одной из особенностей в развитии современного российского общества является резко обозначившаяся на фоне непрерывных реформ тенденция к повсеместной радикализации различных форм общественного поведения, экстремистских проявлений в групповых и межличностных взаимоотношениях. Это проявляется в экономической жизни (в особенности в ее коммерческой составляющей, где радикализируются методы конкурентных отношений), межличностных контактах (в том числе в общественных местах, в проблемных ситуациях на дорогах и т. п.), в массовых конфликтных противостояниях (например, на Манежной площади и у ТЦ «Европейский» — и это если говорить только о «резонансных» событиях в Москве), в различного рода террористических актах. В этом же ключе эволюционируют индивидуальные и массовые отношения к природе (формальные и неформальные защитники природы в условиях нового освоения явно в меньшинстве), к государству, к различным социальным институтам.

Первая волна такой радикализации естественным образом возникла в конце XX в. в недрах приватизационной практики, когда в условиях фрагментарной информированности и фрагментарной доступности происходило стихийное и откровенно неравномерное присвоение различного рода государственных активов. Радикальная имущественная дифференциация, произошедшая в короткий (по историческим меркам) промежуток времени, обозначила полюсы социального бытия, разделила тогдашнее российское общество на антагонистические социальные группы, на непримиримые социальные позиции, что не в последнюю очередь явилось причиной многочисленных конфликтов, в частности, вооруженного противостояния олигархической власти и радикально настроенных народных масс, которое закончилось штурмом регулярными войсками парламента.

Во многом это стало возможно в связи с резким ослаблением всех реально существующих форм социального контроля. После распада советской системы социального контроля в российском социуме того времени элементы вновь созданной системы по различным причинам функционировали крайне неэффективно.

Более всего такому положению дел способствовало два фактора. С одной стороны, это отсутствие должного правового обеспечения хозяйственно-предпринимательской деятельности в новых социально-политических условиях и соответствующего опыта правоприменительной практики. Сложнейшей задачей того времени стала, например, правовая дифференциация новых методов предпринимательства и воровства, порнографии и искусства, конкуренции и силовых способов разрешения хозяйственных споров («наезд» на хозяйствующего субъекта) и т. п. По всей стране звучали выстрелы, возводились и руши-

лись финансовые пирамиды, возникали огромные финансовые состояния, методы формирования которых до сих пор нуждаются в правовой оценке. В массовом масштабе образовались социальные слои маргиналов — бомжей, беспризорных детей и просто людей, оказавшихся в ситуации крайней нищеты и обездоленности.

С другой стороны, радикальным образом изменилась моральная аксиосфера общества, сформировалась новая система моральных ценностей, новая социальная этика. Иногда при характеристике подобных процессов вспоминают слова Э. Гидденса об «испарении морали». На наш взгляд, мораль никуда не исчезла — она лишь соответствующим образом трансформировалась. Самым существенным образом изменился социально-нравственный идеал в массовом молодежном (и не только) сознании: на смену космонавту, ученому и литератору (поэту, писателю) 1960—1970-х гг. пришел «крутой мэн», который профессионально может заниматься чем угодно, но обязательно с большими деньгами и «авторитетом». Ученый стал «ботаником», а про рабочего-передовика в качестве одного из социальных идеалов для молодого поколения как-то вообще стало не принято всерьез говорить. Зато в массовом сознании получили престиж «положительные» бандиты, стала общепринятой криминальная лексика, а блатная мораль стала основанием социальной дифференциации на «братву», которая «рулит», и лохов. Поведенческие принципы коллективизма, нетвердые даже в социалистическую эпоху, незаметно исчезли из сферы морального долженствования. Общественное одобрение получили идеалы индивидуалистической морали вкупе с формами подчеркнуто-агрессивного поведения.

Первое десятилетие XXI в., годы которого признаны, по общему мнению, «тучными» для России, некоторым образом демпфировало социальные антагонизмы. Отчасти это произошло благодаря относительному улучшению жизни беднейших слоев населения и новой социальной политике государства, отчасти благодаря отсутствию «горячих точек», отчасти благодаря традиционному привыканию российского населения к новому образу жизни. Однако стоило в конце десятилетия разразиться финансовому кризису, как поведенческий радикализм в разных его формах вновь проявился как атрибутивный феномен российской социальной жизни. Декабрьские события на Манежной площади и домодедовский теракт позволяют утверждать актуальность такого суждения.

Современный поведенческий радикализм существенно диверсифицировался. Ценностный стандарт «свой — чужой» функционирует (порой весьма агрессивно) по ряду базовых признаков, например, а) по имущественному признаку, б) по национальному признаку, в) по по-

литическим мотивам, г) по культурным и спортивным пристрастиям, д) по религиозным убеждениям и т. п. Социологами даже выделяется такой антагонизм, как «столица — регионы». И на всех этих направлениях существуют нешуточные напряжения, и каждый грамотный общественник представляет себе возможные последствия дальнейшего развития этих коллизий. Серьезность проблемы, как представляется, должна интенсифицировать поиск приемлемых социальных решений для снятия такого рода социальных напряжений. Направления таких решений очевидны — это принципиальное повышение качества работы силовых структур в этой сфере и решительное уничтожение коррупции во всех управленческих эшелонах. Именно на этих направлениях возможны достижения главных успехов, но эффективные управленческие решения (по непонятным причинам) здесь еще не приняты.

Другая, не менее важная сторона проблемы, заключается в том, что необходимы серьезные шаги по пути формирования духовно-нравственных ориентиров общественного поведения, адекватного общественного сознания. Адекватность в данном случае означает соответствие базовым общественным ожиданиям, прежде всего нейтрализацию радикалистских ценностных ориентаций в различных общественных слоях и регионах. Поскольку российский поведенческий радикализм по сути вырастает из все большей дегуманизации общественного человека, его моральной деградации (например, явного снижения уровня моральной чувствительности, постепенного сужения шкалы человечности даже в обыденном ее понимании) и того явления, которое в социологии получило наименование «раскультивание». В частности, это означает тотальный спад интереса к чтению во всех слоях населения, снижение популярности и тиражей «толстых» журналов (феномен «тупеющей России»); падение и без того не всеохватывающего интереса к классическим формам культуры — явно преобладает стремление к «попсе», которая не содержит в своей основе ни интеллектуализма, ни нравственности и никому ничего не объясняет; резкое уменьшение престижа образованности — престижны только дипломы сами по себе, «корочки» и т. п. А самое главное — российский поведенческий радикализм вырастает из ситуации тотального морального невежества, неспособности различить социальное добро и социальное зло, осознать мораль как особый фактор общественной детерминации, понимать очевидный характер человеческих добродетелей, принимать условия морального существования как собственные, а не отчужденные, практической невозможности представить действительное значение просоциального поведения, самопричинности морального образа действий.

В современном российском социуме роль морали серьезно девальвирована, особенно это касается ее идеологической и регулятивной практики. В атмосфере Постмодерна, интенсифицирующей калейдоскопическую динамику возникающих ценностей, неоднозначность связей между ними и, соответственно, хаотизирующей их восприятие и иерархию, значительная часть поведенческой моральной аксиоматики потеряла свое значение социального регулятора. Прежде всего это явилось следствием практически полного отсутствия соответствующего просвещения и пропаганды в светских сегментах российского общества, причем даже на элементарном уровне обыденного сознания. Этическая терминология подвергнута забвению, изредка возникающие в обыденном лексиконе моральные суждения прозаичны и банальны. Другая причина состоит в том, что наследуемые эмпирические стереотипы достойного поведения с современной точки зрения выглядят неубедительно, традиционная дифференциация добродетелей и пороков также кажется не совсем актуальной. Соответствие индивидуального поведения просоциальным ожиданиям, общесоциальным ценностям не является очевидным критерием нравственного поведения.

Ранее все это давало определенные ориентиры морального выбора. Достаточно очевидно сформированные социальные общности эпохи социализма имели одобренные моральные представления, консолидирующие ценности, эталонные поведенческие образцы. Сейчас социальная структура эволюционировала, большинство традиционных для того времени общностей в той или иной степени распалось, изменилось не только общество (в том числе и как объект социологического исследования), но и сами механизмы реализации нравственных процессов. Фрагментация индивидуальных моральных проектов, фрагментация выбора духовно-нравственных ориентиров значительной части наших современников не позволяет отчетливо идентифицировать актуальную, социально-востребованную этическую аксиоматику. Во время декабрьских событий на Манежной площади вряд ли были бы уместны призывы любви к ближнему. Необходимы ясные этические идеологемы социального консенсуса.

Если говорить о философии хозяйства как о формирующейся интегративной области современного социального знания, то нужно отметить, что необходимой частью такой концептуальности должен быть моральный аспект, порождающий в своем развитии соответствующую этику. В том числе этику практического действия в сфере современной социальной организации, исследование базовых принципов и эффективных путей достижения толерантности и согласия в общественных взаимодействиях. В полной мере отдавая себе отчет в том, что такой подход не является самодостаточным, мы рассматриваем его в качест-

ве необходимого элемента не только философской, но и государственной практики.

Н.В. ЛИТВАК

Кризис социологических концепций информационного общества в сфере социально-экономических отношений

Аннотация. В статье предложен анализ современных социально-экономических реалий в сопоставлении с прогнозами социологических концепций информационного общества. За последние десятилетия многие предсказанные количественные показатели были достигнуты, но оценка нынешнего качественного состояния общества неоднозначна и остается предметом дискуссий, отражая недостаточную разработанность теории.

Ключевые слова: информационное общество, информационная экономика.

Abstract. The article presents the analysis of contemporary socio-economic realities in comparison with the forecasts of sociological conceptions of information society. For the last decades, many of predicted quantity indicators have been achieved, but the evaluation of the current qualitative state of society is ambiguous and remains a subject of debate, reflecting the lack of developed of the theory.

Keywords: information society, information economy.

Многие параметры (преобладание информационного сектора экономики по числу занятых и стоимостному объему в ВВП, распространенность и функциональность компьютеров, коммуникаций и т. д.), прогнозировавшиеся при создании во второй половине прошлого века концепций информационного общества, уже достигнуты в целом ряде стран. Мобильной связью пользуется примерно половина почти семи-миллиардного населения планеты, а Интернетом — около 1,7 млрд человек [1, 44]. Тем не менее, положительные прогнозы, особенно в том, что касается развития общества, человека, общественных отношений, все более уступают место пессимистическим оценкам. Рассмотрим несколько наиболее характерных обстоятельств и тенденций в экономике, которые отражают современный кризис социологических концепций информационного общества.

По-прежнему дискуссионным остается определение информационной экономики. Сегодня в самом общем виде к ней относят производ-

ство информации (всех видов), ее распространение (коммуникации) и ее обработку. Согласно методикам М. Порэта [2], в 1991 г. расходы США на покупку информации и информационных технологий превысили затраты на производственные технологии и основные фонды, а к середине 1990-х гг. «при помощи информации производилось около трех четвертей добавленной стоимости, создаваемой в промышленности» [3, 14]. Однако в официальной статистике отдельные параметры информационной экономики начали фиксироваться только конце 1990-х гг. В настоящее время Бюро экономического анализа США относит к ее отраслям производство компьютеров, электроники (из ряда производства товаров длительного пользования), а также (с 1997 г.) информационные услуги: издательское дело, кинопроизводство и звукозапись, радиовещание и телевидение, телекоммуникации, библиотеки, архивы [4].

С 1998 г. страны ОЭСР определяют этот сектор как товары и услуги по сбору, передаче и демонстрации информации с помощью электронных устройств [5, 81]. Однако производство оборудования и энергии для производства и функционирования всех этих средств связи (от спутников до мобильных телефонов и колоссальных кабельных сетей), компьютеров, мультимедиа-оборудования и т. д., даже если продается оно дешевле, чем сама информация или услуги по ее передаче, не может существовать без мощного промышленного фундамента. Любой бизнес, ведущийся в сети, по-прежнему, если он касается материальных активов, не может обходиться без инфраструктуры и их физического перемещения (склады, логистика, транспорт) [6, 28]. А если бы ИТ в современном виде стали использоваться действительно повсеместно, на что нацелены осуществляемые программы, то это привело бы к серьезному увеличению выброса углекислого газа (при работе принтеров, копировальных устройств, компьютеров и т. д.), а изготовление такого количества техники вызвало бы колоссальное давление на окружающую среду. Ведь производство одного компьютера требует столько же электроэнергии, сколько в среднем расходует за год европейская семья, а также 20 т природных ресурсов [7]. В результате апгрейда каждые 3—4 года все это оборудование пополняет огромную массу отходов, многие из которых, в том числе наиболее ядовитые, пока до конца так и не утилизируются. Но и аграрная и, особенно, индустриальная сферы экономики в развитых странах вовсе не исчезли, а были в значительной степени перенесены в другие государства. Это коснулось и целого ряда услуг (колл-центров, бухгалтерии, прикладного программирования и т. д.). Кроме этого, несмотря на обилие различной информации, попытки измерить влияние ИТ на экономику «сталкиваются с серьезными проблемами статистической обработки и

наличия данных» [7]. Например, по официальным данным, вышеупомянутая доля добавленной стоимости, создаваемой в информационном секторе несельскохозяйственных отраслей США, составляет всего 4% ВВП [4]. И даже американское сельское хозяйство, оказывается, можно рассматривать с разных точек зрения: на 3—4% занятых в нем приходится еще 15%, которые теперь оказывают ему услуги по транспортировке, переработке и хранению сельхозпродукции [8]. Что касается общественной значимости производимой сегодня информации, то, по мнению Г. Шиллера, большая ее часть создается внутри и для гигантских корпораций промышленно развитых стран, а также их бюрократий и командований вооруженных сил [9, 25].

Ряд экономистов определяют кризисы, включая нынешний, как противоречие между необходимостью для капиталистической системы продолжения роста и ограниченностью ресурсов планеты [10]. Эта проблема была ярко поставлена в 1970-е гг., когда группа экономистов, образовавшая Римский клуб, подготовила несколько докладов о проблемах неконтролируемого роста производства, ознаменовав поворот к экологической тематике и критике общества потребления. Сделанные тогда выводы и прогнозы в целом подтвердились: чтобы все сегодня жили как в Америке, нам надо пять таких планет, как наша. Однако серьезных изменений политики не происходит, поскольку капиталистическая система живет за счет безостановочного расширяющегося роста, без которого рухнет банковская система, основанная на долгах, стоимость акций и пенсий. При этом оказывается, что речь идет не о росте вообще, а о росте потребления небольшой группы стран за счет остальных и небольшой доли самых богатых людей относительно остального населения, в том числе в самих развитых странах¹. Причем основной рост последних 20 лет происходит в «долг», в обмен на обязательства заплатить через все более долгий промежуток времени: вместо каких-либо товаров или услуг потребители расплачиваются с поставщиками долговыми расписками (облигациями, бондами и многими другими подобными инструментами), к которым можно в большой мере сегодня добавить и деньги, поскольку на столь большую эмитированную их массу можно купить лишь все те же долговые расписки (поскольку эмитент — США — пристально следит за тем, чтобы крупнейшие держатели деривативов и долларов

---

¹ Сегодня самая «информационная» (она же самая большая) экономика мира потребляет больше всего и «обычных» ресурсов, заодно являясь крупнейшим загрязнителем планеты (по разным оценкам, 300 млн американцев, или 5% населения Земли, как минимум, расходуют 23% энергии и 40% материальных ресурсов всего мира, при том, что производят около 20%).

не тратили их как американцы на реальные товары и услуги, так как тогда их не достанется самим американцам и наступит гиперинфляция).

С появлением и стремительным развитием «новой» «информационной» экономики, следствием которой стало спекулятивное, зачастую монополистическое установление цен на информацию и услуги, оказалось, что финансовые «пузыри», триллионные долги США и других самых развитых, а заодно и информационных обществ, вызвали новый эффект — сверхпотребление обычных ресурсов. Не только топ-менеджеры, успешные финансисты или биржевые брокеры, покупающие несколько объектов недвижимости или собственные самолеты, но и широкие слои трудящихся, благодаря массовой выдаче ничем не обеспеченных кредитов, в течение многих лет и со все возрастающей скоростью имели возможность менять автомобили, бытовую технику, одежду не в силу ее физического или даже морального устаревания, а лишь потому, что производители уже выбрасывали на рынок их новые модели, а финансовая система, собирая со всего мира инвестиции в долговые обязательства своих государств, выдавала им и эти, и просто напечатанные деньги. По образному выражению У. Бека, «в джунглях мирового рынка образовалась новая виртуальная экономика транснациональных денежных потоков, все менее и менее привязанных к материальному субстрату и растворяющихся в игре информационных данных» [11, 38]. Стоимость материальных активов экономики США уже в 1999 г. равнялась всего лишь трети биржевой котировки акций; для отдельных фирм этот разрыв составлял десятки и даже сотни раз [12, 34]. Похожая ситуация сложилась и с соотношением стоимости фондовых рынков к ВВП (табл. 1).

Таблица 1

Отношение стоимости фондовых рынков к ВВП, %

Страна/год	1985	1995	2000
США	50	85	185
Великобритания	70	120	195
Германия	25	25	70
Япония	60	80	100

Источник: [13].

На рубеже веков объем эмитированных государством и частными компаниями долгосрочных финансовых инструментов в США более чем в 5 раз превышал объем денежного рынка [14, 291—292]. Кроме бирж, другими оазисами создания дисбаланса между реальной и виртуальной экономикой являются сферы денежной эмиссии и долгов, прежде всего, государственных. Огромный дефицит бюджета США в

2010 г. превысил 1,5 трлн дол., или более 10,6% ВВП [15]. Американский госдолг вырос с 33% ВВП в 1980 г. до 56% в 1990 г., а в 2008 г. превысил 70% [16]. В 2010 г. Конгресс поднял потолок допустимого долга федерального правительства до 14 трлн дол. Крупнейшими держателями долговых обязательств США являются Япония (768,8 млрд дол.) и Китай (755,4 млрд дол.). В то же самое время появились огромные мировые валютные резервы (61,54% в долларах США и 27,19% в евро [17]), крупнейшие из которых принадлежат Китаю (более 2,6 трлн дол. в конце 2010 г.²).

Качественная их структура также подтверждает неравноправный характер движения мировых финансов: в 2010 г. совокупные мировые резервы мира составляли 8,6 трлн дол., в том числе 25300 т золота, или 11,4%. Однако, если у большинства стран доля золота составляла 3—5%, то у основных европейских государств (Германии, Италии, Франции) — 68%, а у США — 74% (из их резервов в 437 млрд дол.)³. Каков же тогда смысл резервов? Это часть спекулятивной игры, экономическая или политическая ошибка, паразитирующий нарост на экономике или ее болезнь? В любом случае капитализм стал «ходить по краю пропасти, катя перед собой доселе невиданную гору долгов, держаться на плаву за счет умножения не имеющих субстанции денег» [12, 35].

После «азиатского» финансового кризиса 1997—1998 гг., уже в 2000—2001 гг. обвал индекса высокотехнологичных компаний Nasdaq (в основном, интернет-компаний и других фирм информационного сектора) вызвал «коррекцию» рынка примерно на 3 трлн дол. Депрессия глубже 1930-х гг. была отсрочена лишь атакой террористов 11 сентября 2001 г., но уже в 2003 г. начал образовываться новый пузырь, а с 2008 г. с самой «информационной» экономики мира — американской — начался продолжающийся до сих пор грандиозный обвал мировых финансовых рынков: объем управляемых активов снизился на 11,7% — до 92,4 трлн дол. в 2008 г. по сравнению с 108,5 трлн в 2007 г.; при этом в США — на 21,8%, до 29,3 трлн дол., и в оффшорах — до 6,7 трлн в 2008 г. по сравнению с 7,3 трлн в 2007 г. [20].

Повсеместно отмечается существенный рост криминальной экономики, оцениваемой уже в 5% мирового ВВП [21]. Увеличиваются масштабы мошенничеств (пока рекордной считается финансовая пирамида Б. Мэддоффа на более, чем 50 млрд дол., в которую оказались втянуты и крупнейшие банки), расширяются возможности создания

---

² Российские резервы: 46,2% — в долларах, 42,3% — в евро, 10,1% — в фунтах стерлингов, 1,2% — в йенах [18].

³ Структура международных резервов отдельных стран по состоянию на 1 июля 2010 г., по данным ЦБ РФ [19].

ложных имиджей компаний и кредитных рейтингов, модификации финансовой отчетности, спекуляций и т. д. Мировые военные расходы, традиционно называемые «оборонными», в 2009 г. достигли 1,53 трлн дол.: на 1-ом месте США (661 млрд дол., или 43%), на 2-ом — Китай (почти 100 млрд), на 3-ем — Франция (63,9 млрд) [22]. Рост с 2000 г. на 49% показывает, что глобальный финансово-экономический кризис не оказал заметного влияния на эту отрасль. Наоборот, «новая экономика» и здесь расширяет спектр услуг, предоставляемых частными военными компаниями (ЧВК — private military company): охрана объектов и физических лиц, в том числе в зонах конфликтов, разминирование минных полей, обучение сотрудников силовых структур и т. п., с годовым оборотом в 120 млрд дол. [23].

Несмотря на предсказания децентрации, по-прежнему не только важную, но и все возрастающую роль в экономике играет государство. Между 1960 и 2005 г. госрасходы выросли во всех ведущих странах — от Франции (с 29,7 до 48,8% ВВП) до США (с 27,1 до 35%) [24, 34]. Усиливается роль государства и как общего экономического регулятора, в том числе подкрепляемая теоретически: в 2001 г. Нобелевская премия (Ж. Акерлоф) была вручена за доказательство процесса ухудшающегося отбора в рыночной экономике, в частности, выдавливанию с рынка лучших производителей в отсутствие специальных институтов [25, 488—500]. При этом, Всемирный банк предусматривает для развивающихся стран ведущую роль частного сектора при проведении информатизации, обходя молчанием вопросы о том, приводит ли в самом деле внедрение ИТ к росту эффективности экономики, обеспечат ли частные инвестиции справедливый доступ и использование ресурсов ИТ и т. п. [7]. На деле требование тотальной либерализации выливается не в развитие местного бизнеса, а в его подчинение ТНК, которые приходят «конкурировать» с еще и не родившимися местными компаниями.

Несмотря на огромный рост технических возможностей в современную эпоху, наиболее тревожна коммерциализация доступа к информации. Генеральный секретарь ООН Пан Ги Мун отмечал, что «знания все активнее приватизируются и коммерциализируются, а использование ПИС⁴ для защиты знаний ограничивает доступ к информации и технологиям» [26]. Хотя патенты в современном смысле появились уже в 1474 г. в Венецианской Республике, а меры по их охране доходили до смертной казни, современная новизна заключается в тотальном характере распространения ПИС, в результате чего современное законодательство об авторском и смежном праве практически за-

---

⁴ Права на интеллектуальную собственность.

блокировало свободный доступ к информации⁵, в том числе являющейся общественным достоянием и созданной на средства налогоплательщиков. Новый режим в отношении информации фактически утверждает высшую — информационную — форму монополизма, против которой пока нет ни антитрастового, ни антимонопольного законодательства. Раньше, владеющие ПИС, не только пользуются доходами от ренты нового типа, как и владельцы земли или капитала, но и могут запрещать ее использование другими. Вторая тревожная тенденция, противоречащая прогнозу безудержного роста производства информации и знаний, также прямо вытекает из капиталистического характера социально-экономических отношений: производится не то, что необходимо обществу, а только то, что может дать быструю и большую прибыль. Как отмечает Д. Диксон, часто используемое выражение «капитал знаний» недвусмысленно говорит, что ученые рассматриваются теперь как объект инвестиций, от которого ожидают соответствующей отдачи [14]. Университеты не заменили компании в качестве базового института «нового общества», как предполагал Д. Белл, а наоборот — стали работать на бизнес. Рынок превращается в единственный критерий оценки технологических инноваций, а огромные общественные (бюджетные) вложения в информационную инфраструктуру, предпринимаемые во многих странах мира, осуществляются в интересах не всех налогоплательщиков, но, в первую очередь, крупного бизнеса и государственной бюрократии. Информатизация резко повысила производительность труда, особенно в 1980-е гг., в таких сферах, как банковское и офисное дело, а также в достаточно узких секторах типа вычислений и проектирования. Но затем нобелевский лауреат Р. Солоу сформулировал парадокс, названный его именем: «Сегодня признаки компьютерной эпохи можно увидеть повсеместно, кроме статистики производительности труда» [28]. Действительно, в последнее десятилетие XX в. 50% мировых капиталовложений в средства производства пришлось на долю компьютеров и периферийных устройств, однако ожидаемого роста производительности не произошло [7]. Более того, такие инвестиции стали во многих случаях обременением для бизнеса. Исследования 2002 г. 7500 крупнейших аме-

---

⁵ Последним радикальным документом является «антиконтрафактное» соглашение АСТА (Anti-Counterfeiting Trade Agreement), которое в режиме особой секретности готовится уже несколько лет на переговорах между основными западными странами. По мнению многих экспертов и общественных организаций, его ввод в действие защитит главным образом интересы ТНК и создаст угрозы не только международной торговле, то и свободе слова, интернету и даже здоровью [27].

риканских компаний показали, что наилучших результатов добились наиболее экономные в сфере ИТ, т. е. большие расходы не трансформировались в большие финансовые результаты [29, 78].

Важные изменения происходят в характере рабочей силы. В течение XX в. время жизни, затрачиваемое на работу, снизилось с 42 до 12%, поставив рекорд во Франции — 1450 часов в год [30]. Но если М. Кастельс считает основной тенденцией развитие флекстамерства (от англ. flexitime — свободный режим рабочего дня), порожаемое «духом информационализма», то П. Бурдьё утверждает, что это «негарантированность»: возрастание относительно и абсолютно огромной «резервной армии труда», которую пополняют не только лица с низкой квалификацией, но и обладатели дипломов. Работа становится редким благом, которое стремятся обрести любой ценой. Это обрекает наемных работников на полный произвол работодателей и порождает конкуренцию, иногда столь же жестокую, как и конкуренция предпринимателей между собой [31]. При этом, не снижается детская занятость: согласно данным МОТ по эксплуатации детского труда, из 1,5 млрд детей в мире работает более 300 млн, в том числе 115 млн заняты опасным трудом [32].

Прогноз Европейского центра развития профессионального образования (Cedefop) описывает «поляризацию спроса на компетенции», т. е. рост спроса на квалифицированную рабочую силу и одновременно на работников сферы услуг, особенно торговли и других элементарных функций, требующих минимальной или лишь формальной квалификации» [33, 22—23]. Уже в 1970-е гг. было показано, что квалификационные требования к офисному труду в целом настолько понизились, что он почти не отличается от физического [34]. Подавляющая масса такого труда сегодня — это по-прежнему малоквалифицированная по сути и почти всегда тяжелая рутинная (в том числе и ручная — в виде бесконечного кликанья кнопками компьютера), вовсе и не требующая полета фантазии и творчества. Социологи Чикагского университета даже выступили с предупреждением об угрозе размывания среднего класса США, а он традиционно считается опорой американского общества [35, 4—7]. На другом полюсе этой проблемы — усложнение применения компетенций. Самый квалифицированный в какой-либо области, подготовленный в течение многих лет ученый или инженер абсолютно бессилён, если его работа предполагает участие огромного коллектива и/или уникального или дорогого оборудования. В условиях «негарантированности» и огромного давления на рынок труда, в том числе вследствие переноса из государств «золотого миллиарда» производства товаров в Китай, а услуг — в Индию, оказалось возможным меньше платить и на Западе. Появилась тенденция возвращения про-

изводства в Европу и США, породившая проблемы массовой нелегальной иммиграции, а также труда заключенных, оплачиваемого ниже минимумов, установленных для обычных граждан. К 2004 г. в 26 штатах были приняты законы, согласно которым третье тяжкое преступление влечет за собой пожизненное тюремное заключение. Если в 1972 г. в США было менее 300 000 заключенных, в 1990-м — 1 млн, то в настоящее время — 2 млн, или 25% заключенных всего мира, в том числе на 0,5 млн больше, чем в Китае. Этот рост совпал с приватизацией тюрем. И вот сегодня заключенные, в основном, из нацменьшинств, производят 100% военного обмундирования, 98% монтажных инструментов, 36% бытовой техники и 21% офисной мебели, а также авиационное, медицинское оборудование и многое другое. В список заказчиков тюремной индустрии — одной из наиболее быстро растущих отраслей — входят такие гиганты, в том числе «новой» экономики, как IBM, «Boeing», «Motorola», «Microsoft», AT&T, «Texas Instrument», «Dell», «Compaq», «Hewlett-Packard», «Lucent Technologies», «Intel» и многие другие [36]. Поскольку стали очевидны преимущества вложений в НИОКР, позволяющие усиливать конкурентные преимущества как в производстве, так и в военной сфере, американцы в послевоенные годы в значительной степени перестроили свою систему образования. Однако в их новой — информационной — экономике приоритетной является профессия вовсе не инженера или физика, но финансиста или юриста. Экономическая и финансовая мощь позволила американцам по разным профессиям десятилетиями «импортировать» в среднем около половины необходимых им ученых и специалистов, что беспокоит не только развивающиеся страны, где кадров просто мало, но и развитые, в которых таким образом консервируется технологическое отставание от США.

После исчезновения советской социально-экономической системы отпала необходимость теоретически увязывать варианты нового общества с «конвергенцией» или «преодолением» капитализма. Теперь, например, М. Кастельс предсказывает становление «индивидуального и децентрализованного капитализма», поскольку Интернет позволяет всем стать капиталистами, и даже капитализма без человеческих конфликтов — с социальными акторами, ведомыми «духом информационализма». Вместе с этим «информациональным капитализмом» [37] описывается «цифровой капитализм» (Д. Шиллер [38]), «транснациональный сетевой капитализм» (К. Фукс [39]) и т. п. Переориентация современного капитализма на финансово-спекулятивную сферу как источник основной массы прибыли обосновывается постмодернистской концепцией «самодостаточного знака» [40]. Виртуализацию капитала и спекуляции защитники «новой экономики» объясняют тем

обстоятельством, что поскольку когнитивный капитал не получается оценить на основе какого-либо материального эквивалента, его мериллом стала биржа, капитализация владеющих им компаний [41].

Литература

1. Information Society Policies. Annual World Report 2009. P., UNESCO, 2009.
2. *Porat M.* The Information Economy. PhD Diss., Univ. of Stanford. Wash., DC, 1977.
3. *Stewart T.A.* Intellectual Capital. The New Wealth of Organizations. N. Y., 1997.
4. Bureau of Economic Analysis // <http://www.bea.gov>.
5. Measuring the Information Economy. OECD. 2002.
6. *Currie W.* The Global Information Society. Chichester, 2000.
7. Всемирный доклад ЮНЕСКО о коммуникации и информации в 1999—2000 гг.
8. *Черняков Б.А.* Роль и место крупнейших сельскохозяйственных предприятий в аграрном секторе США // Экономика сельскохозяйственных и перерабатывающих предприятий. 2001. № 5.
9. *Schiller H.* Who Knows: Information in the Age of the Fortune 500. Norwood, 1981.
10. *Saloff-Coste M.* Analyse de la crise économique sociale et écologique actuelle // <http://knol.google.com/k/michel-saloff-coste/analyse-de-la-crise-%C3%A9conomique-sociale/365890ye0z3mt/2#>.
11. *Бек У.* Что такое глобализация? Ошибки глобализма — ответы на глобализацию. М., 2001.
12. *Горц А.* Знание, стоимость и капитал. К критике экономики знаний // Логос. 2007. № 4 (61).
13. The Economist. 2000. May 27 — June 2.
14. *Диксон П.* Бизнес-тренды: стратегическое моделирование будущего. М., 2005.
15. Экономические известия. 2010. 3 февр. № 13.
16. Труд. 2009. 11 авг.
17. Reuters. 2010. June. 30.
18. Интерфакс. 2010. 17 авг.
19. http://www.cbr.ru/statistics/print.aspx?file=credit_statistics/res_str.htm.
20. Прайм-ТАСС. 2009. 16 сент.
21. *Castells M.* End Of Millennium. Wiley-Blackwell. Preface to the 2010 Edition.
22. SIPRI Yearbook. Oxford University Press, 2010.

23. Форбс. 2010. 13 сент.
24. *Осадчая И.* Постиндустриальная экономика: меняется ли роль государства? // *Мировая экономика и международные отношения.* 2009. № 5.
25. *Akerlof G.A.* The Market for «Lemons»: Quality Uncertainty and the Market Mechanism // *The Quarterly Journal of Economics.* 1970. August. Vol. 84.
26. Доклад об информационной экономике, 2007/2008 г. Наука и техника на службе развития: новая парадигма ИКТ. UNCTAD/SDTE/ECB/2007/1.
27. *Le Monde Diplomatique.* 2010. Mars.
28. *Solow R.* We'd Better Watch Out // *New York Times Book Review.* 1987. July 12.
29. *Роговский Е.А.* США: информационное общество (экономика и политика). М., 2008.
30. *Coccolo D.* L'hypermodernité // <http://www.ecogesam.ac-aix-marseille.fr/Resped/Ecogen/hypermod.htm>.
31. *Бурдые П.* Негарантированность повсюду // *Бурдые П.* Статьи разных лет. М., 2006.
32. Intensifier la lutte contre le travail des enfants. Rapport du Directeur général. Conférence Internationale Du Travail. 99-e session, 2010.
33. *Le Monde Diplomatique.* 2010. Octobre.
34. *Braverman H.* Labour and Monopoly Capital: The Degradation of Work in the Twentieth Century. N. Y., 1974.
35. *Терин В.П.* Россия и глобально-управленческий императив нашего времени // *Тр. Междунар. акад. связи.* 2002. № 2 (22).
36. *Пелаяс В.* Тюремная индустрия в США: большой бизнес или новая форма рабства? // *Неволя.* 2008. 10 марта // http://www.index.org.ru/nevol/2008-15/usturma_n15.html.
37. *Кастельс М.* Информационная эпоха. Экономика, общество и культура. М., 2000.
38. *Schiller D.* Digital Capitalism. Cambridge, MA, 2000.
39. *Fuchs C.* Internet and Society: Social Theory in the Information Age. N. Y., 2008.
40. *Панарин А.С.* Постмодернизм и глобализация: проект освобождения собственников от социальных и национальных обязательств // *Вопросы философии.* 2003. № 6.
41. *Польре Б.* Когнитивный капитализм на марше // *Политический журнал.* 2008. № 2 (179).

IV

МЕНЕДЖМЕНТ

В.С. СИЗОВ

О принципах нового менеджмента

Сегодня мы достигли такого уровня управления, манипуляции, когда человек не знает, что им управляют.

Ю.М. Осипов

Аннотация. Рассматриваются основные принципы управления организациями в новой экономике. При этом специфическая особенность нового менеджмента проявляется в способности топ-менеджеров оказывать управляющее воздействие на внешнюю среду управляемой системы.

Ключевые слова: технологический уклад, новая экономика, новый менеджмент, внешняя среда, инфосреда, информационные интервенции.

Abstract. The article is devoted to the main principles laid in the organization management in new economy. The new management specific feature reveals itself in possibility and ability of top-managers to have a managing influence on the controlling system external environment.

Keywords: technological pattern, new economy, new management, external environment, infoenvironment, informational interventions.

Тип управления, характерный для той или иной страны, непосредственно связан с направлением, по которому идет развитие ее экономики. В свою очередь направление развития экономики непосредственно связано с тем технологическим укладом, который доминирует в стране. В развитых странах Запада, во главе с США, сегодня лидирует пятый технологический уклад, связанный с преобладанием в экономической деятельности *информационных технологий*. Пятый технологический уклад породил принципиально новый тип экономики, получивший название «новая экономика», с которым человечество прежде не сталкивалось. Предполагается, что в ближайшее десятилетие страны с мощным научным и интеллектуальным потенциалом уже перейдут к шестому технологическому укладу, который будет основан на достижениях *биоинженерии* и *нанотехнологиях*. При этом нынешняя экономика претерпит существенную трансформацию. Экономику шестого технологического уклада, вероятно, по аналогии с историческими науками назовут «новейшей экономикой».

Анализ типов технологических укладов и экономик представляется не полным, если «за кадром» остается вопрос о том, какими способами управления или каким типом менеджмента они характеризуются. Этот вопрос чрезвычайно важен, поскольку для того, чтобы эффективно вести хозяйственную деятельность, необходимо владеть специфическими технологиями управления, характерными только для данного типа экономики.

Новой экономике соответствует и новый тип менеджмента — *новый менеджмент*, или *неоменеджмент*.

Актуальность исследований принципов нового менеджмента связана еще и с тем, что он не столько обуславливается факторами новой экономики, сколько сам во многом и *формирует* ее контуры, принципы и особенности. Сегодня уровень развития и использования современных технологий управления — нового менеджмента — в значительной мере определяет успех или отставание фирм, компаний и даже стран в национальных и мировой экономиках.

Что такое управление? Управление обычно рассматривается как деятельность, направленная на достижение цели или перевод системы из одного состояния в заданное. Приведем одно из определений, которое поможет понять суть произошедших в современном менеджменте трансформаций. «Управление (в общем виде) — это определенный тип взаимодействия двух объектов, один из которых при этом находится в позиции субъекта управления, а другой — в позиции объекта управления» [1, 294].

В классическом менеджменте основные функции управления (по А. Файолю) заключаются в администрировании, а также технической, коммерческой, финансовой, защитной и бухгалтерской деятельности. Кроме того, А. Файоль выделял пять основных элементов, из которых складываются непосредственно функции администрации: предвидения, планирования, организации, координирования, контроля [2, 64, 66].

Вследствие того, что в пятом технологическом укладе основой экономической деятельности становятся информационные технологии, новую экономику часто называют *информационной экономикой*, или *экономикой знаний*. Отличие менеджмента традиционного от нового также лежит, прежде всего, в характере работы с информацией. Если обратиться к рассмотрению перечисленных функций традиционного менеджмента, легко заметить, что в основе каждой из них также лежит информация, которая тем или иным образом обрабатывается и используется в дальнейшем по тому или иному назначению. Все функции управления — это, прежде всего, работа с информацией, ее сбор, обра-

ботка и анализ, перераспределение среди подчиненных и принятие на ее основе тех или иных решений.

Принципиальную схему работы с информацией в традиционном менеджменте можно изобразить следующим образом (рис. 1).

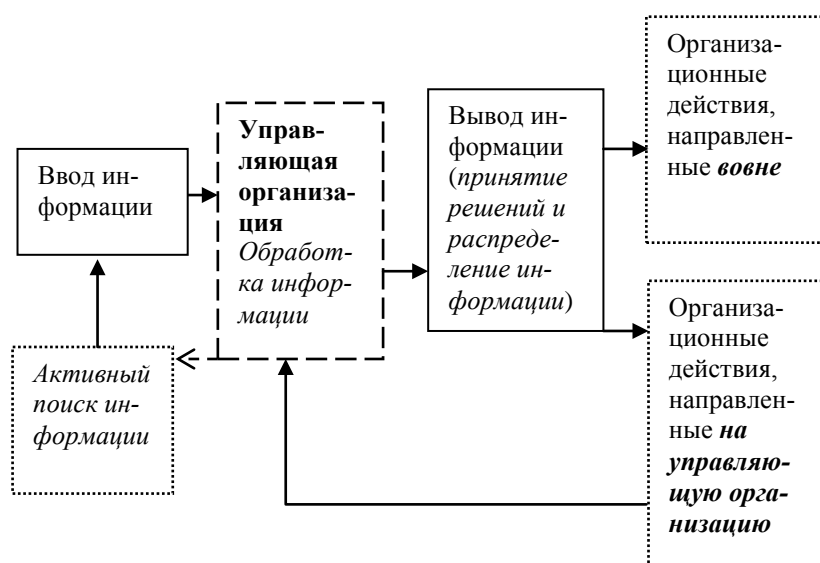

Рис. 1. Схема работы с информацией в традиционном менеджменте

Теперь рассмотрим, как менеджмент работает с информацией в новой экономике. В традиционном управлении одной из важных задач менеджера являлось получение (добыча) необходимой для своей работы информации. В новой экономике на первое место выходит задача не добывания информации извне, а *создание* информации с заданными параметрами внутри управляемой системы и вывод ее вовне. Целью этого процесса является *целенаправленное изменение параметров внешней среды*. Иначе говоря, в новом менеджменте принципиально изменяется объект управления. Это не только и не столько управление организационной системой, частью которой является менеджер (как это было в традиционном менеджменте), но, прежде всего, *управление объектами внешней среды* организации посредством внесения в нее определенной информации и управление этой информацией. При этом менеджеров не особо интересует достоверность вносимой информации. Главное, чтобы она была правдоподобной. Другими словами, требуется такое качество информации, которое позволяет ей, вне зависи-

мости от того, как на самом деле обстоят дела, быть воспринятой внешними потребителями как заслуживающей доверия или имеющей большое вероятное значение.

В качестве примеров технологий внесения управляющим субъектом информации во внешнюю среду с целью управления объектами внешней среды можно привести рейтинги, сценарную прогностику (и вообще всякого рода прогнозы), создание гудвила, инсайдинговую информацию, торговые марки и бренды — все они имеют своей целью донести до потенциального потребителя «нужную» фирме информацию.

После внесения управляющим субъектом информации определенного рода вовне процесс работы с информацией не заканчивается. Менеджменту требуется обратная связь. Поэтому он постоянно отслеживает и анализирует получаемые извне сигналы о том, как «работает» и видоизменяется внесенная во внешнюю среду информация. Это происходит с помощью различных технологий анализа (например, анализа конъюнктуры рынков, новых технологий продуктов и услуг, акций и т. п.).

Когда внешняя информационная среда достигает необходимого управляемой системе состояния, реализуется та цель, ради которой осуществлялась «информационная атака».

Например, в начале 2009 г. средства массовой информации с подачи Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ) подняли бум вокруг вируса H1N1 («свиного гриппа»). Но как выяснилось, его опасность была чрезмерно и необоснованно раздута, из-за чего правительства многих государств потратили миллиарды долларов, проводя профилактические меры и закупая вакцину от него. Есть сведения, что всю эту шумиху организовали фармацевтические компании, заработавшие на мировой панике огромные деньги.

Таким образом, если в традиционном менеджменте характер управляющего воздействия является в основном прямым, то в новом менеджменте чаще используется опосредованное управляющее воздействие.

Принципиальную схему работы с информацией в менеджменте, работающем в новой экономике, или в новом менеджменте, можно изобразить следующим образом (рис. 2).

Можно сказать, что *специфическая особенность нового менеджмента проявляется в возможности/способности топ-менеджеров оказывать управляющее воздействие на внешнюю среду управляемой системы.*

Рис. 2. Схема работы с информацией в новом менеджменте

Как правило, под внутренней средой предприятия понимают все то, на что его менеджмент может оказывать влияние, а под внешней средой — то, что ему не доступно. Традиционные методы анализа внешней среды (типа STEP, SWOT или разного рода управленческий анализ) рассматривают ее как источник неуправляемых возможностей и угроз. Однако любой руководитель всегда старается расширить внутреннюю среду своей управляемой системы до максимальных границ. В новой экономике и менеджменте эта проблема решается через использование ряда стратегий. Приведем три основных.

1. *Стратегия субкультур.* Распространение крупными корпорациями своих субкультур (корпоративных культур) во внешнее окру-

жение и подчинение/вовлечение части внешней среды (прежде всего, потребителей) своей корпоративной культуре.

В новом менеджменте, основная цель которого — максимизация прибыли коммерческих предприятий, крупные производители заставляют людей выражать свои политические взгляды, жизненную позицию, приверженность к той или иной субкультуре посредством музыки, причесок, фасона и цвета одежды, средств передвижения, журналов и книг, еды и напитков, разнообразных аксессуаров. Производители больше не стремятся успевать за тенденциями в молодежной среде, но сами создают те или иные тренды и модные тенденции.

2. *Стратегия вхождения во власть.* Влияние на внешнюю среду и включение ее в состав контролируемой среды не часто происходит через продвижение «своих» людей на все значимые должности исполнительной власти, в состав законодательной и даже судебной власти всех уровней — лоббирующих интересы продвигающих их коммерческих компаний.

3. *Стратегия аутсорсинга.* Самый «мирный» способ проникновения организации во внешнюю среду и управление ею. Происходит посредством ее взаимодействия и интеграции с другими самостоятельными хозяйствующими субъектами на основе общей разумной заинтересованности и распределении между ними функций и обязанностей. Сфера применения аутсорсинга в условиях новой экономики многократно увеличилась и расширилась, затронув практически все сферы и отрасли. Однако если менеджмент той или иной компании управляет работами, которые производят юридически (а зачастую и фактически) независимые от его компании аутсорсинговые фирмы, то они автоматически включаются в ее контролируемую среду.

Таким образом, в управлении предприятиями, которые работают по новоэкономическим принципам, произошло не просто расширение их внутренней среды, но фактически смешение внутренней и внешней среды, замена их на принципиально новый вид — *среду информационного воздействия*, или *инфосреду*.

Новый менеджмент имеет ряд особенностей, являющихся следствием того, что он «работает» прежде всего с информацией, направленной во внешнюю среду организации.

1. Харизматические лидеры уже не являются основой сильной организации и залогом ее успеха. В корпорациях реальная *власть принадлежит «серым кардиналам»* — технологичным управленцам, предпочитающим держаться «в тени».

2. Задачи по «командообразованию» в корпорациях, характерные для последних двух-трех десятилетий, в новом менеджменте уходят на второй план. Теперь *задачи распределяются между отдельными*

людьми и группами, порою никак не связанными между собой, иногда даже не знакомыми. Они вообще могут являться членами разных организаций и образовывать временные или «виртуальные» организации для решения тех или иных задач. Как указывает профессор Е. Кизильницкий, подобная виртуализация может вести предприятия малого и среднего бизнеса к трансформации в глобальную виртуальную организацию (см.: [3, 16—28]).

3. В новой экономике не только ТНК, но даже предприятия-средняки стремятся к созданию и развитию сетевой организационной структуры. В качестве преимуществ сетевой структуры следует указать на возможность более эффективного воздействия на внешнюю среду, что ведет к вовлечению в инфосреду предприятия более значительного объема рыночного пространства. Рыночное пространство необходимо для увеличения потенциального объема заказов, количества клиентов, т. е. для увеличения емкости рынков, на которых действует компания. Сетевым формам организации предприятий соответствует и *сетевое управление, характеризующееся большими объемами косвенных и опосредованных влияний* на объекты управления одной сети. Объекты управления (*элементы сети*), имея относительную хозяйственную независимость, в то же время сильно зависят от состояния общей инфосреды организации (имиджа сетевой организации, ее брендов и торговых марок).

4. Для компаний, работающих в новой экономике, характерна высокая степень *адаптивности* к быстро изменяющимся условиям бизнеса. Речь идет в первую очередь о трендах, которые возникают в рыночной среде, в том числе и тех, которые компания разрабатывает сама, чтобы не остаться позади конкурентов.

5. Современные «новоэкономические» компании имеют *гибкую организационную структуру*, которая подвижна и в зависимости от требований насущного момента достаточно легко может меняться. Это связано с тем, что управленческая деятельность компаний перестает рассматриваться в качестве функции по поддержанию постоянства организационно-производственного процесса (который все чаще отдается «на откуп» в станы «третьего мира»), но в большей степени как деятельность по управлению теми или иными проектами. Для нового менеджмента в большей степени характерно *проектное управление*. Следствием этого является малое число иерархических ступеней («плоская иерархия») в компаниях, которые по этому признаку часто являются «горизонтальными корпорациями».

6. *Новый менеджмент циничен и жесток* по своей сути и в своих проявлениях. Он осуществляет управление и добивается поставленных целей любыми доступными, в том числе аморальными методами.

Своеобразной «вершиной» искусства управления в новом менеджменте является способность обойти установленные в обществе законы «законными» средствами.

Кроме принципа управления объектами внешней среды, можно постулировать еще два важных принципа, на которых сегодня строится новый менеджмент. Это дистанционность и дистанцированность.

1. *Дистанционность*. Как никогда ранее, для управления используются различные технические системы, позволяющие осуществлять дистанционное управление управляемыми объектами. Сегодня уже не требуется постоянного и непосредственного присутствия руководителя в организации. Определение четкого местонахождения организации в новой экономике тоже весьма затруднительно. Технические системы управления базируются, прежде всего, на использовании глобальных (Интернет) и локальных (Интранет) коммуникационных сетей, широких возможностях современных средств связи.

2. *Дистанцированность*, т. е. удаленность менеджеров от понимания сущности производственных процессов на управляемых ими предприятиях (и не только высшего, но и среднего, а порою и нижнего уровня управления). «Новые управленцы» могут не иметь глубоких знаний об объектах их управления, не «прикипать к ним душой», как это было распространено еще 15—20 лет назад. Они управляют технологично, расчетливо, но бездушно, действуя строго в соответствии с теми задачами, которые поставило перед ними руководство. Они не будут «надрывать», чтобы «поднять с колен» предприятие, оказавшееся в кризисе, а продадут или обанкротят его, направив вырученный капитал в более прибыльные отрасли.

В заключение укажем, что новый менеджмент не отменяет использование традиционных подходов к управлению. Разные типы и инструменты управления сосуществуют в одном пространстве и времени и используются организациями для достижения разных целей. Но только практическое применение управляемой системой принципов нового менеджмента является указанием на то, что она работает в пятом технологическом укладе, в новой экономике.

Литература

1. Семенов А.К., Набоков В.И. Основы менеджмента: Учебник. М., 2004.
2. Гвишиани Д.М. Организация и управление. М., 1998.
3. Кизильницкий Е. Виртуализация как процесс трансформации предприятий малого и среднего бизнеса в глобальную виртуальную организацию // Вопросы новой экономики. 2009. № 3.

А.А. РЕЗВАНОВ

Неформальные практики в российском малом бизнесе

Аннотация. Неформальные отношения выступают сглаживающим механизмом в ликвидации неравенства между усилиями и вознаграждениями. Иными словами, данный предпринимательский слой позитивно оценивает неформальные отношения как стартовую площадку для реализации экономических стратегий. Разумеется, при этом должны, хотя бы формально, соблюдаться правовые процедуры. Но сама экономическая деятельность помещается в контекст неформальных отношений. И конечно, здесь важно определить, каковы границы неформальных отношений в процессе экономической деятельности, взаимодействии с другими экономическими субъектами.

Ключевые слова: малый бизнес, неформальные практики, экономические стратегии, субъекты малого бизнеса, государственный контроль, социальный капитал.

Abstract. Informal relations come with accommodating mechanism in liquidating inequality between terms and benefits. Otherwise, this business layer positively estimates informal relations as the beginning for realizing economical strategies. Of course, legal relations should be observed formally. But business is in the context of informal relations. And here it is important to define what borders informal relations have in business and their relation with other economical subjects.

Keywords: small business, informal practices, economical strategies, subjects of small business, state control, social capital.

В научных дискуссиях последнего времени актуализировался вопрос о том, как можно описать в контексте институциональной теории современный российский малый бизнес. Очевидный способ ответить на этот вопрос — проанализировать баланс формальных и неформальных норм в деятельности бизнеса.

Первое, что сразу же бросается в глаза, — это якобы явное доминирование неформальных отношений над формальными отношениями и институтами. Специфика развития российского малого бизнеса определяет этот сдвиг от формальных правил игры к неформальным, от явных контрактов к неявным, от стандартных трансакций к персонализированным личностным сделкам. Во всех звеньях сложившегося хозяйственного механизма — на рынке капитала, на рынке труда, в отношениях между предпринимателями — неписанные правила и договоренности имеют перевес над требованиями законов, условиями контрактов и другими формальными ограничениями. Для российского

малого бизнеса характерны так называемые совмещающие сделки, когда договоры заключаются при соблюдении всех формальностей, но исполняются, в большинстве своем, «по обстоятельствам».

Можно говорить о нестандартных формах адаптации и даже достижении успеха. Но реально положение российского малого бизнеса предполагает внутреннюю устойчивость, воспроизводство отношений такими, каковы они есть. И в этом смысле нельзя говорить, что мы переживаем транзитивный период. Скорее, в субъективном восприятии, это мыслится как невозврат к модели прямого государственного вмешательства.

Чем же можно объяснить то, что неформальные правила доминируют в данном сегменте экономической деятельности? Можно, конечно, сослаться на то, что российский малый бизнес формировался стихийно в отсутствие цивилизованного малого предпринимательства, какое, например, сохранялось в Польше и ряде других стран в условиях социализма. Можно говорить о том, что неформальные нормы являлись мощным стимулом адаптации в условиях дефицита институциональных ресурсов и навязывания невыгодных для малого бизнеса правил игры.

Если российский малый бизнес так и не живет по понятным для всех правилам и на основе использования прозрачных унифицированных процедур, то, вероятно, дело не только в слабом государственном контроле. Формирование формальных правил блокировалось множеством факторов: и исключительной степенью неопределенности судьбы малого бизнеса на первоначальном этапе реформ; и тем, что в малый бизнес пришли люди по вынужденному выбору, которые не были знакомы с «азами» деловой этики и культуры; и незрелостью малого бизнеса, который имеет истоки в «челночестве»; и недостатком внимания со стороны руководства страны; и неэффективностью предлагаемых стимулов развития малого бизнеса.

В данной ситуации важно обозначить масштабность распространности неформальных практик и механизмы воспроизводства. Эти два вопроса, несмотря на самостоятельность, взаимосвязаны между собой. Представители малого бизнеса, предъявляя обоснованные требования государству относительно соблюдения им же продуцируемых правил игры, достаточно неохотно выявляют и ставят вопрос о использовании неформальных механизмов. И здесь нельзя обойтись расхожей формулой, что «все поступают так». За годы реформ, как отмечает Т.И. Заславская [1, 137], системообразующие институты, общество, экономика, политика и право, подверглись преобразованиям в неодинаковой степени, одновременно и с разным успехом. Отмечается, что в наиболее удручающем положении сегодня находится право.

Именно асимметричность правовых норм и экономической деятельности не только вызывает эффект осознания массового нарушения прав, но и сужает масштабы легитимного экономического пространства.

Государство олицетворяется часто как ответственное за нарушение прав по логике «сверху — вниз». Иными словами, в любых действиях государства можно с основанием или без основания подозревать административный синдром, скрытие за новыми правилами старых отношений, господство подчинения. Но все-таки остается неясным вопрос, почему же в современных условиях малый бизнес включается в неправовые (неформальные) отношения?

Здесь важно разделить, кто сделал добровольный выбор, а кто — вынужденный или действовал по схеме адаптации к обстоятельствам. Неформальные практики имеют различные аспекты. Как отмечает Н.К. Горшков, 37% предпринимателей признают, что для них действие не по правилам привлекательнее личностных и персональных контактов, приносит больше выгоды, дает больше уверенности в ведении дел, чем следование формальным правилам [2, 155]. Но среди этой категории респондентов большинство считают, что отношения складываются неплохо, но 53% отмечают достаточную хрупкость неправового поведения, уязвимость для вторжения в собственное дело.

Исходя из отмеченных данных, мы можем говорить о том, что добровольный выбор неформальных практик обусловлен тем, что в них видят меньше риска, чем в действиях по правилам. Создается впечатление, что следование формальным нормам, а не констелляция интересов, снижает возможности конкурентоспособности. Иными словами, представители малого бизнеса заявляют, что не имеют возможностей крупного и среднего бизнеса, которые позволили бы им действовать по правилам и, следовательно, относят формальные отношения к явному и неявному ресурсу экономической деятельности.

Главный вопрос, это вопрос о том, является ли включение в неформальные практики и неформальные социальные отношения условием развития или, напротив, стагнации малого бизнеса. И здесь нельзя дать однозначного ответа. С одной стороны, неформальные отношения продуцируются на микроуровни и адекватны уровню организационной и правовой культуры субъектов малого бизнеса. С другой — возникает постоянная напряженность между формальными (правовыми) и неформальными нормами. Нельзя сказать, что практика совмещения является достаточным основанием считать, что малый бизнес развивается в «нужном» направлении. Понятно, что малый бизнес пытается выжить сам. Но это выживание не связано с феноменом бедности. Можно констатировать, что если в малом бизнесе доминирует ставка на себя или на ближайший круг (семью, коллег по бизнесу), а отношения с

государством сводятся к формуле «вы нас не трогайте, и мы вас не тронем», то увеличивается дистанция между формальными и неформальными нормами.

Другая очень важная составляющая часть неформальных отношений — это то, что они являются ресурсом социального капитала. Ведь неформальные отношения позволяют рассчитывать на помощь и поддержку родных и друзей. Эта помощь, прежде всего, заключается в использовании нужных связей и знакомств. Таким образом, в отношении формальных норм применяются критерии эгоизма, а неформальные нормы ассоциируются с признанием взаимопомощи. Такая разноориентированность порождает предпочтение неформальных отношений как стимулирующих самодостаточность и независимость. А формальные связи выглядят избыточными, накладывающими дополнительные, часто затрагивающие интересы ведения дела, нормы.

Но, как отмечает Н.К. Горшков, нет оснований считать, что сложившаяся система взаимной поддержки способствует развитию малого бизнеса [2, 188]. Ведь лишь 52% представителей малого бизнеса думают, что благодаря помощи других они могут осуществить свои экономические цели. Здесь есть и основания считать, что действует принцип самодостаточности, опоры на собственные силы, а социальная поддержка выступает только механизмом выживания в чрезвычайных ситуациях, с которыми нельзя справиться в одиночку. Но, по нашему мнению, неформальные практики коррелируются с возможностью ведения бизнеса.

Анализируя проблему формирования экономических установок по использованию неформальных отношений, необходимо рассмотреть условия включения в неформальные отношения. Можно предположить, что как раз неформальные отношения и обеспечивают реализацию экономических интересов и сокращают неравенство с крупным и средним бизнесом до уровня нормального. В основном, данный вопрос может быть рассмотрен в контексте того, что неформальные отношения компенсируют нарушение принципа меритократии. Ведь только 1/3 россиян согласны с тем, что люди в России получают достойное вознаграждение за свои интеллектуальные способности и квалификацию [3, 179]. И поэтому неформальные отношения выступают сглаживающим механизмом в ликвидации неравенства между усилиями и вознаграждениями. Иными словами, данный предпринимательский слой позитивно оценивает неформальные отношения как стартовую площадку для реализации экономических стратегий. Разумеется, при этом должны, хотя бы формально, соблюдаться правовые процедуры. Но сама экономическая деятельность помещается в контекст неформальных отношений. И конечно, здесь важно определить, каковы гра-

ницы неформальных отношений в процессе экономической деятельности, взаимодействии с другими экономическими субъектами.

Можно отметить, что неформальные отношения выступают своего рода символическим кодом экономической реальности, коллективных самопредставлений малого бизнеса. Но одновременно неформальные отношения отражают стихийность функционирования малого бизнеса. Главное в том, что они моделируют отношение к экономической деятельности как к деятельности, ориентированной на удовлетворение личностных потребностей. Хотя и стационарные изменения в экономике России вызвали к жизни новые социальные практики [1, 211]. Приведенные результаты исследований дают возможность сопоставимости формальных/неформальных практик. По мнению Т.И. Заславской, именно неформальные отношения, как ни странно, способствуют контролю личности, антагонистичности малого бизнеса. Наверно, если бы малый бизнес действовал по правовым нормам, он бы постоянно конфронтировал с государством, и актуальным был бы вопрос о том, как изменить достигнутое стагнационное состояние с помощью мер социально-экономической политики.

Можно считать, что само проявление неформальных отношений еще не ведет их к процессу институционализации. Поскольку, считая нормой неформальное экономическое поведение, представители малого бизнеса различают ситуации, когда возможен успех при соблюдении правовой ситуации, и когда «противозаконные» действия вызывают ожидаемый эффект, и существенно повышает результативность применения неформальных отношений сочетание законных и незаконных способов. Таким образом, обладание неформальными отношениями, готовность к неформальным отношениям — это те шансы, которые позволяют воспроизводить экономическую позицию.

Нельзя утверждать, что распространение неформальных отношений связано со слабостью формально-институциональных механизмов. В современных условиях обнаруживается интересная закономерность. Несмотря на то, что малый бизнес имеет перспективу большего доступа к правовым ресурсам, в предпринимательской среде ожидания правового поведения оказываются более низкими, чем можно предположить. На наш взгляд, это объясняется двумя причинами. Во-первых, обещанные государством правовые льготы могут не считаться слишком мощным стимулятором перехода в режим цивилизованного бизнеса. Во-вторых, что представляется главным, неформальные отношения обладают большей взаимовыгодностью и компенсированностью, нежели формальные, связанные с организационными и правовыми затратами.

Неформальные отношения, являясь устойчивым воспроизводящимся феноменом, конечно, имеют определенные институционально-правовые противовесы в виде контрольных механизмов государства. Можно назвать иные институциональные ограничения. Современные представители малого бизнеса — это люди, которые занимаются, по их собственному выражению, «каторжным» трудом. Это достаточно большой круг производственных и организационных забот. Бизнес в этой конкретной ситуации не рассчитывает на массу возможностей, больше полагаясь на динамику рыночных отношений, которые ограничены как внешними факторами (допустим, ценами на сырье), так и неформальными границами развития бизнеса. Это означает, что малый бизнес не склонен распространять форму неформальных отношений вне собственного дела и невозможен сценарий, по которому существуют неформальные договоренности между крупным, средним и малым бизнесом.

Еще в 2003 г. российский социолог Н.Е. Тихонова отмечала, что вопрос о том, кто выиграл, а кто проиграл от социальных последствий российских реформ, является краеугольным камнем для понимания вектора движения российского общества за последние годы. И, как правило, пытаясь ответить на этот вопрос, вспоминают олигархов, говорят о массовом обнищании народа, по сути, сводя эту проблему к различного рода личным идеологемам [4, 113]. Представители малого бизнеса относятся как раз к той трети российского населения, которая сумела подняться по социальной лестнице, но путем издержек профессиональной деградации, если не ограничиваться таким показателем восходящей социальной мобильности, как уровень доходов.

Не менее «драматическими» являются последствия применения неформальных отношений. Испытывая удовлетворение достигнутым и определенную самодостаточность, малый бизнес считает себя не выигравшим от введения рыночных институтов российского образца. Это, на наш взгляд, связано с тем, что реальный механизм происходившей за эти годы экономической селекции выявляет не столько статусные позиции малого бизнеса, сколько соотношение формальных и неформальных практик. Вот почему среди представителей малого бизнеса достаточно невелик процент тех, кто считает навыки работы на компьютере, овладение иностранными языками или готовность к постоянному обучению и саморазвитию наиболее значимыми факторами. Для них важнейшим условием, влияющим на направленность экономического поведения, является место в системе экономических правил игры.

На первый взгляд, неформальные практики повышают жизненные шансы и дают преференции по сравнению с легитимными секторами

экономики. Конечно, и для малого бизнеса высок риск попасть «под жернова» нисходящей социальной мобильности. Ведь независимо от исходного уровня образования, даже достигнутого экономического капитала, неформальные отношения слишком рискогенны, чтобы считать свое положение устойчивым или хотя бы сохранить свой достигнутый социальный статус в условиях перемены векторов малого бизнеса. Иными словами, неформальные отношения стимулируют такой тип экономического поведения, который не только обеспечивает экономическую инициативу, но и негативно влияет на рост конкурентоспособности через легитимные способы повышения образовательного и профессионального уровня. И наиболее выпукло проявляется это в невысокой роли инвестиционного поведения. Знаменательно, что среди представителей малого бизнеса тех, кто готов вкладывать средства в развитие дела на долгосрочную перспективу, всего лишь 6,2%. Зато тех, кто надеется сохранить достигнутый уровень, почти 61%. Это оценка не только материального положения, но и того, что касается ведения собственного дела [5, 17].

Как правило, представители малого бизнеса ориентируются на рыночную экономику не абстрактно-институционально, а исходя из тех возможностей, которые предоставляет рынок для развития бизнеса. По данным исследования Н.Е. Тихоновой [4, 114], наибольшее число владельцев частных предприятий приходится на группу 35 — 44-летних. Обращает на себя внимание тот факт, что выработка рыночных стратегий поведения, усиление тенденции к самостоятельности, ослабление патернализма, как бы «красиво» не звучали, находится в пределах неформальной зависимости. Включенность в неформальные отношения не определяется образовательным или профессиональным статусом, являясь системообразующим фактором.

Необходимо различать два вида трудностей. Первый связан с тем, что, достигая непосредственно цели, обеспечивая достаточно высокий уровень благосостояния, предприниматель не всегда способен обеспечить эффективное и масштабное развитие своего бизнеса. Если же речь идет о долговременной перспективе, то неформальные отношения выполняют роль институционального ограничителя. В них меньше всего необходимо видеть ожидание помощи. В той модели экономического поведения, которая характерна для современной России, на вопрос: «Как вы думаете, кому принадлежит власть?» 44,1% предпринимателей и столько же непредпринимателей ответили — крупному капиталу (для сравнения, президенту соответственно 18,2 и 18,6%, чиновникам — 11,0 и 8,5%, народу — 1,0 и 0,9%) [6, 186].

Казалось бы, естественным врагом малого бизнеса выступает крупный бизнес. И на то есть свои причины. Располагая достаточными фи-

нансовыми и властными ресурсами, крупный бизнес лоббирует свои экономические интересы как на федеральном, так и на региональном уровне. Но важно отметить, что неформальные отношения как раз и являются «коридором» возможностей, дающих гарантию выживания. И доверительные отношения с конкретными чиновниками, конечно, важнее, чем с институтами, регулирующими участие государства в экономике. Следует отметить, что в предпринимательской среде отношение к работе, к ее престижности и значимости коррелируется с включенностью в систему неформальных отношений. Ведь 44,2% предпринимателей считают, что их бизнес есть условие достижения успехов будущего. Неформальные отношения — то, что фиксируется как неправовые практики, — дают бо

□ лшую уверенность Можно

даже предположить, что инициативность, деловитость ассоциируются с возможностью успешно завязывать новые контакты и получать выгоду на уровне неформальных отношений. Следует подчеркнуть, что существование неформальных отношений усиливает живучесть и функциональность малого бизнеса и является его «неотъемлемым» свойством. Но если смотреть на динамику развития малого бизнеса, то, конечно, можно говорить о социальной неэффективности, неспособности осуществлять техническую модернизацию, перевооружение производства, привлечение инвестиций и трансферт технологий, и самое главное — повышать качество и конкурентоспособность продукции. В том, что неформальные отношения конструктивны в контексте адаптации малого бизнеса и придания устойчивости достигнутым позициям, нет сомнения. Включенность в неформальные отношения определяет традиционность предоставляемых услуг и является ограничителем на введение таких инновационных рыночных институтов, как страхование и кредитование.

Конечно, нельзя забывать о тех рисках и трудностях, которые встают на пути малых предпринимателей. Как и недоинвестирование является не столько субъективной позицией, сколько тем неравномерным финансовым влиянием, которое присуще государственной политике. Можно сказать, что малый бизнес в неформальных отношениях создает пространство традиционализма в рыночной экономике. И как раз это является свидетельством того, что нельзя полностью даже при помощи современных рыночных механизмов вытеснить традиционное производство, каким бы примитивным оно не казалось.

Для малого бизнеса присутствие неформальных отношений, не являясь источником порядка, все-таки структурирует внутреннюю среду и позволяет достичь равновесия с конкурентами по бизнесу. Исходя из сложившейся ситуации, корректно сказать о том, что воздействие неформальных отношений на экономический процесс заключается в за-

мыкании в узкогрупповых интересах и снижает готовность к участию в модернизации. Это влияет и на поиск необходимых материальных, интеллектуальных и управленческих ресурсов для развития малого бизнеса.

Не будучи «вершителем судеб» малого бизнеса как системы, неформальные отношения накладывают существенный отпечаток на состояние внутрирыночной сферы, и во многом определяют правила игры, в которой она основана. Его влияние, прежде всего, является в «закупорке» каналов взаимодействия между представителями малого бизнеса, которые подходят к неформальным отношениям с позиции индивидуального контакта и поэтому не склонны переоценивать роль профессиональных и деловых ассоциаций. Этот своего рода «институт» укрепляет позиции сторонников самодостаточности бизнеса. И, отражая не столько приращение рыночных механизмов, сколько неформальный контроль, который устанавливается над малым бизнесом со стороны крупного бизнеса и связанных с ним властных структур. Растущая заинтересованность в доверительных отношениях с местными сообществами, конкуренция за лояльность государству, требует повышения роли институциональных механизмов, прежде всего в обеспечении экономической безопасности. Подобная конструктивная тенденция прослеживается на региональном уровне, является неосновной.

Казалось бы, малый бизнес достиг того уровня, когда институционализация необходима для достижения рутинных целей. И в то же время осмысление сложных процессов взаимодействия внутри малого бизнеса и с другими экономическими субъектами свидетельствует о том, что формальные механизмы вкраплены в универсальную инфраструктуру неформальных отношений.

Отметим, что обращает на себя внимание воспроизводство неформальных отношений на протяжении развития российского бизнеса (последних 10 лет). Можно согласиться и с П.Е. Перегудовым, что это прямое продолжение нормы практик, сформировавшихся в предшествующий период перераспределения собственности, когда собственник, осознающий нелегитимность или крайне слабую легитимность своего состояния и своих активов, бюрократ с психологией рантье обречены действовать по формуле обмена «товар — административный ресурс на товар — деньги», «товар — активы на товар — статус на товар — рента» [6, 224].

Но малый бизнес не так привлекателен как средний и крупный в смысле принятия наиболее важных экономических решений, а также извлечения должностной ренты. Если говорить об этом сегменте экономики, речь, наверное, идет скорее о неформальных отношениях как

о том компромиссе, который существует между малым бизнесом и государством. Это позволяет не абсолютизировать государственный контроль и согласовывать наиболее существенные позиции путем взаимовыгодных сделок. Неформальные отношения удерживают малый бизнес в фрагментарном, индивидуализированном состоянии и отвечают позиции самодостаточности. Но если судить о тенденции консолидации, стремлении обозначить свое место и свой конструктивный вклад в развитие экономики, конечно, неформальные отношения не приносят высоких дивидендов.

Трудно сказать, когда будет достигнута деформализация экономических отношений. Но очевидно, что малый бизнес вступил в полосу развития, когда формальные отношения более полезны для него, способствуя как росту конкуренции, так и укреплению самостоятельных позиций в российской экономике. По крайней мере, они не являются тем институциональным препятствием, которое бы влияло на поддержание должностного бремени, связывающего бизнес и бюрократию. То, что можно назвать институционализацией взаимодействия малого бизнеса с федеральными, региональными и местными властями (консультации, контрактные отношения), конечно, касается в большей степени и крупного бизнеса. И перенос на деформализацию возможен, когда и малый бизнес будет иметь свой спектр возможностей включения в реальные контрактные отношения.

В целом, можно отметить, что малый бизнес, позиционируемый как сфера неформализованной экономики, включен в эту систему в той же степени, как средний и крупный бизнес. Другое дело, что малый бизнес, в силу ограниченности доступа к правовым и политическим ресурсам, вынужден действовать на экономическом микроуровне и отдален от заключения контрактных отношений с властью. Поэтому доверие к отдельным чиновникам, возможности «уладить дело», «разрулить вопрос» являются до сих пор безальтернативными в сфере малого бизнеса. Такая ситуация приводит к деиндивидуализированному, анархическому состоянию малого бизнеса. И выход заключается как в совершенствовании институциональных механизмов, так и в предоставлении малому бизнесу бо

□ ЛЫХ ВОЗМОЖНОСТЕЙ ДЛЯ ВЗАИМ

вия с властными структурами на легитимной основе. Обозначенная исследовательская задача обусловлена не только объективными особенностями самого предмета. Возникают серьезные трудности методологического характера, вызванные тем, что само перечисление институциональных и структурных ограничений, эффективных при анализе так называемого нормативного бизнеса, может быть неадекватным, даже малопродуктивным для характеристики

российского малого бизнеса как особой формы экономической деятельности.

Состояние и динамика малого бизнеса не могут быть отрегулированы только формальным контролем, который нарушит равновесие системы. Таким образом, в понимании экономической деятельности необходимо учитывать не только нормативность, но и тренды социального микроуровня. Единственная необходимая поправка заключается в выведении экономической деятельности из иерархии поведенческих установок как интернализированного экономического опыта, сопряженного с реализацией определенных экономических целей.

По утверждению российского исследователя Н.П. Наумовой, чем выше статус, тем рациональнее решение экономических проблем [7, 477]. Малый бизнес в российских реалиях может лишь в перспективе стремиться к деятельности в сфере экономической рациональности. Тем не менее, российский малый бизнес проявляет не только умение держаться на плаву, адаптироваться к смене правил игры, но и готов участвовать в социальных контрактных отношениях, взаимодействовать с экономическими и политическими субъектами при условии стабильности экономических правил. Правда, действующие механизмы экономической селекции и синдром самодостаточности делают необходимым внесение поправок в нормативную модель. Иными словами, гибкость экономического поведения, по которым функционирует малый бизнес — наиболее эффективный ответ на сложившуюся ситуацию. В малом бизнесе изменения, вносимые извне, воспринимаются как естественные, как те условия, к которым необходимо либо приспособиться, либо их изменить в свою пользу, а при выборе конкретного варианта действий реализуется установка на анализ экономических стратегий как устойчивых доминирующих моделей экономического поведения, фиксирующих наиболее повторяющиеся социально-политические, хозяйственные, правовые и организационно-институциональные условия предпринимательской деятельности.

Литература

1. Куда идет Россия: формальные институты и практики / Под ред. Т.И. Заславской. М., 2002.
2. Свобода, неравенство, братство: Социологический портрет современной России / Авт.-сост. Е.П. Добрынина. Под общ. ред. М.К. Горшкова. М., 2007.
3. Социальное неравенство и публичная политика / Под ред. В.А. Медведева, М.К. Горшкова, Ю.А. Красина. М., 2007.

4. Куда пришла Россия: итоги социетальной трансформации / Под ред. Т.И. Заславской. М., 2003.
5. Малый и средний бизнес — основа социально-экономического развития России в XXI веке: Матер. конфер. М., 2008.
6. Россия реформирующаяся: Ежегодник / Отв. ред. М.К. Горшков. М., 2007.
7. *Наумова Н.П.* Человек и модернизация России. М., 2006.

М.А. ВАХТИНА

Роль морально-ассоциативного механизма в обеспечении доверия между экономическими субъектами

Аннотация. В статье проводится мысль о том, что морально-ассоциативный механизм играет существенную роль в обеспечении доверия между экономическими субъектами. Ни в теории, ни на практике нельзя полагаться только на формальную (правовую) сторону в установлении доверия или на простой расчет выгод и потерь от возможных оппортунистических действий партнеров по сделкам.

Ключевые слова: доверие, расчетливое доверие, формальное доверие, добродетели, этика, мораль, транзакционные издержки.

Abstract. In this article author provides the thought that the morally-associative mechanism plays an essential role in assuring trust between economic actors. Neither in the theory, nor in practice it is possible to rely only on the formal (legal) party in establishment of trust or on simple calculation of benefits and losses from possible opportunistic actions of transaction partners.

Keywords: trust, prudent trust, formal trust, virtues, ethics, morals, transactional costs.

К доверию и механизму его обеспечения ученые подходят с разных сторон. Со стороны чистого расчета и взаимной выгоды (как к расчетливому доверию); со стороны правового, судебного и бюрократического механизма, обеспечивающего выполнение обязательств и частных контрактов мерами государственного правоприменения и принуждения; и, наконец, со стороны морально-ассоциативного механизма. И в этом нет ничего предосудительного. У доверия гетерогенная природа, это многоуровневое понятие. Задача данной статьи — очертить место и значение морально-ассоциативного механизма в установлении отношений доверия, которые играют значимую роль не только в снижении транзакционных издержек, но и в улучшении общих экономических результатов.

Практически все ученые сходятся во мнении, что секрет доверия коренится в соответствии действительного развития событий тем ожиданиям, которые имели субъекты. Отсюда проистекают основные характеристики доверия, содержащиеся в научной литературе. Доверие определяют как ожидание тех или иных поступков других людей, которые влияют на принимаемые человеком решения в ситуации, когда он должен начинать действовать, не зная, совершены ли эти поступки [1, 404]. Когда акцентируется внимание на этическом аспекте, то доверие определяют как ожидание благоприятного или, по крайней мере, недискриминационного поведения со стороны партнеров, при том что такое поведение формально никак и никем не контролируется. Доверяющий полагается на то, что из его возможной уязвимости партнер не будет извлекать собственной выгоды и будет стараться вести себя честно, проявляя готовность к взаимопомощи.

Экономисты чаще всего говорят о *расчетливом* доверии между экономическими субъектами, когда доверие к контрагенту основывается на оценке выгод и потерь от возможного ослабления партнера. В данном случае речь идет об экономической подоплеке взаимной заинтересованности партнеров в благополучии друг друга, когда добровольный договор между экономическими субъектами осуществляется на основании разумного расчета, с учетом интересов сторон и собственных интересов. Доверие в таком случае поддерживается убежденностью в том, что экономическим субъектам есть что терять, если они предпочтут оппортунистические действия.

В рамках институциональной экономики в духе расчетливого доверия проводятся исследования по вопросу о том, кому и в каком объеме экономический субъект может доверять при совершении сделок. Оказывается, что оптимальный уровень доверия в немалой степени зависит от конкретных условий сделки. Предполагается, что между двумя крайними точками — совершенным недоверием и полным доверием — есть большое количество случаев, когда между экономическими субъектами устанавливается частичное доверие. Причем существует такая закономерность, что чем крупнее сделка, тем больший уровень доверия для нее необходим. Посредством математических подсчетов экономисты научились рассчитывать требуемый уровень доверия, основываясь на величинах возможного выигрыша и проигрыша от сделки в случае, если партнер не выполняет взятых на себя обязательств [1, 405]. По некоторым оценкам, минимальный уровень, требуемый для совершения самых элементарных сделок на рынке, составляет 33,3% [2, 100 — 101].

Аналитические и игровые модели ученые выстраивают с учетом различных вариантов поведения экономических субъектов. Например,

отсутствие доверия не всегда может приводить к отказу от сделки. Вполне возможно, что вероятность обмана со стороны партнера будет стимулировать попытку обмана со стороны другого субъекта. Главной ставкой в таких сделках становится обман партнера раньше, чем тот сам смог обмануть. Так появляются матрицы «игры доверия», в которых рассматриваются варианты достижения равновесия в случае, когда взаимодействие происходит однократно, и в случае, когда транзакции повторяются, т. е. когда возникает вероятность оценить действия партнера. При этом экономические субъекты намеренно могут усиливать свою зависимость друг от друга, создавая, например, специализированные структуры, ориентированные исключительно на запросы каких-то определенных партнеров.

Представляется, что такие теоретические игровые экономические модели неплохо позволяют объяснить краткосрочные действия экономических субъектов, однако им не удастся удовлетворительно описать отдаленные стратегии. Но ведь именно долгосрочное взаимодействие экономических субъектов необходимо для успешного развития рыночных отношений. Известный подход к решению проблемы «принципал — агент» в рамках корпорации (принципал — собственник, агент — менеджер) на основе использования так называемых стимулирующих контрактов можно рассматривать как вариант обращения к расчетливому доверию. Однако, по мнению многих исследователей, вряд ли возможно достигнуть полного расчетливого доверия между собственниками и менеджерами в условиях современной корпорации, скорее речь может идти об оптимальном его уровне [3, 41].

И, наконец, немаловажным является тот факт, что всегда остается сложной задачей с должной степенью точности просчитать чисто экономические выгоды и потери партнеров по сделкам в связи с достижением состояния доверия между ними. В случае расчетливого доверия приходится предугадывать поведение окружающих с помощью моделирования, заложив в основу модели эгоистические мотивы. В этой связи, чем более стандартизирована модель поведения, тем больше шансов для достижения соответствия между ожиданиями и действительностью, чем одностороннее структура мотивации взаимодействующих субъектов, тем легче им понимать поведение контрагентов и тем легче они достигают согласия. Однако даже в таком случае когнитивные ограничения, как правило, не позволяют человеку с достаточной степенью точности просчитывать возможное поведение ограниченно рациональных субъектов, а упрощенная модель является достаточно абстрактной, чтобы ею действительно руководствоваться. Поэтому утверждение о том, что рациональное исчисление ожидаемых издержек и выгод от действий партнеров может полностью заменить собой другие стороны обеспечения дове-

рия или сделать их излишними, можно считать крайне категоричным. При этом нельзя отрицать, что взаимная заинтересованность в благополучии партнеров выступает своего рода экономической основой доверия, которое поддерживается убежденностью в том, что партнерам есть что терять, если они предпочтут оппортунистические действия, и что эти потери могут приобрести вполне реальное материальное содержание.

Таким образом, расчетливую сторону доверия нельзя сбрасывать со счетов, когда речь идет о достижении доверия в обществе. При этом расчетливое доверие с неизбежностью ограничено определенным временным периодом (а он, как правило, невелик: по аналогии с расчетом рыночных сделок его границами можно считать максимум 3—4 года), кроме того, расчетливое доверие ограничено когнитивными возможностями человека и неопределенностью, которая всегда сопутствует человеческому обществу. Поэтому само по себе расчетливое доверие не может обеспечить доверия между людьми и между экономическими субъектами в частности.

Что касается роли правовых (и силовых) механизмов в обеспечении доверия, то некоторые ученые (в большей части это экономисты, юристы) именно им отдают предпочтение, полагая, что доверие можно обеспечить и гарантировать путем юридического закрепления прав собственности, развития коммерческого и иного законодательства. Такой подход фактически ориентирован на то, что уверенность в партнерах возникает вместе с налаживанием юридических процедур деловых отношений, сопряженных с санкциями за нарушение прав и обязательств — от административных до уголовных. Юридический подход включает создание системы регулятивных, правоохранительных и судебных процедур и органов, определение и описание стандартов деятельности, а также диверсифицированную систему применяемых санкций. Не подлежит сомнению, что выработка соответствующих правовых механизмов и процедур создает благоприятные условия для добросовестного выполнения партнерами взятых на себя обязательств, а юридическое закрепление прав собственности способствует развитию у экономических субъектов ответственности за свои действия и равнодушие к тому, как поступят другие.

Развитие частной собственности, контрактов и стабильной системы коммерческого права стали важным этапом в развитии современного рыночного хозяйства, но эти институты неправильно было бы рассматривать как механизмы, пришедшие на смену доверию. В данном случае будет правильно говорить о создании условий для обеспечения *формального* доверия, которое является необходимым звеном установления в обществе доверия между его членами. Но ограничиваться только формальными правовыми нормами для обеспечения доверия между людьми недостаточно, по крайней мере, по нескольким причинам.

Во-первых, не все отношения можно отрегулировать с помощью правовых механизмов. Если бы каждый раз при заключении контрактов приходилось предполагать обман, то нужно было бы тратить много времени и средств на выработку таких формулировок, которые бы исключали любые лазейки, чтобы провести партнера, однако не все возможные форсмажорные обстоятельства можно заранее предвидеть и просчитать. Во-вторых, в этом случае с неизбежностью возникает вопрос о доверии к самим нормам права: они должны пользоваться соответствующей поддержкой людей, и только в этом случае они окажутся действенными. Если же нормы права расцениваются как несправедливые, если процедуры их разработки и принятия являются недемократическими, то они окажутся малодейственными и не будут выполнять своего основного предназначения. В таком случае необходимой степени доверия между экономическими субъектами не возникнет, а для поддержания порядка появится необходимость в других гарантиях и процедурах. В лучшем случае (по сравнению с силовым решением вопроса) субъекты начнут прибегать к услугам третьей стороны в сделке.

Вариантов, связанных с привлечением третьей стороны в качестве арбитра, существует немало, но все они влекут за собой дополнительные транзакционные издержки. При этом ожидания участников сделки относительно действий третьей стороны, и, следовательно, их доверие к ней также могут варьироваться в достаточно широких пределах. Как известно, доверие к третьей стороне исследуется в рамках нескольких направлений институциональной экономики. Представители теории неполных контрактов исходят из того, что недостаточное доверие к арбитру снижает стимулы к заключению полностью специфицированных контрактов. Другие делают более оптимистические выводы в отношении доверия к третьей стороне, обосновывая свою позицию тем, что стремление арбитров и в дальнейшем получать доходы от своей посреднической деятельности должно выступить гарантом обеспечения сохранения ими личной репутации. Однако, исходя из теории альтернативных издержек, многое в таком случае будет зависеть от соотношений сумм неполученных в будущем доходов и альтернативных сегодняшних выгод арбитра (особенно если другие механизмы остаются малодейственными). В определенных условиях нечестное поведение может оказаться предпочтительнее, особенно в обществе с высокой дифференциацией доходов и большими сверхприбылями в виде квазиренды, которая частично может использоваться как плата за услуги арбитра. Определенной альтернативой предыдущей может являться позиция, связанная с появлением в сделке четвертой стороны, т. е. лица или органа, контролирующего поведение третьей стороны.

Но таким образом недолго попасть в ловушку, которая тем вероятнее, чем меньше остается в обществе доверия.

Далее, сами меры по усилению юридической защиты прав собственности и договорных обязательств способны оказать неоднозначное влияние. С одной стороны, такие меры благоприятствуют росту доверия, а с другой — жесткая детализация и контроль (особенно в условиях низкой морали) могут послужить сигналом к тому, что доверия в обществе нет, и что кто-то будет его нарушать. Поэтому только правовые механизмы не могут являться достаточным условием обеспечения доверия и экономического благополучия в обществе и не гарантируют достижения необходимого результата. Кроме того, эти механизмы связаны с дополнительными издержками, которые обратно пропорциональны уровню доверия. При этом отрицать влияние правовых механизмов и принижать значение обеспечения формального доверия между людьми и экономическими субъектами, в частности, было бы неправильно. В данном случае ясно одно, что на основе только правовых механизмов обеспечение должного уровня доверия между экономическими субъектами невозможно. Только в случае, когда формальные правовые нормы будут восприниматься людьми как «свои», они станут действенными и результативными. А это возможно в случае, когда доверие наполняется конкретным «материальным» содержанием.

Известный исследователь феномена доверия американский ученый Ф. Фукуяма утверждает, что наличие доверия в обществе зависит, во-первых, от существования внутри сообщества норм и ценностей, разделяемых всеми ее членами (результатом общих норм и ценностей как раз и является взаимное доверие), и, во-вторых, от готовности последних подчинять свои интересы интересам группы. «Доверие — пишет ученый, — это возникающее у членов сообщества ожидание того, что другие его члены будут вести себя предсказуемо, честно и с вниманием к нуждам окружающих, в согласии с некоторыми общими нормами» [4, 52]. Поэтому только посредством правовых норм и принуждения нельзя вызвать доверие между людьми, оно обеспечивается прежде всего фундаментальными ценностями, а также проистекающими из них групповыми установлениями, стандартами и корпоративными кодексами поведения.

Кроме того, в вопросе о доверии мы сталкиваемся с таким важным этическим моментом, как готовность субъекта по внутреннему убеждению следовать этим нормам. Закон, договор, экономическая целесообразность являются необходимым, но отнюдь не достаточным базисом доверия и стабильности общества. Они должны опираться на такие вещи, как взаимопонимание, моральные обязательства, ответственность перед другими и обществом, готовность не поступать только в угоду своим эгоистическим интересам, основанным на ограниченном

рациональном расчете. Не принижая роли договоров, урегулированных отношений собственности в качестве основ ассоциации, надо отметить, что наиболее действенные ассоциации имеют коллектив, объединенный общими этическими ценностями. Членам таких коллективов не требуется детальная контрактно-правовая регламентация их отношений (хотя определенная контрактно-правовая регламентация всегда необходима). Когда существуют групповые ценности, то, как минимум, возникает доверие внутри группы, если речь идет о фундаментальных моральных ценностях, то можно говорить о существовании доверия в обществе, между всеми его членами, вне зависимости от того, являются ли они знакомыми людьми, объединенными какими-то личными связями и контактами, или нет.

Главными источниками фундаментальных моральных ценностей, как известно, выступают культура и, прежде всего, религии или этические системы (пример последней — конфуцианство). Религиозные или этические системы способствуют образованию такой общности, в которой люди (включая экономических субъектов) действуют в соответствии с общепринятыми ценностями. Любое нравственное сообщество, которое разделяет определенный набор моральных ценностей, способствует возникновению доверия между его членами. Различные культурные и этические навыки, в свою очередь, способствуют образованию различных типов экономического устройства и экономических организаций. Поэтому значительно сложнее обеспечить доверие между людьми тем государствам, где есть культурное и этническое разнообразие. В тех же из них, где таких проблем нет или они стоят менее остро, например, в Японии, Германии, Корее, Китае, удастся значительно быстрее достичь доверия. В то же время, чем больше общество сегментировано (по культурному, религиозному, политическому, этническому) признаку, тем сильнее может быть недоверие людей друг другу, в том числе в экономической сфере.

Таким образом, не отрицая важности расчета и формальных правовых норм в обеспечении доверия, следует признать, что оно в значительной степени остается этическим феноменом и напрямую связано с добродетелями, регулирующими человеческое поведение. Следует признать, что не только философы и социологи, но и экономисты институционального толка все чаще признают тот факт, что важнейшим источником доверия выступают этические ценности и нормы, которые разделяются экономическими субъектами и порождают их предсказуемое поведение. О. Богомолов, в частности, пишет, что доверие возникает тогда, когда соблюдаются нравственные каноны. Но если агенты рынка и власть имущие прибегают к обману, преследуют собственную выгоду в ущерб другим субъектам или злоупотребляют своей властью, то дове-

рие теряет свою основу [5, 56]. Доверие становится своего рода презумпцией добросовестности в отношении партнеров. При этом, как отмечают ученые, доверие или воздержание от эксплуатации слабостей партнера наблюдается на практике чаще, чем это можно объяснить юридическими или рыночными стимулами [6, 506].

На наш взгляд, именно морально-ассоциативный механизм доверия и никакой другой позволяет наиболее убедительно ответить на вопрос о том, почему можно достичь доверия в рамках отдельной кооперации, но при этом остаться в атмосфере общества недоверия. Ответ на этот вопрос и по сей день остается трудноразрешимым для тех ученых, которые пренебрегают этической стороной доверия. На практике часто получается так, что интересы отдельных сообществ, выстроивших свою деятельность на основе доверительных отношений между своими членами, вступают в противоречие (и эти противоречия могут достигать серьезных масштабов) с интересами других сообществ или интересами общества в целом, нанося вред окружающим. В экономической литературе в этой связи говорят о «позитивном» и «негативном» доверии, об «исключающем» доверии, которое препятствует включению в замкнутые группы других участников, могут применять и другие термины, но суть от этого не меняется [7, 49]. Современная российская практика изобилует примерами разрушительной деятельности сетевых организаций в экономике, отличающихся закрытостью, локализмом норм и правил, которые часто вступают в противоречие с интересами других экономических субъектов или общества в целом. Российской экономике в этой связи даже присвоили название «сетевого» капитализма (в худшем смысле этого слова) [8, 7—10].

В данном случае простой констатации факта, что наличие доверия между людьми зависит от существующих внутри сообщества норм и ценностей, разделяемых всеми его членами и готовности последних подчинять свои интересам группы, оказывается не достаточно. Вопрос упирается по большей части в то, что эти ценности должны быть не только групповыми, но и близкими каждому члену общества — только в таком случае могут возникать отношения доверия между людьми вне зависимости от их личных связей и родства. (Доверие между анонимными людьми признается учеными в качестве важнейшего вида доверия, существующего в обществе.) Это условие может выполняться только в том случае, когда нормы и ценности, разделяемые людьми, будут основываться *на добродетелях*. Когда речь идет о добродетелях: честности, надежности, добросовестности и справедливости, то противоречия интересов между отдельными сообществами и обществом в целом (даже если таковые возникают) не будут существенными и могут разрешаться с минимальными затратами. В то же время можно

проследить прямую связь между разрушением духовных ценностей и сегментацией экономики. Полное отделение морали от поиска выгоды приводит, как показывает практика, не к становлению конкурентного рынка, а к появлению внезаконной или даже криминальной составляющей в экономической деятельности. Если каждый участник уверен, что его партнер думает только о своей выгоде, то по отношению к нему становятся возможными любые негативные действия.

Объединительный потенциал норм и ценностей, основанных на добродетелях, был замечен учеными давно. Причем единение экономических субъектов в этом случае происходит не вследствие обмена и системы цен, с одной стороны, и не в результате правового регулирования и принуждения — с другой, а основывается на общности оценок и восприятия ценностей. Такое единение становится важнейшей предпосылкой установления доверия между экономическими субъектами, которое оказывается крепче, чем просто расчетливое доверие или доверие, основанное только на договорном согласии. Такого рода единение является предпосылкой выработки эффективных и справедливых правил, основой их успешной реализации, а также гарантией стабильности правил. Благодаря объединению, базирующемуся на общности восприятия благ с высокими ценностными качествами (добродетелей), укрепляется и экономическое единение, усиливается координация экономических субъектов. Этот объединительный потенциал сам становится своеобразным *общественным капиталом*, который вытекает из благ и их ценностных качеств, когда они реализуются людьми [4, 52; 9, 127]. Объединительный потенциал доверия, основанный на общности норм и ценностей, имеет еще одно важное последствие — добродетели создают мотивации, необходимые для того, чтобы соблюдались требования формальных законов и выполнялись правила, порождают положительные социальные эффекты примера и тем самым повышают гарантии всеобщности этического поведения.

Можно согласиться с П. Козловски, что именно этика дает возможность отдельному субъекту достичь той степени уверенности в принятии решения, которая доступна человеческому существу, так как в ней присутствует единство анализа, свойственное теории принятия решений, и ценностной оценки. При этом «добродетель выводит ее носителя из дихотомии между общественным благом соблюдения правил и частным благом “делания, чего захочется”» [9, 129]. Доверие, основанное на добродетелях, с одной стороны, приближает своего носителя к выполнению правил, причем это происходит добровольно, а соответственно со значительно меньшими издержками; с другой — порождает положительные эффекты примера, основанного на совершении добродетельных поступков, на выполнении правил и обязательств. Экономический

субъект в этом случае готов согласовывать свои действия с партнерами и принимает решение действовать определенным образом сознательно без внешних санкций и лишних затрат на согласование. В свою очередь, действенность и обязательность правил в экономике (впрочем, как и в других сферах) побуждают одних субъектов доверять обещаниям и обязательствам других и повышают предсказуемость их действий, так как сокращается диапазон вариантов действия до определенного, этически оправданного набора. Это этическое самоограничение в выборе альтернативных вариантов действия сокращает неопределенность, касающуюся поведения других, и оказывает специфически экономическое воздействие.

В этом смысле функциональная роль морально-ассоциативного механизма в экономике сводится к тому, что позволяет индивидам предвидеть действия других участников общественных отношений и соответствующим образом строить свое поведение, основываясь на доверии. Поэтому верно то, что соответствие между ожиданиями и действительностью достигается благодаря следованию всех участников взаимодействия одним и тем же нормам, но это не только правовые нормы или только материальный расчет, но и нормы этики добродетели. Этика добродетели становится, таким образом, важнейшим механизмом в обеспечении доверия между людьми, она направляет действия субъектов на путь добра и справедливости, на путь созидания, а не на путь разрушения и упадка.

Литература

1. Институциональная экономика / Под ред. А. Олейника. М., 2005.
2. Олейник А. Институциональная экономика. М., 2000.
3. Российские фирмы / Под ред. Р.М. Нуреева. М., 2010.
4. Фукуяма Ф. Доверие: добродетели и путь к процветанию. М., 2004.
5. Богомолов О. Нравственный фактор социально-экономического прогресса // Вопросы экономики. 2007. № 11.
6. Введение в институциональную экономику / Под ред. Д.С. Львова. М., 2005.
7. Ляско А. Доверие и транзакционные издержки // Вопросы экономики. 2003. № 1.
8. Радаев В. Новый институциональный подход и деформация правил в российской экономике // Working Paper. М., 2001. № 1.
9. Козловски П. Принципы этической экономики. СПб., 1999.

V

**РЕЦЕНЗИИ И
ОТКЛИКИ**

С.В. ПАНЧЕНКО

Вечные ценности — главные смыслы*

Аннотация. В статье — размышления автора после прочтения книги Юр. Михайлова «Реквием. Роман о романе, или роман с романом» — романа о смыслах, романа-шифра, романа-откровения, романа завтрашнего дня.

Ключевые слова: смыслы, человек, Родина, душа.

Abstract. In this article author reflects upon reading the book by Yur. Mikhailov «Requiem. Novel about Novel, or Affair with Novel » — novel about meanings, novel-code, novel-insight, novel of tomorrow.

Keywords: meanings, human, Motherland, soul.

О прошлом можно говорить по-разному. Особенно о прошлом своей Родины. Особенно, если твоя Родина — Россия. Можно в остервенелой злобе, можно с безнадежной иронией и сарказмом, можно с высокой патетикой, можно с истинным патриотизмом, можно, симулируя этот патриотизм, а можно с осознанием величия прошедшего. Реквием — это не похоронный марш, реквием — это отдание почестей прошлому теми, кто живет будущим.

«Реквием» — книга завтрашнего дня. Книга — шифр. Интеллектуальный квест. Послание. Откровение Старшего Посланника. Архистратегическая аналитика.

Роман о романе, или роман с романом, пришел в этот мир совершенно вовремя. Пришел, когда те, кто думал о будущем, научились анализировать и делать выводы, те, кто плыл по течению, давно унесены бурным потоком, и у них нынче одно желание — выплыть.

Пришел, когда каждый уже успел выбрать, но не каждый сделал этот выбор осознанно. Да и само осознание происходило трудно и вымученно, в полутонах, в полусловах, но, по привычке стараясь не обидеть, в бесконечных сомнениях собственной правоты.

И пробил час. И настал Век. И стал потребен ответ, подтверждение, согласие. И роман пришел.

---

* Отклик на: Михайлов Юр. Реквием. Роман о романе, или роман с романом. Метафизическая проза. — М.: Теис, 2010. — 597 с.

Случайные озарения, не находящие подтверждения, со временем тускнеют, превращаясь в сомнения и отодвигаясь на задний план. Роман возвращает первоначальную удивленность.

Что мы знаем о Родине? Что мы знаем о Человеке? Что мы знаем о Боге? Как много вопросов. Автор ищет ответы. Он рассуждает над тем, что уже перестало обсуждаться. Не модно? Да. Но как же необходимо. Он рассуждает фрагментарно, прерывисто, давая время на раздумья, меняя направление и высоту слога, как бы ставя препятствия, оберегая сознание от рутинной монотонности. Коротко. Почти молниеносно. Меняя стили от пьесы до исповеди, чтобы удовлетворить желание внимающего — слышать. И как положено реквиему, то поднимаясь до предельной высоты, которая граничит уже с «иным», то спускаясь до горечи потери, по которой звучит эта удивительная музыка.

Зачем это все? О чем такие старания? Очевиден ответ — все старания и усилия ради донесения смыслов. Смыслов, которые стали частью самого автора и благодаря которым он уже не смог жить, держа их при себе. По этой причине выбирались форма и способ донесения их до читателей. Так видно он и складывался этот роман о романе или роман с романом. Именно роман о романе, потому что глубоко и пространственно, и роман с романом, потому что с любовью и возвышенно.

Так все же о чем? О Человеке? Да, о человеке, который становится другим, сам того, к сожалению, не осознавая. О том, что другими становятся не все и станет другим не каждый. Каждый соприкоснулся с миром новым, но не каждого он поглотил, не каждому он стал «землей обетованной». Точно подмечено, что ожидание это длилось почти век, почти через век, озираясь на это новое, сопротивляясь ему, удивляясь ему, соглашаясь с ним, человек все-таки стал сопричастен ему, так до конца и не поняв, что же это за время.

А время было подлое. Как хорошо это видно по сквозному пунктиру определений, прошивших насквозь весь роман о романе, или роман с романом. Подлое было и до того как появилась «белая гвардия», которой никогда то и не было, и когда появилась другая «красная гвардия», и даже когда победила сама своих же. Все равно подлое. Как созвучен Реквием со словами А. Городницкого: «Ты думал враг убит, а оказалось брат». Куда уж подлее.

Но оказалось было и подлее! Было потом, когда победили фашизм — и в лагеря. Когда стартовали в космос — и в изгнание. Когда построили развитой социализм — и в психушку. Подлость продолжает прогрессировать и ныне, не замечаемая человеком или ставшая для него привычной обыденностью.

Но в эти времена Человек жил. Он жил, когда пели осанну Христу, и когда изгоняли певших, и когда распяли в полном соответствии с Великим Писанием и, согласно провидческому роману, о котором роман, продолжают распинать сегодня.

Жил человек, всматриваясь во всю эту смрадность. Но автор не о том, как жил этот человек, рассказал, а о том, как пережил и кем стал переживши. Он увидел в переживании преображение. Но какое? И вновь пунктир, и вновь прожит роман о романе чередой повторяющихся сюжетов об этом проживании, переживании, преображении. Другим видит Человека автор. Замечает, что не прежний он. Определяет, что шрамы на его облике изменили образ его. Задает понимание этого изменения — преображения. А оно оказывается не всеобщим, коснувшимся всех, но не каждого. Не каждый, сменив облик, сменил душу.

Так роман о душе? Да, о душе. И врывается в смысловую ткань метафизика. Ох уж эта метафизика, ох уж этот трансцендентный мир. Сколько о нем говорено, отвергнуто, осуждено и устиновским энциклопедизмом сохранено, дабы стать напоминанием, что остались еще темы для размышлений над аристотелевскими откровениями. Роман о романе, или роман с романом, пронизан метафизическими смыслами, тем же пунктиром насквозь, от этого сам становясь метафизическим, с ангелами, демонами, Пилатом, Иешуа, «Кремлевским сидельцем», автором Романа, со всеми, кто говорить в нем не должен, но по воле автора говорит, стараясь объяснить и донести музыку уходящей реальности, ставшей уже легендой, а может, той ирреальностью, которая останется с нами навсегда в ноосфере, открывшейся Вернадскому, в зеландовском трансерфинге, в хенкоковской сверхъестественности, в уилсоновском оккультизме, в талботовском голографизме, оставаясь невероятным, непонятым, отвергнутым, осужденным, признанным ненаучным, но оставшимся, и оттуда, из изгнания, вопрошающим: «А если не так, то как?». Автор смел? Но здесь смелость уже не причем. Здесь уже мудрость, которая не боится. Оказалось, это разные вещи. Оказалось, быть смелым — это одно, а не бояться — это другое. Смелость нужна Уилсону, Талботу, Хенкоку. Автору романа о романе, или романа с романом, достаточно мудрости, чтобы, не придумывая нового, вернуться к главному. Метафизика — это вера. Метафизика — это душа. Вера в душу, или борьба за душу, — это одно из прозрений, которое автор несет на самых высоких нотах. И проступает сквозь всю словесную многообразную современности эта мудрая правда, что при всей декларации научности ни за что, кроме души Человека, борьбы-то и не было. А значит, есть она, душа-то. В этой бездушной научной казуистике со времен Декарта до времен нынешних, поставленной на

службу, казалось бы, Человеку, этого самого человека изменив, разрушив в нем как раз то, что этому человеку и было особо дорого на самом деле. Оказалось, только ее он хранил и тосковал по ней, без нее оставшись. И автор возвращает нас к душе, открывая, пусть не универсальную, но одну из опробованных тысячелетним опытом дорогу к ее возвращению. Более того, в романе о романе как-то очень взвешенно и просто объяснено, что душа-то никуда не делась, а скорее забилась в какую-то невероятную глубину, прячась от многоглазости, показушности этого сумасшедшего века. Не просто ее оказалось забрать. Как не старался Воланд, она остается у Иешуа, как не старается дьявол, она остается у Человека. Обмен был предложен всем, да не каждый согласился. И как бы в доказательство этому автор сквозь бездуховную безысходность проложил нить одухотворенной надежды, в которую хочется верить.

А может, это роман о Боге? Может, и о Боге, но скорее о Вере в него, потому что автору романа с романом хватает мудрости не давать определения неопределимому и оценивать неценное. Точно и вовремя, почти на пределе восприятия, надрывной нотой звучит то ли вопрос, то ли сомнение о поражении Иисуса, о дьявольском торжестве, и сомнение это не только в том, проиграл ли Иисус, а больше в том, победил ли Дьявол. И снова фрагментарность, и снова эпизодичность, но очень точная и своевременная, когда вопрос уже созревает сам по себе, вдруг возникает, но не ответ вовсе, а еще более глубокое сомнение, позволяющее все больше и больше проникать в ткань метафизических определений, которые только и заставляют понять возможную реальность Великого Замысла.

Может, в этом романе о романе и кроется ответ, от чего все так жаждут истины, юродствуя, умирая, ища бессмертия и находя ответы лишь каждый сам для себя. Сам лично. Один на один. Может, в этом и смысл истины, что открывается она каждому, но не каждый этого открытия ждет, а по сему не может она стать громогласной, единственной и непоколебимой, потому что она для каждого своя и лишь для всех общая. Роман о вере. Ибо вера оказалась краеугольным камнем в сооружении Российского государства, изъятие которого привело в движение всю конструкцию. Именно это движение явно чувствуется в романе о романе, или романе с романом. Колеблется конструкция, и слышен скрежет уставшего от напряжения металла, и шум осыпающегося строительного материала, стремительно превращающегося из реального здания в обыкновенную пыль. Что держало это здание? Здание империи. Наверное, вера. В ментальности этого народа, населяющего 1/5 часть Ойкумены, она всегда была главным фактором единения. Отсутствие веры рождает пустоту, ментальный вакуум, который с

легкостью заполняется любым пропагандистским мусором. Может, это предвидел автор романа, может, именно это предвидение очень тонко подмечено автором романа о романе. Глубина понимания этого процесса приводит автора к удивительным заключениям, граничащим с прозрением о конструкциях современности. Эти прозрения везде, они растворены во всей торжественной мелодии Реквиема. Инфернальность, победившая веру, погубила ее носителя. Гибнет религиозная реальность, замещаясь бесовщиной, которая уже сама становится обыденностью. Но сквозь слезы потери, где-то в вышине, на самых трогательных нотах появляется надежда, что вернется вера. Камень краеугольный вновь займет свое место, удерживая конструкцию от развала, позволяя уже ее модернизировать, реконструировать, ремонтировать, красить во все цвета радуги, привинчивать, отвинчивать, сбивать ржавчину, придумывать нанотехнологии, оберегающие от коррозии.

Так, может, роман о конструкции? Да, это роман о конструкции, которая как невероятное древнее сооружение устояла, благодаря гениальности конструкторов до сегодняшнего дня. Эту конструкцию пытались развалить всем миром, подключив в конечном итоге даже наследников этой конструкции, которые по всем правилам логики должны были бы хранить ее. Но она устояла и на фоне современного мельтешения по сооружению чего-то нового, стоит и сегодня, возвышаясь могучей стальной машиной.

Может, это роман о Сталине? Да, и о Сталине тоже. Печаль реквиема обрамлена мощными аккордами грозного напоминания. Напоминания о том, что «сон разума рождает чудовищ», что одностороннее восприятие личности уродует историческую правду, создавая какой угодно фантастический контекст, предоставляя возможность дополнять и без того изуродованный портрет чертами совершенно неестественными, превращая в монстра любую личность и не замечая монстров современных. Напоминает нам роман, что дьявол появляется там, где его ждут, где создали ментальную брешь, уготовленную для его проникновения. Коварен, жесток и гениален в романе Сталин. Нет оправдания ни его тирании, ни его жестокости, но нет и отрицания его гениальности, которая, может, и заключалась в том, что создавалась система, которая способна была бы ликвидировать создавшуюся брешь, и даже создана была, но до конца не реализована.

Может быть, реквием звучит по тому, что бесконечные жертвы, принесенные в процессе создания этой конструкции, оказались бессмысленными, что не нашлись те, кто увидел бы истинную цель, чтобы продолжить движение. Закружившись в круговороте собственных амбиций и неясных желаний, возникнут лишь те, кто из-за пигмейности миропонимания не смогут до конца осознать величие бремени вла-

сти, его бесконечную ответственность и безграничную свободу, дающуюся лишь тем, кто способен ограничить ее сам. Но не нашлось таких. И, может, по этим надеждам звучит реквием, собирая за поминальный стол тех, кто еще надеется и верит, кто еще молится о прошлом, думая о будущем, которое станет возможным, если есть еще те, кто верит в рассвет и ждет солнца, которое непременно, по закону последовательности сменит тьму, в которую погрузился Великий город, таща за собой всю великую страну.

А может, это о том, что мраку не хватило сил на всех, может, это как раз реквием по тем, кого этот мрак окутал. Ведь если появился торжественный поминальный мотив, то писан он уже точно не тем, кто пребывает во мраке, и услышан не теми, кто в него погружен. И значит, история не закончилась.

Так ведь и об этом роман, который о романе, как напоминание о том, что история еще продолжается и не кликушество о ее конце является реальностью, а метафизика пророчества, о том, что так и случится. Именно так случится, если не будет действия и если действие не совершится осознанно.

Так это роман — программа. Да, в какой-то мере это программа. Программа для осознающих реальность, объясняющая невероятную деятельную ситуацию современности, в которой броуновское движение стало обычным, естественным способом проживания, утвержденная нобелевским хаосом, что можно, как угодно, все равно что-то получится. Так и получается это что-то, если не задумываться и не всматриваться в будущее, которое обязательно наступит, о том, какое оно должно быть, о том, что создать его смогут лишь те, кто это будущее ценит, кто готов его созидать и нести за него ответственность.

А может, это роман о Булгакове? О нелегкой судьбе гения русского в вечно трудной российской действительности? Конечно, о нем. О последнем пророке этой земли, который вслед за Пушкиным, Достоевским, Гоголем, Чеховым и Толстым взошел, не признанный своим отечеством, на пьедестал. Взошел сам, не понимая до конца грандиозности своих прозрений, потому что пророчества — они для тех имеют действительную ценность, кто видит воплощение их в реальности, и лишь немногим дана способность понимания их величия в момент написания. Но в романе о романе, или романе с романом, не просто судьба и прозрение, не просто подтверждение и согласие, тут собственный пророческий мотив о том, что этот пророк так и останется последним, если мы не сможем разобраться в его пророчестве. В грозных смыслах, возникающих благодаря его озарениям. Об этом звучит удивительная музыка Реквиема, заставляя удивляться внимающего.

Как много тем в этом реквиеме, как много значений, как много смыслов. Отдавая почести прошлому, торжественно, с достоинством

автор предлагает нам всмотреться в будущее. Там, наверное, будут и Воланд, и Мастер, и Иешуа, и Пилат, но зваться они будут по-другому, и действовать будут по-другому, и слова звучать будут другие, но смысл их останется прежним. Может, поэтому и Реквием, что в каждом из них звучит тема возрождения, и эту тему дописывать нам. Дописывать с достоинством и верой, всматриваясь в вечные ценности и определяя по ним главные смыслы (см.: [1—11]).

Дорога будет долгой, она не может быть легкой. Идя по ней, мы не услышим дифирамбов и не увидим почестей, но главное, мы будем не одиноки, и нас будет все больше и больше, тех, кто услышал этот Реквием и понял, о чем он звучит.

Литература

1. *Аристотель*. Метафизика. М., 2006.
2. *Ясперс К., Бодрийяр Ж.* Призрак толпы. М., 2007.
3. *Кара-Мурза С.Г.* Идеология и мать ее наука. М., 2002.
4. *Столяров А.М.* Освобожденный Эдем. М., 2008.
5. *Глузман С.А.* Ментальное пространство России. СПб., 2010.
6. *Успенский П.Д.* Новая модель Вселенной. М., 1999.
7. *Уилсон К.* Оккультное. М., 2006.
8. *Хэнкок Г.* Сверхъестественное. Боги и демоны эволюции. М., 2007.
9. *Талбот М.* Голографическая Вселенная. М., 2008.
10. *Зеланд В.* Трансерфинг реальности. М., 2007.
11. *Вернадский В.И.* Философские мысли натуралиста. М., 1988.

Г.В. ЗАДОРЖНЫЙ

**Женщина и женственность как актуальное основание
целостного воспроизводства
и самоутверждения человеческого социума***

Женщина — хранительница очага, семьи, агент добра...

Ю.М. Осипов

Женщины белой расы, куда же вас несет?

Ю.М. Осипов

Мужчина живет ради женщины, женщина — ради мужчины.

Если мужчина не живет ради женщины, он — женщина.

Если женщина не живет ради мужчины, она несчастна.

А.Ю. Горбачев

Спасение человека — слишком серьезное дело, чтобы его доверять мужчинам и феминисткам.

Аннотация. В статье рассматриваются самые важные современные проблемы жизнедеятельности — выживание человека/человечества, человеческое и человеческое измерение бытия, особая роль женщины и женственности в семье, обществе, жизнетворении.

Ключевые слова: женщина, женственность, бытие, жизнь, человек, мудрость, жизнетворение.

Abstract. This article considers the most important problems of life substance — survival of human/humanity, human and humane dimensions of existence, special role of feminine and femininity in family, society, life-creation.

Keywords: woman, feminine, femininity, existence, life, human, wisdom, life-creation.

Наступление нового века/тысячелетия довольно выразительно высветило в жизнедеятельности человека и общества те фундаментально-актуальные вопросы, которые предопределяют проблему выживания человека/человечества как императив императивов современности. Наиболее общая суть ее сводится к тому, что под видом «пост» — постсовременности, постиндустриализма, постмодернизма — Технос как процесс реализации технонауки наступает на Бытие, на Жизнь, на Человека, молчаливо, но неуклонно превращая их в постбытие, постжизнь постчеловека в постчеловеческом и постчеловечном постобществе. Для Природы, Жизни и Человека наступил не просто новый

---

* Продолжение дискуссии, начатой в журнале «Философия хозяйства» (2006, № 2; 2008, № 3; 2010, № 1).

век/тысячелетие, а ...летие понимания-борьбы за свое сохранение и целостное воспроизводство, за самоутверждение человеческого социума. Мыслящие понимают. Толпа дилетантов, фанатиков, теоретизирующих путаников и роботообразных зомби смиренно-стадно-молча «шествуют» в ничто. Тревогу бьют одиночки среди почти 7 млрд жителей все еще Земли.

Человеческое и *человечное* измерение бытия становится *первой* необходимостью для сохранения живого и жизни. Это измерение связано с *духом*, духовностью, которая в единой *триипостасевой природе человека* — био-социо-духовной — является фундаментально определяющей житнетворческой ипостасью (см.: [1]). В нынешних реалиях, на наш взгляд, уже недостаточно верной констатации того, что *экология духа* и экология природы неразрывно связаны [2, 101], следует акцентировать и исходить из положения, что экология духа — это то животворное основание, вне которого вряд ли можно вообще говорить об экологии природы. Именно в экологии духа заключены сегодня начала *целостности* человека и его жизнедеятельности. И в этом плане *соф(и)отерапия*, предложенная В.А. Кутыревым пока в теоретико-постановочном плане, выдвигается в число наиболее приоритетных *практических* задач спасения-борьбы за человека, жизнь, природу. «Учитывая русскую философскую традицию, практику Церкви и содержание жалоб, обычно высказываемых врачам-терапевтам, мы предпочли бы назвать подобную деятельность соф(и)отерапией. Содержанием этой терапии должна стать “зацикленность” на логике и рационализме в представлениях о жизни. Она должна удерживать рефлексию человека в границах нормы, предупреждая от перерастания поиска смысла жизни в бесплодное умствование. *Соф(и)отерапия — лечение философией как мудростью*» [2, 103].

София, как и мудрость, — *женского* рода. За этой поверхностной констатацией скрывается глубочайший смысл-понимание, который невозможно представить себе без обращения к соотношению мужского и женского, власти и любви. Исследовав специально эту проблему, С.Н. Булгаков писал, что власть присуща не отдельным лицам — носителям власти, но всему человечеству и «слагается из способности повелевать и повиноваться, из авторитета и лояльности, которые суть лишь два полюса власти, мужское и женское в ней начало», и обе ее стороны могут извращаться греховной похотью, переходя во владение и раболепство. В непросветленном состоянии она имеет характер тяжелый и жестокий, несет на себе печать богоотчужденности, присущую всей жизни [3, 527]. Непросветленное состояние в понимании власти забывает о том, что «истинная власть принадлежит одному Богу, земная же власть есть символ Божьего всемогущества. Однако

для Бога в Его промыслении о мире всемогущество не существует *только* как власть, в качестве «отвлеченного начала», в обособлении от других сторон отношения Бога к миру. Божественная власть неотделима от Божественной любви, раскрывающейся в творении мира и промыслении о нем» [3, 528]. Но после грехопадения¹ природе власти стала всегда присуща *насильническая жестокость*: «Власть представляет собой обособившееся, утвердившееся в оторванности своей *мужское* начало, которому присуща стихия насилия: она умеет покорять и повелевать, но не любить и сострадать. А соответственно и повинование властвуемых, пассивное начало власти, принимает черты столь отвлеченной женскости, угнетаемой и поработаемой» [3, 530]. *Разрыв* мужского и женского начала в природе власти свидетельствует не только о том, что над властью тяготеет проклятие, но и что существует онтологически правое и глубоко обоснованное стремление к преодолению власти не через безвластие (анархию), но посредством установления *сверхвласти* как Боговластия [3, 531]. И в этом процессе стремления-установления сверхвласти нельзя обойтись без Любви — Софии, которая «отдает себя Божественной любви и получает ее дары, откровения всех Ее тайн... София же только *приемлет*, не имея что отдать, она содержит лишь то, что получила. Себяотданием же Божественной Любви она в себе зачинает все. В этом смысле она *женственна*, восприимлюща, она есть «Вечная Женственность» [3, 293] как начало мира.

Софию как Вечную Женственность С.Н. Булгаков описывает как «четвертую ипостась», которая, «приемля в себе откровение тайн божественных, вносит *чрез себя и для себя* различие, порядок, внутреннюю последовательность в жизни Божественного Троиинства, она воспринимает единое и всецелое Божество как приипостасное — Отца, Сына и Св. Духа. Как приемлющая свою сущность от Отца, она есть создание и дочь Божия; как познающая Божественный Логос и Им познаваемая, она есть невеста Сына (Песнь Песней) и жена Агнца (Новый Завет, Апокалипсис); как приемлющая изливание даров Св. Духа, она есть Церковь и вместе с этим становится Матерью Сына, воплотившегося наитием Св. Духа от Марии, Сердца Церкви, и она же есть

---

¹ «... Человечество-семья, пребывая в любви Небесного Отца, не знало бы цепей государственности, а также и железа власти, по-своему формирующей жизнь. Однако союз семьи, братства, дружбы был разрушен, и уже братоубийство Каина показало, как слабы сделались эти связи в поврежденном грехом человечестве. Тогда с необходимостью возникает власть для охраны жизни, и ее-то апостол и считает божественным установлением (Рим. 13, 1—2)» [3, 529].

идеальная душа твари, красота. И все это вместе: Дочь и Невеста, Жена и Матерь, триединство Блага, Истины, Красоты, Св. Троица в мире есть божественная София» [3, 294—295]. Отсюда, видимо, и слова св. Иоанна Дамаскина: «Одно имя Матери Божией содержит в себе всю тайну домостроительства». Матерь Божия есть «Живородный Источник».

Сегодня власть, олицетворяющая мужское начало, извращенное греховной похотью повелевания и властвования, насильнической жестокостью, практически *не в состоянии* фундаментально решать проблемы выживания, Жизни, Человека и Природы. Более того, грех мужского мира, мужского восприятия жизни сводится к самому сведению жизни исключительно к «структурам», безличным и «объективным»², к чему стремится и порочный в своей сути современный феминизм как борьба за место в «структурах», предвзятое неестественное желание, а по сути — чудовищная глупость, доказать, что разница между мужчиной и женщиной случайна «биологически» и детерминирована «социально» [4, 542—543, 446].

Остается единственная реальная надежда на Женщину, которая посредством припоминания-восполнения в себе Вечной Женственности как начала мира приняла бы на себя миссию реализации Любви, отношения сверхвременного к временному, превращения потенциальности в энергию жизнотворящего блага.

Женщине принадлежит совершенно особая роль в семье и обществе, в жизнотворении. Она по своей изначальной природе есть сама *жизнь*, а не *о жизни*, потому ее категории — те, которых нет в структуральных, «мужских» редукциях: *красота, глубина, вера, интуиция*; она не в правилах, а в *исключениях*, ибо и жизнь — одно сплошное исключение из *правил*, созданных путем «исключения из исключений», подлинная жизнь там, где царит не правило (мужское «поле»), а исключение (женский живой опыт «исключения»), где и глубина *христианства как жизни*, как единственности, неповторимости, из глубины бьющий ключ *чуда*: жизни, семьи, творчества, любви, Царствия Божия. Сам мужчина скучен в своей «принципиальности», «мужественности», «порядочности», «логичности», «хладнокровии», «полезности»; интересным он становится, когда хоть немного «перерастает» это свое «мужество» и в святости предстает меньше всего как «мужчина» [4, 543]. Поэтому каждый мужчина нуждается в своей понимающей и поддерживающей его женщине. Ибо «творчество требует, хотя бы в воображении, своей героини, своей опоры, своей союзницы,

---

² Не отсюда ли то упорное насаждение неинституционализма в современной экономикс-ической науке?

а попросту говоря, своей музы, воодушевляющей, поощряющей, несущей... по возможности, не виртуальной, — все-таки реальной, живой, теплокровной, чувствительной, мыслящей, говорящей, слушающей, молчащей... о-о... и верной, верной, верной!». «Она — часть его духа, работающего духа, творящего» [5, 425, 427].

Женщина призвана быть истоком духовного благополучия семьи, ее хранительницей, берегиней, тем никем и ничем незаменимым началом-основанием, которое создает и хранит добрую семейную ауру, порождает в семье любовь, радость, счастье, душевную теплоту, создает семейный уют и опосредованно способствует целостному формированию-утверждению. *Божественная миссия и природа Женщины* определены ее ролью *рождения нового человека* и всемерной заботой о воспитании *человечности* в родившемся маленьком существе. Женщина, как и Земля, и Родина, призвана быть *матерью*, и в этом ее *наивысшая* и *наиблагороднейшая* *жизненная миссия*, отрицать которую вряд ли решится сама Женщина. Женщина — *Богородица!* Родшая Бога — Женщина — не может и не должна забывать этой своей первой божественной миссии — миссии рождения! Не должна Женщина ставить что-то иное превыше этой миссии. В этом предназначение Женщины, ее крест и спасение. Ее духовное властвование и над мужчиной.

Просветление духа сегодня может быть связано только с Любовью и Женщиной, Любовью Женщины. Именно Женщина — духовная основа семьи, главный инноватор Любви, а значит и жизни. Именно на Женщине держится любовь, и ради женщины создается в мире все светлое и человеческое, ибо она — начало и продолжатель рода *человеческого*. В этом состоят божественное предназначение Женщины и роль, предписанная ей Господом.

Ныне в пылу погони за материальным и денежным богатством забыто это ее божественное предназначение, ее особая роль и ее светосное призвание-миссия. Вместе с тем забываются и все чаще цинично отвергаются и те нравственные ценности, которые всегда основывались на Любви к Женщине. Да и сами женщины сегодня не прочь «опуститься» до уровня мужчин, добровольно переложить чисто мужские обязанности на себя, вменяя мужчине его якобы природную ничемность. Бог и Природа предписали Женщине, воспламеняя любовь, рожать детей, учить и воспитывать их добру, хранить семейный очаг, способствовать продолжению рода человеческого. Сегодня, как никогда прежде, актуален всеобщий призыв, который Георгий Гачев выразил следующими словами: «...главное — *рожать!* Взмолиться надо перед женщинами, чтоб вспомнили о материнском инстинкте, а не забили его мужеподобным феминизмом, ценя себя лишь как секс и

труд за деньги. Они ведь — генераторы Любви в мире!» [6, 11]. Без Женщины и Любви к ней не будет ни крепкой семьи, ни человеческого государства, ни человеческого будущего. И это должна усвоить прежде всего сама женщина.

Глубоко прав П.Дж. Бьюкенен, когда утверждает, что «новое общество строится *на песке*. Женщины отличаются от мужчин, и сколько не утверждай обратное, это ничего не изменит. Женщины разительно отличаются от мужчин, у них иные социальные роли, к исполнению которых мужчины не приспособлены, что бы ни постановляли суды. Женщины не могут вести *мужской образ жизни без катастрофических последствий для семьи, общества и государства*» (выделено мной. — Г.З.) [7, 334]. Конечно, ярые сторонницы эмансипации и феминизации — современные гендерши — превыше всего ставят свою якобы *свободу*, не понимая, что, как писал преп. Ефрем Сирин, «*хотя все можно ради свободы, но не все, что можно, бывает полезным ближним нашим. Не своей только пользы должны искать мы, но и ближних*». Феминистки всеми правдами и неправдами в своем амбициозном раже пытаются доказывать обратное, то, что противоречит такому — истинному — пониманию свободы. *Как и чем, какими душевно-нравственными страданиями* такая «свобода» оборачивается для близких им людей, лучше спросить у кого-то из них: ответ подтвердит правоту вековой истины, отраженной в словах преподобного. Вместе с тем в понимании истинной свободы хорошо бы помнить и слова апостола Павла о том, что *если из твоей свободы рождается искушение для других людей — то лучше пользуйся своей свободой благоразумнее, чтобы не соблазнять других*.

Вряд ли можно не согласиться А.Ю. Горбачевым в том, что «деструктивность феминизма обусловлена качеством его антропологического компонента, выделившегося из той части ментально женского типа, которая характеризуется нереализованностью высшего смысла жизни, т. е. любви. Для этих людей феминизм выступает способом психической защиты, интенсивность которой прямо пропорциональна степени бессмысленности их существования. Как всегда в подобных случаях, *содержательный дефицит личной жизни компенсируется излишеством социальной активности*» (выделено мной. — Г.З.) [8, 245].

Гармонию в семье, государстве и обществе может обеспечивать только Женщина! Если в семье — непосредственно, то в государстве — опосредованно. Однако этой проблемы сегодня принято не касаться. Возврат к ее решению не выгоден ни повсеместно насаждаемому экономизму, ни неолиберальному глобализму. Им выгоднее манипулятивно уводить женщин в сторону женского гендера и эмансипации, феминизма, посредством которых происходит *двойное превращение*

женщины в средство получения прибыли. Времени даже подумать о своем божественном предназначении у нынешних женщин, *одурманенных гендером, эмансипацией, феминизмом и маскулинностью*, не остается, не говоря уже о женской заботе и теплоте, доброте и нежности к ближним. Если же к этому еще добавить безудержное стремление многих современных женщин к *власти*, которое выходит на первое место среди прочих жизненных устремлений³, то картина получается вовсе безрадостная: *человечность обречена уйти в небытие*, а вместе с ней и человек, и общество, и Природа. Власть не щадит никого: она подчиняет и превращает всех в своих бездумных рабов, которые перестают понимать, в чьих и каких сетях они существуют. И здесь следует спросить таких женщин: *тому ли богу вы служите*, те ли святые почитаете?

Маскулинность, феминизм и гендер — порождение-поражение женщины как Женщины, как Матери, как Жены. Эти *эрзац-явления* отражают прогрессизм, женское восхождение, которое неизменно *обрачивается падением и разложением всего и вся*. И гордиться-то здесь совершенно нечем, ибо за этими *модно-глумарными* обертками-процессами скрываются деградация человека, его *о-бес-человечивание*. Именно отсюда вытекают и разрастаются *цинизм и равнодушие, самовлюбленность и властолюбие, жестокость и насилие, мимикрия и двуличность*, которые неизбежно порождают *скрытность, ложь*⁴. *Эгоцентризм* торжествует как никогда ранее. Все указанные характеристики-явления стали уже *не просто девиантными*, а *совершенно обыденными* явлениями нынешней социальной, а то и семейной жизни.

И в этом странно-перевернутом современном мире именно женщины *первыми* возмущаются тем, что падает нравственность общества, что нет в нем ни справедливости, ни порядка, ни порядочности. Но им и на ум не приходит, что главная причина лежит в *гламурном жизненном поведении* самих современных женщин, которое ими же утверждается, пропагандируется и насаждается невольно всем, с кем они общаются. Воочию, как говорят, в своем глазу бревна не видно! Весьма жесткие слова. Но и относятся они «не к женщинам, а к призракам, фантомам женщин, не могущим быть ни любимыми, ни матерями, ни женами, ни подругами, ни менеджерами мужского бытия, а... лишь тенями маску-

---

³ Еще К.Г. Юнг, открывший коллективное бессознательное и организующие его работы архетипы, доказал, что воля к власти противоположна любви: там, где правит любовь, нет воли к власти, а где воля к власти первостепенна, нет любви.

⁴ По словам преп. Иоанна Лествичника, «ложь есть истребление любви».

линов» [9, 247]. Потому, что «женщина переживает взлет и замещается гендером. Женской тайны больше нет, как нет и женского очарования. Преклоняться теперь не перед кем, мужчине остается лишь безответственно брать необходимое, изображая нежную дружбу и альфонсирова. Вместо женщины — имидж, правда, напяливаемый на все еще женское тело. Что-то пустое, кривляющееся, звонкое, усиленно что-то изображающее и куда-то отчаянно стремящееся, зато упорно убегающее от прямого женского предназначения — какой-то феминистский абсурд!» [10, 187].

Феминизм — это особый вид эмансипации. И прежде, чем гордиться эмансипацией и стремиться к ней, следует еще раз глубоко задуматься над словами А.С. Панарина о том, что постхристианское сознание, которое вполне вписывается в парадигму христианского эсхатологического сознания, — это есть «логика последовательного вытеснения лучших худшими... логика эмансипации» [11, 399]. Следует ли допускать, чтобы вся власть была отдана худшим, чтобы они господствовали, вынуждая и всех остальных деградировать?

Бес-мерие — *бес-ответственность* — *бес-человечность*. Это ступени вашего, феминистки и им сочувствующие, «*восхождения*»-*падения*. Ступени той навязанной вами миру *катастрофы*, в которую вы так искусно ввергли человека. И упорно продолжаете эту катастрофу углублять, мысленно гордясь собой и красуясь собой перед себеподобными. Деяния феминизма налицо. Они многократно усиливаются гедонистически мыслящими и действующими мужчинами. Прогрессизм прогрессирует.

Женщина сегодня усиленно освобождается от мужчины, его опеки и водительства, но она освобождается вместе с тем и от семьи, «в которой всегда играла важнейшую роль жены-матери, а главное — хозяйки. Мужчина, оставив место главы С[емьи], тоже расстался с С[емьей]. Какая-никакая исторически оправданная иерархическая гармония в С[емье] нарушена, а новой семейной гармонии что-то не видно... Бессемейное, т. е. неосеменяемое общество вряд ли выдержит жесткое историческое соревнование, если не настоящую битву за жизнь, с обществом традиционно семейным, а потому одна только у феминизированного общества надежда — на поиск новой семейственности, а потому и новой, увы! патриархальности» [12, 196].

Вот и стоит думать-размышлять, взвешивать и решать, ибо на кону ни мало — ни много: сама Жизнь! Жизнь и счастье ваших, феминистки и маскулины, детей, внуков, возможная (ли?) жизнь и ваших правнуков! Там ли вы пытаетесь найти смысл — не научный (ибо в нем много измышлений, иллюзий, а еще больше катастрофичности!), а тот

вечный, открывающийся только Любви и Мудрости, тот, который в Откровении, который от Откровения и Благодати?

Любовь и Благо-Дар-ность! Эти слова очищают Воду. Вода — источник Жизни.

Любовь и Благо-Дар-ность — Ключ Жизни! И этот ключ Божьей волей был послан Женщине как Господине — Хранительнице Семейного Очага, Очага Жизни. Послан для искупления того первородного греха. Постигнуть это необходимо, как необходимо будет Женщине держать ответ за сохранность и дление Жизни. И суд будет по деяниям. А деяния сегодня весьма страшные. И суд будет Страшным.

Литература

1. *Задорожний Г.В., Колупаева И.В.* Людська діяльність: зміст і трансформація структури у сучасному господарському розвитку. Харків, 2009.
2. *Кутырев В.А.* Бытие или ничто. СПб., 2010.
3. *Булгаков С.Н.* Свет Невечерний. Созерцания и умозрения. СПб., 2008.
4. *Шмеман А., прот.* Дневники. 1973—1983. М., 2009.
5. *Михайлов Юр.* Реквием. Роман о романе, или роман с романом. Метафизическая проза. М., 2010.
6. *Луконин С.* Само- и миропознание Георгия Гачева // Литературная газета. 2004. 12—18 мая.
7. *Бьюкенен П.Дж.* Смерть Запада. М., 2003.
8. *Горбачев А.Ю.* Сущность феминизма // Философия хозяйства. 2006. № 2.
9. *Шулевский Н.Б.* Встречи с Иным в философии хозяйства Ю.М. Осипова. М., 2007.
10. *Осипов Ю.М.* Пол // Философия хозяйства. 2008. № 3.
11. *Панарин А.С.* Православная цивилизация в глобальном мире. М., 2003.
12. *Осипов Ю.М.* Семья // Философия хозяйства. 2008. № 3.
13. *Ильин И.А.* Почему мы верим в Россию. М., 2003.

И.И. ДЖАДАН

Кто сделает философию для России?*

Аннотация. В рецензии на второй том книги «Кто сегодня делает философию в России» автор считает, что интеллектуальный проект Алексея Нилогова представляет собой новый, долгожданный шаг в развитии философствования о философии в России: это однозначно не историко-философская книга и не хрестоматия философских произведений, а нечто иное.

Ключевые слова: современная русская философия, Нилогов, «Кто сегодня делает философию в России».

Abstract. In the review of the second volume of the book «Who Today Makes Philosophy in Russia» the author considers that Alexey Nilogov's intellectual project is a new, long-awaited, step in the development of philosophizing about philosophy in Russia: this is, certainly, not the historical-philosophical book and not a chrestomathy of philosophical works, but something else.

Keywords: modern Russian philosophy, Nilogov, «Who Today Makes Philosophy in Russia».

Философский проект «Кто сегодня делает философию в России», второй том которого вышел в канун 2011 г., по новаторству формата можно сравнить с книгой Диогена Лаэртского о жизни, учениях и изречениях знаменитых философов Античности. Мы верим, что когда большинство философских статей и монографий будут стерты из памяти человечества пандемией компьютерного вируса или атакой китайских хакеров, а толстые философские журналы будут брошены в топку мирового энергетического кризиса, эти два тома сохранятся для человечества бережными коллекционерами по причине, по которой эллины, а затем арабы сохранили книгу Диогена. Историки далекого будущего еще напишут о них свои диссертации, ведь в двухтомнике охвачен практически весь спектр направлений русской философии начала XXI в.

Впрочем, склонностью человеческого ума к всеобъемлющему охвату можно объяснить не только неизменную полезность энциклопедических изданий, но и причину, почему так популярны кухонные комбайны «три в одном» или почему пятерчатка при головной боли лучше простого анальгина. Лозунгом Лаэртского была *τοικίλια* — пе-

---

* Рецензия на кн.: Кто сегодня делает философию в России. Т. 2 / Автор-сост. А.С. Нилогов. — М.: Аграф, 2011. — 528 с.

строта изложения, способная придать даже самым занудным философским упражнениям литературный блеск. У него жизнеописания сочетаются с антологией философских идей и даже целыми законченными произведениями, вставленными в текст книги — письмами и стихотворными эпиграммами. По сути — это был первый рассчитанный на массового читателя проект «истории философии», оказавшийся вполне удачным, коммерчески успешным и поэтому дошедшим до наших дней. И доныне всевозможные авторы историко-философских трактатов, от Т. Стенли до архимандрита Гавриила (Воскресенского) лишь пытались мультиплицировать успех Диогена из Лаэрт. Проект «Кто сегодня делает философию в России» представляет собой следующий, долгожданный, шаг в развитии философствования о философии: это однозначно не историко-философская книга и не хрестоматия философских произведений, а нечто иное. Лозунг Нилогова можно сформулировать как *антиязычность*: бегство от банальной однозначности институционального философского языка навстречу веселому стрекотанию интернетного *κοινη*.

Но, пожалуй, еще более важной особенностью двухтомника «Кто сегодня делает философию в России» (мы смеем надеяться на то, что со временем появится и третий том) является «перспективность» формата: значительная часть философских интервью взята с целью размещения в этом сборнике активно и целенаправленно. Другими словами, значительная часть собранного в книге материала имеет строго «первичный» характер в журналистском смысле слова. Это, безусловно, не хрестоматия и не интеллектуальный дайджест, хотя в части «Философские манифесты» мы имеем дело с жанром философской антологии.

С точки зрения концептуальной новизны нилоговский проект выглядит уникальным не только для русской философии, но и для мировой. Мы затрудняемся сказать, что мешает появлению аналогичного всеобъемлющего проекта на Западе. Возможно, амбиции философских школ и своеобразная университетская «кружковщина», когда философы одного значимого направления избегают совместных публикаций со своими интеллектуальными конкурентами.

Нам трудно себе представить, чтобы «киты» современной англоязычной философии, такие как Х. Патнэм, Д. Деннет и Э. Плантинга, дали разрешение на публикацию своих статей или интервью в одной книжке, а тем более — в одном сборнике с менее выдающимися именами. Вопросы копирайта, пиара, академической конкуренции за гранты предсказуемо задушат подобный проект в колыбели. Даже в более свободной в плане академических условностей России вытянуть его оказалось возможным, лишь позиционировав себя вне всяких инсти-

туций, академических и государственных, и противопоставив им свою муравьиную настойчивость с безжалостностью прирожденного аутиста. Но вряд ли в любой «цивилизованной» стране подобная попытка обошлась бы автору столь дешево, без гарантированного залета в «гнездо кукушки». И это приближает нас к ответу на вопрос: может ли в России появиться аутентичный и одновременно передовой философский проект?..

Проще всего объяснить разницу между обычной хрестоматией философских текстов и данным проектом, сравнив оба формата с методами эмпирической науки: первое — с пассивным ретроспективным наблюдением (survey), а второе — с экспериментом (prospective study). Ученые лишь совсем недавно достигли понимания того, что пассивное наблюдение никогда не может достичь методологической чистоты и убедительности результатов, полученных экспериментальным путем, а именно целенаправленного воздействия в заранее запланированных и тщательно контролируемых условиях. Ведь только в последнем случае экспериментатор способен выступить полноценным «демиургом», с холодной решимостью ставящим экспериментальное животное в вопросительную ситуацию. Иногда — довольно жестоко.

Читая двухтомник, мы als об попадаем в ситуацию поставленного автором интеллектуального эксперимента. Различные философы каждый по-своему отвечают на стандартный набор вопросов, задаваемых с некоторыми необходимыми вариациями, которые отражают профессиональную специализацию интервьюируемых и их принадлежность к тем или иным течениям. В результате мы имеем в руках важный и статистически достоверный результат: рефлексивный ответ нервной системы философов на чрезвычайно болезненный разряд «интеллектуального тока».

В данном случае роль шоковых электродов блестяще сыграли каверзные ниловские вопросы, от которых невозможно спрятаться за высокие звания и прежние заслуги. Все это превращает двухтомник в своего рода протоколы допросов из подвалов Лубянки. Читать их можно, лишь искренне наслаждаясь либерализмом и гуманностью следствия, либо, наоборот, ужасаясь изуверской жестокостью интеллектуальной пытки. Но вся эта игра в философский ГУЛАГ, надо признать, составлена на удивление добротнo: дела шьются мягко и ненавязчиво и вынесение судебного решения оставляется на полное усмотрение читателя, который, сыграв роль «сталинской тройки», по каждому «делу» сможет вынести свой собственный вердикт, а при большом желании — даже лично привести приговор в исполнение.

Собственно, «следствие» более всего интересуют два вопроса: «Что такое философия — вообще?» и «Что такое русская философия — в

частности?». Ответы философов на эти два основных вопроса русской философии часто напоминают доносы в НКВД. Тем интереснее их читать.

Философия, по меткому выражению одного из авторов второго тома — В. Красикова, — «наиболее экстремистский вид духовного творчества». И действительно: она рецидивистски занята бесстыдной пропагандой интеллектуальной свободы и злостным разжиганием здравого смысла. И истина для философа продолжает оставаться превыше параграфов уголовного кодекса. Но это вовсе не удивительно. В черед наук философия играет роль полновластного суверена.

Этот вопрос еще ждет своего К. Шмитта. Ведь кто-то должен давать первоначальную интеллектуальную разметку и проводить границы между науками. Один суверен волен распоряжаться своим наделом полностью: он не «слуга народа», а именно полноправный властитель, каких в 1917 г. ставили к стенке en masse.

Так и философ: никто не может указать ему на род занятий и укорять в отклонении от предназначения, поскольку никто, кроме него самого, не способен дать ответ на вопрос: что такое философия? Этот ответ может быть слегка «редукционистским»: ведь суверен волен отдать часть своего удела в пользование подданным. Только в этом смысле можно согласиться с замечанием В. Ванчугова (интервью с которым также опубликовано во втором томе) о том, что философия призвана стать частью «*болонского процесса по оказанию образовательных услуг*».

Но, даже согласившись стать главным обвиняемым на болонском процессе, философ не может уклониться от ответственности за решение вопроса о предмете философии, сославшись, например, на то, что в обществе «принято» считать философией то или иное. Если он попробует это сделать в России, то очень скоро рискует увидеть собственные кишки, наматывающиеся на винт философского парохода. Ведь, кроме философа, ответить на вопрос о его предназначении просто некому. Философия — высшая инстанция для подобных обращений. Поэтому, когда на страницах сборника интервьюируемый начинает вертеться, как угорь на сковородке, пытаясь уклониться от личного ответа, спрятаться за ссылками на авторитеты, мы с наслаждением следим за этими муками рождения.

Итак, цель философии есть упорядочение человеческого мышления по собственному проекту. В зависимости от степени радикализма проекта это может быть как небольшой ремонт, так и тотальная трансформация. В любом случае элемент новизны — ключевой, без него теряет смысл тезис об ответственности философа за свои идеи, ведь у старой идеи уже есть автор. А философ, будучи лишенным полноты

ответственности, перестает быть интеллектуальным сувереном, и отсюда прямая дорога на пароход, уносящий твой философский труп куда-то вдаль...

Поэтому известные шпетовские упреки русской философии в «невежестве» и недостаточном знании европейских предшественников следует воспринимать правильно: знания предшественников нужны философу, прежде всего, для того, чтобы не стать невольным плагиатором. Слишком углубленное изучение всего наследия мировой философии вряд ли целесообразно, если только речь не идет о стезе историка. Ведь в распоряжении философа всего 24 часа в сутках, и если все время читать, то когда — думать?!

Но движение разума вперед невозможно без освобождения от излишков воспоминаний — контролируемого беспамятства. Невозможно объять необъятное и согласовать несогласуемое, поэтому философу, как пластическому хирургу, всегда приходится «резать по живому», потроша мозги академиков и удаляя раздобревшую ткань во имя сохранения эстетики тела, взятого в целом. Таким образом, отвержение предшествующего опыта — необходимая черта истинного философствования. Но для того чтобы отвергнуть, вначале необходимо понять. Понять, чтобы сдать в утиль. Конечно, такая стезя не лишена рисков и чревата для философии определенными издержками в виде дилетантизма, нигилизма и философского ребячества. Однако путь добросовестного начетничества и восторженного ученичества заведомо ведет в тупик, а потому совершенно неприемлем.

Вместе с тем философы — не террористы. Их цель — взрывать застывшие мозги обывателя и задницы коррумпированных правителей (последние философскому надзору предпочли бы схватку с террористами), но никак не полис в целом. Ведь русская философия невозможна без народа, который неоднократно в своей истории бывал свергаем в междоусобицы из-за идейной нетерпимости, а по сути — в затяжные религиозные войны под соусом политических преобразований, после чего русским очень долго было не до философии. Так было в Смутное время начала XVI в., когда государство оказалось под управлением иноверцев, нетерпимых к культовым понятиям местного народонаселения. Так произошло в 1917 г. с приходом к власти православноборческой группировки. Аналогичная опасность гражданского столкновения на религиозной почве наблюдается в русском обществе начала XXI в.

Огульное отрицание традиционных религий с точки зрения философов древности, начиная с Сократа, есть покушение на порядок полиса, а этимологически — на эллинское политико-религиозное единение. Этот древний урок можно было бы забыть, но все-таки полезнее —

помнить. Поэтому во всем том, что касается верований, философу надлежит быть предельно терпимым. В современном русском обществе религиозная терпимость означает благоприятное отношение к таким неперменным составляющим русского духа, как народное язычество, православие и идейный атеизм. Последний за советский период успел превратиться в своего рода религиозное течение, вполне традиционное по своей догматической целостности, и стать органической частью русского национального самосознания. Без всякой иронии можно назвать современный русский атеизм «религией с нулевой суммой» (божеств). Традиционное русское двоеверие в советский период сменилось фактическим троeverием, расширением границ столь характерного для русских религиозного плюрализма. Среди европейских народов русские по-прежнему продолжает держаться особняком, по своей веротерпимости приближаясь к цивилизациям Восточной Азии. Дело за малым: осталось начать политкорректно вешать фанатиков на фонарных столбах.

Отрадно видеть, что в проекте Нилогова нашлось место как православным, так и убежденным атеистам, а также язычникам. Не были отвергнуты и сознательные инородцы. Это крепит новую культурную парадигму и новое самоощущение русского народа — его интеллектуального слоя: несмотря на разницу в вере, русские остаются русскими. Следует заметить, что их, оказывается, можно не только «допросить» (что Нилогову удастся мастерски), но и провести с ними дружескую беседу на понятном для всех — и в этом смысле универсальном — русском языке.

Сегодня понятийный аппарат философии оказался единственным надежным клеем, способным скрепить тело русского народа прочной интеллектуальной нитью. И вне зависимости от интенций участвующих в этом диалоге, и даже вопреки явной русофобии части философской братии, употребление русского языка в качестве рабочего объективно способствует сохранению русской этничности (identity). Катастрофой стал бы переход большинства философов России на рабочий английский, но этого, надеемся, не произойдет: уровень обучения английскому языку в России традиционно крайне низок.

В России вновь запахло порохом свободомыслия. Но что делать нам, чтобы не остаться в стороне от нового «великого похода»? Прежде всего, нужно перестать задаваться вопросом о том, что есть русская философия? Ни одна великая философская нация подобными вопросами «национального самоопределения» собственного философского мышления не задавалась. Ответы на них по умолчанию ясны всякому, кто стал на философскую стезю. И как здесь не последовать заветам великого Левши: *«У англичан ружья кирпичом не чистят... пусть*

чтобы и у нас не чистили, а то, храни бог войны, они стрелять не годятся».

Русскую философию не надо ни по-петровски «чистить кирпичом», ни по-большевистски тыкать «мордой в снег», а «делать» в том смысле, который употреблен в названии нилоговского проекта «Кто сегодня *делает* философию в России».

P.S. На сайте АПН под несколько провокативным заголовком «Кто подделывает философию в России?» опубликована наша рецензия на выход второго тома книги «Кто сегодня *делает* философию в России?» (автор-составитель — Алексей Нилогов). Надо сказать, что изначально нами были предложены два варианта заголовка статьи, каждый из которых имел свои недостатки. Основной — «Кто *сделает* философию для России?» — звучал многообещающе, однако, пожалуй, слишком оптимистично, особенно в свете того, что далеко не очевидно: удалось ли собранным в сборнике авторам действительно создать ценимую на родине и уважаемую за рубежом новую русскую философию? Это станет ясным лишь из исторической перспективы. Последнее сомнение, впрочем, ничуть не умаляет значение собственно книги Нилогова, которому удалось мастерски презентовать нередко достаточно сумбурные философские воззрения «собственных платонов», что само по себе крайне трудная, но необходимая для истории задача.

Заголовок «Кто подделывает философию в России?» сначала был «резервным». Звучит он достаточно стебно, и, может быть, для кого-то обидно, но в отличие от первого варианта более точно представляет основную, на наш взгляд, проблему современной русской философии: ее излишнюю подражательность и вторичность по отношению к европейской. Редакция, впрочем, избрала именно его, и, думаем, не промахнулась.

Истоки главной проблемы российской философии, как нам представляется, социальные. Ведь философия — это интеллектуальный досуг политически свободных граждан. И если граждане не совсем свободны, либо имеют недостаточно свободного времени, философия обречена на прозябание. Для всякого вменяемого человека очевидно, что русское общество все еще политически несвободно, продолжают попытки диктовать русским, причем не только в зарубежье, что было бы более понятно, но и в самой России, некие почерпнутые из внешних источников принципы существования, но русские продолжают такую власть терпеть, по ходу милясь со своим интеллектуальным увечьем.

Следующий «стопор»: слабая развитость спроса на интеллектуальный продукт из-за уродливых потребительских предпочтений элиты. Проблема русской философии сродни проблемам, с которой сталки-

ваются в России попытки создать любой национальный инновационный продукт (а философия по своей сути инновативна), назовем его условно — «российский айфон». Импортный айфон в России, как и любая дорогая вещь, — статусная покупка, призванная закрепить социальный статус обладателя. Причем основное значение в данном случае имеет именно заграничное происхождение товара. Этим воспроизводится стереотип, согласно которому все хорошее — из-за границы, а отечественное — создается лишь для «лошаков». В таких условиях любой оригинальный инновационный продукт в России обречен на вымирание. Выжить в качестве «лоховского ширпотреба» кое-как могут лишь более или менее точные подделки под западные бренды. Очевидно, что сохранение подобного стереотипа ставит большой крест на перспективах технологического развития в стране.

Нечто подобное наблюдается в русской философии: более или менее ценится лишь умелая подделка под западное философствование. Ценность оригинальной философской мысли для потенциального ее потребителя ничтожна. В этом смысле можно сказать, что русское общество все еще находится на доклассическом, «гомеровском» (если сравнивать с древними греками), уровне интеллектуальных запросов: оно уже способно оценить значение национальной литературы и мифологии, однако еще не способно оценить значение для нации независимой философской мысли.

Казалось бы, те, кто сам себя теперь величает «элитой», должны были бы служить нации примером, развивая в рядовом потребителе соответствующий вкус к интеллектуализму, а они вылупили свои красивые восточные бараньи глаза, пытаясь найти ответы на вечные вопросы бытия на дисплее айфона. Но ответов нет, какой сюрприз!

Л.П. ШИПОВСКАЯ, В.А. КОВТУН

Разгадана ли тайна искусства?*

Аннотация. В рецензии на книгу А.С. Мигунова и С.В. Ерохина «Алгоритмическая эстетика» анализируются проблемы современного искусства и эстетики. С проникновением цифровых технологий в искусство стало возможным имитировать шедевры мирового искусства. Возникает вопрос: не является ли искусство просто техникой?

---

* Рецензия на книгу: Мигунов А.С., Ерохин С.В. Алгоритмическая эстетика. — СПб.: Алетейя, 2010. — 280 с.

Ключевые слова: эстетика, современное искусство, имитация, цифровые технологии, алгоритм.

Abstract. In the review of A.S. Migunov and S.V. Yerokhin's book «Algorithmic Esthetics» modern art and esthetics problems are analyzed. With penetration of digital technologies into art began possible to simulate masterpieces of world art. There is a question: whether art by simply technique is?

Keywords: esthetics, the modern art, imitation, digital technologies, algorithm.

В современной эстетике происходят, на наш взгляд, кардинальные перемены. Эстетика модернизирует привычный понятийный аппарат. Что заставляет ее это делать? Согласно авторам книги «Алгоритмическая эстетика», современное искусство радикально отличается от традиционного искусства. Это отличие обусловлено появлением цифровых технологий. В искусстве стало возможным имитировать живопись, музыку, литературу, используя алгоритмические программы.

Попытки алгоритмизации существовали всегда. Алгоритм, по мнению авторов, представляет собой систему правил, свод действий, которые нужно совершить для того, чтобы создать произведение искусства. Однако сегодня под воздействием бурного развития компьютерных технологий понятие «алгоритмическая эстетика» получает иной оттенок. Алгоритмы, используемые в современной художественной практике, представляют собой «либо программы, позволяющие адаптировать аппаратные комплексы для создания художественных произведений непосредственно в цифровом формате, либо программы, позволяющие в той или иной степени автоматизировать творческий процесс при создании таких произведений» (С. 210). Алгоритмы традиционного искусства не ставили под вопрос само искусство. Искусство всегда прежде представало как тайна. Но сегодня, когда стало возможным создавать имитации текстов Деррида и музыкальных произведений Баха без соответствующего участия Деррида и Баха возникает вопрос: а не разгадана ли тайна искусства? Обладает ли вообще искусство тайной? Или это просто техника, к которой сегодня наконец-то найден ключ. Авторы уверены, что если цифровые технологии сегодня проникли еще не во все виды искусства, то это просто вопрос времени.

А.С. Мигунов и С.В. Ерохин подробно разбирают компьютерные модели некоторых техник изобразительного искусства. На наш взгляд, самым ценным в «Алгоритмической эстетике» является анализ понятий искусственного сознания и искусственного искусства.

Несмотря на то, что на сегодняшний день нет искусственных систем, которые делают возможным создание произведений искусства в

полностью автономном режиме, тем не менее логика развития технологий содержит в себе такую претензию. Решая вопрос о сущности и будущем искусства, авторы тонко подмечают, что для философии принципиально важным является различие в чувственности того, что подлежит алгоритмизации (изображения), и того, что не подлежит алгоритмизации (эмоции).

Цифровые технологии, распространившиеся в искусстве, ставят не менее серьезную проблему трансформации сознания и психики современного человека. Виртуальные миры захватили человеческое сознание, однако еще не до конца, ибо мы еще способны отличить виртуальное от реального, но в ближайшем будущем должны появиться такие программы, которые сотрут разницу между мирами. Авторы констатируют, что «психика человека оказалась неготовой к адекватному восприятию виртуальных пространств» (С. 210). Компьютерные игры формируют у людей толерантное отношение к насилию. Но эта проблема относится скорее не к эстетике, но к этике.

На наш взгляд, издание книги А.С. Мигунова и С.В. Ерохина «Алгоритмическая эстетика» стало важным событием в интеллектуальной жизни современной России.

В.П. КАЗАРИН

Неактуальный Самокиш (послесловие к юбилею)

Аннотация. Статья посвящена проблеме утраты исторического единства русской культуры, которая была разорвана Гражданской войной 1917—1920 гг.

Ключевые слова: живопись, история, личность, Гражданская война, Н. Самокиш.

Abstract. The article deals with the problem of the loss of the Russian culture historical unity, which was broken by the Civil war of 1917—1920.

Keywords: painting, history, personality, Civil war, N. Samokish.

25 октября 2010 г. исполнилось 150 лет художнику Николаю Самокишу.

Он оставит нам в наследство более 11 000 картин, графических работ и книжных иллюстраций (перо, тушь, сепия, акварель). Действительный член Императорской Академии художеств. Обладатель пяти серебряных, двух малых и большой золотых медалей той самой Ака-

демии и серебряной медали Всемирной выставки в Париже. Лауреат первой премии графа С.Г. Строганова. Уже в студенчестве удостоен чести стать автором картины, которая была приобретена П.М. Третьяковым для его знаменитой галереи. Позднее его работы пополнят коллекции Зимнего дворца, Государственного Русского музея, ГМИИ им. А.С. Пушкина и многих других собраний России и Европы.

Был организатором художественных экспедиций для создания циклов рисунков и картин в память о сражениях на Кавказе (вместе с И. Айвазовским и Ф. Рубо), на фронтах Русско-японской войны и Первой мировой. Создатель знаменитых полотен и графических работ, посвященных Отечественной войне 1812 г., русско-турецким войнам, нашей Гражданской войне века XX-го. Если Айвазовский был официальным историографом отечественного флота, то Самокиш фактически являлся официальным летописцем сухопутной армии России. Имел звание полковника кавалерии.

Добавим к этому тысячи журнальных и книжных иллюстраций к произведениям русских и украинских классиков, к альбомам по истории Украины, художественное оформление очерков путешествий, знаменитой четырехтомной «Охоты на Руси» (вместе с И. Репиным, В. Суриковым, А. Бенуа и др.), многочисленные панно на зданиях и в интерьерах. Напомним о заслуженном авторитете выдающегося анималиста и общепризнанной репутации одного из создателей школы рисунка пером в стране.

И это еще будет далеко не все.

Может быть, его радостно и торжественно вспомнили в юбилейные дни в родном Нежине — черниговском городе, в котором он родился и закончил гимназию при знаменитом Лицее князя Безбородко (том самом лицее, в котором когда-то учился Гоголь)? Он посвятит позднее родному городу отдельный альбом. Вероятно, самостоятельную юбилейную программу его памяти организовали в Харькове, потому что он стоял у истоков художественного образования в этом городе, или в Севастополе, который тоже станет темой отдельного альбома художника? Его юбилей, конечно же, широко и достойно отметила вся родная ему Украина, которую он лелеял и творчески запечатлевал снова и снова, возрождая ее художественные традиции и неумолимо иллюстрируя ее литературных классиков — Гоголя, Марко Вовчок, И. Нечуй-Левицкого и других?

Нет, нет и нет...

Его не вспомнили в эти дни ни на Украине, ни на Кавказе, ни в Забайкалье, ни на Дальнем Востоке, ни в Санкт-Петербурге (где он профессорствовал и был академиком), ни в Москве, ни в Европе. Спасибо

Крым — он организовал по инициативе общественной организации «Ассоциация заповедников и музеев» в рамках своих небольших возможностей юбилейные торжества памяти художника, который нашел последний приют в Симферополе на кладбище у Всехсвятской церкви. Крым спас тем самым честь и достоинство всех перечисленных и еще не названных нами городов и весей. Какой-никакой, но юбилей все-таки состоялся...

Страшный XX в., который Мандельштам назвал «волкодавом», закончился, но оставил неизжитое, все еще довлеющее над нами наследство. Он разделил нашу историю надвое — до 1917-го и после. Все, что было «до», — до сих пор во многом чужое. Даже враждебное. Мы расставались с ним беспощадно и жестоко: одно взрывали, другое вырезали из книг, третье сжигали, продавали за границу, наконец, просто убивали. Так, в Севастополе в конце 1920-х гг. мы не только надругались над прахом наших великих адмиралов — Лазарева, Нахимова, Корнилова, Истомина, — но также сняли и расплавили их памятники. Мы стараемся не помнить сегодня о том, что только после трагического опыта Великой Отечественной войны адмиралы начнут возвращаться на площади города, который когда-то их усилиями в первый раз получил звание «герой». Нахимов снова встанет на своем пьедестале у Графской пристани только в 1959 г. Значительно позже вернется Корнилов. Расплавленный на бронзу Лазарев ждет своего часа до сих пор.

Забытые войны, забытая жизнь, забытые традиции, забытые исторические юбилеи и вехи, забытые альбомы и журналы, как результат — забытая эпоха и забытый вместе с ней художник Самокиш.

Что такое известность и востребованность художника сегодня? Это изданные альбомы его работ, постеры, открытки, в конце-концов наклейки. Это его иллюстрации в школьных и вузовских учебниках, это премии и стипендии его имени, это его музеи, экспозиции и выставки. Ничего этого нет и в ближайшее время, скорее всего, не будет.

Прости, Николай Самокиш! В утешение тебе скажем, что ты не одинок в этом длинном-длинном списке забытых знаменитостей. Жди. Тебе не привыкать. Застыли в ожидании, когда их снова напечатают для широкой публики, лошади Самокиша на знаменитой картине «Четверня на повороте», когда-то так поразившие воображение парижан. Замерли на полотне в сражении под Салтановкой рвущиеся в атаку сыновья и солдаты Раевского. Никак не могут выбраться из Сиваша крестьяне-красноармейцы, штурмующие Перекоп...

И.И. РУДЯК

Север как гарант композиции: Россия и Север после Вернадского — в эпоху Александра Субетто

Аннотация. Данная статья представляет собой междисциплинарный анализ существования теории о ноосфере в настоящее время.

Ключевые слова: вживление завода в биосферу, кибернетическая ноосфера, вертикальный резонанс, холодильник композиции.

Abstract. This article is an interdisciplinary analysis of existence of theory about noosphere in recent time.

Keywords: grow factory to biosphere, cybernetics noosphere, vertical resonance, refrigerator of composition.

Сегодня учение о ноосфере может быть рассмотрено на новом уровне: как с компьютерной точки зрения, так и с точки зрения междисциплинарной науки (их пересечением является Интернет) — «сеть наук» должна иметь «диффузную связь» между любыми (факториал) научными дисциплинами (образуя, подобно мозгу, «временные связи» между «нейронами» отдельных наук — «аппликационные узлы» сети). Например, объединив биологию с математикой, можно создать предпосылку для перехода к управляемой социоприродной эволюции, о которой писал А. Субетто. Для человека характерны и биологическая эволюция, и «виртуальная эволюция» (вытеснение неандертальца): эволюция виртуальных программ мозга-компьютера (системогенетический закон Субетто о дуальности управления и организации систем: постфутуристический диморфизм). В рамках мозга человек кибернетически управляет «отраженным миром», а в будущем он научится кибернетически управлять и реальным миром. Тогда мы будем «вживлять заводы в биосферу» (Субетто пишет, что мир станет объединенным и управляемым; В.А. Зубаков считает, что рынок исчерпал себя — необходимо регулировать производство) — как нейропротезы в мозг человека (постройка природно-цивилизационных структур), а потом — экономика выйдет в космос (С.Н. Булгаков о «космической функции хозяйства»).

Сегодня русский космизм есть движение от компьютерной программы мозга к компьютерной программе космоса. Подобно мозгу, Вселенная имеет компьютерную природу (С. Ллойд, Массачусетский технологический институт: в упорядоченных флуктуациях микроволнового фона может быть закодирован набор тех исходных данных, которые программируют Вселенную, чтобы она могла создавать сложные структуры; послание Бога, о котором пишут С. Хсу из Орегонско-

го университета и Э. Зи из Калифорнийского университета, является, по мнению Ллойда, компьютерной программой Вселенной), что подает нам надежду на создание новой, управляемой цивилизации, о которой пишет Субетто. Возникнет «кибернетическая ноосфера» (В.В. Дмитриев, нооценозы — биотехноячейки). Космос состоит из пятигранных ячеек, биосфера — из ячеек биогеогеографоценозов, а мозг-компьютер — из ячеек-файлов (информация): мир устроен по «вертикальному резонансу» — «закону космического подобия» (С.Н. Булгаков о «метафизическом коммунизме мироздания»). Поэтому «композиция мира» будет иметь космическую природу (В.В. Бушуев, В.С. Голубев о необходимости уравнивания, гармонизации, наведения порядка). Луций Анней Сенека считал, что благие поступки сводят всех людей в единое сообщество граждан космоса. «Мировой резонанс» связан с идеей Субетто о «глобальной гармонии». В реальности это связано с компьютерно-ноосферным преобразованием ООН (А.Н. Адамов пишет о политике в ноосфере).

При этом роль России сильно возрастет: ведь Север — это «холодильник композиции» (Субетто о гармонизации через освоение Севера). Если ледяной метан в мировом океане превратится в газообразный, то его объем увеличится более чем в 100 раз. Исчезновение больших объемов ледяного метана может вызвать цунами. Метан в 30 раз сильнее чем углекислый газ влияет на возникновение тепличного эффекта, вызывающего новое разогревание океана и новое таяние метанового льда... «Температурный разруб» влажности из-за нарушения симметрии тепла и холода (А.Н. Ласточкин, симметрия и асимметрия Севера и Юга) вызывает усиление ветра, перегоняющего испарившуюся в одном ареале влагу в другой ареал, где она проливается как осадки: тогда планета делится на районы засухи и гари и районы наводнений и штормов, непригодные для сельского хозяйства и проживания. Брюсов, Циолковский, Вернадский считали человека геологической и космической силой. Сила эта заключается в способности интеллектуально создавать и хранить планетарную композицию.

**НАУЧНАЯ
ЖИЗНЬ**

Памяти В.Г. Белолипецкого

21 января 2011 г. ушел из жизни Василий Георгиевич Белолипецкий (родился 3 августа 1951 г.) профессор, доктор экономических наук, заместитель директора Центра общественных наук при МГУ имени М.В. Ломоносова.

Тамбовский мужик — умный, крепкий, ловкий, самородистый, прошедший флот и большую трудовую жизнь, практический экономист-производственник, бухгалтер, плановик, директор, но при этом и экономист-аналитик, финансист, мало того, экономист-теоретик, теоретик фирмы, финансов, предпринимательства, но и это не все — философ хозяйства.

Один из лучших ученых современности, вдумчивый, пронизательный, неожиданный, оригинальный, самобытный, которым нет замены и об утрате которых можно только сожалеть.

Он обладал особым талантом видеть и замечать, а замечая — запечатлевать в необычных речах, текстах, словах. Говорил тихо, неторопливо, но как при этом значительно, емко, верно!

Постоянный автор журнала «Философия хозяйства», заместитель его главного редактора, он опубликовал множество содержательных и всегда нестандартных статей, каждая из которых становилась событием.

Большой знаток экономической реальности и неисчерпаемый источник идей, неутомимо служил науке и людям, щедро делясь редкими познаниями и искрящимися мыслями: легко, сходу, играючи.

Он много успел сделать, хотя главное, наверное, его гений так и не совершил — не создал фундаментального труда, адекватно и целостно представляющего современную экономику, которую Василий Георгиевич знал и понимал, как никто.

Не сложилось, не пришлось, не хватило!

А если припомнить такие личные качества Василия Георгиевича, как работоспособность, тружество, стойкость, верность, честность, наконец, дружелюбие, доброжелательство, скромность, то... только с его уходом становится понятным, насколько велика потеря... в наш-то, совсем не столь чистый и честный, добрый и благожелательный век.

Человек-явление, человек-невозможность, человек-мечта!

В.Г. Белолипецкий был действительным членом Академии философии хозяйства и Академии гуманитарных наук. За оригинальную экономическую мысль и существенный вклад в становление философии хозяйства награжден серебряной медалью С.Н. Булгакова «Свет Невечерний».

Выход через кризис (интервью Ю.М. Осипова газете «Завтра»)*

«ЗАВТРА». Юрий Михайлович, Центр общественных наук при Московском государственном университете имени М.В. Ломоносова, который вы возглавляете, недавно отметил свое двадцатилетие. За это время он стал одним из признанных интеллектуальных центров нашей страны. Какие вехи в его истории вы хотели бы отметить, какие перспективы дальнейшего развития видите для себя?

Юрий ОСИПОВ. В свое время Центр создавался по инициативе руководящих органов нашей страны. Принципиальное решение об этом было принято еще в 1989 г., а работать мы начали в конце 1990 г. на правах НИИ I категории. Идея Центра заключалась в том, чтобы, не имея большого штата постоянных сотрудников, реализовывать оригинальные междисциплинарные проекты, привлекая к ним на договорной основе ведущих специалистов и временные творческие коллективы Советского Союза и зарубежья. Конечно, это был эксперимент, который, в случае успешных результатов, должен был стать новой моделью организации научных исследований в нашей стране.

Но затем начались «лихие 90-е» с их «рыночными реформами», государственное финансирование Центра с 1994 г. прекратилось, и мы были поставлены перед выбором: либо отказаться от этого проекта, либо продолжать его собственными силами. Учитывая имевшийся исследовательский потенциал, мы приняли решение работать дальше, предоставляя ученым разных наук дискуссионную трибуну и обеспечивая публикацию свободно подготовленных текстов.

«ЗАВТРА». Видимо, была какая-то поддержка со стороны МГУ, его экономического факультета?

Ю.О. Конечно, руководство университета в целом нам помогало и помогает. Но мы, в силу своей «междисциплинарной» специфики всегда активно взаимодействовали и с другими факультетами МГУ, прежде всего с экономическим, а также с различными вузами и научно-исследовательскими учреждениями в нашей стране и за рубежом, с властными структурами, с предпринимательскими кругами. Большую роль в становлении ученого сообщества Центра сыграло созданное в 1997 г. Философско-экономическое ученое собрание, в работе которого принимают участие сотни профессионалов из разных областей знания, в том числе и ведущие ученые мирового уровня. В 1999 г. вышел первый номер нашего журнала «Философия хозяйства», который всту-

---

* Беседу вел А. Гордеев (Завтра. 2011. Янв. № 3).

пает уже в тринадцатый год своего существования. Журнал стал за это время весьма авторитетным научно-размышлительным изданием и входит в список Высшей аттестационной комиссии Министерства образования и науки Российской Федерации. В 2009 г. на базе Центра была организована Академия философии хозяйства, и теперь можно сказать, что нами сформировано полноценное научное сообщество, способное решать самые сложные исследовательские и экспертные задачи.

«ЗАВТРА». Мы знаем, что 20-летие Центра было отмечено не какими-то формальными мероприятиями, а юбилейной научно-практической конференцией, посвященной проблемам развития нашей страны под названием «Самоутверждение России: социум, экономика, политика», и что участники этой конференции, вы в том числе, подвергли весьма нелицеприятной и обоснованной критике ту концепцию модернизации, которая сегодня провозглашена чуть ли не основой идеологии и деятельности нынешней «властной вертикали». Какие изъяны вы нашли в этой концепции?

Ю.О. Мы видим, что пореформенная модель хозяйства не может более удовлетворять ни один из слоев российского общества, включая действующую власть, тем более — общество в целом. Эта модель базируется на сверхэксплуатации природных и человеческих ресурсов нашей страны, а потому не только не заинтересована, но и не в состоянии создавать что-то новое и продуктивное, являясь тупиковой ветвью экономического бытия. Тем более, что это осуществляется по внешним образцам и при активном, чуть ли не руководящем, внешнем участии.

Модернизировать здесь просто нечего, нет ни субъекта, ни объекта модернизации. То есть весь проект модернизации, как говорится, подвешен в воздухе, и никакими словами, никакими единичными акциями типа «иннограда» Сколково эту ситуацию не изменить. От пореформенной модели российского хозяйства нам нужно переходить к постреформенной. Модернизировать, «улучшать» пореформенную модель означает только еще дальше залезать в социально-экономический тупик. Сырьевая колония и свалка для отходов мирового производства — вот будущее России в рамках действующей модели хозяйства. Разумеется, можно жить и в колонии, можно жить и на свалке, но история и потенциал нашей страны таковы, что подобное будущее вряд ли кого-то способно устроить.

В результате Россия попала в особого рода кризисную ситуацию, ситуацию тревожной неопределенности, сравнимую с той, которая наблюдалась в Советском Союзе рубежа 1980—1990-х гг. Если обращаться к урокам истории, то самый вероятный выход из подобной си-

туации — это выход аварийный, через внутривластный кризис со сменой всей властной парадигмы. Признаки именно такого сценария реализуются сегодня с пугающей последовательностью.

«ЗАВТРА». Юрий Михайлович, а остается ли у нас надежда на альтернативный сценарий, в чем он заключается и насколько он реален?

Ю.О. Именно эти вопросы мы и обсуждали на нашей конференции. Сразу должен сказать, что научный прогноз в основном неблагоприятен. Сегодня у нас существует примерно один шанс из семи, что социально-экономической катастрофы удастся избежать. К сожалению, оценки научного сообщества власти предрекшие предпочитают не замечать, поскольку процесс присвоений и накоплений для доминирующей элиты гораздо увлекательней любого национального созидательного проекта, хотя и нетрудно заметить, что «пилится» тот самый сук, на котором вся эта элита сидит.

**Международная научная
междисциплинарная конференция
«Самоутверждение России: социум, экономика, политика»,
8 — 10 декабря 2010 г.
(обзор выступлений)***

А.И. Фурсов, к.и.н., профессор (Центр русских исследований, Московский гуманитарный университет). Есть ли субъект, который способен вытащить РФ из исторической ловушки, которая характеризуется криминализацией социальной жизни страны, социально-политической деградацией и сырьевой специализацией в мировой экономике? Такой субъект на данный момент не просматривается. Поэтому поставим вопрос иначе: какие задачи должен будет решать такой субъект, если возникнет? Он должен решить несколько стратегических задач, а потому я называю его субъектом стратегического действия (далее — ССД).

Прежде всего он должен будет достроить русскую нацию как державообразующий стержень. Ни в Российской империи, ни в СССР русские так и не оформились в нацию, застряв в промежуточной стадии между народом и нацией. Ясно, что 100 миллионов сразу невозможно превратить в нацию, но в принципе достаточно 7–10% («модальный тип личности»), которые подтянут за собой остальных.

---

* В сокращенном варианте см.: Блеф модернизации // Завтра. 2011. Янв. № 3.

В национализме есть свои плюсы и минусы. С одной стороны, это мощное психоисторическое оружие. С другой, завершённый национализм закупоривает развитие — достаточно посмотреть на французов, немцев, поляков. А вот у англичан национализм оказался иным, поскольку уравновешивался имперскостью. Поэтому ССД должен творить новую Россию как импероподобное образование с мощным национальным стержнем, где державообразующий народ получает достойное историческое вознаграждение, прежде всего — пропорциональное проценту в населении представительство во всех сферах общества.

Две эпохи русской истории — 1861—1917/29 и 1990—2010-е гг. — со всей очевидностью продемонстрировали: Россия и капитализм несовместимы, развитие последнего на русской почве есть тотальная катастрофа — нравственная, экономическая, социальная, геополитическая. ССД должен создать строй с приматом общественной собственности и жестким контролем над социально-экономической поляризацией (децильный коэффициент — не более 5:1). Этот же строй — гарантия уничтожения криминалитета, который в настоящий момент превращается в системообразующий элемент того, что формально считается «обществом».

На внешней арене ССД должен прежде всего решить проблему союзников — весьма болезненную для России в течение последних веков: мы постоянно пытались спасти тех, кто все время нас предавал, — славян, мы постоянно сотрудничали с нашим главным геоисторическим врагом — англосаксами, воюя на их стороне с теми, с кем должны были дружить, — с немцами и французами.

Но самое главное — ССД должен обладать мощным психоисторическим оружием — адекватным знанием о современном мире, его хозяевах, игроках и главных фигурах, а также о России как части этого мира. Это — необходимое условие того, что когда-то мы скажем: «Наше дело правое. Мы победили».

М.М. Гузев, д.э.н., профессор (Волжский гуманитарный институт (филиал) Волгоградского государственного университета). Глобальный экономический кризис 2008—2010 гг. показал полную несостоятельность утвердившейся в России социально-экономической модели. Он показал банкротство идеи неоллиберализма в его крайних формах.

Как отметил в своем последнем Послании Федеральному Собранию Президент страны, зашла в тупик и политическая система, основанная на искусственном монополизме одной партии и исповедующая то «историческое» положение, что «парламент — не место для дискуссий».

А ведь искомая модель России, ее экономики и социума, хорошо известна. Если отойти от частных, эффективная модель современного хозяйства — это модель социального рыночного хозяйства, в России — с особой ролью государства как доминанты единого евразийского пространства. В политике — это единый российский народ, заселяющий евразийское пространство, с выдающейся ролью русского народа, как государствообразующего, как носителя общегосударственного языка, как основного созидателя и носителя общероссийской национальной культуры. В социальной сфере — это соединение справедливости со свободой, с акцентом на справедливость, что присуще российской идейно-духовной традиции. В национальной сфере — мы все граждане России, с равными правами и равными обязанностями, с правом каждого народа на развитие своей культуры.

Слова же о модернизации страны без существенного изменения восторжествовавшей в стране социально-экономической модели, без мобилизации всех интеллектуальных, трудовых и сырьевых ресурсов, без преодоления деморализации и дебилизации населения, останутся только благими пожеланиями не слишком ответственных мечтателей.

В.А. Кутырев, д.ф.н., профессор (Нижегородский государственный университет). Модернизация России ныне предлагается на роль своего рода наконец-то найденной национальной идеи, цели развития. Фактически это означает, что мы хотим встроиться в ряды передового отряда цивилизации, «стать как Запад».

Однако Запад сам переживает кризис — кризис демографического выживания. Это очень острый кризис, прямо-таки мертвящий. «Клуб вымирающих наций» неуклонно пополняется. А остающиеся «передовые» люди «расчеловечиваются». И не из-за нехватки товаров и денег, которых в обществе безудержного потребления вполне достаточно, а из-за идейно-духовных ценностей, которые они сейчас исповедуют, и образа жизни, который они ведут. Еще навязывают их/его всему миру как идеал. Хотя это идеал, увы, смерти.

Очевидно, что надо искать пути развития, которые позволили бы нам выживать и идти в будущее. Хотим мы того или нет, но нужно обращаться к традиции, духовности и нравственности. На этих условиях и модернизироваться. Не модернизироваться же нам ради вымирания и расчеловечивания?! Зачем весь этот абсурд?

М.В. Леонтьев, публицист, автор и ведущий телепередачи «Однако» (1 канал). Модернизация всегда была способом для России, да и для других стран сохранить себя субъектом мирового порядка. Всегда это делалось одним и тем же способом — путем мобилизации ресурсов. Нужны ресурсы — чтобы закупать технологии, нужны ресурсы — чтобы закупать предприятия. Если базовых стартовых условий внутри страны нет, то ничего не остается, как идти на громадные мо-

дернизационные затраты. Иначе — отставание и потеря сколько-нибудь значимой субъектности. Выходит, что за модернизацию нужно очень захотеть заплатить. Кто, какие социальные слои, политические и иные силы пойдут на это в современной России? Это главный вопрос. Да и мало лишь захотеть платить, надо все-таки иметь, чем платить.

Социально-экономическая система у нас неэффективная, если принять во внимание масштабы страны, ее потребности и реальные доходы, которыми она располагает.

В начале нынешнего века в России произошло некоторое системное упорядочение, была восстановлена субъектность государства, появилась возможность, посылая вертикальные сигналы сверху, решать какие-то единичные задачи. Но системное упорядочение сопровождалось и упорядочением коррупции. Как ни противно это говорить, но все в стране решается сегодня не властью как таковой, т. е. государственной властью, а властью коррупционной, которая не только и не столько, быть может, создает сложившуюся систему, сколько ее поддерживает изнутри, и эта система весьма устойчива. Зато она чрезвычайно зависима от внешних перемен и интенций. В этом ее органическая слабость, провоцирующая согласие системы на модернизацию, способную снизить зависимость от более развитого и совершенного контекста, происходящих в нем перемен.

Отмечу один очень на сегодня интересный феномен — прекращение зависимости нашей экономической системы от государства из-за спекулятивных цен на нефтегазовые ресурсы. Но ситуация в мире на энерго-сырьевых рынках может резко измениться, когда умное человечество поймет, что углеводородные ресурсы не лимитированы и вполне доступны вследствие подключения к производству топлива из сланцевых запасов нефти, которых хватит надолго. А это приведет к прекращению подпитки перекошенной в сторону нефти и газа российской экономической системы.

На модернизацию системы необходимо порядка 1 трлн дол., эти деньги можно получить, продав все углеводородные активы государства, пока они еще чего-то стоят. Но при этом придется понять, что созданная в России модель капитализма порочна, она представляет собой относительно России и ее населения вредную антисистему. Хочется это кому-то, или нет, но придется пойти на возвращение в систему принципов социальной справедливости, не пренебрегая и опытом советского строя.

С.В. Перевезенцев, д.и.н., профессор (МГУ). Сегодня все уже понимают, что «абсолютно правильного», «единственно верного» знания истории не существует, а есть различные интерпретации истории, среди которых встречаются и такие, которые способны эффективно по-

служить укреплению и становлению народа, формированию его единого исторического сознания, выработке и утверждению идейных, духовных, социально-политических основ народного бытия. Такой была, к примеру, первая известная нам письменная интерпретация отечественной истории, выполненная в конце X — начале XII в. русскими книжниками-летописцами и русскими религиозными мыслителями. Тогда впервые были определены специфические черты Русской земли, а отечественная история была впервые «вписана» во всемирную, прежде всего, христианскую историю. Так родилось единое историческое сознание русского народа. Чуть позже эта интерпретация русской истории помогла нашим предкам выстоять в трагическую годину ордынского владычества.

Думается, что нынешнее поколение отечественных историков стоит перед необходимостью разработки и создания новой интерпретации русской истории, такой интерпретации, которая смогла бы стать идейной основой возрождения нашего народа, помогла бы нашему народу осознать свое место в новом мировом пространстве и вновь двинуться вперед.

Именно любовь к своей Родине во все времена оказывалась последним прибежищем в самые тяжкие годы нашей истории. Даже большевики, безмерно увлеченные идеей мировой революции и относящиеся к России, как всего лишь к плацдарму мирового коммунизма, были самой жизнью вынуждены это признать. В самые тяжелые осенние дни 1941 г., когда гитлеровцы рвались к Москве, И.В. Сталин в частном разговоре с координатором американской программы ленд-лиза У. Гарриманом сказал точные и мудрые слова: «Мы знаем, народ не хочет сражаться за мировую революцию; не будет он сражаться и за советскую власть... Может быть, будет сражаться за Россию». И народ сражался, и победил. За Россию!

В.И. Корняков, д.э.н., профессор (Ярославский государственный технический университет). Сегодня мы обнаруживаем тот удивительный факт, что экономический рост, которым может похвастаться наша экономика, примерно на девять десятых уничтожается ею же самой. Даже если происходит снижение издержек производства на первичных стадиях движения продуктов от смежника к смежнику, конечные предприниматели не только не снижают отпускных цен, а даже еще и завышают их — ради получения сверхприбыли (разности между снизившимися издержками и ценой). То есть они забирают в сверхприбыль всю первичную экономию, деформируя тем самым объективный глубинный процесс экономии общественного труда, уничтожая его. Пора уже обнажить этот немислимый грабеж и принять какие-то меры: объединить, к примеру, частные капиталы в общественный с выплатой процентного дохода собственникам доли в соответствии с

величинами «паев». Понятно, что в нынешних условиях это невозможно, но жизнь требует каких-то решений — и вряд ли тут можно обойтись без некоторых социализаций.

Д.А. Митяев, к.э.н., директор (Институт социально-экономического развития Центрального федерального округа). Поскольку в патовой ситуации, на мой взгляд, находится не только Россия, но и вся глобальная система, требуется понять, где и как наиболее продуктивно искать выход. Запад идет по пути *перезагрузки* своей системы — все прекрасные (маниловские) идеи о новой мировой финансовой архитектуре, необходимости отказа от сверхпотребления на Западе и сверхсбережения на Востоке отставлены в сторону. Открытым текстом говорится о необходимости закачки все новых и новых денег, чтобы увеличить стоимость активов (надуть очередные пузыри). По сути, это очередная попытка «отщипнуть» от будущего, дабы сохранить в неизменном виде «правила игры».

Одновременно происходит «похищение Европы»: долговой кризис охватывает все новые страны.

Основной надеждой перезагрузки системы остается Азия (в основном Китай и Индия), которые должны вытянуть мировой спрос и поддерживать все более высокие цены на активы (сырье, акции и др.).

Ситуация в Америке продолжает усложняться.

Из четырех несущих конструкций («атлантов») мировой хозяйственной системы — население, бизнес, банки и государство — две первые уже упали, и свод поддерживается двумя оставшимися. Как долго это может продолжаться? Доподлинно неизвестно, однако флажки вдоль траектории падения двух оставшихся несущихся конструкций уже расставлены.

С.Г. Ковалев, д.э.н., профессор (Санкт-Петербургский государственный университет экономики и финансов). Исторический опыт показывает, что можно выделить три типа развития: догоняющее, устойчивое, прорывно-инновационное. Было бы хорошо заняться третьим — прорывно-инновационным, но в настоящее время прямой переход к вышеназванному типу развития невозможен, в том числе и по причине отсутствия отечественного платежеспособного спроса и рынков сбыта высокотехнологической продукции. Более реален путь модернизации поначалу прежде всего добывающих и энергетических отраслей, но по всему производственному циклу: добыча сырья — переработка — транспортировка — экспорт готовых продуктов, что можно было бы сделать на основе собственного национального машиностроения. Это потребует развития ряда наукоемких и высокотехнологичных отраслей, наличия высококвалифицированных кадров, развития фундаментальных и прикладных исследований. Данный путь позволяет также сохранять и отечественную науку, обеспечивать спрос

на ее продукцию как за счет государственной поддержки фундаментальных исследований, так и за счет спроса на ее научную продукцию со стороны бизнеса.

В.А. Твердислов, д.ф.-м.н., профессор (МГУ). Нынешняя предельно наивная политика финансовой (будто бы рыночной) поддержки исключительно «инновационной» стадии прикладных научных достижений направлена на оперативное использование уже имеющихся технологических и конструкторских разработок. В редком случае — на достижения новых — рыночно затребованных — результатов. Чаще всего так называемые инновационные разработки отечественным рынком вовсе не востребованы (свежий пример — невостребованные нанотехнологические проекты).

Фундаментальная наука XX в. изучала более всего состав и строение живой и неживой материи на разных уровнях ее организации, во всех ее проявлениях. Отсюда и дивергенция наук. Теперь же самые разные «предметные» науки обнаружили удивительное сходство в закономерностях пространственно-временного развития абсолютно разных по физической природе систем — физических, химических, биологических, экологических, а теперь — и социально-экономических. В этом основа нарастающей конвергенции наук.

А раз конвергенция, то финансовая поддержка науки должна быть комплексной, а организация — вполне целостной. Наука сегодня — не отрасль, а сфера, это целый взаимосвязанный мир. А потому не может быть исключений — развивать надо все, и денег на это не жалеть. Развитие науки — овладение будущим! А уж о модернизации говорить не приходится — тут все ясно.

В.О. Бодров, д.э.н., профессор (Национальная академия государственного управления при Президенте Украины, г. Киев). Переход к стадии постиндустриального общества вовсе не означает упадок реального сектора экономики, прежде всего, промышленного производства. Наоборот, этот переход существенно изменяет структуру индустриальной системы в направлении обеспечения производства высококачественных услуг, ориентированных на удовлетворение всевозрастающих потребностей человека как духовного, так и материального порядка. Очевидно, что только успешно функционирующий реальный сектор экономики является основой гармонического перехода к постиндустриальной системе.

С отдалением кризиса во времени неизбежно и постепенно будет восстанавливаться вера в фундаментальность либеральных ценностей и стандартов. Само по себе государственное вмешательство в экономику не гарантирует полного преодоления кризиса, а чрезмерное государственное регулирование в принципе противоречит гибкому и динамичному характеру современных производительных сил, вызовам по-

стиндустриальной эпохи. Национальные системы регулирования экономики в условиях глобальных вызовов призваны скорее исполнять роль формирующей, креативной силы, направляющего вектора социально-экономических преобразований.

Л.А. Асланов, д.х.н., профессор (МГУ). Любая модернизация общества и экономики может быть эффективной только с опорой на традицию (принцип «инновации в рамках традиции»). Ментальной традицией русских людей веками был артельный труд. Артель не только организует производство работ. Нет более добросовестного контролера количества и качества работы, выполненной каждым членом бригады, чем артель. Артель — самый действенный воспитатель добросовестного отношения к труду. Артельная организация труда не нарушалась в советское время из-за приверженности советской власти к коллективистским методам организации труда, что было не столько идеологически, сколько ментально детерминировано. В период 1970—1985 гг. развернулось движение за внедрение во все сферы производства бригадного подряда, что было точной копией артельной организации труда. К 1985 г. 25% производственных коллективов использовали бригадный подряд, но они давали 40% продукции со знаком качества, издержки производства были более чем вдвое меньше, а зарплата почти вдвое выше.

В 1960-е гг. перед промышленными корпорациями Японии встала проблема улучшения качества продукции. Надо было найти способ наиболее эффективного воздействия на рабочего: были созданы бригады качества, фактически повторившие артельную организацию труда.

Впоследствии система распространилась в США по тем производствам, которые стояли на пороге краха. В начале 1990-х гг. русская артельная система организации производства получила там название *реинжиниринг*. В современной России реинжиниринг не внедряется. Еще не прошло увлечение теориями менеджмента, сложившимися в условиях североморской индивидуалистической культуры.

И.Р. Бугаян, д.э.н., профессор (Северокавказская академия государственной службы, г. Ростов-на-Дону). Модернизация, начатая Петром I и завершенная Екатериной II, была весьма успешной. В модернизационный процесс Россия вошла тогда как отсталая окраина Европы, а вышла уже как влиятельная империя.

В следующей же модернизации, уже на основе капитала, Россия, сталкиваясь с множеством общеизвестных затруднений, не смогла до конца реализовать поставленные цели, а НТР и гонка вооружений потребовали от СССР иного, инновационного, развития, которое не удалось «поймать».

НТР и НТП, отражающие взаимосвязанные прогрессивные изменения в науке — технике — производстве, могут успешно происходить

при условии постоянного поддержания цикла «исследование — производство», включающего три фазы движения: предпроизводство — производство — применение. Для предпроизводственной фазы характерны фундаментальные и прикладные исследования, опытно-конструкторские разработки. Их наличие — залог инновационного развития, отсутствие — уже только модернизационного. Элементы, годные для использования на первой фазе, в стране есть, что позволяет заняться через кооперацию с заграницей вспомогательной модернизацией и обеспечить в перспективе переход к полноценному инновационному развитию.

* * *

По просьбе руководства университета «Туран» (г. Астана, Казахстан) при данном университете в январе 2011 г. открыто Казахское представительство Центра общественных наук при МГУ (научный руководитель — д.э.н., проф. У.Ж. Алиев).

* * *

26—27 января 2011 г. в г. Сочи состоялась Международная научно-практическая конференция «Теория и практика модернизации в России», организованная экономическим факультетом Кубанского государственного университета (декан — д.э.н., проф. И.В. Шевченко) совместно с Краснодарским представительством Центра общественных наук (научн. руководитель — д.э.н., проф. Л.Н. Дробышевская). На пленарном заседании с докладом «Модернизация: что, как и зачем?» выступил директор ЦОН Ю.М. Осипов.

В рамках конференции под руководством Ю.М. Осипова прошло заседание круглого стола на тему: «Императивы российской мобилизации: интеллект, ресурсы, институты», в котором приняли участие доктор наук Л.Н. Андреева (Ростов н/Д), М.Л. Альпидовская, Т.С. Ледович (Ставрополь), Л.Н. Дробышевская (Краснодар), Л.Н. Карасева (Тверь), И.Ю. Свиридов (Ростов н/Д); кандидаты наук В.Н. Кашицын (Новороссийск), Е.Г. Пономаренко (Краснодар), М.Ю. Вахтина (Тольятти), Е.С. Зотова и др.

* * *

15 февраля 2011 г. состоялось очередное заседание теоретического семинара «Дискуссионные проблемы современной обществоведческой и экономической мысли» на тему: «Неолиберализм как императив текущего момента», на котором выступили доктор наук Ю.М. Осипов, У.Ж. Алиев (Астана, Казахстан), Л.И. Глухарев, С.П. Макаров, А.А. Олейников, Н.Б. Шулевский, Т.Н. Юдина, соискатель И.И. Рудяк.

2 марта 2011 г. состоялось внеочередное заседание теоретического семинара «Дискуссионные проблемы современной обществоведческой и экономической мысли» на тему: «Философия хозяйства — хозяйство философии», посвященное презентации книги «Кто сегодня делает философию в России» (составитель А.С. Нилюгов), в котором приняли участие доктор наук Ю.М. Осипов, Ф.И. Гиренок, Ю.И. Семенов, Л.А. Асланов, Н.Б. Шулевский, С.П. Макаров; кандидаты наук В.М. Кишинец, Д.Л. Родзинский; аспирант А.С. Нилюгов; публицист И.И. Джадан (г. Харьков, Украина).

* * *

Ломоносовские чтения — 2011

**ЧЕТВЕРТАЯ МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ
ЭКОНОМИЧЕСКОГО ФАКУЛЬТЕТА МГУ**

***Инновационное развитие экономики России:
институциональная среда***

20 — 22 апреля 2011 г.

Секция лаборатории философии хозяйства

«Модернизация как создание новой России»

Всеобъемлющий характер и центральное место модернизации. Движение к новой России. Социально-политическая реконструкция. Финансово-хозяйственные инновационные инициативы в современной России. Освоение новейшего технологического уклада. Развитие фундаментальной интеллектуальной сферы вкупе со сферами прикладных разработок и новых производств. Подъем и использование внутренних модернизационных резервов, их мобилизация. Созидательная роль национального (государственного) хозяйственного центра. Неодирижизм и модернизация. Привлечение зарубежных источников и сил. Перспективы и контуры новой России.

Подсекция 1. Модернизация — центральный феномен российской современности.

Подсекция 2. Финансово-хозяйственные инновационные инициативы в современной России.

21 апреля 2011 г.

МГУ, экономический факультет, 3 уч. корпус (пр. Вернадского)

МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ

***Философско-хозяйственное осмысление
современной и исторической
реальности,***

*посвященная 140-летию со дня рождения С.Н. Булгакова
(1871–1944)*

Философия хозяйства как развивающееся специфическое знание новейшего времени. Значение прорыва С.Н. Булгакова в сферу философии хозяйства, его личный вклад в философию хозяйства. Ренессанс философии хозяйства. Концептуальная и методологическая специфика философии хозяйства, ее принципиальная метафизичность. Современная школа философии хозяйства. Социо-хозяйственная реальность через призму философии хозяйства. Хозяйственная историософия: исторические эпохи, этапы, циклы. Хозяйственная телеология. Современность в философско-хозяйственной трактовке. Социум, экономика, политика, идеология. Проблема человека, сознания, ноосферы. Хозяйственные эсхатология. Хозяйственная футурология. Перспективы философии хозяйства в России и в мире.

Секция 1. Философия хозяйства как течение мысли. Вклад С.Н. Булгакова.

Секция 2. Философско-хозяйственная картина мира.

Секция 3. Хозяйственная (экономическая) практика в поле зрения философии хозяйства.

16—17 июня 2011 г.

МГУ, экономический факультет, 3 уч. корпус (пр. Вернадского)

НАУЧНЫЙ СИМПОЗИУМ

**Историческая поступь великоросса —
М.В. Ломоносов**

К 300-летию со дня рождения М.В. Ломоносова

Великий русский мыслитель: «вся Россия» и «весь в Россию». Ученый-энциклопедист. Целостность и органичность Универсальность. Философ, исследователь, просветитель, создатель. Естественник и гуманитарий. Физик, химик, географ. Теоретик и экспериментатор. Лингвист, историк, социолог, экономист, философ хозяйства. Проектант. Осмыслитель России и ее будущего. Модернизатор. Ломоносов и российская мысль, им вдохновленная (Карамзин, Пушкин, Л. Толстой, Федоров, Менделеев, С. Булгаков, Циолковский, Вернадский). Ломоносов сегодня и сегодня с Ломоносовым. Подвиг великоросса: память и слава!

15 ноября 2011 г.

МГУ, экономический факультет, 3 уч. корпус (пр. Вернадского)

* * *

МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ

**Интеллект-революция:
свершения и ожидания**

К 300-летию со дня рождения М.В. Ломоносова

Интеллект как хозяйственный и хозяйствующий фактор. Интеллект как производительная сила. Интеллектуальная сфера хозяйства. Общественный интеллект, его обустройство. Производительная сила интеллекта. Интеллект и техника, техника и интеллект. Интеллектуализированная техника и технизированный интеллект. Технобщество. Интеллект и этика, интеллект и свобода. Метафизика интеллекта. Современная интеллект-революция. Свершения и ожидания. Интеллект, сознание, человек. Современный интеллектуал. Интеллект, ноосфера, общество. Интеллектообщество. Контуры интеллект-будущего.

7 — 9 декабря 2011 г.

Наши авторы

ОСИПОВ ЮРИЙ МИХАЙЛОВИЧ,

президент Академии философии хозяйства (АФХ), вице-президент Академии гуманитарных наук (АГН), действительный член Российской академии естественных наук (РАЕН), д.э.н., профессор, заслуженный деятель науки РФ, директор Центра общественных наук при МГУ, заведующий лабораторией философии хозяйства экономического факультета МГУ, председатель Философско-экономического ученого собрания; член Союза писателей России (*osipov.msu@mail.ru*).

РЯЗАНОВ ВИКТОР ТИМОФЕЕВИЧ,

действительный член АФХ, АГН, д.э.н., профессор, заведующий кафедрой экономической теории СПбГУ (*v.rjanzanov@mail.ru*).

ГЛАЗЬЕВ СЕРГЕЙ ЮРЬЕВИЧ,

действительный член РАН, д.э.н., профессор, директор, Институт новой экономики Государственного университета управления; заместитель генерального директора ЕвроАзЭС (*glazyev@tsouz.ru*).

КАРА-МУРЗА СЕРГЕЙ ГЕОРГИЕВИЧ,

действительный член АФХ, АГН, д.х.н., профессор, главный научный сотрудник, Институт социально-политических исследований РАН (*skaramur@rambler.ru*).

СУБЕТТО АЛЕКСАНДР ИВАНОВИЧ,

действительный член АФХ, АГН, д.э.н., д.ф.н., к.т.н., профессор, заслуженный деятель науки РФ, проректор по внешним связям, Крестьянский государственный университет им. Кирилла и Мефодия (г. Санкт-Петербург) (*subal1937@yandex.ru*).

БИРЮКОВ СЕРГЕЙ ВЛАДИМИРОВИЧ,

действительный член АФХ, к.полит.н., доцент, кафедра политических наук, Кемеровский государственный университет (*birs.07@mail.ru*).

АРХИПОВ АЛЕКСЕЙ ЮРЬЕВИЧ,

вице-президент АФХ, д.э.н., профессор, проректор, Южный Федеральный университет (г. Ростов н/Д) (*arkhipov@sfnedu.ru*).

ГОРЮНОВ ИГОРЬ АЛЕКСАНДРОВИЧ,

преподаватель кафедры менеджмента и маркетинга, Московская финансово-юридическая академия (*lim05.59@mail.ru*).

ШАПИРО НАТАЛЬЯ АЛЕКСАНДРОВНА,

действительный член АФХ, д.э.н., профессор, заведующая кафедрой экономической теории и экономической политики, Санкт-Петербургский государственный университет низкотемпературных и пищевых технологий (*v-shapiro@mail.ru*).

ЛЕМЕЩЕНКО ПЕТР СЕРГЕЕВИЧ,

действительный член АФХ, д.э.н., профессор, заведующий кафедрой теоретической и институциональной экономики, Белорусский государственный университет (г. Минск) (*liamp@bsu.by; lemeshchenko@bcse.by; caftiec@bsu.by*).

ХАН СЕОНГ-ЧИН,

аспирант, экономический факультет МГУ (*sjhan96@gmail.com*).

ШУЛЕВСКИЙ НИКОЛАЙ БОРИСОВИЧ,

действительный член АФХ, д.ф.н., профессор, кафедра философии гуманитарных факультетов, философский факультет МГУ (*shylevsk@mail.ru*).

УШАНКОВ ВЯЧЕСЛАВ АНАТОЛЬЕВИЧ,

действительный член АФХ, к.э.н., доцент, экономический факультет, Санкт-Петербургский государственный университет (*slawuscha@rambler.ru*).

СТРОЕВ СЕРГЕЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ,

к.б.н., научный сотрудник, Институт физиологии им. И.П. Павлова РАН (г. Санкт-Петербург) (*s_stroev@hotmail.ru*).

КОРОЛЕВ ВЛАДИМИР КОНСТАНТИНОВИЧ,

действительный член АФХ, д.ф.н., профессор, кафедра теории культуры, этики и эстетики, факультет философии и культурологии, Южный федеральный университет (г. Ростов н/Д) (*vkorolev@sfedu.ru*).

СОКОЛОВ РОМАН ЕВГЕНЬЕВИЧ,

к.э.н., доцент, кафедра экономической теории, Московская финансово-промышленная академия (*orient-express@rambler.ru*).

БАТУКОВА ЛУИЗА РИХАРДОВНА,

к.э.н., доцент, кафедра международного бизнеса, Сибирский государственный аэрокосмический университет им. академика М.Ф. Решетнева (г. Красноярск) (*malilu@yandex.ru*).

ПОЛЕЖАЕВ ДМИТРИЙ ВЛАДИМИРОВИЧ,

член-корреспондент Международной академии наук педагогического образования, к.ф.н., доцент, заведующий кафедрой общественных наук, Волгоградская государственная академия повышения квалификации и переподготовки работников образования (*polezh@mail.ru*).

АНДРЕЕВ АНДРЕЙ ЛЕОНИДОВИЧ,

действительный член АФХ, Академии политических наук, д.ф.н., профессор, заведующий отделом, Институт комплексных социальных исследований РАН (*sympathy_06@mail.ru*).

ФОМИЧЕВ ИГОРЬ ЮРЬЕВИЧ,

действительный член АФХ, д.соц.н., профессор, Тюменский государственный нефтегазовый университет (*ifomi@mail.ru*).

ЛИТВАК НИКОЛАЙ ВИТАЛЬЕВИЧ,

соискатель степени к.ф.н., кафедра философии, Московский государственный институт международных отношений МИД России; заместитель генерального директора, ОАО «Издательство “Колос”» (*jourfr@mail.ru*).

СИЗОВ ВЛАДИМИР СЕРГЕЕВИЧ,

действительный член АФХ, д.э.н., профессор, ректор, Вятский социально-экономический институт (г. Киров) (*rektor@vsei.ru*).

РЕЗВАНОВ АЛЕКСАНДР АНАТОЛЬЕВИЧ,

д.соц.н., профессор, декан, факультет инновационного бизнеса и менеджмента; заведующий сектором туризма и сервиса, кафедра мировой экономики, Донской государственный технический университет (г. Ростов н/Д) (*nde527@yandex.ru*).

ВАХТИНА МАРГАРИТА АНАТОЛЬЕВНА,

к.э.н., доцент, проректор, Поволжский государственный университет сервиса (г. Тольятти) (*vahkina@tolgas.ru*).

ПАНЧЕНКО СЕРГЕЙ ВАСИЛЬЕВИЧ,

к.ф.н., доцент, начальник кафедры профессиональной педагогики, психологии и культурологи, Морская государственная академия им. адмирала Ф.Ф. Ушакова; депутат Городской Думы (г. Новороссийск) (*pan511@mail.ru*).

ЗАДОРЖНЫЙ ГРИГОРИЙ ВАСИЛЬЕВИЧ,

действительный член АФХ, Международной кадровой академии, д.э.н., профессор, главный редактор журнала «Социальная экономика», Харьковский национальный университет им. В.Н. Каразина (Украина) (*socialec@rambler.ru*).

ДЖАДАН ИГОРЬ ИВАНОВИЧ,

независимый политолог (г. Харьков, Украина) (*idzhadan@mail.ru*).

ШИПОВСКАЯ ЛЮДМИЛА ПАВЛОВНА,

д.ф.н., профессор, кафедра философии и культурологии, Российский государственный университет туризма и сервиса (*psb@posadsb.ru*).

КОВТУН ВЯЧЕСЛАВ АНАТОЛЬЕВИЧ,

преподаватель, кафедра философии, Сергиево-Посадский гуманитарный институт (*psb@posadsb.ru*).

КАЗАРИН ВЛАДИМИР ПАВЛОВИЧ,

д.филол.н., профессор, заведующий кафедрой русской и зарубежной литературы, Таврический национальный университет им. В.И. Вернадского (*alena16@sf.ukrtel.net*).

РУДЯК ИРИНА ИЗЯСЛАВОВНА,

действительный член АФХ, соискатель степени к.ф.н., кафедра эстетики, философский факультет МГУ (*panterafilm@mail.ru*).

Научно-образовательный журнал «Философия хозяйства»

Центр общественных наук при Московском государственном университете имени М.В. Ломоносова, экономический факультет МГУ продолжают в 2011 г. выпуск научно-образовательного журнала «Философия хозяйства», призванного отражать новейшие мировоззренческие и общетеоретические искания современной гуманитарной, экономической и философской, обществоведческой науки, нацеленные на комплексное и сущностное осмысление актуальных проблем, стоящих перед хозяйствующим человечеством, мировым экономическим и политическим сообществом, Россией. Философия хозяйства — особая сфера знания о человеке, его жизни и хозяйственной деятельности, для которой характерны проблемы и смыслы, сопряженные с феноменом человека вообще, началами и целями жизни, устремлениями человека хозяйствующего и творящего, историческими судьбами человека и мира.

Научное направление издания: исследования в области гуманитарных и общественных наук, развитие научного направления философии хозяйства и примыкающих к нему отраслей знаний, создание условий для свободного научного творчества, выражения различных мнений, дискуссий, способствующих развитию фундаментального и прикладного знания.

Редакция принимает к рассмотрению статьи объемом не более 12 страниц, т. е. не более 20 000 знаков (без пробелов).

К статье обязательно должны прилагаться: электронная версия (файл на дискете 3,5 или присланный по электронной почте на адрес: eszotova@mail.ru); сведения об авторах (имя и отчество полностью — без сокращений, научная степень, место работы, должность, контактный телефон, адрес, e-mail); аннотация и список ключевых слов (на русском и английском языках), а также название на английском языке. Прикрепленный файл — неархивированный. Формат doc.

Требования к электронной версии: текст статьи в формате Word for Windows шрифтом Times New Roman, размером 14 pt, через 1,5 интервала.

Список цитируемой литературы указывается в конце статьи. Источники представляются в порядке цитирования в тексте. Ссылки на литературу — внутритекстовые. В квадратных скобках после цитаты указываются номер источника в списке литературы и после запятой — номер страницы (например, [1, 3]).

Таблицы должны выполняться табличными ячейками Word. Математические символы и формулы должны быть набраны в редакторе формул, прилагаемом к MSWord. Графики должны быть построены с использованием Excel (файл обязательно должен содержать исходные численные данные). Рисунки и схемы, выполненные в Word, должны быть сгруппированы внутри единого объекта. Не используйте в статье сканированные, экспортированные или взятые из Интернета графические материалы и не вставляйте их в документы Word.

Редакция плату за публикацию не взимает, главное — качество материала и его соответствие профилю журнала. Подписка на журнал (6 номеров в год; один номер объемом 20 п. л.) осуществляется в редакции. Оформить подписку можно в отделениях связи, почтовый индекс в каталоге «Пресса России» — 83115. Библиотечный индекс — 741. Все вышедшие с 1999 г. номера журнала можно приобрести в розницу.

Наш адрес: 119991, Москва, Ленинские горы, МГУ, 3 учебный корпус, экономический факультет, к. 331. Контактный тел. (495)939-4183. По вопросам распространения журнала обращаться к Ирине Анатольевне Ольховой (пн., чт., 14.00—18.00).

ПОРЯДОК РЕЦЕНЗИРОВАНИЯ СТАТЕЙ, поступающих в журнал «Философия хозяйства»

1. Все рукописи, поступающие в журнал, направляются по профилю научного исследования на рецензию членам редакционно-издательского совета (РИСО).

2. Обязательному рецензированию подлежат тексты соискателей ученых степеней, а также присылаемые в редакцию статьи.

3. Не рецензируются по усмотрению редакции статьи:

- заказываемые приоритетным авторам редакцией журнала;
- подготовленные авторитетными в стране и за рубежом учеными и специалистами, а также высококвалифицированными авторами, регулярно публикующимися в журнале;
- авторами которых являются члены РИСО.

4. Рецензенты уведомляются о том, что присланные им рукописи являются частной собственностью авторов и относятся к сведениям, не подлежащим разглашению. Рецензентам не разрешается делать копии статей для своих нужд.

5. В отдельных случаях рецензирование проводится конфиденциально. Автору рецензируемой работы предоставляется возможность ознакомиться с текстом рецензии.

6. Если в рецензии на статью имеется указание на необходимость ее исправления, то она направляется автору на доработку.

7. Решение о целесообразности публикации после рецензирования принимается главным редактором.

8. Материалы, относящиеся к деятельности редакции и РИСО, сохраняются.